

Министерство образования и науки Российской Федерации
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Национальный исследовательский университет

**РУССКИЙ ЯЗЫК НАЧАЛА XXI века:
ЛЕКСИКА, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ,
ГРАММАТИКА, ТЕКСТ**

Коллективная монография

Нижний Новгород
Издательство Нижегородского госуниверситета
2014

УДК 811.161.1
ББК 81.2-Рус
Р-27

Рецензенты:

Е.М. Маркова – д.филол.н., профессор
Московского госуд. областного университета;

Е.Н. Лагузова – д.филол.н., доцент,
зав. кафедрой русского языка Ярославского госуд.
педагогического университета им. К.Д. Ушинского;

В.Г. Фатхутдинова – д.филол.н., доцент,
профессор кафедры русского языка и методики преподавания
Института филологии и межкультурной коммуникации Казанского
(Приволжского) федерального университета,
Московский педагогический госуниверситет

**Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А.,
Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н., Жданова Е.А.**
Р-27 **Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грам-
матика, текст:** Коллективная монография. – Нижний Новгород: Изд-во
ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2014. – 325 с.

ISBN 978-5-91326-277-6

В коллективной монографии, подготовленной сотрудниками кафедры современного русского языка и общего языкознания ННГУ, анализируются современное состояние русского языка последних лет и проблемы лексикографической фиксации новых слов через призму диалектики стабильности и изменчивости национальной языковой картины мира и ее отражения на разных уровнях системы языка (в лексике, словообразовании и грамматике) и в речевой практике современных носителей языка.

Для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей современного русского языка в высшей школе, учителей русского языка, работников культурно-просветительских организаций, журналистов, а также всех, кто интересуется проблемами функционирования и развития современного русского языка.

Печатается по решению Ученого совета ННГУ.

ISBN 978-5-91326-277-6

ББК 81.2-Рус

- © Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского, 2014
- © Радбиль Т.Б., Маринова Е.В., Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В., Щеникова Е.В., Виноградов С.Н., Жданова Е.А., 2014

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Радбиль Т.Б. Глава 1. Русский язык начала XXI века в свете проблемы языковой концептуализации мира	8
Маринова Е.В. Глава 2. Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI в.	65
Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Глава 3. Специфика современного медийного словотворче- ства.....	150
Щеникова Е.В. Глава 4. Вариантное использование количествен- ных и собирательных числительных: влияние семантическо- го фактора	230
Виноградов С.Н. Глава 5. Выражение смыслового содержания текста в его структуре.....	283
Жданова Е.А. Глава 6. Проблемы лексикографического описания новых слов.....	305
Заключение.....	319
Авторы	324

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русский язык начала XXI века существует в условиях новых коммуникативных потребностей и постоянно трансформирующейся социокультурной среды. Поэтому неудивительны количественные и качественные изменения, которые происходят в речевой практике современных носителей языка как на всех уровнях языковой системы, так и в плане ее речевой актуализации в дискурсах разного типа. Наш язык – это своего рода «лингвистический портрет» современного общества со всеми его плюсами и минусами, в нем отражена идеология, система ценностей и предпочтений современного человека, его общий уровень образованности и культуры. Вполне закономерно, что столь сложная и неоднозначная проблема описания и оценки тенденций развития современного русского языка представляется крайне **актуальной**: ведь понять то, что происходит сегодня в нашем языке и с нашим языком – означает во многом понять, что происходит с нами.

Язык как продукт постоянной коллективной интроспекции его носителей был, есть и будет наиболее надежным средством диагностики социальных, политических, культурных процессов, происходящих в современном российском обществе. Анализу современного состояния русского языка в начале III тысячелетия посвящена коллективная монография «Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст», подготовленная сотрудниками кафедры современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Как это явствует из заглавия темы, монография предлагает модель комплексного описания русского языка последних лет через призму диалектики стабильности и изменчивости языковой системы, речи, текста.

В первой главе коллективной монографии «**Русский язык начала XXI века в свете проблемы языковой концептуализации мира**» ее автор, **Т.Б. Радбиль**, задается вопросом, в какой мере происходящее сегодня с русским языком связано с изменениями закодированных в

языке исконно русских традиционных моделей языковой концептуализации мира? В этой главе новые явления в лексике, словообразовании, грамматике и прагматике русского языка последних лет осмысляются через призму изменений в русской языковой картине мира. Проанализированный материал демонстрирует, что, несмотря на обилие лексических заимствований и инфильтрацию в отечественную речемыслительную сферу инокультурных моделей речевого поведения, русский язык в целом сохраняет традиционные способы восприятия мира сквозь призму слова.

Во второй главе монографии **«Освоение новых заимствований и сопутствующие процессы в русском языке начала XXI в.»**, написанной **Е.В. Мариновой**, дается оценка сложному и противоречивому процессу освоения новых заимствований в лексике русского языка последних лет. Автор справедливо отмечает, что в целом для состояния русского языка начала XXI в. характерно продолжение «периода языковой нестабильности», связанного с активным внедрением в отечественные дискурсивные практики массива иноязычной лексики. Однако общее направление адаптационных процессов «чужих слов» в русском языке новейшего периода заключается в стремлении заимствованных лексических единиц органично влиться в систему заимствующего языка и стать «своими».

Исследование общих тенденций в функционировании современной русской языковой картины мира органично дополняется и развивается анализом репрезентативного словообразовательного материала, представленным в третьей главе **Л.В. Рацибурской, Н.А. Самыличевой и А.В. Шумиловой «Специфика современного медийного словотворчества»**. Отметим неслучайность выбора именно дискурса масс-медиа – этой своего рода «лаборатории» языковых изменений, выступающей в наши дни в качестве относительно автономной подсистемы общенационального языка. Именно эта сфера развивается сегодня особенно активно и динамично, демонстрируя наиболее характерные модели новообразований. На богатом и разнообразном языковом материале авторы рассматривают такие важные тенденции современного медийного словотворчества, как интернационализация и демократизация, также анализируется словообразовательная структура новообразований и ее нарушение как средство экспрессивизации текста, роль в этом процессе языковой игры и речевой агрессии и пр.

Без внимания не остались в данной коллективной монографии и важные вопросы, касающиеся тенденций языкового развития в области

грамматики. Вполне закономерно, что в четвертой главе монографии **«Вариантное использование количественных и собирательных числительных в современном русском языке: влияние семантического фактора»**, написанной **Е.В. Щениковой**, в центре исследовательского внимания семантические особенности варьирования значения и употребления некоторых форм «самой молодой части речи в русском языке» – имени числительного в новейший период развития русского языка. Автор приходит к важному выводу, что под влиянием семантических и прагматических факторов при выборе форм количественных числительных или форм собирательных числительных в современной русской речи регулярно происходят мотивированные отступления от общепринятых нормативных предписаний, что особенно ярко видно в произведениях современной художественной прозы.

Анализ состояния русского языка в начале XXI века в данной монографии вполне логично продолжает пятая глава **«Выражение смыслового содержания текста в его структуре»**, подготовленная **С.Н. Виноградовым**. В данной главе на примере современных научно-технических текстов рассматриваются динамические модели текстообразования и роль текстовых выборов повторяющихся лексических единиц в создании когнитивной структуры современного текста. Результаты анализа подтверждают тезис Ю.М. Лотмана о том, что текст обнаруживает черты интеллектуального устройства, что особенно ярко обнаруживается в современных моделях интертекстуальной и гипертекстуальной организации текстов – в системе гипертекстовых ссылок, в построении современной интернет-страницы и пр.

Известно, что неотъемлемой частью языковой картины мира является так называемый метаязыковой компонент, в котором содержится совокупность представлений носителей языка о нем самом. Социально востребованная кодификация таковых представлений находит свое выражение в лексикографической практике общества на определенном этапе языкового развития. В этой связи представляется оправданным включение в коллективную монографию в качестве ее завершающей, шестой главы материала **Е.А. Ждановой** под характерным названием **«Проблемы лексикографического описания новых слов»**. Справедливо отмечается, что любой словарь национального языка – это своеобразный путеводитель, в котором, как в зеркале, отражается материальная и духовная культура народа. В первую очередь это касается словарей новой лексики, потому что описание в подобных словарях десятков

тысяч неологизмов позволяет выделить главные тенденции в развитии языка того или иного периода.

В целом исследование разнообразного и разноуровневого языкового и текстового материала, осуществленное в данной коллективной монографии, во многом опровергает одну из расхожих точек зрения на изменения в русском языке последних лет, согласно которой русский язык окончательно подпал под влияние «западных образцов», «погребен» под массивом многочисленных неоправданных заимствований и чуждых нам инокультурных норм речевого и невербального поведения. Напротив, мы получили еще одно доказательство того, что любой развитый литературный язык с богатыми культурными традициями (к каковому, безусловно, следует отнести и русский язык) располагает значительным потенциалом аккумуляции «своего» и апроприации «чужого» – в сущности, все это только способствует процессам его дальнейшего обогащения и развития.

Коллективная монография **«Русский язык начала XXI века: лексика, словообразование, грамматика, текст»**, предназначенная прежде всего для студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей современного русского языка в высшей школе, будет востребована филологическим научным сообществом, преподавателями других гуманитарных вузов различного профиля, учителями средней школы и работниками культурно-просветительских организаций, историками, культурологами, философами, журналистами, а также всеми, кто интересуется проблемами функционирования и развития современного русского языка.

ГЛАВА 1

РУССКИЙ ЯЗЫК НАЧАЛА XXI ВЕКА В СВЕТЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОВОЙ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ МИРА

Т.Б. Радбиль

Чтобы объективно оценить состояние русского языка в переживаемый нами период времени, необходимо выйти за пределы одной лишь фиксации лежащих на поверхности языковых изменений, которые в общем справедливо связываются с массивом лексических заимствований и словообразовательных инноваций, с определенной перестройкой стилистической системы и пр. В этой связи А.Д. Шмелев пронизательно замечает, что «самые важные изменения в современной русской речи связаны с изменениями закодированной в языке концептуализации мира» [28, с. 93]. Таким образом, нам прежде всего необходимо выяснить, в какой мере сегодня меняются национально-специфичные, традиционно русские способы языкового освоения действительности, насколько серьезны изменения в той концептуальной области, которую принято именовать «русская языковая картина мира»?

Совершенно очевидно, что за последние годы под влиянием резко меняющейся социокультурной среды и в условиях постоянно возникающих новых коммуникативных потребностей русский язык претерпел и продолжает претерпевать серьезные изменения на всех уровнях языковой системы и ее речевой реализации в разных типах дискурса. Насколько серьезны эти изменения и в какой мере они могут повлиять на судьбу нашего языка? Во зло они или во благо? Эту проблему еще в 1993 г. очертил В.В. Колесов: «К сожалению, сегодня во многом наше мыслительное пространство искривлено неорганическим вторжением чужеродных ментальных категорий. Возможно, в будущем и они войдут

в общую систему наших понятий, пополняя и развивая менталитет и язык. Однако рачительное и критическое отношение к этому процессу требует компетентности и осторожности» [14, с. 124].

Одна из расхожих точек зрения на состояние русского языка последних лет состоит в том, что русский язык окончательно подпал под влияние «западных образцов», «погребен» под массивом многочисленных неоправданных заимствований и чуждых нам инокультурных норм речевого и невербального поведения. Однако подобная точка зрения не учитывает, что любой развитый литературный язык с богатыми культурными традициями (к каковым, безусловно, следует отнести и русский язык) располагает значительным потенциалом аккумуляции «своего» и апроприации «чужого», что в целом является залогом его дальнейшего обогащения и развития.

Указанные соображения как раз и приводят нас к попытке оценить, в какой мере новые явления в современной речевой практике носителей русского языка соответствуют национально-обусловленным способам языковой концептуализации мира, закрепленным в «опыте тысячелетий психологической и культурной интроспекции носителей языка» [3, с. 27], а в какой мере указанные процессы можно действительно трактовать как рефлекс «чужеродных» инокультурных влияний.

Теоретической базой предлагаемого подхода является развиваемая в лингвистике конца XX – начала XXI в. в рамках антропоцентрической парадигмы гуманитарного знания теория языковой концептуализации мира: «... в каждом естественном языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить мир воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка» [4, с. 5].

На этом фоне складывается научный концепт «языковая картина мира», под которой принято понимать «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных единиц данного языка (полнозначных лексических единиц, «дискурсивных» слов, устойчивых сочетаний, синтаксических конструкций и др.), которые складываются в некую единую систему взглядов, или предписаний...» [12, с. 206–207].

Многие исследователи писали о значимых для русского человека культурных смыслах, отраженных в семантике слов и выражений, грамматических категориях и синтаксических конструкциях обывденного языка [8; 13 и др.]. Это и идея непредсказуемости мира, и идея неконтролируемости или ослабленности субъектного контроля за событием, это и своеобразие ценностной ориентации, при которой такие оче-

видно «общественно полезные» вещи, как, например, рациональность, амбициозность, «закрытость» внутреннего пространства от других (англ. *privacy*), деловитость и практичность, могут оцениваться отрицательно, поскольку они иррелевантны по отношению к нравственной составляющей указанных свойств, etc. Представляется, что вполне допустимо поставить вопрос, насколько релевантны эти и многие другие черты русского «взгляда на мир», отраженного в языке, по отношению к современной языковой ситуации.

Мы будем исходить из точки зрения, согласно которой в русской языковой картине мира в последние годы наблюдается противостояние двух диалектически противоречивых тенденций. С одной стороны, для многих явлений в лексике, словообразовании, грамматике и прагматике нашего языка характерно отражение именно русских принципов концептуализировать мир в языке. С другой стороны, наблюдаются и прямо противоположные тенденции, когда, то ли под влиянием изменившихся социокультурных и коммуникативных условий, то ли под влиянием инокультурных и «иноментальных» жизненных установок, активно проникающих в современное русское концептуальное пространство, многие новые явления начинают отражать и несвойственные русскому «взгляду на мир» когнитивные, ценностные и мотивационно-прагматические ориентиры.

Наши наблюдения опираются прежде всего на языковые материалы Рунета (прежде всего в их, так сказать, «неформальной части») чатов, блогов, форумов и пр.), языковые данные из Национального корпуса русского языка, а также на собственные наблюдения автора за живой русской речью последних лет.

Лексика и словообразование. Очень характерно именно для русского типа языковой концептуализации действительности использование отглагольной лексемы, которая как бы охватывает всю ситуацию в целом или весь комплекс психических состояний лица, что отражает отмеченную во многих источниках ориентацию русской языковой картины мира на динамическое осмысление мира, на «повышенную глагольность». Так, окказионализм *догонялово* экспрессивно маркирует целый фрейм ‘аварийное столкновение двух машин на дороге, следовавших одна за другой’: *Видел сёня догонялово серебристого седана В3 в камаз (миксер) номер 215 (буквы не помню) на 3-ем транспортном кольце в районе Студенческого моста.*

Употребимость этого слова подтверждается его активным использованием для «схватывания» и других ситуаций. Оно, например, используется в значении ‘поездка на разных транспортных средствах с целью

догнать поезд, от которого отстал (на который не попал) говорящий’: *Ведь кто то мог пробить ж.д и ответить мне, и не было бы никакой поездки, никакого догонялова, никакого напряга людей в других городах...* Отметим, что иным способом говорящий не смог бы выразить этот блок смыслов с такой емкостью и экспрессией.

Активность в языке «неформального сетевого общения» лексем типа *догонялово* подтверждается и контекстной омонимией, возникающей при употреблении этого же слова в других ситуациях и в других коммуникативных условиях: так, на форуме «Какое пиво вы потребляете?» встречаем актуализацию в этом словоупотреблении другой исходной семантики – просторечного значения *догоняться* ‘употреблять добавочные дозы спиртных напитков для достижения нужного говорящему состояния’: *Народное догонялово.*

О том, что можно говорить именно о новой тенденции, свидетельствует наличие в узусе модели образования подобных слов и от других глагольных основ: ... *брали завтрак, без него не бронируют, но из еды было лишь поилово типа кофе из машины...* Причем и эти лексеммы ведут себя подобно слову *догонялово*, т. е. обладают способностью маркировать разные ситуации и обозначать разный набор смыслов. Если в вышеприведенном примере перед нами значение ‘питье’, то в следующем – уже обозначен целый фрейм ‘празднование, сопровождающееся (обычно) обильной выпивкой’: *Завтра супер-поилово – 50 лет нашей конторе.*

Активность модели доказывают также аналогические образования типа: *Дождись, завтра будет тебе и нажиралово!!!! И поилово!!!* Нетрудно заметить, что в первой лексеме контаминируются два смысловых ряда: первый – связан с прямым значением разговорного слова *нажираться* ‘обильно есть’, а второй – с просторечным переносным значением ‘обильно выпивать спиртное’, что усиливает смысловую емкость подобных словоупотреблений.

В этом плане также примечательно и широкое распространение в самых различных контекстах просторечной лексемы *напряг*, которая также с высокой степенью семантической емкости и экспрессии охватывает целый нерасчлененный комплекс психических состояний лица с доминирующей идеей ‘внутреннего собирания для совершения к.-л. действия’, специфичной для русской языковой картины мира (ср. рассуждения о глаголе *собираться* в [27, с. 45–47]).

При отражении русских моделей языковой концептуализации мира в глагольной сфере отметим следующее: для русского способа языковой концептуализации мира характерно избыточное представление в гла-

гольной лексеме либо **образа предмета действия**, либо **отношения говорящего к собственному действию**. Это создает особую смысловую емкость и образность в концептуализации ситуации русскими глагольными конструкциями.

Избыточное представление в глагольной лексеме **образа предмета действия** выражается в отмеченной еще В.Г. Гаком тенденции к «семантическому согласованию глагола с субъектом или объектом», когда русский язык различает, например, такие случаи: *Книга на столе лежит*, *Стакан на столе стоит*, а *Картина на стене висит* – при том, что французский язык использует для этого одно слово *mettre* с обобщенной семантикой ‘находится, помещается’ [11, с. 81 и далее].

Как мы показали в работе [25], одни и те же предметы, признаки, процессы в разных языках могут концептуализироваться с разной степенью конкретности. Так, например, в русском языке есть тенденция в одном и том же слове – глаголе передавать не только общую идею движения, но и способ ее осуществления. Скажем, идея ‘двигаться’ передается разными словами в зависимости от способа движения: *идти*, *ехать*, *лететь* (самолетом), тогда как во французском языке важна общая отвлеченная идея движения: *aller* (кстати, как и в английском – *go*).

Аналогичным образом в русском языке тщательно различаются разные оттенки действия ‘помещать что-л.’, избыточно передавая при этом семантический компонент, связанный с местом помещения или с формой помещаемого предмета: *класть*, *ставить*, *сажать*, *вешать*, тогда как во французском используется один глагол, выражающий абстрактную идею помещения – *mettre* (в итальянском тоже – только *mettere* ‘ставить, помещать’, в английском – *put* с тем же значением). Немецкий же язык в этом плане ближе к русскому – *legen* ‘класть’, *stellen* ‘ставить’, *setzen* ‘сажать’, *hängen* ‘вешать’. Одно и то же французское слово *partir* по-русски соответствует таким глаголам, как *ехать*, *скакать* и даже *ползти*.

Представляется, что данную национально-специфичную тенденцию можно трактовать в рамках современных когнитивно-ориентированных семантических исследований, когда значение слова или выражения рассматривается как определенная концептуальная схема, являющаяся ментальным отражением опыта восприятия человеком предметов, явлений, состояний, событий окружающего мира. В этом смысле любое значение есть интерпретация некоего внеязыкового содержания, которая задает определенный способ концептуализации, осмысления типовой ситуации, связанной с нашими действиями в реальном мире, т. е. осу-

шестьляет моделирование определенного фрагмента реальности в семантической структуре языкового знака.

В концепции Г.И. Кустовой эту более содержательную семантическую структуру следует называть **когнитивная модель ситуации**: 1) когнитивная потому, что это то, что человек знает о данной ситуации и может использовать в других значениях слова, и потому, что эта информация является результатом познания внешнего мира, элементом опыта; 2) модель потому, что это все-таки не сама ситуация, а ее образ, смысловой коррелят (причем такие образы, по-видимому, будут разными для разных языков) [16, с. 38].

Однако одна и та же внеязыковая реальность может быть интерпретирована по-разному. Ср., например: (1) *Мальчик несет портфель* (задано минимально обусловленное, «прототипическое», исходное представление о способе данного действия); (2) *Мальчик тащит портфель* (в зоне субъекта имплицировано представление о трудности данного действия); (3) *Мальчик волóчит портфель* (в зоне объекта имплицировано представление о его контакте с поверхностью). Примеры (2) и (3) иллюстрируют важную мысль Г.И. Кустовой о том, что при концептуализации ситуации возможны два типа импликаций – связанных с позицией субъекта (его ощущениями, желаниями, особенностями восприятия) и связанных с наблюдением того, что происходит в объективном мире, с его объектами и субстанциями [16]. Как видим, одной и той же ситуации могут быть приписаны разные модели концептуального представления, что является когнитивной основой языковой синонимии.

С другой стороны, в разных ситуациях язык может увидеть нечто общее и «подогнать» их под единое языковое обозначение. Ср., например: (1) *Мальчик лежит на земле* (активный субъект занимает горизонтальное положение на поверхности); (2) *Снег лежит на земле* (вещество занимает к.-л. пространство на поверхности). Иными словами, во втором случае снег просто находится, существует на данной поверхности, и глагол *лежать* здесь – не глагол положения в пространстве, а глагол существования. Одним и тем же словом обозначены две совершенно разные ситуации, что является когнитивной основой языковой полисемии.

Согласно концепции Е.В. Падучевой, здесь мы имеем дело с механизмом семантической деривации [21], основанным на мене двух параметров: мена тематического класса глагола – глагол физического состояния становится глаголом существования и мена таксономического

класса участника события – вместо активного субъекта-агенса появляется инактивная субстанция – вещество.

Дело в том, что смысловая общность в данных моделях концептуализации ситуации ('занимать к.-л. пространство на поверхности ч.-л.') все же позволила осуществить этот перенос без ущерба для адекватного понимания, при этом первую ситуацию следует признать исходной («прототипической») по отношению ко второй. «**Прототипической ситуацией** можно назвать наиболее типичный для данного этноса способ представления той или иной ситуации в его языковой картине мира. Это такая модель ситуации, которая распознается как эталонная и служит тем самым основой для сравнения, сопоставления с ней других ситуаций, возникающих в опыте. Именно прототипическая ситуация лежит в основе возможности переноса наименования с одной сферы опыта на другую: *писать* → *писать письмо* → *писать стихи* → *писать картину* → *писать музыку* [25, с. 213].

Суть дела в том, что прототипические ситуации как определенного рода когнитивные модели представления ситуации существенно различаются в разных языках именно способом представления одной и той же «объективной», реальной ситуации. Тем более различаются и их семантические дериваты, т. е. вторичные модели представления ситуации на базе прототипических. Отсюда вытекает национальная и культурная обусловленность наших концептуальных систем.

Это и есть отправная точка рассуждений, предлагаемых в этой статье. В данной работе нас интересует национальная специфика когнитивных моделей концептуализации ситуации, связанная с русскими глаголами физического состояния (*лежать, сидеть, стоять* и их видовыми коррелятами)

Например, глагол *сидеть* в финальном фрагменте «Пиковой дамы» А.С. Пушкина: *Германн сошел с ума. Он сидит в Обуховской больнице в 17 номере...* – вполне ожидаемо передается в английском переводе этого произведения глаголом *to be*: *Hermann has gone mad. He is in ward #17 of the Obukhov Hospital...*

Дело в том, что в русских когнитивных моделях концептуализации ситуации нахождения субъекта в каком-л. вместилище вообще обычно («прототипически») имплицитруется способ основного действия после проникновения: ср. *сидеть в тюрьме*. В английском в этой позиции идиоматично избирается глагол *to be*, содержащий общую идею нахождения где-л. – *to be in prison*.

Однако возникает вопрос, почему же Германн все-таки **сидит** в больнице, тогда как идиоматично эта когнитивная модель передается глаголом **лежатъ** (в больнице)? Дело в том, что эта больница – психиатрическая, куда попадают не по своей воле, как в тюрьму, и язык тонко реагирует на эти различия. Ср. современную модель – *Он сидит в сумасшедшем доме*. С этим, кстати, связана и возможность двоякой концептуализации ситуации с психиатрической больницей, для которой имеются две разные модели. Так, можно сказать **сидит** в психушке, если подчеркивается принудительный характер местонахождения, но можно сказать и **лежит** в психиатрической больнице, если акцентируется связь с обычной больницей, с идеей лечения.

Любопытно, что и в случае с больницей так же, как и с тюрьмой, английский язык избирает тот же практически десемантизованный глагол *to be*, выражающий обобщенную идею нахождения где-либо: **лежатъ** в больнице – **to be in hospital**.

Данные параллели прослеживаются и в других моделях концептуализации ситуаций. Например, по-русски **сидеть** на диете, а по-английски снова – **to be on a diet**. В данном примере, видимо, с помощью выбора данной лексемы в русском языке вводится идея дискомфорта ощущения субъекта от длительного нахождения в этом состоянии (по аналогии с **сидеть** в тюрьме). Кстати, и русский видовой коррелят **сестъ** на диету – по-английски снова передается глаголом с обобщенной семантикой движения, т. е. активного действия субъекта – **to go**: **to go on a diet**.

Можно предположить, что во всех рассмотренных случаях в русском языке при концептуализации ситуации выбирается представление о наиболее вероятном способе действия / состоянии субъекта после помещения в данное местоположение, наиболее характерном, повторяющемся для него. Кроме того, в идее сидения есть, по-видимому, также импликация несвободы и некоторого связанного с этим дискомфорта, если данное состояние длится неопределенно долгое время – ср., например: *Мальчик весь день сидит дома; Зверь сидит в клетке*. В лежании же в течение длительного времени, напротив, просматривается представление о более удобном и естественном положении тела, чем в стоянии или сидении. В свою очередь, наличие потенциально негативных импликаций для ситуации **сидеть** порождает в зоне субъекта такие концептуализации, как *Он сидит на пособии / стипендии*, когда в модели концептуализации ситуации акцентируется идея переживания субъектом нехватки, недостаточности чего-л., т. е. опять же некоторого дискомфорта.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем с когнитивными моделями ситуации поездки на транспортном средстве, точнее, посадки на какое-л. средство передвижения, которые в русском языке используют глаголы *сесть/садиться*: **сесть** *в/на метро, трамвай, автобус* и т. д. Здесь избыточно имплицитруется наиболее предпочитаемый, прототипический способ действия уже после проникновения в транспортное средство, тогда как в английском языке эта же ситуация концептуализируется иначе, через активность действия в зоне каузатора, с помощью глагола *to take* ‘взять’ – **to take a bus**.

Кстати, в русском языке также возможна модель концептуализации данной ситуации посредством выбора слова *взять*, но только для такси (**взять такси**). Возможно, в диахроническом плане это следует рассматривать как фразеологическую кальку с западных языков. Важно, что в русском языке использование глагола, предполагающего активное действие каузатора, возможно лишь для транспорта, который субъект занимает лично, в отличие от общественного транспорта. Здесь в большей степени имплицитирована свобода выбора субъекта в его действиях по посадке на транспортное средство. В английском же языке субъект ощущает себя активным деятелем, агенсом, во всех случаях, и потому он распространяет номинацию с семантикой ‘взять’ на все аналогичные ситуации – **to take a bus** и т. д. Русский же язык данные ситуации четко дифференцирует.

Также любопытно, какие тонкие различия между разными моделями концептуализации русский язык проводит с помощью использования предлогов НА и В. *Сесть на автобус / на поезд*, в отличие от *сесть в автобус / в поезд*, означает наиболее общий способ представления средства передвижения, тогда как у *сесть в автобус / поезд* есть добавочная импликация – идея погружения внутрь. Интересно, что в русском языке наиболее общий и идиоматичный способ концептуализации посадки на транспортное средство использует предлог НА, в норме предполагающий идею помещения на плоскость, т. е. на двумерную поверхность, в отличие от В, концептуализирующего идею погружения в трехмерную среду или вместилище. Нет ли возможности говорить в этом случае об отражении в национально-специфичной модели концептуализации данной ситуации рефлекса древнего представления о прототипическом средстве передвижения, которое имеет открытую поверхность – ср. *сесть на телегу*, нельзя **в телегу*?

Нетрудно видеть, что в русских вариантах имеется уже упомянутый ранее механизм семантической деривации за счет мены тематического

класса глагола – глаголы физического состояния переходят в глаголы существования. Действительно, и в тюрьме, и в больнице, и в очереди все мы находимся, существуем, и только иногда – сидим, лежим, стоим. Также и в автобусе мы, в терминах Московской семантической школы, ‘каузируем находиться’, а уже потом, проникнув внутрь, сидим или стоим, смотря по обстоятельствам.

В целом можно утверждать, что для русского языка, по нашим наблюдениям, вообще довольно распространенным и вполне идиоматичным и нейтральным способом представления идеи **существования** или **нахождения где-либо** является ее представление через модель концептуализации самого элементарного физического состояния человека – *лежать, сидеть, стоять* и пр. То же, по-видимому, справедливо и для неодушевленных объектов / субстанций (вещств). Так, в одной из наших предыдущих работ указывается на то, как по-разному в русском языке и западных языках передается идея нахождения на поверхности. В русском языке в семантику глагола включается указание на форму объекта: *стакан на столе – **стоит***, а *книга на столе – **лежит***. В английском языке в этих случаях снова будет выбрана обобщенная бытийная конструкция *there is* – ‘есть, имеется, находится’ [25, с. 124].

Таким образом, распространенность данной национально-специфичной модели концептуализации ситуации в русском языке доказывается наличием целого класса семантических дериватов на базе мены таксономического класса участника события – одушевленный субъект меняется на неодушевленный объект или субстанцию (вещество), в результате чего меняется и тематический класс глаголов *лежать, сидеть, стоять*: глагол физического состояния переосмыслиется в качестве глагола существования или нахождения где-либо.

Так, для глагола *сидеть* семантические дериваты со значением ‘быть’ или ‘находиться где-л.’ для неодушевленных актантов порождаются в таких моделях концептуализации:

(1) ‘быть, находиться в к.-н. месте, внутри чего-н.; быть помещенным куда-н.’: *Гвоздь **сидит** в стене*;

(2) ‘быть, находиться в к.-н. месте’ + добавочная импликация ‘производить определенное впечатление’ (здесь имеется включенная в концептуализацию ситуации позиция внешнего наблюдателя): *Костюм (хорошо / плохо) **сидит***;

(3) ‘быть помещенным, погруженным куда-н.’ (с добавочным компонентом помещения **внутри**) + та же добавочная импликация ‘производить определенное впечатление’: *Корабль глубоко **сидит***.

Для глагола *лежать* тоже характерны аналогичные модели концептуализации:

(1) для конкретного объекта, вещи – ‘быть, находиться’ (в отличие от *сидеть* – без обязательной валентности на помещение внутрь чего-н.): *Книга **лежит** на полке; Вещь **лежит** без употребления;*

(2) для субстанции, вещества – ‘находиться на поверхности ч.-н., занимать собой пространство на поверхности ч.-н.’: *Снег **лежит** на земле;*

(3) для пространственного, географического или природного объекта – ‘быть расположенным где-н.’: *Город **лежит** в долине; Озеро **лежит** в степи;*

(4) для векторного объекта – ‘иметь направление куда-л.’: *Дорога **лежит** через лес; Путь **лежит** на юг;*

(5) для абстрактного объекта, явления, состояния – ‘находиться в концептуальной сфере в качестве психического, эмоционального, оценочного, модального и пр. атрибута к.-л. / ч.-л.’: *На тебе **лежит** вся ответственность; На родителях **лежат** все заботы о детях; На нас **лежит** долг гражданина.*

Сходные модели концептуализации ситуации присущи и семантическим дериватам глагола *стоять*:

(1) для объектов – ‘быть, находиться, иметь место где-н.’: *Дом **стоит** у реки;*

(2) для субстанций, веществ или состояний – ‘быть, находиться, иметь место **какое-н. время**’: *В комнате **стоит** табачный дым; В доме **стоит** шум;*

(3) для объектов, имеющих локативную характеристику – ‘быть расположенным где-н.’: *Полк **стоит** за рекой; За деревней **стоит** лес;*

(4) для абстрактного объекта, явления, состояния – ‘находиться в концептуальной сфере в качестве модального атрибута к.-л. / ч.-л.’: *Перед нами **стоят** важные задачи; **Стоит** вопрос о дисциплине.*

Отметим, что здесь приведены далеко не все возможные модели концептуализации ситуации посредством семантической деривации глаголов *сидеть*, *лежать*, *стоять*, а только наиболее, на наш взгляд, показательные.

Итак, проведенное исследование позволило выявить национальную специфичность некоторых русских моделей концептуализации ситуации существования, которая заключается в том, что абстрактная идея ‘быть’ интерпретируется посредством конкретных прототипических физических состояний человека ‘сидеть, лежать, стоять’, чувственно

воспринимаемых и наблюдаемых,. Этот образный, в чем-то избыточный с точки зрения строго логической схемы данной ситуации и явно мифологизированный способ представления ситуации **существования** или **пробытия где-либо** во многом противопоставлен рациональному способу представления данной ситуации через обобщенную и десемантизованную идею бытия, реализованную в современных западных языках.

Русские естественноречевые модели представления указанных ситуаций вполне коррелируют с описанными в работах Дж. Лакоффа и других когнитивистов эффектами **концептуальной метафоризации** ориентационного типа, которая имеет своим источником особенности устройства и функционирования человеческого тела, особенности человеческого опыта взаимодействия с миром. Базовые концептуальные представления о теле формируют систему отвлеченных понятий нашего внутреннего мира, они в конечном счете структурируют наше обычное мышление, отношение к миру и поведение, откладываясь в выражениях нашего языка [17].

В когнитивистике указанную «телесность» моделей языковой концептуализации мира иногда называют **conceptual embodiment** (концептуальная «воплощенность» в этимологическом смысле слова – от «плоть / тело»). Видимо, диахронически она была естественным образом присуща всем без исключения языковым сообществам на ранних этапах их развития. И только в процессе развития цивилизации и культуры семантические сферы многих языков эволюционировали и далеко прошли по пути схематизации и рационализации моделей языкового освоения мира (в частности, современные западные языки). Русский же язык во многом сохраняет именно архаичные, телесно-чувственные способы языковой концептуализации действительности по образу и подобию человека.

В современной русской речи нами отмечены многие явления, развивающие указанные тенденции «телесной метафоризации» в употреблении конструкций с этими и другими глаголами применительно, так сказать, к новым реалиям.

Для глагола *висеть* – это идея некоей незапланированной и, следовательно, нежелательной для говорящего приостановки деятельности какой-либо системы: *Компьютер висит*. Также активно эксплуатируется в современной русской речи идея не доведения до конца какого-либо действия или «застывания» какого-либо, возможно, даже абстрактного объекта на пути продвижения к цели: *Денежный перевод пришёл, сколько времени он может висеть до момента выдачи клиенту?*

Для глагола *лежать*, например, это выражение идеи неподвижности в течение некоторого времени, часто связанной с занятием определенной поверхности, ср., например, традиционное: *Кошелек **лежит** в кармане*. На базе подобных употреблений развивается использование этого глагола при абстрактных неодушевленных объектах: *Деньги **лежат** в банке* ('хранятся, причем без длительного использования') – здесь уместно вспомнить классическую фразу Остапа Бендера из «Двенадцати стульев» о ключе от квартиры, *где деньги **лежат***. Применительно к современным реалиям *лежать*, например, может *прибыль* (если она не просто хранится без использования, причем в недоступном или в неизвестном говорящему месте): *Где **лежит** прибыль, инвестированная в сельское хозяйство?* Ср. также: *Деньги **лежат** под «матрацем» в офшорах!* Другой вариант концептуальной метафоризации для *лежать* связан с идеей осмысления какого-либо положения дел как результата «падения» (т. е. снижения, уменьшения и пр.): *Внимание: цены упали и **лежат!***

Для глагола *стоять* эксплуатируется также идея неподвижности, но уже в другом аспекте – как результат остановки, прекращения движения. Ср. традиционное: *Вода **стоит** в пруду*. В этом смысле в современных условиях *стоять* могут, например, также *цены* (в значении 'не изменяться ни в большую, ни в меньшую сторону'): *На рынке жилья Москвы цены **стоят**, квартиры **висят***. Обратим внимание и на использование в специфически русской модели концептуализации глагола *висеть* в уже проанализированном выше значении – 'непредвиденное и нежелательное прерывание текущей деятельности по продаже'.

Для глагола *сидеть* в современной русской речи наблюдается расширение сочетаемости, обусловленное метафорическим представлением идеи долгого нахождения на какой-либо поверхности / в каком-либо месте: *сидеть дома* → ***сидеть** на сайтах знакомств*. Также зафиксирована активность отмеченной нами выше концептуальной модели, связанной с концептуализацией идеи вынужденного нахождения в каком-то состоянии / положении (*сидеть в тюрьме, в клетке, на пособии, без работы, на диете* и пр.). Это находит свое выражение во фразеологическом жаргонизме *сидеть на игле*. Данный оборот в современной речи порождает целый пучок семантических дериватов по модели концептуальной метафоризации: *Россия **сидит** на игле ФРС США; Россия **сидит** на нефти, как наркоман на игле*. Оборот подвергается трансформации в зоне актанга: ***Сидеть** на трубе* (имеется в виду «нефтяная труба»); *Россия крепко **сидит** на израильской морковке*.

Избыточное представление в глагольной лексеме **отношения говорящего к собственному действию** выражается в том, что говорящий использует эмоционально окрашенный глагол, как правило, во вторично-метафорических значениях, для концептуализации вполне нейтрального действия или обычной ситуации, что создает повышенный «градус экспрессии» при описании этой ситуации. В плане инновационных тенденций этого типа можно, например, отметить широкое распространение глагола *умереть* (и его сниженных синонимических субститутов типа *сдыхать/подыхать* или, напротив, возвышенного *скончаться*) применительно к атрибутике Интернета или компьютерных технологий: *Жил-был сайт под названием e-fl. Жил. А теперь вот умер. Совсем умер, насмерть; Помогите, винчестер сдыхает!; Вчера скоростижно скончался домашний комп.* Здесь метафорическая семантика ‘перестать функционировать (для устройства или механизма)’ обогащается некоей интимно-личностной позицией говорящего по отношению к объекту (как к живому существу).

Ориентация русской речи на повышенную «глагольность» выражается также в активном вхождении в речевую практику экспрессивных глагольных лексем (из жаргона или профессиональной речи), которые тем самым характеризуются значительной семантической емкостью: *Ведь кто то мог пробить ж.д и ответить мне, и не было бы никакой поездки...* Здесь глагол *пробить* означает не просто ‘добыть некую информацию’, но и имплицитно включает в себя овеществленно-метафорическое представление образа адресата действия как объекта физического воздействия + характеристику действия со стороны его субъекта ‘приложить к этому значительные усилия’.

В области имен существительных тоже можно отметить одну любопытную инновационную тенденцию, которая, по-видимому, также может корениться в особенностях русского «взгляда на мир». Это стремление говорящих маркировать эмоционально или ценностно значимый для них объект формой мужского рода, даже если в норме такая форма образована быть не может: ... *выхожу из "Кольца", а мой машин на эвакуаторе красуется...* Здесь можно видеть стремление говорящего «повысить» значимость объекта номинации за счет придания ему более «мужественной» формы рода. Ср. также: *Итак, вы самый настоящий... русал*, где говорящему понадобилась отсутствующая в языке номинативная единица для именованя лица мужского пола в целях эксплуатации значимых культурных коннотаций слова *русалка*.

Это можно квалифицировать как рефлекс своего рода **маскулиноцентричности** русского языка, отражающего в целом весьма архаичные типы языковой концептуализации мира в своей семантической сфере. Ср., например, известные аргументы в пользу этой точки зрения, состоящие в том, что идиоматичное сочетание *женская логика* выявляет отчетливо негативный оттенок смысла (‘некачественная, не соответствующая норме логика’) в противопоставлении не *мужской логике, а просто *логике*; еще один аргумент состоит в констатации очевидной асимметрии употребления слов *вдова* – *вдовец*: так, раньше можно было сказать *вдова Ивана Петровича*, но нельзя **вдовец Анны Петровны* (пример Т.В. Булыгиной); кстати, в речи носителей английского языка наблюдается параллелизм в употреблении этих слов (да и в русском языке наших дней мы легко встречаем контексты типа *вдовец Людмила Гурченко*, *вдовец Любови Полищук* и пр., что отражает изменение статуса женщины в общественном сознании).

Примечательно, что в целях повышенной экспрессии говорящие склонны менять на окказиональную форму мужского рода не только форму женского рода, но даже и среднего: *Мой ух!* (подпись под фото на форуме про пирсинг). Аналогично – использование формы *мяс в значении ‘кусочек мяса’: *Прочесоченный мяс перчим и солим обильно, поливаем соком 1-го лимона, помещаем под гнет на 3 часа*. То же видим и в случае с существительными *pluralia tantum*: *А я вот где-то белыми иштанами каплю гудрона (черной смолы) поймал... Че делать? Жалко новый иштан*. Обратим внимание, что здесь *иштан вовсе не означает ‘одна брючина’, здесь *иштан = *иштаны*, но ‘эмоционально, ценностно значимые для говорящего по какому-л. признаку’.

А. Вежицкая в знаменитой книге «Русский язык» отмечает такую специфичную для русской языковой картины мира черту, как установка на эмоциональное и нравственно или оценочно окрашенное отношение к миру и к людям [9, с. 34–35], причем это проявляется даже в ситуациях, которые по логике требуют вполне нейтральной номинации.

Сегодня эта тенденция проявляется в активизации использования стилистически маркированных, экспрессивно насыщенных лексем в позициях, в общем не требующих включения оценки говорящего: *Спроси Анаис, она должна подтвердить, она эксперт по младенческим взглядам*. Отметим, что часто такие словоупотребления носят несколько архаизованный характер. Актуализация архаических лексем в целях усиления экспрессии вообще парадоксальным образом расширяется в

речи пользователей, которых трудно заподозрить в знании древнерусского языка: ... *я про богово ни-ни... Токмо про кесарево...*

А. Вежбицкая также в свое время отмечала и богатые возможности русского экспрессивного словообразования [9, с. 118–136], усматривая в этом склонность к включению субъективной эмоциональной или нравственной оценочности в обозначение лица посредством собственного имени. Думается, что эта тенденция распространяется и на отображение объективных вещей и событий посредством нарицательной номинативной единицы.

Можно отметить, что в русском языке последних лет активные процессы в области экспрессивного словообразования характеризуются тем, что из ряда номинативных единиц вместо стилистически нейтральной единицы немотивированно выбирается максимально нагруженное экспрессивной оценкой обозначение – при этом оно не просто «выбирается», но создается в качестве окказионализма: *Разве это обязывает его отказаться от обычной, средней квартиры с обоями чуть покраще и **меблюхой** чуток деревяннее?* Нетрудно видеть, что контекст в общем не требует столь яркой экспрессемы на фоне нейтральных *квартира* и *обои*.

Сегодня активно используется и типично русский способ концептуализации множества как нерасчлененного целого посредством собирательных форм с суффиксом -*И*-, которые сами по себе обладают максимумом экспрессии: *Войлочная вишня, миндаль и другое **цветье**. Мне всё это очень нравится.*

Инновационная тенденция в использовании этих форм состоит в том, что они используются просто как экспрессивные субституты нейтральных лексем без значения реальной собирательности: *Сколько **шкафье** стоило не скажу – самая навороченная дверь немана с самыми навороченными замками и то дешевле..* Здесь *шкафье – не ‘нерасчлененная совокупность шкафов’, а просто ‘шкаф, имплицитно включающий экспрессивную реакцию говорящего’. Речь может идти о своеобразной экспансии этих форм, которые вытесняют «нормальные» лексемы в единственном числе или, как в следующем случае, обычные *pluralia tantum*: ... *а широкое **штанье** тебе реально пойдёт, ога* [=просто *штаны*].

С другой стороны, в активных процессах, происходящих сегодня в лексической сфере, можно видеть и противоположные явления, отражающие уже инокультурные и «иноментальные» влияния. Прежде всего это заключается в некритическом усвоении в русской речевой практике

моделей словообразования и синтаксических схем, несвойственных русским нормам и принципам речевого общения.

Так, например, можно отметить немотивированное (и добавим – семантически неадекватное) повсеместное использование иноязычной приставки *анти* в значении *не* (реальная ее семантика – ‘против’) применительно к самым обычным объектам или признакам: *...очередной антихороший и антиумный фильм российского кинематографа; Ну и, как факт, «Зенит» показал, что такое антихороший футбол – и это когда выделяется Денисов!; Угу, а как писатель вы антихороши?*

Подобные случаи разрушают не только словообразовательную и лексико-семантическую систему языка, но и привносят в «русский взгляд на вещи» несвойственные ему способы концептуализации действительности. Чтобы пояснить эту мысль, мы бы хотели остановиться на слове *плюс*. Как известно, еще Дж. Оруэлл в своем «новоязе» предлагал заменить весь многообразный спектр языковой оценочности использованием принципиально безликих и исключаящих какую-либо эмоционально-экспрессивную интерпретацию слов *плюс* и *минус* в качестве префиксов или наречий качественной оценки. Сегодняшняя русская речевая практика не приснилась бы Оруэллу и в страшном сне: *Плюс Фильм студии; Все права принадлежат Питомник-плюс; "Работа Плюс" – найди работу первым!*

Оставляя в стороне вопрос о морфемном и грамматическом статусе этих компонентов, использование которых идет явно вразрез с нормами русского языка, отметим особенности концептуального характера. Дело в том, что употребление слова *плюс* при концептуализации ценностного компонента языковой картины мира представляется нам прямо противоположным по отношению к исходным концептуальным установкам, присущим русскому способу языковой концептуализации мира. Это «холодно-рационалистическая» оценка, лишенная эмоционально-экспрессивной субъектной реакции на изображаемое и нравственно окрашенной координаты, потому что изначально, в пресуппозитивном компоненте, содержит в себе лишь элемент количественной оценки (в системе «много / мало»), что вовсе не означает качественного приращения.

Тем более что в таких, например, употреблениях, как: *Ассоциация детских лагерей "Дети плюс"*, могут возникать и не предусмотренные «авторами» фоновые ассоциации. Так, например, для указанного названия при желании можно усмотреть и такую интерпретацию: существует в пресуппозиции какое-то невербализованное основное занятие для детских лагерей – плюс еще и дети.

Особенно нежелательно для русского языкового сознания проникновение данных элементов в сферу так называемой экзистенциальной оценочности, когда в терминах *плюс / минус* начинают интерпретироваться такие вечные ценности, как любовь, добро, семья и пр. – ср., например, жутковатое: *XXI Портал для всей семьи "Мама Плюс"*.

Тревогу вызывает и дальнейшая экстраполяция подобных оценочных номинаций из языка рекламно ориентированных названий и заголовков в обыденную речевую практику носителей языка – ср. прямотаки оруэлловскую фразу на одном из форумов: *Потом тема была удалена как плюсплюс антихорошая*.

Противостояние двух отмеченных противоположных тенденций как своеобразная борьба «старого» и «нового» в русском языке последних лет отражается и в сфере языковой концептуализации внутреннего мира человека – главным образом в сфере языковой концептуализации эмоций и ценностей. Это, в частности, проявляется в том, что в одной из наших работ обозначено как **«языковое сопротивление» новым ценностям** в современной русской речи [23, с. 340–341].

Мы исходили из того, что необходимо разграничивать ценности индивидуального или социально-группового характера, которые выступают как феномены экстралингвистические, привносимые в узус авторитетными социальными движениями, политическими течениями или «давлением» СМИ, и ценности, которые непосредственно закреплены в сфере лексической и грамматической системы национального языка или речевой практики, узуса. Так, например, известно, что в современном обществе в духе тенденций политкорректности и толерантности формируется тренд терпимого и даже позитивного отношения, например, к лицам нетрадиционной сексуальной ориентации, но естественный язык пока не отражает этих «прогрессивных изменений», еще не выработал соответствующих номинативных единиц и коннотаций. При этом отметим, что существование обтекаемых эвфемизмов и других искусственных языковых образований как раз свидетельствует в пользу устойчивой негативно-оценочной коннотированности данных явлений, по крайней мере, в языке, в его «наивной аксиологии».

Примечательна глубокая характеристика подобной ситуации несоответствия – и даже полного расхождения – требований идеологии определенной части общества и наличной системы оценок в языке, данная Н.Д. Арутюновой. Исследователь показывает, как естественный язык словно сопротивляется попыткам философа Иеремии Бенгама найти нейтральные дескрипции, столь необходимые для его теории, для таких

отрицательных номинаций, как *сладострастие* и *скудость*. Н.Д. Артюнова заключает: «Таким образом, наука нравственности, покуда она пользуется естественным языком для формулировки своих положений, должна заботиться о том, чтобы сообразовываться со значениями слов, иначе создаваемый текст не может не оказаться насыщенным противоречиями аксиологического плана: то, что автор считает хорошим, язык квалифицирует как дурное. Сколько бы ни утверждал Бентам, а впоследствии сторонники так называемого разумного эгоизма, что польза и благо – это одно и то же, язык с этим не согласится, и последнее слово в этом вопросе останется за ним» [5, с. 151–152].

Почему же последнее слово остается за языком? Да потому, что именно язык представляет собой спрессованный опыт многовековой интроспекции его носителей, т. е. то, что наиболее значимо и доказало свою жизнеспособность в процессе взаимодействия человека с враждебной средой, его духовной эволюции в истории и культуре, тогда как идеологиям и теориям свойственно ветшать и отмирать в борьбе с другими идеологиями и теориями.

Иными словами, расхождения между ценностями, декларируемыми в угоду модным идеологическим и культурным трендам или социальным реалиям, и их реальной оценкой в языке могут быть существенными. Так, в последнее время в отечественном социокультурном пространстве, во многом под влиянием инокультурных, западных образцов, активно пропагандируются исконно чуждые для русской концептосферы ценности индивидуализма, карьеризма, амбициозности, утилитаризма и пр. Однако в языковой концептуализации указанных явлений обнаруживается их определенное отторжение, неприятие посредством возникновения нерелевантной, неосознанной отрицательной оценочности при употреблении номинативных единиц подобного типа.

Ведь «подлинная», «реальная» языковая оценка должна быть чем-то вроде неассертивного компонента смысла слова или выражения, выявляемого из совокупности таких контекстов употребления данной единицы, которые по тем или иным причинам могут рассматриваться как релевантные для актуализации именно оценочной семантики, в иных контекстах не проявляющейся или нейтрализованной. Такие контексты и будут служить «тестами» как на само наличие языковой оценочности, так и на ее «знак» («плюс» или «минус»).

Итак, мы обнаружили такие объективные языковые свидетельства, так называемые репрезентативные контексты, способные выявить наличие в некоей единице языка имплицитной оценочности, негативной или

позитивной, которая будет именно объективно языковой оценочностью, заданной специфично языковыми средствами ее экспликации, независимо от «новейших» авторитетных идеологических, культурных или политических установлений. К таким контекстам следует, на наш взгляд, отнести употребление оценочного метаязыкового комментария *в хорошем смысле (этого) слова*. По нашим наблюдениям, его употребление в дискурсе является сигналом неявной, во многом неосознанной оценочной реакции говорящего на номинативную единицу, причем реакции сложной природы. Употребляя его применительно к определенным словам и выражениям, говорящий выражает тем самым свое сомнение в том, что без этого специального разъяснения, так сказать, «по умолчанию», адресат воспримет это слово или выражение в требуемом положительном оценочном регистре. Иначе говоря, слова и выражения, которые нормально, зуально и идиоматично сочетаются с оценочным метаязыковым комментарием *в хорошем смысле (этого) слова*, выступают как выразители языковой негативной оценочности особого типа.

Ср., например: *Да и в жизни он весьма рассудительный, прагматичный и расчетливый человек, в хорошем смысле этого слова*. Прилагательные *рассудительный, прагматичный, расчетливый* без «добавки» в виде *в хорошем смысле этого слова*, т. е. идиоматично и конвенционально, «по умолчанию», выражают неассертивный отрицательно-оценочный компонент. Эта «добавка» разрушает идиоматичность, делает употреблении неконвенциональным. Метаязыковой комментарий *в хорошем смысле слова* является здесь своего рода оператором семантического преобразования лексемы, которая меняет свое значение посредством контекстуальной элиминации негативно-оценочных сем. Но это доказывает, что без такого преобразования данные негативно-оценочные семы в указанных словах и выражениях наличествовали! Язык словно опровергает навязываемые ему либеральные ценности прагматизма и индивидуализма. Ср., например, как языковое «тестирование» таких ценностей нового времени, как стремление к карьерному росту и «здоровый» индивидуализм, обнаруживает их безусловную, не вполне истинную «положительную» оценочность в узусе: *Карьерист в хорошем смысле слова; Баста [рэпер]... стал еще большим индивидуалистом в хорошем смысле этого слова...* и пр.

Подобные аксиологемы мы характеризуем как **псевдоценности**. Дело в том, что подлинные ценности (как, впрочем, и их антиподы – антиценности) безусловны и аксиоматичны. Лишь псевдоценности могут быть «хорошими» только при определенных условиях, с какими-то ограничениями или оговорками: содержащаяся в импликационале этих

слов ложная претензия как бы дезавуируется, разоблачается экспликацией посредством метаязыкового комментария *в хорошем смысле слова*.

Еще одним репрезентативным контекстом, выявляющим возможное «языковое сопротивление» ценностям нового времени, является контекст *погрязнуть в (чем-л.)*. Согласно наивной аксиологии русского языка, то, в чем можно «погрязнуть», «по умолчанию» следует рассматривать, выражаясь в духе А. Вежицкой, как «что-то плохое», даже если на уровне рационализации модных трендов люди могут считать это «хорошим». Наши многочисленные примеры обнаруживают «языковое сопротивление» миру новых ценностей посредством этого «разоблачительного» репрезентативного контекста: *Просто рок сегодня погряз в карьеризме и жажде наживы; Реально мы погрязли в потреблении!; Вероятно, мир окончательно погряз в гламуре...*

Свидетельством апроприации знаков «чужих» ценностей по русским национально-специфичным моделям языковой концептуализации мира может быть и характер словообразовательного освоения в русском языке новой заимствованной номинации. Так, широко известно «триумфальное шествие» по пространству русского языка таких лексем, как *гламурный* или *экслюзивный* – см. об этом, например, в [15]. Однако характерен тот факт, что эти знаки «чужих» ценностей образуют окказиональные дериваты по типично русским моделям экспрессивного словообразования, о специфике которых именно в плане выражения русского национального характера говорит А. Вежицкая, размышляя о русских суффиксах субъективной оценки, выражающих специфически русскую черту – *эмпатию* по отношению к объекту номинации [9, с. 53]. При этом в иноязычном по происхождению слове возникают типично русские коннотативно-оценочные приращения смысла.

Это, например, такой дериват, как *гламурненько*. О его распространенности свидетельствует наличие сайта *Гламурненько.ру*, серии книг «*Гламурненько*», названия произведений литературы (например, «*Как выглядит гламурненько!*») и даже песен и т. п. Здесь мы видим нерасчлененный семантический комплекс из некоторого несерьезного, но полного «неопределенно хорошего чувства» (А. Вежицкая) и вместе с тем ироничного отношения к объекту номинации. О продуктивности такой модели свидетельствуют разнообразные *готичненько*, *экслюзивненько* и пр., которые порождены на базе «чужеродных» *готов*, *экслюзива* и т. д.

Применительно к заимствованию *экслюзивный* мы можем также, например, в разнообразных блогах и даже на рекламных сайтах встре-

тить *эксклюзивчик*, так может именоваться магазин, портал, стихотворение и пр. Такая исконно русская модель освоения чужого слова как-то элиминирует его «чужеродность», переинтерпретируя его в духе специфически русского способа языковой концептуализации мира, а именно в духе особо эмоционально окрашенного и теплого отношения к объектам номинации, которые в норме не подлежат никакой эмоционально-экспрессивной и оценочной реакции.

Отметим характерную для подобного рода слов-аксиологем десемантизацию этих производных лексем, где экспрессивная семантика самой словообразовательной модели и форманта (суффикса) вытесняет номинативное значение производной основы. Реально подобные словообразовательные показатели могут передавать очень широкий спектр чувств: восторг, очарование, привлекательность, жалость, интерес и др. Поэтому, чтобы объяснить столь широкий разброс допустимых интерпретаций, А. Вежбицкая и вводит в толкование представление о неопределенном свободно плавающем ‘хорошем чувстве’, не обязательно направленном на человека или вещь: ‘*когда я думаю о X, я чувствую что-то хорошее*’. При этом на стыке первоначальной книжно-возвышенной стилистической отмеченности производящей основы и принципиально разговорного характера форманта возникает некое игровое, карнавальное ее переименование, которое как бы дезавуирует изначально пафосное, серьезное значение лексем *гламурный* или *эксклюзивный* как носителей «новых ценностей» жизни.

Другую, противоположную тенденцию вытеснения традиционных русских моделей языковой концептуализации внутреннего мира человека инокультурными моделями можно видеть в сложившейся у определенной части носителей русского языка (в основном молодого возраста) языковой привычке использовать англоязычные междометия *unc!*, *vaу* и пр. вместо обычных русских междометных слов. Дело в том, что междометия, по сути, отражают спектр нерасчлененных бессознательных эмоциональных реакций на ситуацию, идущий из «глубины души», их употребление не рефлектируется, а переживается говорящим. Поэтому употребление междометий всегда отражает некоторые спонтанные, неосознанные «жизненные установки говорящего» (А.Д. Шмелев). Употребление заимствованных междометий, вообще говоря, нонсенс, но если таковое имеется, то оно, без сомнения, представляет собой диагностический контекст для «вычисления» важных особенностей прагматической сферы говорящего.

Морфология и синтаксис. М. Эпштейн обращает внимание на то, что русская грамматика специфически концептуализирует действие, событие, состояние: «Преобладание непереходности в русском языке способствует становлению непереходного мировоззрения, для которого вещи случаются, происходят, движутся сами собой. Это мир, в котором нечто пребывает в себе или движется само по себе, но ничем не движется и ничего не движет. Действия, обозначенные непереходными глаголами, самодостаточны — они ни на что не переходят... Скорее это даже не действия, а состояния, поскольку у них нет предмета, они замкнуты на самом деятеле» [29, с. 193–194].

В свою очередь, А. Вежицкая утверждает, что, говоря о людях, можно при этом придерживаться двух разных ориентаций: можно думать о них как об агентах, или «деятелях», и можно — как о пассивных экспериенцерах. В русском, в отличие от многих других европейских языков, пассивно-экспериенциальный способ имеет более широкую сферу применимости. Исходя из этого, в работах А. Вежицкой именно на материале русской грамматики было выявлено несколько фундаментальных свойств, формирующих «семантический универсум» русского языка: иррациональность, неагентивность, тяготение к представлению активного действия субъекта как его пассивного состояния, неконтролируемость субъектом собственного действия как отказ от субъектной ответственности за событие и пр. [9, с. 33–37 и далее].

Действительно, русский язык предоставляет говорящему на нем массу возможностей снять с себя ответственность за собственные действия. Прежде всего речь идет о различных способах такой языковой концептуализации мира, при которой субъект так или иначе выводится из зоны контроля над событием. Это, например, предпочтение безличного конструкта типа *мне хочется* активному типу *я хочу*, выбор возвратной или страдательной модели вместо агентивной, инфинитивной вместо личной и пр. Во всех этих случаях событие, состояние, действия происходят с субъектом *как бы само собой* или, по крайней мере, «не потому, что он этого хотел», пользуясь выражением А. Вежицкой.

Вопреки мнению о «дрейфе» современной русской речевой практики в сторону «активизации» деятеля по западным образцам, т. е. об усилении категории транзитивности (переходности), которое, в частности, представлено в цитированной работе М. Эпштейна [29], наши наблюдения дают совсем иную картину. Инновационные тенденции в русской грамматике показывают, напротив, значительное расширение сферы применимости пассивно-возвратных и безличных конструкций, особен-

но применительно к концептуализации ситуаций или психических состояний, которые требуют по логике активного «присутствия» агенса.

Так, типично русский способ концептуализировать «чужое» действие над субъектом речи как собственное состояние субъекта мы обнаруживаем при выборе возвратной конструкции вместо неопределенно-личной: ... *на выступлении Dart я уронила* случайно, на меня мгновенно попадало еще человек пять-шесть... (вместо *меня уронили*).

Об экспансии пассивно-возвратных конструкций в русском языке последних лет свидетельствует тот факт, что они расширяют сферу своего образования, в частности, за счет ненормативного образования от непереходных глаголов – типа *умирать, бежать, сидеть, шутить* и пр.: ... *бандэлита не умиралась* вроде; *Мужская биатлонная эстафета бежала* в рамках Кубка мира в третий и, по сути, последний раз перед стартом на Олимпиаде; ...*вторник опять-таки сиделся* в сидельне...; *Тогда шутился, а сейчас задумался*... Подобные аномальные инновации усиливают эффект концептуализации действия как замкнутого на субъекте состояния, что вполне в духе русской языковой ментальности.

Еще большая активность наблюдается при использовании безличных конструкций: ... *старики так помрут, а чтоб веселей умиралось, им помтезные поздравления и "чествования" на 9-е мая*. Активная конструкция с глаголом все-таки предполагает наличие экспериенцера этого состояния в качестве его субъекта, тогда как конструкция с безличным глаголом *умиралось* усиливает указанную бессубъектность.

Особый интерес представляют безличные конструкции, которые концептуализируют некую ситуацию, предполагающую в норме активное участие агенса в собственном действии: *С сигаретой было "поступлено" абсолютно несправедливо*... – Речь идет о том, что говорящий вообще-то сам как-то поступил с сигаретой, но примечательно, что субъект всячески избегает контроля даже за собственным, вполне очевидным для него действием.

Иногда выбор подобной безличной конструкции обладает значительным потенциалом семантической емкости и экспрессии: *Арчи, ну, мы ж за тебя отомстили... ему больнее упалось*... В данной концептуализации события предпочтение безличной конструкции обычному *Он больнее упал* оправдано специфической интенцией говорящего представить случайное в общем событие как знак действия неких высших сил (в таких случаях А. Вежицкая говорит о «фатализме» в русском способе концептуализировать события).

Расширяющаяся экспансия безличных моделей представления события подтверждается и использованием подобных конструкций для концептуализации вневременных, узуальных действий субъекта как бессубъектных пассивных состояний: *В каких кроссовках лучше прыгается?* Примечательно, что в подобных случаях сам русский язык не предоставляет говорящему возможности выбрать альтернативный способ выражения этой мысли посредством активной конструкции (альтернатива с инфинитивом *лучше прыгать* так же принципиально бессубъектна).

Но, как и в ситуации с активными процессами в области лексики и словообразования, и в грамматической сфере мы можем наблюдать прямо противоположные явления, а именно использование инновационных грамматических конструкций, направленных на концептуализацию события по несвойственным русскому типу концептуализации моделям и схемам. Речь идет прежде всего о возникновении окказиональных форм переходных глаголов (по сути своей предполагающих активного деятеля) на базе исходных возвратных глаголов, в системе не имеющих активных коррелятов – типа *бояться, смеяться, улыбаться, очутиться* и пр.: **Улыбайте** ваши лица.

В этих случаях подобным образованиям приписывается несвойственная им в коллективном сознании носителей русского языка семантика активной каузации действия вместо изначального значения пассивного состояния экспериенцера: *Прошу не смеять меня!* = *не смешить*, т. е. ‘не каузировать меня смеяться’. То, что это не просто случайные явления, а проявление устойчивой аналогической тенденции, доказывают другие примеры: *Решил вас улыбнуть*; *Думаю, посадить десяток деревьев незаметно просто не получится. Можно "случайно" телевидение там же "очутить"...*; *Ведь награды победителей будут использоваться долгие годы и красовать глаз всех посетителей...*

Однако надо отметить, что все же, несмотря на свою определенную активность, процесс «развития переходности» в современной русской речи по степени своей распространенности не может идти ни в какое сравнение с обратным процессом «экспансии безличности или пассивно-возвратности».

О преобладании чисто русских моделей языковой концептуализации мира может свидетельствовать и распространенность определенных синтаксических моделей как специфических способов организации дискурса. Прежде всего скажем о некоторых русских негационных конструкциях, которые мы условно именуем «неотрицающим отрицанием» [22].

Мы предположили, что некоторые типы таких «неотрицающих» русских общеотрицательных конструкций с оператором НЕ следует трактовать в рамках теории речевых актов как особые типы речевых стратегий непрямого, идиоматичного выражения специфических коммуникативных намерений говорящего, причем имеющие явный идиоэтнический, национально обусловленный характер.

Отправной точкой наших рассуждений является широко известный пример косвенного речевого акта, обсуждающийся в работе Дж.Р. Серля «Косвенные речевые акты», – *Would You pass me the salt?* [26]. Русский аналог данного косвенного речевого акта с иллокутивной силой вежливой просьбы, выраженной в языковой форме вопроса, звучит примерно как *Не могли бы Вы передать мне соль?* или *Не передадите ли мне соль?* (более точный, но менее приемлемый стилистически вариант – *Не передали бы Вы мне соль?*). С точки зрения прагматики кооперативного речевого взаимодействия это, разумеется, псевдovoпрос – у адресата создается иллюзия возможности нормальной ответной реакции, тогда как реально от него требуется не ответ, а конкретное действие в соответствии с намерением говорящего.

Но Дж.Р. Серля здесь интересует некая коммуникативная универсалия, а именно проблема адекватного распознавания иллокутивной силы подобных не прямых высказываний, обусловленного конвенциями общения на данном языке. В этом ключе Дж.Р. Серль вполне справедливо полагает, что данная проблема не зависит от свойств конкретных языков и имеет общекоммуникативный, т. е., грубо говоря, общечеловеческий характер. Нам же интересен несколько иной поворот этой проблемы, вполне обоснованно выпавший из сферы внимания Дж.Р. Серля как излишне «лингвистичный». Дело в том, что Дж.Р. Серль, разумеется, анализирует англоязычный вариант этого косвенного речевого акта, который звучит как *Would You pass me the salt?*, т. е. с использованием утвердительной модели, тогда как русскоязычный аналог данной конвенциональной формы косвенного акта требует, чтобы указанную идиоматичность сохранить, обязательного включения НЕ – *Не передадите ли мне соль?*

Уже сама возможность порождения и рецепции данной конструкции по-английски без всякого НЕ доказывает некую логическую избыточность этого оператора и в русском варианте. Иными словами, НЕ в русскоязычном варианте ничего не отрицает. Говорящий реально спрашивает не о невозможности, а, наоборот, как раз о возможности для адресата совершить требуемое действие. Но, с другой стороны, **устранение**

НЕ в этой конструкции на русском языке приводит к разрушению идиоматичности, к невозможности косвенной небуквальной интерпретации данного высказывания в интенциональном контексте: ср. *Могли бы Вы передать мне соль?* – по-русски звучит только как прямой вопрос о пределах физических и иных возможностей адресата. Кстати, по-английски, напротив, **добавление** НЕ, т. е. трансформация положительной конструкции в отрицательную, разрушает идиоматичность.

Тогда закономерно возникает вопрос: почему же из двух равноправных альтернативных возможностей выразить некое пропозициональное содержание один язык выбирает утвердительную конструкцию, а другой – отрицательную? Иными словами, почему англоговорящий употребляет конструкцию без негации, а русскоговорящий начинает с НЕ, хотя никакого прямого отрицания ни в английском, ни в русском равно не предполагается?

Возможно, здесь и следует поставить вопрос о неких специфичных речевых стратегиях, о неких специфических установках говорящего, облигаторно отложившихся в языковых формах как результат предпочтительного выбора языкового коллектива, как отражение опыта столетий психологической и культурной интроспекции носителей языка. Так, например, в английском варианте можно видеть установку на возможный позитивный перлокутивный эффект, уверенность говорящего в положительном для него исходе его просьбы, а в русском варианте – установку на возможную неудачу, коммуникативную или перлокутивную, может быть, некое изначальное сомнение, заранее предустановленную неуверенность говорящего в успешности его речевого акта.

Это можно попытаться показать и с помощью инструментария логического анализа естественного языка. С нашей точки зрения, англоязычный вариант *Would You pass me the salt?* имеет своей пресуппозицией исходную пропозицию, которая является мыслительным содержанием вопроса – ‘You pass me the salt’: нетрудно видеть, что она имеет утвердительную структуру; в свою очередь, русскоязычный вариант в качестве пресуппозиции имеет исходную пропозицию ‘Вы не передадите мне соль’, в основе которой лежит общеотрицательная структура (ведь НЕ явным образом не входит ни в состав показателей иллюкутивной силы вопроса, ни в состав показателей маскируемой этой формой иллюкутивной силы вежливой просьбы – значит, НЕ входит в саму исходную пропозицию).

Напомним, что в отличие от ассерции, «чистого» суждения, которое может рефлектироваться адресатом, подвергаться сомнению или отри-

цанию, пресуппозиция как невербализованный фрагмент экстралингвистической информации, заранее известной и говорящему и – «по умолчанию» – адресату, как известно, не подвергается отрицанию или рефлексии. Это то, с чего начинается коммуникация, исходный пункт любого речевого акта, его изначальная первооснова. И не симптоматично ли, что говорящий на русском языке начинает его с отрицания?

В целом, конечно, Дж.Р. Серль прав в том смысле, что само использование небуквальных, идиоматичных способов выражения человеческих побуждений в коммуникации эксплуатирует, по всей видимости, некие общекоммуникативные принципы, заложенные в среде речевого взаимодействия *homo sapiens sapiens*, и потому универсально. Но преимущественный выбор тех или иных конкретных вариантов конвенционализированных речевых схем, безусловно, может свидетельствовать и в пользу возможности их использования для выражения неких культурно-специфичных речевых стратегий или речеведенческих установок носителей языка.

В книге Анны А. Зализняк, И.Б. Левонтиной и А.Д. Шмелева «Ключевые идеи русской языковой картины мира» утверждается, что некую «конфигурацию смыслов» можно считать «ключевой» для того или иного языка, если она с определенным постоянством и с достаточной репрезентативностью воспроизводится в самых разных областях лексики и грамматики языка, достаточно частотна в бытовом дискурсе и относится к *неассертивным* (неявным, невербализованным, имплицитным) компонентам высказывания. Важно не то, что утверждают носители языка, а то, что они считают само собою разумеющимся, не видя необходимости специально останавливать на этом внимание [13, с. 9].

В этой связи отметим, что вышеупомянутая негативная пресуппозиция, так называемый отрицательный модальный приступ вообще характерен для национально-специфичных речевых стратегий в отечественной речевой практике – эти стратегии воспроизводятся в достаточно разнообразных типах самых обычных конструкций в русском языке. Прежде всего это русские лингвоспецифичные конструкции с модализованным вопросом, выражающим вежливую просьбу: *Не будете ли Вы так любезны (добры)?..; Не хотите (желаете) ли?..; устар. Не соблаговолите ли?..* и пр. Эти конструкции также актуализуют рассмотренную выше ситуацию предпочтительного выбора из двух альтернатив. О наличии выбора из двух альтернатив в этих случаях, например, пишут и А.Н. Баранов и И.М. Кобозева, утверждая, что контекстом уместного

употребления *не-(ли)* вопросов является такая ситуация, в которой говорящий, с одной стороны, имеет основания считать, что положение вещей, описываемое позитивной альтернативой вопроса, в данном случае может иметь место, но, с другой стороны, понимает, что этих оснований недостаточно и что противоположная – негативная – альтернатива, вообще говоря, не менее вероятна, чем позитивная [6, с. 264–273].

Однако здесь, на наш взгляд, можно поставить вопрос о возможной интерпретации подобного выбора в духе лингвоспецифичных речевых стратегий: лингвоспецифичность состоит в том, что предпочтительный вариант выбора, который, разумеется, мыслится как **положительный**, условно и конвенционально вербализован **отрицательной** конструкцией, с буквальным значением нежелательного для говорящего варианта. Англоязычный же аналог этой конструкции снова (отметим – вполне ожидаемо и оправданно!) использует утвердительную синтаксическую структуру для вербализации предпочтительного положительного выбора желательного для говорящего результата при порождении им данного косвенного речевого акта.

То, что это не единичный изолированный факт использования «отрицательного» модального приступа при вербализации идеи предпочтительного выбора, а своего рода речеповеденческая модель, доказывается наличием в русском языке и других конструкций, так или иначе посвященных альтернативному предпочтению. Это, например, формально вопросительные конструкции с модальным инфинитивом совершенного вида в значении необходимости совершения действия в будущем – типа **Не пойти ли нам в кино?** или **Не написать ли мне статью об этом?** (= *Давай*) *пойдем в кино* или *Напишу(-ка) я статью...*). Отметим, кстати, что сходная функция такой конструкции с НЕ выражать модальность необходимости проявляется не обязательно в вопросительном предложении – ср., например: *Как же мне не плакать!*

Обратим внимание, что и здесь выдержана та же логика предпочтительного выбора, что и для предыдущего косвенного речевого акта: суждение о предпочтении говорящим выбора возможного положительного исхода (*пойдем, напишу*) актуализовано посредством формально отрицательной структуры. Получается, что говорящий как бы заранее боится от возможной неудачи планируемого «предприятия», он закладывает саму возможность неудачи в стадию речевой реализации плана своего намерения, а также, возможно, намечает для адресата (или себя самого – в роли адресата) возможные пути для отступления, для отказа от предполагаемого (причем в модальности «сильного») должен-

ствования) выбора, предполагаемого совместного действия или участия в событии.

«Отрицательный» модальный приступ как особенность русских косвенно-речевых стратегий также присутствует, например, в вопросительной конструкции с модусом предположения: *Не пора ли нам домой?* (= *Нам пора домой!*), а также в модели экспрессивного генерализованного высказывания, в роли оператора обобщения (идиоматичного выражения квантора всеобщности); *Где я только не побывал!* (= *Я везде побывал!*).

Применительно к сегодняшнему состоянию русской речевой практики отметим, что в разговорной речи подобные модели с «неотрицающим НЕ» являются самыми обычными, частотными и проявляют повышенную активность. Это разнообразные конструкции с семантикой опасения: *Как бы чего не вышло!*; одобрения: *Ну чем не работа!* и др. Представляется, что и во всех этих случаях говорящий с помощью НЕ как бы намеренно дезавуирует истинный «положительный» смысл пропозиции.

Интересны в этом плане также конструкции с оператором НЕ в вопросительных предложениях, где НЕ входит в состав перцептивной или эпистемической пропозициональной установки («модуса», по Ш. Балли): – *Ты не знаешь, отец дома?*; – *Ты не слышал, как наши сыграли?*; – *Ты не видел, куда я очки положила?*

Обратим внимание, что в приведенных примерах снова нет реального отрицания пропозициональной установки знания, видения или слышания, потому что в вопросе, по сути, речь идет («спрашивается») о положительном содержании пропозициональной установки – ср. **Ты знаешь, дома ли отец?*; **Ты слышал, как наши сыграли?* **Ты видел, куда я очки положила?* Действительно, с точки зрения прагматики реального, обыденного общения было бы довольно странно спрашивать о том, что человек не знает, не видел и не слышал, тогда как говорящего на самом деле интересуют положительные результаты знания, видения или слышания адресата. Иными словами, в данных конструкциях опять нейтрализуется противопоставление между утверждением и отрицанием.

Но почему тогда из двух альтернатив все-таки снова выбирается вариант с «отрицательным» модальным приступом? Видимо, и здесь мы имеем дело с каким-то «феноменологическим», по А. Вежицкой, рефлексом в системе русских речеповеденческих установок, когда человек не уверен в возможности положительного для него исхода будущих событий, в том числе и потому, что не в силах на это повлиять: «Данные синтаксической типологии языков говорят о том, что существуют два разных подхода к

жизни, которые в разных языках играют разную роль: можно рассматривать человеческую жизнь с точки зрения того, 'что делаю я', т. е. придерживаться агентивной ориентации, а можно подходить к жизни с позиции того, 'что случится со мной', следуя пациентивной (пассивной, связанной с пациенсом) ориентации. Агентивный подход является частным случаем каузативного и означает акцентированное внимание к действию и к акту воли ('я делаю', 'я хочу'). При пациентивной ориентации, являющейся, в свою очередь, особым случаем феноменологической, акцент делается на 'бессилии' и пациентивности ('я ничего не могу <с>делать', 'разные вещи случаются со мной')» [9, с. 73].

Таким образом, выбирая конструкцию с НЕ в модальном приступе, т. е. в исходном пункте своего речевого акта, современный носитель русского языка, как, впрочем, и сто-двести лет назад, как бы заранее предвидит возможность коммуникативной неудачи, он «закладывается» на эту неудачу в своих речевых стратегиях, имея в виду возможный неблагоприятный для него результат в качестве наиболее вероятного.

Важно, что и в наше время, в начале III тысячелетия, в эпоху адронных коллайдеров и нанотехнологий, синтаксические модели, подсвеченные рефlekсами древней «магии слова», никуда не делись, они только расширяют свою активность в современной русской речи, сохраняя закодированный в них традиционный, типично русский способ концептуализации будущего состояния или события.

Прагматика и речевое поведение. В области прагматики речевого общения в современной русской речи также можно выявить активность многочисленных моделей речевого поведения и предпочтительных типов речевых стратегий, восходящих к традиционным русским образцам. С другой стороны, отмечается и представленность некоторых инноваций в этой области, а также ряд прагмалингвистических и коммуникативных тенденций, иррелевантных по отношению к оппозиции «свое – чужое», т. е. имеющих универсальный, так сказать, общечеловеческий характер.

Формат настоящей работы не позволяет дать полный анализ всего спектра многообразных прагмалингвистических реалий в современной русской речи. Мы остановимся лишь на особенностях метаязыковых стратегий современного носителя русского языка, отражающих рефлексии этноса над собственной речью и собственным речевым поведением, что также является неотъемлемой частью национальной языковой картины мира.

По нашему мнению, метаязыковые комментарии являются важным показателем, диагностирующим интенциональную сферу говорящих на

языке, специфику их коммуникативных намерений и связанных с ними речевых стратегий и тактик, которые имеют национально-специфический характер.

Так, по нашим наблюдениям, в современной речевой практике современных носителей языка возрастает удельный вес речевых стратегий и тактик манипулятивного типа, призванных так или иначе навязать адресату свою точку зрения, сформировать у него псевдообраз действительности или внушить несвойственную ему систему ценностей. Это связано с изменением коммуникативной среды, в которой все большую роль играют рекламные технологии, деловая коммуникация, в том числе конфликтно-манипулятивного типа, политический дискурс с присущими ему специфическими моделями речевого воздействия и пр. С другой стороны, известная разобщенность общества, доминирование инокультурных моделей поведения типа «Каждый сам за себя!», «Обогащайся!», «Будь успешным!» и т. д. приводит к тому, что люди перестют слушать и слышать друг друга, утрачивают установку на взаимопонимание и кооперативность речевого общения. Это тоже не могло не способствовать активному распространению в современной русской коммуникативной среде дискурсных стратегий манипулятивного типа.

В нашей работе «Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом» [24] мы рассмотрели только одну разновидность подобных стратегий – на наш взгляд, весьма показательную. Речь идет об особом типе метаязыкового комментария, который включает (с разнообразными вариациями) компонент «смысл слова» – по модели ‘в А. смысле (слова)’. Далее рассматриваются особенности семантики и функционирования метаязыковых комментариев *в истинном (подлинном, действительном) смысле слова, в прямом (буквальном, строгом, собственном) смысле слова, в узком (широком, полном) смысле слова, в известном (каком-то) смысле слова, в хорошем смысле слова* и пр., а также их роль в национально-специфичных моделях организации дискурса.

Все подобные метаязыковые комментарии объединяет одно общее свойство – они так или иначе настроены на навязывание адресату говорящим собственной трактовки значения слова или содержания высказывания, и в этом смысле они являются средством языкового манипулирования сознанием. Еще одно их свойство – они имплицитно адресата, т. е. выступают как языковое средство адресованности, как «эгоцентрические элементы языка».

Адресованность высказывания на естественном языке, наряду с интенциональностью, есть то, что, собственно, и делает его событием актуального речевого взаимодействия в реальном дискурсивном пространстве. При этом адресованность как обязательное свойство любого высказывания проявляет себя в нем по-разному.

Наряду с явными, эксплицитными средствами адресованности (обращения, глаголы второго лица, формы повелительного наклонения и пр.), в любом естественном языке широко представлены косвенные, имплицитные средства адресованности, содержащие в своей семантике скрытую апелляцию к адресату, такие как диминутивы, побудительные и вопросительные высказывания, неполные ситуативные высказывания и пр. К средствам имплицитной адресованности также относятся так называемые метатекстовые показатели: вводные слова, частицы, пояснения, вставные конструкции, ориентированные на восприятие адресата [8]. В настоящей работе рассматривается такая распространенная разновидность метатекстовых включений в дискурс, которую мы именуем «метаязыковой комментарий».

В последнее время проблема метаязыковых высказываний и – шире – обыденного языкового сознания в целом осознается как одно из наиболее явных применений антропоориентированных исследовательских стратегий в науке о языке. Еще в работах Р. Якобсона выделена метаязыковая функция языка в числе одной из базовых языковых функций: способность создавать сообщения о сообщениях является важнейшим свойством языка как первичной моделирующей системы [31].

Языковая рефлексия этноса над собственным языком признается важной частью его языковой картины мира. Одним из первых значимых монографических исследований проблемы того, что язык (разумеется, его носитель) говорит (и знает) о самом себе, в отечественном языкознании была коллективная монография «Язык о языке» под ред. Н.Д. Арутюновой [30]. Свидетельством прочного вхождения в научный обиход этой проблематики является возникновение специальных терминообозначений – «народная лингвистика», «естественная лингвистика» и пр.

В контексте этих исследований метаязыковые комментарии следует отнести к довольно широкому и разнообразному по своим семантическим и прагматическим свойствам кругу выражений, которые в работе И.Т. Вепревой именуются *рефлексивами*: это метаязыковые высказывания, выступающие как продукт языковой рефлексии носителя языка по

поводу употребления им какого-либо языкового выражения в рамках обыденного языкового сознания [10, с. 76].

Вообще говоря, метаязыковой комментарий играет в речевой практике огромную роль, поскольку, во-первых, он выступает как объективный индикатор рефлексов языковой рефлексии носителя языка, показатель ее приоритетов и скрытых тенденций, а во-вторых, посредством языкового комментария говорящий управляет своим дискурсом, организует его структуру для оптимального восприятия адресатом и т. д. Автореферентный характер метаязыкового комментария снимает возможные семантические, стилистические, категориальные, формально-структурные ограничения на сочетаемость: он сочетается со словами любой тематической группы и части речи, с сочетаниями любой протяженности и пр.

Отправной точкой наших наблюдений стало использование довольно частотного выражения *в буквальном смысле слова*. Нас заинтересовал вопрос, в чем же заключается коммуникативно-прагматический смысл подобной экспликации установки говорящего на употребление своих слов в неидиоматичном значении:

(1) *Валя меня в буквальном смысле слова умоляла поехать на дачу...*;

(2) *Двухлетний британец Элфи Клэмп в буквальном смысле слова шокировал врачей.*

Здесь можно заметить, что экспликация установки на буквальную интерпретацию выражения избыточна, потому что никакого «небуквального» смысла, который мог бы предполагаться по умолчанию в зоне адресата, у слов *умолять* ‘склонять к чему-н. мольбами, просьбами, упрашивать’ и *шокировать* ‘приводить в смущение нарушением правил приличия, общепринятых норм’ просто нет. Иными словами, у адресата начисто отсутствует возможность альтернативной, не предвиденной говорящим трактовки смысла предлагаемого высказывания, от которой мог бы «страховаться» говорящий посредством употребления оператора *в буквальном смысле слова*.

Тогда зачем же этот оператор понадобился говорящему? Мы исходим из того, что подобная экспликация служит средством прямого воздействия на языковую рефлексивность и языковую компетенцию адресата, а точнее – своего рода призывом к нарушению «постулата об идиоматичности» Дж.Р. Серля, т. е. к отказу от нормальной для узуса ситуации небуквального восприятия большинства высказываний. Постулат об идиоматичности, сформулированный Дж.Р. Серлем в работе «Косвенные речевые акты», есть важнейший принцип обыденной коммуникации: «Говори идиоматично, если только нет осо-

бой причины не говорить идиоматично» [26, с. 215]. Суть этого постулата состоит в том, что адресат при соблюдении принципа кооперации речевого общения «по умолчанию» вынужден интерпретировать высказывания, нарушающие языковую или коммуникативную конвенциональность, в режиме косвенного речевого акта, если его буквальная интерпретация ведет к бессмысленности, тавтологичности или неинформативности.

Норма – это небуквальная интерпретация. Буквальная – как раз нарушение принципов речевого общения. В нашем случае употребление *в буквальном смысле слова* апеллирует не к значению, а к внутренней форме слов *умолять* (вместо *мольбы* как интенсивной просьбы используется идея *молить*) и *шокировать* (апелляция к прямому значению производящего слова *шок* ‘тяжелое расстройство функций организма вследствие физического повреждения или психического потрясения’, отсутствующему у производного глагола).

Разновидностью установки на деидиоматизацию посредством оператора *в буквальном смысле слова* является использование квазисинонимичного оператора *в собственном смысле слова*. И в этом случае, несмотря на наличие эксплицированной установки на «возвращение» словам их мифического «собственного смысла», реально речь идет не о собственном смысле слов, а о трактовке комментируемого высказывания в свете интересов говорящего:

(3) *В ответ на это жители городских районов, студенты, рабочие предприятий, члены радикальных партий стали создавать вооруженные отряды самообороны, то есть милицию в собственном смысле слова.*

Нетрудно видеть, что это – милиция как раз не в собственном сегодняшнем смысле слова, а в смысле диахроническом, историческом, первоначальном, но отсутствующем в современном узусе.

Данный метаязыковой оператор употребляется также при вполне однозначно интерпретируемых номинациях, в норме не нуждающихся в уточнении смысла:

(4) *Здесь есть еще одна тонкость: продавать следует не то, что людям в собственном смысле этого слова нужно, а то, чего они хотят, желают.*

Трудно предположить, что в узусе имеется какой-то особый «собственный» смысл для предикатива *нужно*. Здесь, скорее, имплицитно специфическая установка говорящего на то, что ему ведом некий истинный смысл данной номинации, неизвестный остальным, и его нужно донести до слушающего, сделав вид, что адресату этот смысл в пресуп-

позиции тоже известен. Перед нами, по сути, нарушение принципа кооперации под видом его соблюдения.

Таким образом, получается, что именно говорящий сам закладывает возможность неузуального прочтения своих собственных слов, а отнюдь не боится адресата от подобной возможности. Иными словами, говорящий в этих случаях вовсе не помогает адресату, в соответствии с принципом кооперации, найти путь верной интерпретации предлагаемого выражения, но, напротив, скорее, даже в чем-то его запутывает, нарушает его ожидания посредством деидиоматизации сообщения.

Точно так же ведет себя в дискурсе схожее выражение *в прямом смысле слова*, которое на самом деле тоже не означает «прямого» смысла, во всяком случае, применительно к стандартной естественной языковой семантике слов, комментируемых посредством данных рефлексивов:

(5) *Ученые американской Академии наук (NAS) утверждают, что конец света наступит 22 сентября 2012 года. Причем это будет "конец света" в прямом смысле слова... Без электричества останутся сотни миллионов жителей планеты.*

Здесь нетрудно видеть, что для выражения *конец света* прямое значение – как раз библейское ‘конец мира’, а в данном употреблении каламбурно обыгрывается как раз не прямое, узуальное, а привнесенное автором значение ‘конец электричества’. Это, по сути, дефразеологизация как разрушение образной основы идиомы. Отклонение от узуального, идиоматичного смысла маркируется в этом случае и добавочными средствами – а именно кавычками.

Аналогично для прилагательного *пламенный* в примере:

(6) *Привлечь в случае необходимости к тушению пожаров армейские вертолеты и транспортники ВВС решили после пламенного, в прямом смысле слова, лета прошлого года.*

Данное прилагательное в узусе понимается не как относительное от *пламя*, а – идиоматично – как ‘ярко сверкающий, пылающий, как огонь’.

Очень часто употребление такого оператора вообще представляется неоправданным:

(7) *В школе в прямом смысле слова трещат стены* (речь идет о поврежденных стенах в здании школы).

Здесь употребление выражения *в прямом смысле слова* представляется вообще тавтологически-избыточным, потому что выражение *трещат стены* в узусе не предполагает какой-либо иной, не прямой интерпретации в режиме косвенного речевого акта (т. е. *стены*, в отличие, например, от *головы* или *ушей*, не могут в узусе трещать в каком-то ином, метафизическом плане).

В целом можно заключить, что посредством экспликации подобных установок говорящим порождается определенный манипулятивный эффект – это своего рода навязывание адресату импликаций и пресуппозитивных смыслов, требуемых говорящему, но не входящих по умолчанию в ассертивную зону узуального выражения в речевой практике.

В весьма репрезентативной монографии И.Т. Вепревой утверждается, что подобные комментарии служат именно кооперативным целям: снятию многозначности, уточнению семантики слова, т. е. устранению возможного сбоя при понимании многозначного слова в случаях, если контекст создает условия равноправного доступа к пониманию обоих значений [10, с. 171–172 и далее]. Возможно, это для многих случаев так и есть. Это даже должно было бы быть так в условиях идеального дискурсивного пространства.

Но реально мы сталкиваемся с многочисленными употреблением метаязыкового оператора *в прямом смысле слова*, которые ничего не уточняют, а только все запутывают (случайно или намеренно – это уже другой вопрос).

(8) *Жизнь без цели убивает в прямом смысле слова* (о том, что люди, не имеющие ясной цели в жизни и избегающие напряженной деятельности, умирают раньше тех, кто живет активно).

Но разве здесь слово *убивать* употреблено в прямом значении ‘лишать жизни; умерщвлять’? Здесь ведь речь идет о естественной смерти, пусть и наступающей чрезмерно рано, с точки зрения говорящего. Какое же тогда «прямое значение» он «уточняет»? А никакого. Более того, под «маской» метаязыкового комментария, апеллирующего к прямому значению, говорящий порождает в контексте как раз переносное, метафорическое – ‘как бы убивает, способствует ускорению наступления естественной смерти’ (ср. *курение убивает*).

Будем исходить из того, что говорящий, в рамках собственной языковой компетенции, безусловно, знает весь семантический комплекс полисеманта и уверен, что адресату вполне по силам дифференцировать прямые и переносные значения слов самостоятельно, так сказать, без «посторонней помощи» (более того, эта «помощь», кстати, может выглядеть, в свою очередь, и прагматически неадекватной – обидной для слушателя, потому что выражает сомнения говорящего в достаточности языковых знаний адресата). Тогда зачем же говорящий употребляет семантически и прагматически избыточное метаязыковое выражение?

Резонно предположить в этой ситуации некую специфическую интенцию говорящего, связанную с целенаправленным воздействием на когнитивную, оценочную и мотивационную сферу адресата, а именно

намерение навязать свое понимание, свою оценку и свою мотивацию по отношению к денотативной зоне порождаемого высказывания. Формулируя это несколько по-другому, говорящий влияет на картину мира адресата – особенно это видно из употребления им таких операторов, как *в известном смысле слова* (см. ниже).

Лингвистический механизм здесь состоит в **подмене** узуальной интерпретации, ожидаемой адресатом по умолчанию согласно принципу кооперации, интерпретацией уже другого типа – неузуальной, неидиоматичной, т. е. личностной, своей собственной – см., например:

(9) *Отвечая на вопрос, почему Михаил Ходорковский отказался эмигрировать в свое время, Москаленко сказала: «Он патриот своей родной страны – в прямом смысле слова...»*

Обратим внимание на то, что реально, т. е. узуально, слово *патриот* не предполагает никакого иного смысла, кроме прямого (не говоря уже о сомнительности тавтологического уточнения *своей родной страны*). Следовательно, в данном употреблении заложена неузуальная импликация ‘истинный, подлинный патриот’, т. е. соответствующий некоему идеальному представлению о патриоте в сфере ценностей говорящего. Также подобная экспликация предполагает еще одну возможную инференцию в зоне адресата, что противники Ходорковского – патриоты «не в прямом смысле слова», т. е. не истинные.

Кстати, **воздейственный**, а не дескриптивный (не интерпретационный) характер подобных высказываний подчеркивается возможностью аномального, с точки зрения системно-языковых закономерностей, добавления интенсификатора – **в самом буквальном (прямом) смысле слова** (будто признак ‘прямой’, ‘буквальный’ может быть параметризован).

(10) ... *Автор этих строк просто ... провалился однажды под землю на сибирской дороге в самом прямом и буквальном смысле этого слова.*

Возможно даже употребление в качестве интенсификатора формы окказионального суперлатива для прилагательного – **в наипрямейшем смысле**:

(11) *И я не имею в виду отсутствие общего языка в наипрямейшем смысле этого слова.*

Обратим внимание, что интенсификатор тем сильнее, чем проблематичнее наличие действительного «прямого смысла» у данного выражения: так, идиома *иметь (находить) общий язык* неидиоматичного, «прямого» смысла не имеет вообще. Тем самым в зоне говорящего создается соблазнительная возможность вложить в это высказывание любой, нужный ему неузуальный смысл, скорректировав в необходимую сторону стратегию интерпретации высказывания адресатом.

Рассмотренные метаязыковые комментарии оперируют разными сторонами узуальной семантики исходного высказывания. Так, проанализированные выше в прямом (переносном) смысле слова, в буквальном смысле слова ориентированы на **интенционал**.

Аналогичным образом метаязыковые комментарии *в полном смысле слова, в широком смысле слова, во всех смыслах слова* эксплицируют определенные манипуляции адресата с **экстенционалом**, объемом семантики исходного выражения. Это, на мой взгляд, позволяет говорящему немотивированно включать в объем семантики выражения смыслы, изначально не присутствующие в ассертивной области значения:

(12) *Высказывая свое понимание этого тезиса, губернатор сказал так: речь идет о безопасности в широком смысле слова.*

Становится немного страшно от возможности расширенно толковать «безопасность» в устах столь авторитетного представителя власти.

Особенно «удобным» средством манипулятивной субституции в сфере экстенционала является выражение *в полном смысле слова*. Еще в словаре Д.Н. Ушакова указывалось идиоматическое значение оборота *в полном смысле слова* (с пометой *разг.*) – ‘перен. Совершенно, совсем, окончательно’ (ср. пример из словаря – *жуир в полном смысле слова*). Очевидно, что в этом, идиоматическом употреблении у выражения снимается метаязыковая интерпретация. Однако, согласно нашим наблюдениям, это выражение часто употребляется все же именно как реакция на определенное словоупотребление, без снятия метаязыковой функции:

(13) *Ищу мужчину в полном смысле этого слова.*

Здесь нет идеи ‘совершенно, совсем’, здесь, скорее, подчеркивается весь семантический комплекс, объединяющий и прямую ‘мужчина как представитель мужского пола’, и метафорическую ‘мужчина прототипический как носитель неких идеальных стереотипных свойств’ семантику.

Возможная манипулятивность подобного языкового комментария связана с его прагматическим потенциалом: его употребление, по сути, имплицитно ложное предположение о том, что говорящему ведом некий полный смысл какого-либо выражения, неведомый другим простым смертным, говорящим на данном языке. Особенно часто это свойство используется, например, в рекламном дискурсе:

(14) *Это в полном смысле слова уникальный продукт, аналогов которому нет в мировом эскалаторостроении* (Речь идет о новом типе тоннельного эскалатора).

Узуально значение слова *уникальный* ‘единственный в своём роде, неповторимый’ не имеет еще какого-то скрытого, более полного смыс-

ла. Данный смысл привносится, имплицитно говорящим в направлении «еще большей уникальности», т. е. ‘идеальный, совершенный’, что вызывает соответствующую инференцию — ауру положительной оценочности в зоне адресата.

Максимально манипулятивен метаязыковой комментарий *во всех смыслах слова* – он как бы заранее перечеркивает саму возможность привнесения нового смысла, какой-либо иной интерпретации сказанного «в таком исчерпывающем ключе». Особенно это заметно, когда говорящий сам перечисляет эти смыслы, по собственному произволению:

(15) *Девушка Вера – маленькая во всех смыслах слова. Молодая совсем, школу только окончила, зеленая, неопытная, ума маловато, образованности не хватает. Жизнь у нее какая-то мизерабельная.*

Интересно также употребление *во всех смыслах слова* в качестве метаязыкового комментария к выражению, имеющему узуально однозначную интерпретацию и никаких других смыслов не предполагающему:

(16) *Бангкок – столица Таиланда во всех смыслах этого слова.*

Подобные употребления порождают в зоне адресата инференции, узуально отсутствующие в высказывании, но нужные говорящему (в нашем случае – это мысль о столице как о центре всякого рода «теневых» развлечений и удовольствий), т. е. окказиональное расширение объема семантики в плане незуальной метафоризации («столица греха»). Отметим, что апелляция в высказывании к неопределенно широкому кругу референтов является одним из явных средств языкового манипулирования.

Еще одна разновидность метаязыковых комментариев манипулятивного типа – это рефлексивы, эксплуатирующие **референциальные статусы** [20] языковых выражений. Речь идет о таком приеме манипулятивной адресованности, как «игра на референциальной неоднозначности» [7], который связан с эпистемической оценкой говорящим известности / неизвестности референта для адресата. Это метаязыковые комментарии типа *в известном смысле слова* или в каком-то смысле слова.

Так, рефлексив *в известном смысле слова* эксплицитно выражает мысль об общеизвестности того, о чем говорится, однако реально под марку *в известном смысле слова* закладывается смысл, известный только для говорящего:

(17) *Ученые говорят, что каждый человек **в известном смысле слова** по природе свое гений.*

В данной фигуре речи намеренно не эксплицируется, в чем именно состоит «известный смысл» и кому именно он известен (предполагается –

всем). Здесь манипулятивность состоит в апелляции к неопределенному кругу референтов. В этих случаях очень часто (намеренно или ненамеренно) комментируемое выражение как бы дезавуируется, потому что данный оператор способствует восприятию его референта как «ненастоящего», «второсортного» – не на самом деле, а только «в известном смысле»:

(18) ... *ребенок сам делает то, что от него хотят, в этих случаях он в известном смысле слова воспитывается и обучается сам.*

Этот эффект особенно усиливается, когда комментарий *в известном смысле слова* употребляется применительно к выражению, не подлежащему вероятностной или эпистемической оценке:

(19) ... *американское правительство стремилось скрыть правду так же, как оно не начинало уголовного расследования в известном смысле слова.*

Здравый смысл предполагает, что уголовное расследование может однозначно оцениваться как начатое или как не начатое, но никак не «в известном смысле» начатое. Здесь возникает импликация, дезавуирующая само проводимое расследование в зоне адресата в ценностном плане, т. е. перед нами снова не дескрипция или номинации события, а скрытое воздействие.

К разряду эпистемических комментариев, оперирующих референциальными статусами, следует отнести и комментарий, задающий референциальную неопределенность – *в каком-то смысле слова*. Здесь предлагается обратная предыдущей коммуникативная ситуация – «какой-то» смысл слова неизвестен ни говорящему, ни адресату, но при этом имеется некий «необходимый референциальный или смысловой минимум», достаточный для того, чтобы говорящий имел право применить в данной ситуации данную номинативную единицу:

(20) *Как вы считаете, смогут партии создать эффективные пиар-структуры, которые будут эффективно проводить избирательные кампании? – В каком-то смысле слова смогут.*

Понятно, что бремя определения этого «достаточного минимума» целиком и полностью лежит на говорящем. Кроме того, в силу достаточно естественной инференции, согласно которой без этой экспликации явление или событие, скорее всего, не имеют места («в каком-то смысле слова смогут, а вообще, в прямом смысле, при более вероятном развитии событий, – нет»), говорящий легко может отказаться в дальнейшем от ответственности за содержание высказывания, упирая на то, что он имел в виду это лишь «в каком-то неопределенном смысле».

Особенно это важно в случаях, когда содержание высказывания в норме должно трактоваться совершенно однозначно и, значит, не долж-

но иметь никаких особых условий для своей интерпретации, т. е. добавочных «каких-то» смыслов:

(21) *Благодаря этому установка **в каком-то смысле слова безопасна** (речь идет о холодильных установках).*

Очевидно, что адресату желательно, чтобы установка была безопасна не «в каком-то смысле», а в единственно возможном и однозначном смысле.

Наконец, не менее интересны с точки зрения выражения в дискурсе определенной системы ценностей, зафиксированной в узусе и входящей в противоречие с навязываемыми извне аксиологическими «трендами», и так называемые **оценочные метаязыковые комментарии** – *в хорошем смысле слова* (об этом – см. выше).

В целом отметим, что манипулятивный потенциал метаязыковых комментариев наиболее ярко проявляется в неузуальных реализациях регулярных моделей построения рефлексива, когда, например, в речи появляются довольно «экзотичные» метаязыковые операторы – *в постельном смысле слова, в законном смысле слова, в бандитском смысле слова, даже в быдловато-дворовом смысле слова*:

(25) *Необязательно он [мужчина] должен уделить то самое внимание, **в постельном смысле слова**. Обычный разговор – уже повод;*

(26) *Усиливая таможенный контроль **в законном**, а не **в бандитском смысле слова**, необходимо, скорее всего, одновременно снижать размеры таможенных пошлин;*

(27) *Вот оно, правильное слово для этого фильма – «пацанский»; конечно, не **в быдловато-дворовом смысле слова**, а в плане грамотного микса нахальности, развязности и уверенности в собственных силах.*

Нетрудно заметить, что подобные неузуальные комментарии еще более усиливают субъективизм говорящего в выборе пути интерпретации семантики комментируемого выражения, они полностью снимают конвенциональную идиоматичность и тем самым с еще большей обязательностью навязывают адресату нужный для говорящего неузуальный смысл, так как конвенционально воспринять подобные высказывания в принципе невозможно, в силу отсутствия в узусе общепринятого способа понимать такие выражения.

Подводя итоги, можно сказать, что с помощью рассмотренных метаязыковых комментариев говорящий существенно корректирует смысл исходного комментируемого выражения, которое без этого комментария могло бы быть воспринято адресатом иначе, а именно в рамках общепринятых установок и трактовок, что явным образом не устраивает

говорящего. Перед нами – явления семантического преобразования особого типа, которое можно в целом определить как **операция манипулятивной субституции** узуального смысла в языковом высказывании.

Несмотря на очевидную распространенность подобных речевых стратегий в дискурсивных практиках современного русского общества, едва ли можно говорить о какой-либо национальной специфичности самих этих выражений. Подобные речевые стратегии имеют общекоммуникативную природу – они вытекают из универсальных законов речевого взаимодействия, и в этом плане они не специфичны, а, скорее, универсальны.

Однако думается, что можно все же интерпретировать востребованность этих конструкций именно в духе русских национально-специфичных речеповеденческих стратегий — как тяготение русских моделей организации дискурса к категорическим суждениям морально-го или оценочного характера, как определенную установку на некооперативное речевое поведение, когда адресату довольно бесцеремонно навязываются некие суждения и мнения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения. Кроме того, возможную национальную специфичность можно видеть не в самом употреблении этих метаязыковых комментариев, а в семантических типах комментируемых слов и выражений, но это уже составляет предмет нашего дальнейшего исследования.

То же, видимо, справедливо и для весьма распространенных в современной русской речевой практике лингвопрагматических явлений несколько иного типа, о которых пойдет речь далее. Еще одним проявлением национально-специфических речеповеденческих стратегий, на наш взгляд, является использование модальных операторов со значением истинности, т. е. выражений, где эксплицировано значение истинности: *рефлективов в истинном смысле слова, в подлинном смысле слова, в действительном смысле слова* и пр., модальных частиц *воистину, поистине*, квазиэпистемической пропозициональной установки *доподлинно известно, (что)* и пр.

В естественном языке в его обыденном употреблении очень часто эксплуатируется тема объективной истинности, реальности. Люди, производя высказывания, постоянно апеллируют к «тому, что есть на самом деле», т. е. соотносят говоримое с реальным устройством мироздания, со структурой мира (Ч.С. Пирс) в целом. Апелляция к «законам мироздания» придает убедительность и весомость самым простым бытовым суждениям, мнениям, оценкам, высказанным по по-

воду самых незначительных фактов. Она есть также отличное средство маскировки бессодержательности, путаности, скудности и банальности высказываний.

Парадокс в том, что слова и выражения с эксплицитными показателями истинности в ассертивном компоненте семантики выступают в реальной речевой практике, скорее, как средства уклонения от истинности. Исходным пунктом наших рассуждений является наблюдение некоторых распространенных и вполне идиоматичных случаев употребления метаязыковых показателей со значением истинности, когда говорящий реально не имеет в виду установление некоей объективной истины, но реализует некие специфические интенции, связанные с утверждением своей точки зрения на содержание пропозиции или ее фрагмента.

Чтобы не быть голословным, приведем реальный пример употребления квазиэпистемической пропозициональной установки *доподлинно известно*, (*что...*) в среде интернет-коммуникации:

(28) *Доподлинно известно, что до двухсот лет мы все могли бы доживать, но мы все делаем для того, чтобы этого не случилось.*

Обратим внимание на то, как маркер безусловной «доподлинной известности» всем и каждому, так сказать, «по умолчанию» интерпретируется в ключе некоей общечеловеческой истины довольно спорное, если не сказать крайне сомнительное суждение.

Здесь можно видеть специфическую речевую стратегию говорящего, помещающего утверждение, которое в экстенциональном контексте является гипотетичным и дискуссионным, в интенциональный контекст пропозициональной установки установленного и, значит, общеизвестного факта, лишая адресата возможности оспорить сообщаемое. Действительно, нельзя же спорить с незыблемой объективной истиной, которая известна всем и каждому. За спиной у говорящего – мощная защита в лице всего человечества.

Мы условно именуем подобные случаи использования метаязыковых показателей со значением истинности речевыми стратегиями «манипуляции с истиной». По нашим наблюдениям, речевые стратегии подобного типа весьма разнообразны и крайне частотны в обыденном дискурсе. Мощный воздейственный потенциал «манипуляций с истиной», который требует от говорящего минимума интеллектуальных усилий – всего-навсего эксплицитировать языковой показатель с семантикой истины, но уж никак не аргументировать или верифицировать его истинность, – позволяет людям легко оперировать понятиями «истина», «истинность» в расхожем смысле для выражения наших частных мнени-

ний и сомнительных убеждений и не подвергаться при этом вполне ожидаемому опровержению.

Лингвофилософские основы подобной «лингвоцентричной» трактовки «истинности» заложены в замечательной статье Дж. Остина «Истина» (1950), где автор отстаивает «семантическое» понимание истины в противовес господствующему в его эпоху традиционному, логико-философскому пониманию. Дж. Остин доказывает, что «истина» в реальном языковом употреблении не имеет отношения к «объективной истине» философии, логики, математики и пр. «Истина» всегда чья-то, поскольку она выступает функцией производства конкретным говорящим конкретного речевого акта утверждения в конкретной ситуации общения: «Заметим, что когда сыщик говорит «Обратимся к фактам», то он не начинает ползать по ковру, а продолжает высказывать последовательность утверждений: мы даже говорим об «установлении фактов» [19, с. 305].

Совершая акт утверждения, говорящий устанавливает связь высказывания и мира, устанавливает некое специфическое соответствие между высказыванием и описываемой им реальной ситуацией, которое и можно описать в терминах «истинности». Ведь по большей части в обыденной действительности в условиях реальной коммуникации у людей нет такой задачи – установить объективную истинность чего-либо. Нет поэтому «объективной истины» в языке. Отношение между высказыванием утверждения и миром, достижение которого устанавливается актом утверждения, является чисто конвенциональным отношением (из тех, которые «делаются таковыми мышлением»).

«Истинно или ложно то, что Белфаст расположен к северу от Лондона? Что Галактика имеет форму яичницы? Что Бетховен был пьяницей? Что Веллингтон выиграл битву при Ватерлоо? В производстве утверждения есть различные степени и измерения успеха. Утверждения соответствуют фактам всегда более или менее неточно, различными способами и в различных обстоятельствах, они имеют различные намерения и цели» [19, с. 19].

Утверждая что-то, человек совершает речевой акт, в иллокутивную силу которого входит: 1) его собственное убеждение в том, что то, что он здесь сейчас говорит, соответствует действительности; 2) намерение индуцировать соответствующее убеждение у адресата.

Именно поэтому в обыденных контекстах употребления прагматически аномальными в силу их тавтологической избыточности и неинформативности будут утверждения общеизвестных истин или фактов:

*Истинно, что дважды два – четыре, или: *Я утверждаю, что дважды два – четыре. Они нарушают принцип Кооперации, согласно которому общеизвестный факт не может рассматриваться как «открытие» говорящего, потому что это косвенно выражает обидную для адресата мысль, что тому это может быть неизвестно.

Более того, даже для того чтобы сказать просто: *Дважды два – четыре* – без эксплицированных показателей истинности или утверждения, необходимы особые коммуникативные условия, потому что в таком высказывании та же пропозициональная установка ‘Я утверждаю, что’ входит в имплицитную модальную рамку, так сказать, «по умолчанию». Здесь нарушается постулат об идиоматичности Дж.Р. Серля, который требует обязательной косвенно-речевой интерпретации тавтологичных и неинформативных высказываний в рамках принципа Кооперации [26].

Таким образом, «истинность» в обыденном языке есть не свойство пропозиции, вернее, отношения пропозиции и мира, как это трактуется в философии и логике, а функция пропозициональной установки ‘Я утверждаю, что’ → ‘Я считаю S соответствующим действительности’. С прагматической точки зрения, «истинность» в обыденном языке есть компонент иллокутивной силы речевого акта утверждения – ‘Я убежден в том, что S соответствует действительности’. Эти соображения как бы освобождают говорящего от проблемы верификации того, что он считает истинным.

Поэтому очень часто употребление метаязыковых высказываний с эксплицитным показателем истинности направлено не на верификацию некоего положения дел, а на обсуждение значений самих слов и выражений (что, собственно, и делает их метаязыковыми):

(29) *Так называемое «естественное богословие» не является богословием в истинном смысле слова. Это скорее философия, слово о «Неведомом Боге»...* (НКРЯ).

Нетрудно заметить, что непосредственно в высказывании эксплицируется установка говорящего на установление «истинного смысла» слова *богословие*. С другой стороны, мы не видим здесь мучительной рефлексии говорящего в области поиска этого самого «истинного смысла» (кому, как не лингвисту, знать, насколько трудно установить «истинное» значение даже самых простых слово естественного языка). Здесь просто голословно заявляется нечто вроде того, что ‘в том-то и том-то состоит истинный смысл слова’, т. е. незаметно реализуется некая претензия говорящего на то, что именно ему и ведом «истинный смысл» слова, или, скорее, что именно тот смысл, в котором употребляет слово

говорящий, и есть истинный. Каждому высказыванию подобного рода может быть приписана некая завуалированная модальная рамка 'Я считаю истинным, что'. Но подобные модальные рамки не могут быть эксплицитованы, потому что тогда суждение из разряда «вечных, неизблемых истин», с которыми невозможно спорить, перейдет в разряд мнения-предположения, которая еще нуждается в верификации. Ср. воздейственный эффект высказывания по модели *Истинно, что S* – и высказывания по модели *Я считаю истинным, что S*:

(30) **Истинно, что** всегда есть и будут хамы да баре на свете, всегда тогда будет и такая поломочка, и всегда ее господин, а ведь того только и надо для счастья жизни (НКРЯ).

Высказывание в такой форме претендует ни много ни мало на установление некоего универсального закона мироздания. Гораздо «слабее» в этом плане звучит его вариант *Я считаю истинным, что всегда есть и будут хамы да баре на свете*, которое попадает лишь в разряд частного суждения, поскольку пропозициональная установка мнения здесь выражена открыто. Парадокс в том, что логически оба варианта равновесны, а прагматически – между ними пропасть. В модели *Истинно, что...* присутствует очень важный имплицитный смысл – 'так вообще устроен мир', а в модели *Я считаю истинным, что...* такого смысла нет. Апелляция к реальной структуре мира именно потому и является максимально эффективным средством языкового воздействия – трудно что-то противопоставить неотвратимым законам мироздания. Сокрытие модальных рамок личного мнения в конструкциях типа *Истина (в том), что..., Истинно, что...* и пр. как раз и обуславливает возможность того, что здесь мы назвали «манипуляцией с истиной» в естественном языке.

В отечественном языкознании традиция рассмотрения манипулятивного потенциала слов и выражений со значением истины восходит к пионерским работам в области «языковой демагогии» Т.М. Николаевой [18] и – особенно – к книге Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева «Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики)» [7]. Так, например, Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев, анализируя дискурсные слова в *действительности, на самом деле*, доказывают, что подобные выражения являются приемом языковой демагогии, который противопоставляет «кажущейся, мнимой реальности реальную действительность» [7, с. 468].

Ведь действительность эта является «реальной» только с позиции говорящего, которую он тем самым стремится навязать адресату под видом некой «безусловной», объективной истины. В этой же работе, со ссылкой на Т.М. Николаеву, справедливо утверждается, что вообще ука-

зание на максимальную приближенность к жизни, к реальной структуре мира (т. е. апелляция к «объективной истине») чаще всего является лингводемагогическим приемом.

Все случаи, рассматриваемые в нашем исследовании, можно интерпретировать в духе противопоставления двух речевых стратегий, обозначение которых восходит еще ко временам античных риторик, – это стратегия *de dicto* и стратегия *de re*. В уже цитированной книге Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева выбор говорящим одной из указанных стратегий, а именно стратегии *de re*, справедливо рассматривается в качестве манипулятивного приема. Под стратегией *de dicto* (буквально «от сказанного») в общем виде понимается изложение событий, фактов или мнений на «языке фактов», т. е. в тех значениях и оценках, которые адекватны сути излагаемого (нейтральный модус изложения). Под стратегией *de re* (буквально «от вещи, от реалии») в общем виде понимается изложение событий, фактов или мнений, переформулированное в интересах говорящего, в соответствии с его исходными воззрениями и посылками. Стратегия *de dicto* направлена на адекватную передачу чужого мнения; стратегия *de re* всегда маркирована и выбирается со специальной целью. При стратегии *de dicto* говорящий использует номинации, которые считал бы адекватными и субъект передаваемого мнения; при номинации *de re* говорящий все переименовывает в соответствии со своими представлениями о реальности [7, с. 472].

Большинство интересующих нас высказываний полностью вписываются в манипулятивно заряженную стратегию *de re*, когда значения слов и выражений интерпретируются исключительно в духе воззрений говорящего, а не в плане выражения «объективной истины».

(31) *Человек, не принадлежащий к церкви, не может быть нравственным в истинном смысле слова. Добродетели язычников – это, в сущности, пороки* (НКРЯ).

В этом примере метаязыковой рефлексив *в истинном смысле слова* реально выражает в безусловной форме только религиозно-христианскую точку зрения на вопрос о том, что значит быть нравственным, но никак не то, что мы привыкли считать «объективной истиной», т. е. верифицированным суждением. Правильная интерпретация этого высказывания в духе логического анализа естественного языка могла бы быть такой: «*Человек, не принадлежащий к церкви, не может быть нравственным в истинном смысле слова, [как я понимаю истинный смысл этого слова, и при этом (только) мое понимание верно, т. е. соответствует действительности]*». В квадратных скобках – эксплика-

ция специфических интенций говорящего в русле избранной им стратегии *de re*.

Именно таков механизм превращения частного, неполного, ложного суждения во «всеобщее значимое суждение». Точка зрения говорящего как индивидуума или как представителя определенной социальной, идеологической, политической, культурной группы, т. е. по определению ограниченная, выдается за общечеловеческую истину. Это мы и называем «манипуляции с истиной»:

(32) **Истина в том, что в СССР создается семья, родня, один детский милый двор, и Сталин – отец или старший брат всех, Сталин – родитель свежего ясного человечества, другой природы, другого сердца** (А.П. Платонов. Записные книжки (1928–1944).

Этот пример позволим себе оставить без комментариев.

Согласно нашим наблюдениям, «манипуляции с истиной» могут быть направлены: 1) на всю пропозицию в целом; 2) на один из компонентов пропозиции (как правило, предикат). В соответствии с эти группируются и языковые средства «манипуляции с истиной»

I. Операции модального преобразования пропозиции в целом осуществляются посредством квазиэпистемических пропозициональных установок типа *Истинно, что...*, *Истина в том, что...*, *Доподлинно известно, что...* и пр., синтаксически замещающих позицию главного предложения при изъяснительных придаточных в структуре сложно-подчиненного предложения:

(33) **Доподлинно известно, что со дня на день состоится массированный выброс компромата в отношении Ильюка** (Интернет).

Нетрудно видеть здесь известное логическое противоречие между тем, что человеку не дано знать будущего («мы не имеем достоверного протокола о будущем»), и тем, что утверждается определенно в модусе абсолютной истинности, т. е. «абсолютного знания». Любопытно также, что в данном примере «абсолютное знание» также вступает в определенный конфликт с неопределенным темпоральным локализатором *со дня на день*.

Применительно к модели *Доподлинно известно, что...* следует отметить, что экспликация субъекта пропозициональной установки меняет коммуникативно-прагматический фон высказывания: **Мне доподлинно известно, что...** В этом случае акцент делается не на общеизвестность некоего факта, а на типе знания некоего факта определенным лицом (полное, достоверное верифицируемое знание, соответствующее действительному положению дел). Тогда к говорящему могут возникнуть вопросы о природе такой уверенности в истинности его познаний, об их

источнике и способе верификации, и он не сможет апеллировать к реальной структуре мира. Поэтому при «полноценной» стратегии *de re* субъект подобной квазиэпистемической пропозициональной установки намеренно элиминируется.

В этой роли могут также выступать вводные конструкции со значением истинности типа *действительно, в действительности, на самом деле, в самом деле, по правде говоря, правду сказать, истинно говоря* и пр., так как они, если подчиняют всю пропозицию, также выступают в роли полноценных пропозициональных установок, инкорпорируемым субъектом которых является говорящий:

(34) ***В действительности, небо голубое (мы его так видим), на самом деле, оно черное (вид из космоса)*** [Интернет].

Показательный пример в подтверждение положений, высказанных в книге Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева, о роли указанных вводных конструкций в организации приема языковой демагогии – противопоставления «мнимой» и «подлинной» реальности [7, с. 468]. *В действительности* маркирует «видимую», т. е. «мнимую», реальность, а *на самом деле* – открывает сокрытую «подлинную».

II. Операции модального преобразования части пропозиции (субъекта или предиката) осуществляются посредством метаязыковых рефлексивов *в истинном смысле (слова), в подлинном смысле (слова), в действительном смысле (слова)*, а также дискурсных модальных частиц *воистину, поистине* и др.:

(35) *Эта неожиданная встреча при такой обстановке, эти милые, порядочные в истинном смысле слова люди, аромат сигары и, наконец, успокаивающие звуки рояля, заставляющие мечтать, эта странная музыка Бетховена, порождающая какое-то необыкновенное настроение, возвышающее душу над всей жизнью, над ее мелочами, ничтожеством и грустью, – все это расположило его к откровенности и задумчивости* (Скиталец. Антихристов кучер).

Здесь можно заметить несколько странное употребление метаязыкового рефлексива с эксплицитным показателем истинности применительно к принципиально неверифицируемому в рамках логической валентности терму *милые, порядочные люди*.

Сама возможность такого употребления лишний раз доказывает нам, что подобные выражения в естественном языке имеют крайне малое отношение к проблеме установления объективной истины в строгом смысле этого слова. Естетственноречевые особенности слов *истина, истинный, истинно*, а также таких, как *подлинный, настоящий, дей-*

ствительный и пр., имеют отношение к противопоставлению двух видов знания – знания и мнения. Так, в работе Анны А. Зализняк последовательно разграничивается знание и мнение (в его двух вариантах): «Знание есть утверждение истинности суждения. Модальная рамка – ‘Я располагаю некоторыми сведениями и уверен в их истинности’. Мнение есть вероятностная оценка суждения. Модальная рамка – ‘Я располагаю некоторыми сведениями и предполагаю их истинность’. Есть два типа мнения: м н е н и е - п р е д п о л о ж е н и е (то, что можно узнать, проверить, верифицировать), или просто ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ, и м н е н и е - о ц е н к а , или просто МНЕНИЕ, которое отражает субъективную точку зрения, не подлежащую проверке или верификации, потому что ориентируется на систему ценностей, вкусовые предпочтения и т. п.» [12, с. 190].

Модус знания, как было показано выше, для рассматриваемых в работе высказываний в целом нерелевантен. Они имеют отношение как раз к выражению двух приведенных выше типов мнения. Иными словами, в естественном языке нормально говорить в терминах истинности о людях, вещах, признаках, событиях как в режиме верифицируемого мнения-предположения (*Стал известен **истинный** виновник происшествия*), так и в режиме неверифицируемого мнения-оценки (*Мой друг – **истинный** любитель музыки*). Именно последний вид употреблений обладает наибольшим манипулятивным потенциалом в плане актуализации стратегии *de re* в дискурсах разного типа.

Способность дискурсных слов со значением истинности репрезентировать неверифицируемое мнение-оценку находит свое максимальное выражение в особенностях употребления модальных частиц *поистине* и *воистину*, которые, вопреки эксплицитно выраженной в них идеи истины, к выражению истинного знания реально вообще не имеют никакого отношения. Обычно они употребляются как модальные операторы при словах и выражениях, представляющих принципиально неверифицируемые явления (оценочного, вкусового, этического и пр. характера):

(36) *Разбирали их игру, обращали внимание на лидеров и игру Нико-
лы Грбича. Я хочу о нём отдельно сказать. Он **поистине** великолепен!*
[Интернет];

(37) *Hilton Maldives Iru Fushi Resort & Spa: **Воистину** рай на земле*
[Интернет].

В данных примерах эти дискурсные частицы выступают в роли обычных усилительных частиц – просто апелляция к эксплицитно выраженному в них понятию «истинность» придает, с точки зрения гово-

рящего, его частнооценочному мнению больший вес, так как суждение тем самым из сферы личного опыта помещается в сферу неизблемых, всеобщих значимых суждений, имеющих ореол «объективной истины».

Так установление отношения истинности превращается в чистую оценочность, оценочность *par excellence*, т. е. обретает максимум неverifiedируемости и субъективности.

Рассуждая о лингвопрагматических свойствах метаязыковых показателей со значением истинности, хочется отметить и еще один парадокс их дискурсной актуализации: с одной стороны, эксплицитный ассертивный компонент их семантики отражает стремление говорящего к максимальному соответствию содержания его высказывания «законам мироздания», а с другой стороны, имплицитные компоненты их семантики, связанные с выражением специфичных намерений говорящего, выступают как действенные механизмы **уклонения говорящего от ответственности за содержание высказывания**.

В зарубежной лингвистической традиции подобные языковые средства принято трактовать как слова-«загородки». Термин «загородки», т. е. «лексические ограничители» (англ. *hedge(s)/hedging*) применительно к анализу дискурса легитимирован Дж. Лакоффом, который понимал под этим термином речевую актуализацию слов и выражений, функция которых состоит в создании некой смысловой размытости, нечеткости – типа *в общем, приблизительно* и пр. [1, с. 195].

В «Англо-русском словаре по лингвистике и семиотике» под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского этот термин определяется следующим образом: «Лексическая единица, размывающая границы экстенционального множества языкового выражения и тем самым ограничивающая ответственность говорящего за сказанное» [2, с. 265]. Нетрудно видеть, что логическая и семантическая «размытость», о которой применительно к «загородкам» говорил Дж. Лакофф, здесь интерпретируется в рамках прагматической «размытости», т. е. в рамках отношения между намерениями говорящего и содержанием высказывания, что нам представляется более перспективным.

Ведь в этом случае, при учете особых коммуникативных условий, контекста и ситуации высказывания, список слов-«загородок» существенно расширяется. По сути, в этот разряд попадают практически все слова и выражения, так или иначе участвующие в организации дискурса («метатекстовые единицы», по А. Вежбицкой), т. е. любые единицы, не имеющие сугубо дескриптивного содержания, в толкование которых входит модальная рамка *‘(Я) говорю / скажу’*, например – *впрочем*,

кстати, вдобавок, во-первых = ‘впрочем скажу, кстати скажу, вдобавок скажу, во-первых скажу’ и пр.

Возвращаясь к теме данного исследования, отметим, что дискурсная актуализация модальных операторов со значением истинности: мета-языковых комментариев *в истинном смысле слова, в подлинном смысле слова, в действительном смысле слова* и пр., вводных конструкций *по правде говоря, по правде сказать* и пр., частиц *воистину, поистине*, квазиэпистемической пропозициональной установки *доподлинно известно, (что)* и пр. – имеет все признаки использования этих слов именно в функции «загородок».

(38) **Доподлинно известно, что** в последнее время качество автомобиля «Урал», мягко говоря, оставляло желать лучшего (НКРЯ).

Здесь в пропозиции автор выражает собственное мнение, за которое он может нести ответственность в случае установления его несоответствия действительности. Но это лишь в прямом, экстенциональном контексте подобное утверждение может расцениваться как речевой акт недобросовестной информации, клеветы, лжи и пр. Мы же видим, что пропозиция «опускается» в интенциональный контекст придаточного изъяснительного при пропозициональной установке с универсальным субъектом. Говорящий как бы прячется за эту «загородку» – за пропозициональную установку общеизвестности, снимая с себя возможную ответственность за несоответствие высказывания действительности.

Поэтому под «маску» *Доподлинно известно, что...* можно в принципе заложить любое, пусть самое абсурдное утверждение, например:

(39) **Доподлинно известно, что** ежа в прямой кишке у Л.Н. Толстого не было (Владимир Тучков. *Чему подобен стихотворец // Вечерняя Москва. 1998*).

Отметим очевидную коммуникативную «безответственность» подобных приемов, которая ведет к некооперативности речевого общения. Именно поэтому кажется, что при установке на подлинно кооперативную коммуникацию говорящий должен крайне осторожно, дозированно пользоваться столь сильными средствами уклонения от истинности и от ответственности за содержание высказывания.

Подводя итоги, отметим, что «объективная истина» все же присутствует в естественном языке, но не на уровне конкретных словоупотреблений, а на уровне грамматической структуры высказывания в целом. Прототипической идиоматичной языковой структурой для выражения истинного суждения является простой индикатив настоящего, прошедшего или будущего времени в утвердительной форме, не осложненный какими-либо показателями **субъективной модальности**, любых видов оценочности и пр.

Напротив, любое эксплицитное выражение истины на лексическом уровне потенциально имеет значительный манипулятивный потенциал. Иными словами, чем чаще говорящий апеллирует к «истине», тем меньше в его суждениях истины, потому что объективная истина на самом деле нуждается в верификации, т. е. в подтверждении ее соответствия фактам, а не в словесной экспликации в режиме метатекстового включения.

В аспекте дискурсной реализации принципов «правильного» речевого взаимодействия использование подобных «загородок», не мотивированное прагматической ситуацией, можно трактовать как проявление установки на некооперативное речевое поведение, при котором адресату достаточно бесцеремонно навязываются некие суждения и мнения, причем в такой форме, которая не предполагает их возможного обсуждения.

В рамках традиционно русских речевых стратегий подобное – по поводу и без него – упоминание столь «сильных» языковых средств, как метаязыковые выражения со значением истинности, чем-то напоминает древнейшую (если не сказать архетипическую) мифологическую речевую стратегию под названием «магия слова»: ‘то, что я назвал истинным, то и есть истина’.

Также в духе именно русских национально-специфичных речеведческих стратегий использование подобных «загородок» можно интерпретировать как тяготение русского дискурса к категорическим суждениям морального или оценочного характера [9].

* * *

Анализ позволяет сделать некоторые выводы, не претендующие на глобальные обобщения по поводу тенденций развития современной русской речи, но все же обнаруживающие некоторые примечательные закономерности.

Прежде всего надо сказать, что многие активные процессы в лексике и грамматике русского языка последних лет вообще нерелевантны по отношению к отражению «своих» или «чужих» способов языковой концептуализации мира.

Так, многие лексические инновации могут служить обычным для устной речи средством экономии, являясь экспрессивными новообразованиями, например: **инфа ← информация: Значит если в тех ответах была нужная **инфа**, то иначе как скотство и назвать и нельзя...* – по аналогии с уже устоявшимся сетевым жаргонизмом *конфа ← (интер-*

нет-) конференция. Некоторые единицы образуются как бы для восполнения отсутствующей в системе номинативной единицы – например, от аббревиатуры УЗИ закономерно образуется прилагательное *узишный*, т. к. иным способом говорящий просто не может выразить эту мысль: *Я вот хотела одно время фотку узишную показать...*

В области грамматики многие инновации просто отражают стремление говорящего как бы заполнить осознаваемые им «пустые клетки» в грамматической системе. Прежде всего это касается многочисленных случаев образования причастий будущего времени: ... *прочитающий внимательно эту статью поймет многое о психологии большинства человек*; ... *считаю что курящий по праздникам = со временем закурящий и без них...*

Ряд грамматических инноваций являются формально-структурными субститутами соответствующих нормативных форм. В сфере имен, например, это распространенное явление образования окказиональных форм числа существительных, которые в системе языка образуются супплетивно: ... *а сейчас мнусь и думаю, что может покажу потом, когда уже **деть** родится*.

Оценивая в целом активные процессы в лексике и грамматике русского языка последних лет, мы не можем однозначно утверждать, что в плане именно способов языковой концептуализации мира русский язык окончательно подпал под влияние чуждых ему ментальных, социокультурных и поведенческих моделей. По меньшей мере, мы наблюдаем противостояние двух диалектически противоречивых тенденций, что для такого развитого литературного языка с богатыми культурными традициями, как русский, является нормальным состоянием в плане постоянного расширения его экспрессивных возможностей и существенным фактором его дальнейшего обогащения и развития.

Отметим также, что разные уровни языка обладают разной степенью релевантности для апроприации (усвоения) глубинных концептуальных структур, отраженных в «чужих» способах языковой концептуализации мира. Вполне естественно, что в условиях новых социокультурных реалий и коммуникативных потребностей изменения в сфере лексики представляются наиболее активными. Но в плане языковой концептуализации мира они носят относительно поверхностный характер, тогда как именно изменения в сфере грамматики как глубинного концептуального каркаса мысли о мире, запечатленной в коллективном языковом сознании, представляются наиболее релевантными с этой точки зрения. А в сфере грамматических моделей мы все же наблюдаем доминирование

именно традиционно русского способа концептуализировать действительность в слове, хотя некоторые «иноментальные» влияния прослеживаются и в этой области.

Таким образом, русский язык и стоящий за ним русский «взгляд на мир» пока еще вовсе не собирается сдавать позиции под напором иноментальных и инокультурных влияний. Более того, наши наблюдения показали, что наиболее фундаментальные способы познания и оценивания мира и наиболее типичные модели поведения даже расширяют свою активную «представленность» в речевой практике этноса последних лет.

Список литературы

1. Lakoff G. Hedges: A Study in Meaning Criteria and the Logic of Fuzzy Concepts // Papers from the Eighth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, 1972. P. 183-228.
2. Англо-русский словарь по лингвистике и семиотике: 1–2 тт. / Баранов А.Н., Добровольский Д.О., Михайлов М.Н. [и др.]; под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М., 1996. Т. I.
3. Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // Вопросы языкознания. 1993. № 3. С. 27–35.
4. Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика: Сб. науч. ст. М., 1986. Вып. 28. С. 5–33.
5. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. 2-е изд., испр. М., 1999. 896 с.
6. Баранов А.Н., Кобозева И.М. Семантика общих вопросов в русском языке // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 42, № 3. 1983. С. 263–274.
7. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. 576 с.
8. Вежбицкая А. Метатекст в тексте // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. VIII. Лингвистика текста. М., 1978. С. 402-421.
9. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; авт. вступ. ст. Е.В. Падучева. М., 1996. 411 с.
10. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М., 2005. 384 с.
11. Гак В.Г. Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков). М., 1966. 335 с.
12. Зализняк Анна А. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006. 672 с.
13. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М., 2005. 544 с.
14. Колесов В.В. Отражение русского менталитета в слове // Человек в зеркале наук: Труды методологического семинара «Человек»: Межвуз. сб. Л., 1993. С. 106–124.
15. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2008. 232 с.

16. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004. 472 с.
17. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. Что категории языка говорят нам о мышлении / Пер. с англ. И. Шатуновского. М., 2011. 512 с.
18. Николаева Т.М. Лингвистическая демагогия // Прагматика и проблемы интенциональности. М., 1988. С. 154–165.
19. Остин Дж. Истина // Остин Дж. Избранное / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой, В.П. Руднева. М., 1999. С. 290–307.
20. Падучева Е.В. Высказывание и его соотносительность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985. 272 с.
21. Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. 608 с.
22. Радбиль Т.Б. «Не» как «оператор неотрицания» в лингвоспецифичных интенциональных контекстах // Функциональная семантика и семиотика знаковых систем. Ч. I: Сб. науч. ст. / Сост.: В.Н. Денисенко, О.И. Валентинова, Е.А. Красина [и др.]. М., 2011. С. 96–102.
23. Радбиль Т.Б. «Языковое сопротивление» новым ценностям в современной русской речи // Славянские языки и культуры в современном мире: Тр. и материалы II Междунар. науч. симп. (Москва, 21–24 марта 2012 г.) / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, филол. фак. Сост. О.В. Дедова, Л.М. Захаров, К.В. Лифанов; под общ. рук. М.Л. Ремневой. М., 2012. С. 340–341.
24. Радбиль Т.Б. Метаязыковой комментарий как средство манипуляции адресатом // Логический анализ языка. Адресация дискурса / Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М., 2012. С. 411–423
25. Радбиль Т.Б. Основы изучения языкового менталитета: Учеб. пособие. М., 2010. 327 с.
26. Серль Дж.Р. Косвенные речевые акты / Пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. XVII. Теория речевых актов. М., 1986. С.195–222.
27. Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002. 224 с.
28. Шмелев А.Д. Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи // Вопросы культуры речи / Отв. ред. А.Д. Шмелев. М., 2011. С. 82–94.
29. Эпштейн М. О творческом потенциале русского языка. Грамматика переходности и транзитивное общество // Знамя. 2007. № 3. С.193–208.
30. Язык о языке / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М., 2000. 624 с.
31. Якобсон Р.О. Язык и бессознательное. М., 1996. 248 с.

ГЛАВА 2

ОСВОЕНИЕ НОВЫХ ЗАИМСТВОВАНИЙ И СОПУТСТВУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ НАЧАЛА XXI в.

Е.В. Маринова

2.1. Лексическое заимствование в начале XXI в.: общая характеристика

Несмотря на относительную стабильность российской государственности, социальной и экономической сферы, в самом языке всё по-прежнему подвижно и изменчиво, как в продолжение последних 25 лет с начала перестройки и перехода страны к рыночной экономике. Период языковой нестабильности по-прежнему продолжается. Совершенно очевидно, что многие «живые» процессы, происходящие в русском языке новейшего периода, связаны с заимствованием «чужих» слов. Лексическое заимствование, активно начавшееся с конца 80-х гг. XX в., в начале XXI в. по-прежнему характеризуется масштабностью, тотальностью, разнохарактерным влиянием на все языковые уровни и сферы, во-первых, и на русскую ментальность, во-вторых¹.

Если говорить о своеобразии этого процесса в текущий период, прежде всего, на наш взгляд, надо говорить об **интернациональном характере** современного заимствования. Активный процесс вхождения иноязычных слов наблюдается во многих других языках, и даже в таких закрытых языковых системах, генетически отличных от индоевропейских языков, как японский или китайский языки (так, например, в китайском языке употребляются заимствованные *баши* от англ. bus, *ку* от англ. cool, *сю* от англ. show [96, с. 6]). Сильный приток иноязычных слов отмечается во многих славянских языках, а также в языках таких

европейских стран, в которых традиционно заимствование чужих слов контролировалось государством (это французский, финский, норвежский языки (см., например, [3, с. 15; 80, с. 386; 97, с. 116]). По подсчётам некоторых исследователей, в текстах зарубежной хроники почти каждое пятое слово – интернационализм [81, с. 238].

Приведём лишь небольшой перечень **заимствований рубежа XX–XXI вв.**, являющихся интернационализмами: *акупунктура, аудио, аудит, банкинг, бартер, билборд, боди, бонус, брокер, веб-сервер, видео, виндсёрфинг, гамбургер, гастарбайтер, гипертекст, голкипер, грант, дайджест, дилер, директория, дисплей, дистрибьютор, домен, имидж, Интернет, кёрлинг, клиринг, компьютер, консенсус, конфигурировать, креативный, ксерокс, курсор, кэш, лизинг, лобби, логотип, маркетинг, менеджер, менеджмент, модем, монитор, мониторинг, мультимедиа, никнейм, ноу-хау, онлайн, опция, паблик рилейшнз, папарацци, перформанс, портфолио, принтер, рейтинг, референдум, римейк, рэкет, сервер, скинхед, спонсор, спрей, тренд, треш, триллер, тур-оператор, уик-энд, файл, факс, факторинг, фастфуд, фитнес, хакер, харизма, хеджер, хит, ход-дог, холдинг, холокост, чип, шоп, шоу.*

В целом же, как пишет В.П. Берков, «колоссальное обогащение словарного состава языка, в первую очередь за счёт научно-технической терминологии», – одна из общих тенденций в развитии мировых языков [3, с. 3].

Интернациональный характер лексического заимствования в XXI в. очень сильно поддерживается развитием электронных технологий, прежде всего в сфере информации. «Интернетизация» всей нашей жизни создала условия для постоянного обновления лексики за счёт номинаций различных, стремительно меняющихся технических новинок (гаджетов), их разнообразных опций, всевозможных цифровых технологий, каналов связи (скайп и др.). Нельзя не отметить огромную роль в повседневной жизни человека (правда, как правило, молодого возраста) социальных сетей. Эта сфера Интернета стала новой формой международных контактов и связей, что в свою очередь закономерно отразилось на лексическом составе языка, в котором появились новые интернациональные лексемы (*Твиттер, Фейсбук*).

Следует подчеркнуть важную роль в функционировании интернациональной лексики так называемых **вторичных заимствований**, относящихся к сфере компьютерных технологий. По своему происхождению такие слова по большей части являются греко-латинскими, имеющими давнюю историю употребления в различных европейских языках

(адрес, архив, библиотека, директория, документ, мастер, порт, портал, редактор, формат, форум, эхо и т. п.). На рубеже XX–XXI вв., под влиянием новых, «компьютерных» значений, сформировавшихся у этих слов в английском языке, они подверглись «повторной интернационализации» и уже с новой семантикой вошли в европейские языки, закрепив своё положение в составе международного словарного фонда².

Что же касается новых интернационализмов, так же как и повторные, поступающих из английского языка, у них есть все шансы войти в систему принимающего языка. Дело в том, что **вхождение иноязычного слова в состав интернациональной лексики** является одним из важнейших факторов закрепления слова в русской лексике. Причём этот фактор характеризует именно новейший период в развитии русского языка. Ранее (до конца XX в.) он не был таким важным – в силу экстралингвистических условий: заимствование проходило в «закрытой» стране, при отсутствии контактов с другими народами, странами, культурами и т. п. В новейшее время именно под действием названного фактора многие иноязычные слова, даже имея на русской почве синонимы, закрепляются в языке, пополняя международный словарный фонд (*компьютер, имидж, бартер, монитор, дисплей* и др.)³.

Следующая особенность современного заимствования проявляется в том, что пополняет русский язык иноязычними преимущественно **один язык-источник** – американский английский (эта черта также **интернациональна**). Отметим, что некоторые лексические области нашего языка, прежде всего экономическая и компьютерная терминологии, состоят почти исключительно из английских заимствований. Английский, как мы уже неоднократно писали, является не только языком-источником, но и языком-посредником для проникновения ориентализмов – заимствований из восточных языков (см., к примеру, историю появления в русской речи слова *суши* в [22, с. 124]). Исключительное положение английского языка – поставщика интернациональных и национальных⁴ заимствований – объясняется его статусом среди языков мира: английский язык – наиболее распространённый язык международного общения; можно сказать, основной язык международного общения. По мнению польского лингвиста Казимежа Люциньского, английский язык «превратился в своеобразный пиджин – упрощённую форму языка, которая развивается в среде людей, имеющих различные родные языки и потребность в ограниченном общении» [42]. Некоторые исследователи отводят ему иную роль – роль перстрата (такую роль в своё время играли для литературных языков Европы языки античности) [16, с. 8, 17].

Думается, и с той, и с другой точкой зрения можно поспорить, но нельзя отрицать доминирование английского языка в качестве «поставщика» новых лексем во все развитые языки мира, включая русский⁵. Сам этот факт очень важен для осмысления особенностей адаптации современных заимствований.

Рассматривая своеобразие адаптационных процессов в русском языке начала XXI в., мы будем исходить из того, что **окончательное закрепление к настоящему времени доминирующего языка-источника – английского языка** оказывает самое сильное влияние на характер адаптации иноязычных слов в русском языке.⁶ Прежде всего, последствия такого доминирования проявляются в том, что русский язык всё чаще принимает какое-либо конкретное слово не как отдельное, единичное слово, а как член какой-либо готовой парадигмы, микросистемы: **словообразовательной**, если заимствуются однокоренные слова, связанные в языке-источнике отношениями производности: *блог – блогер; дайвинг – дайвер* и др., или **лексической**, если заимствуются гипонимы, обозначения разновидностей какой-либо реалии (*сиквел* ‘сюжетное продолжение фильма’, *триквел* ‘продолжение сиквела’) или синонимические пары: *бизнес-леди – бизнесвумен; топ-модель – супер-модель; смайлик – эмоджикон; блиц-интервью – флеш-интервью* (см. 2.11). Кроме того, среди поступающих в русский язык новых иноязычных слов формируются группы **идентичных по структуре лексем**, освоение которых проходит в общем русле, по одинаковым или похожим схемам. К таким группам можно отнести:

- заимствования, восходящие к сложным словам и словосочетаниям в языке-источнике (*фастфуд, онлайн*);
- «инговые» существительные (*лифтинг, пилинг, лизинг*);
- англицизмы на *-ин* и *-жн*, ранее не встречавшиеся в русском языке (*промоушн, экшн, фьюжн*);
- существительные с исходом на *-с/-з*, восходящие к форме множественного числа в языке-источнике (*праймериз, фючерс*).

Группы этих слов подробнее будут рассматриваться далее (см. 2.4–2.7).

Несомненно, доминирование в качестве языка-источника **одного** языка влияет не только на адаптацию отдельных англицизмов, но и на адаптацию заимствованной лексики в целом. Мы покажем это, анализируя **особенности формальной и грамматической адаптации иноязычных неологизмов**, в том числе **заимствованных аббревиатур**.

Наконец, назовём такую яркую особенность современного заимствования, как **параллельное заимствование**, в результате которого язык-реципиент получает в течение непродолжительного времени (1–5 лет)

наряду со словом ещё и ряд его производных. Иными словами, поскольку язык-источник преимущественно один, создаются условия для заимствования **словообразовательного гнезда**. Приведём некоторые примеры: *боди, боди-арт, бодигард, бодибилдинг, бодибилдер; бренд, брендинг, ребрендинг; брифинг, бриф-кейс, бриф; кайт, кайтинг, кайтер; промоушн, промоутер, промоутировать; твиттер, твиттинг, твит; шоу, шоумен, шоувумен, реалисти-шоу* и др. Подробнее эта особенность современного заимствования и её влияние на лексическую норму русского языка анализируются далее (см. 2.10). Здесь мы лишь подчеркнём значимость отмеченной особенности для адаптации заимствований, имеющих в языке-источнике общий корень.

Мы имеем в виду тот факт, что новые заимствования, которые поступают в русский язык уже после того, как в нём освоились однокоренные слова, воспринимаются говорящими как более или менее **мотивированные**. Имея в языке-источнике полиморфемную структуру, мотивированные иноязычные слова сохраняют её и в заимствующем языке, поскольку на русской почве уже есть ранее заимствованное слово (или слова) с тем же корнем. См., например, *банкинг* и ранее заимствованные *банк, банкир; роумер* и более раннее заимствование *роуминг; паркомат* – ср. *паркинг, аквапарк, парк; планинг* (вид ежедневника) – ср. *планировать, план* и др. Звуковая оболочка и смысловое содержание неологизма уже не воспринимаются носителями заимствующего языка как нечто чуждое, абсолютно новое. Наличие мотивированности способствует адекватному пониманию нового слова, уменьшает его зависимость от контекста, обеспечивает ему ускоренную адаптацию.

Существенной особенностью современного лексического заимствования является и то, что оно проходит на фоне мощнейшего чужеземного влияния на другие языковые сферы – грамматику, орфоэпию, графику (см. об этом ниже). В то же время данный процесс сам влияет на отдельные языковые уровни. Так, параллельно лексическому заимствованию продолжается **пополнение инвентаря морфем** иноязычного происхождения: вслед за префиксом *супер-* в русский язык «перекочевал» ещё один префикс со значением высокой степени интенсивности *мега-*; становятся продуктивными суффикс *-инг* (в окказиональном словообразовании, и не только [25, с. 14]), элемент *-мейкер* (см. о нём далее); в создании современных эргонимов нередко используются словообразовательные элементы из арсенала топонимии иноязычного происхождения (англ. *-burgh, -bury, -land*): мебельный салон «*Столберги*», магазин товаров для животных «*Dogland*» и др. [8, с. 13].

В начале XXI в. окончательно произошла актуализация атрибутивной модели (по другой терминологии – аналит-конструкций), как то: *бизнес-букет, интернет-курсы, магик-шоу, тату-студия*, под влиянием многочисленных заимствований, пришедших из английского языка (*дог-шоу, бизнес-ланч, топ-модель* и др.). Популярность такой модели в кодифицированных сферах языка (живая разговорная речь, в том числе электронная, не использует её для своих номинаций [5, с. 189–192]) привела к формированию в русском языке класса так называемых **полифункциональных слов**, прежде всего на базе иноязычных имён существительных. (Безусловно, свою роль в этом сыграла действующая в русском языке, как и в других славянских языках, тенденция к аналитизму.) Полифункциональные слова выступают в роли разных частей речи (*общаться в онлайн, заказ онлайн, будь онлайн*), причём если такое слово выполняет атрибутивную функцию (*еда **фастфуд***), оно включается в относительно молодой класс аналитических, или неизменяемых, прилагательных, с которыми активно конкурируют в последнее время обычные, изменяемые прилагательные (ср. ***фастфудовская** еда*). Следует отметить, что аналит-прилагательные иноязычного происхождения за относительно короткий срок расширили свои синтагматические возможности. Вот небольшая «коллекция» примеров, свидетельствующая об этом: ***Банковские и ресепши** стойки также входят в наш ассортимент!* (реклама); *В системе (автомобиля. – Е.М.) существует **ручной и авто сёрфинги*** (рекламный текст); *Здесь же вы можете заказать такси **экономического и премиум** класса* (из объявления в самолёте); ***Голосовые и видеозвонки бесплатно!*** (реклама); ***Рекламная, фэшн и персональная** фотография* (реклама); *Использовались **компьютерные и интернет** технологии* (из научного доклада); ***Железнодорожные и авиабилеты; Железнодорожные и авиакассы; Железнодорожные и авиаперевозки*** и т. п. Объединяет все эти **новые** для русского языка употребления конструкция с однородными определениями, выраженными отнюдь не однородными с морфологической точки зрения прилагательными: изменяемым и неизменяемым.

Это один из примеров влияния иноязычного потока на достаточно консервативные участки языка, в данном случае его грамматику. Поток англицизмов обновил и фонетическую синтагматику русского языка. Так, например, сочетание звуков [г'о], «фонетически закономерное» (М.В. Панов), но встречающееся только в ненормативных словоформах *берегёт, жгёт*, произносится теперь в ряде заимствованных слов – *гёрлс* 'группа девушек, выступающих на эстраде', *гёрлскаут, гёрлфренд*

(см. об этом: [32, с. 298])⁷. Для некоторых звуковых сочетаний (например [шн], [жн]) появилась, как было сказано выше, новая позиция – конец слова (*промоушн, экишн, фьюжен*).

Намного заметнее и продуктивнее влияние лексического заимствования на словообразовательную систему: как и лексика, она активно пополняется – за счёт новых словообразовательных гнезд. Часть из них, как мы уже сказали, заимствована, но в основном новые словообразовательные микросистемы (гнезда, ряды, пары) формируются за счёт дериватов от новых иноязычий. См., например: *спам, спамщик, спаминг, антиспам, спамер, спамерский, антиспамерский*. Стремительное формирование словообразовательного гнезда (в случае актуализации слова), по словам Г.Н. Скляревской, – специфическая черта функционирования русского языка наших дней [3, с. 5]. Кроме того, объём, разветвлённость гнезда – свидетельство обрусения слова, его вживания, вrastания в систему.

Говоря об участии иноязычного слова в деривационных процессах, следует обратить внимание и на новые фразеологические единицы, компонентами которых являются «свежие» заимствования, например: *компьютерный андеграунд* ‘о хакерах, программистах, пишущих вирусы’ [АЛ], *бренд года* ‘о ком-, о чём-л. популярном’, *слепой брокер* ‘брокер, выступающий от своего имени и не раскрывающий имени своих клиентов’, *лоббировать интересы* [АЛ], *в режиме нон-стоп* ‘без пауз, без перерыва’, *чёрный риэлтор* ‘преступник, занимающийся махинациями с покупкой квартир у одиноких пенсионеров, алкоголиков и т. п.’ [СЗА], *быть в топе* ‘иметь успех’ [ССМЖ], *быть в тренде* ‘быть современным, модным’ и др. Сам факт того, что иноязычный неологизм начинает активно употребляться в составе фразеологизма, свидетельствует о его полноценном функционировании в заимствующем языке: семантика нового слова, выступающего в роли компонента устойчивого словосочетания, порождает новую семантику. Таким образом язык обогащается новыми значимыми единицами, новыми смыслами.

Активное участие новых иноязычных слов в деривационных процессах, в особенности в словопроизводстве, свидетельствует о том, что процессы адаптации заимствуемой лексики имеют в XXI в. ускоренный, динамический характер. Ещё один факт, подтверждающий этот вывод, – относительно быстрый переход иноязычного неологизма с латиницы на кириллицу (например, в случае с такими словами, как *Web-* → *веб-*; *duty free* → *дьюти-фри*, *spa* → *сна*, *Twitter* → *Твумпер*, *hi-tech* → *хай-тек*, *iPad* → *айпад* и др.).

Следует, однако, отметить, что своеобразие новейшего периода состоит в том, что ускоренная адаптация иноязычной лексики ещё не является основанием для прогнозирования результатов заимствования. Множество иноязычных слов прошли фонетическую адаптацию, пишутся кириллицей, имеют своё, строго индивидуальное значение, имеют производные, но при этом остаются на периферии языка – в пределах какой-либо языковой микросистемы (обычно обслуживающей ту или иную профессиональную, специальную сферу). Так, слова *саундчек*, *трибьют*, *трибьютный* (см. также в РОС: *трибьют-альбом*, *трибьют-группа*, *трибьют-диск*, *трибьют-проект*, *трибьют-шоу*), известны только рок-музыкантам; слова *тюнинг*, *тюнинговать*, *тюнинговый*, *тюнингованный*, *затюнингованный*, *тюнингер* используются лишь автомобилистами и т. п. **Внутри** этой микросистемы слово действительно осваивается быстро. При этом большинство носителей языка могут не знать о существовании и функционировании этого слова или относить его к редким словам.

Подчеркнём, что в XXI в. ещё более усилился профессионально востребованный характер заимствования. Ещё более дробной, можно сказать, точечной стала специализация внутри той или иной отрасли знания, сферы деятельности, причём не только профессиональной. Сфера досуга и развлечений, туризм, спорт, кулинария, мода, даже сфера быта всё более усложняются, дифференцируются, предлагая «пользователю» огромное множество разнообразных услуг, мероприятий, программ, опций, вещей и т. п. Естественно, для всего этого требуются номинации. Иногда говорящий обходится сочетанием известных ему слов (*жидкое мыло*, *жидкие гвозди*, *сухие чернила*, *жёсткий диск*, *кредитная история* и т. п.), но всё же чаще ему требуется однословное наименование для обозначения реалии. Таким однословным наименованием становится либо новое производное слово (словообразовательный или семантический неологизм), либо новое заимствование. Возьмём для примера обозначения ставших за относительно короткий срок популярными разновидностей кофейных напитков. Так, в кофейной карте кафе или ресторана можем прочесть: *капучино*, *мокачино*, *латте*, *ристратто*, *глясе*, *мокко*, *американо*, *эспрессо* и проч. Ещё более разнообразны и многочисленны номинации в профессиональной сфере. См., например, обозначения разновидностей внешней рекламы: *акрилайт*, *беклайт*, *билборд*, *брендмауэр*, *видеоэкран*, *лайтбокс*, *маркиза*, *мультисфера*, *пиллар*, *пилон*, *ситилайт*, *сити-формат*, *скроллер*, *стела*, *суперборд*, *суперсайт*, *штендер* (список далеко не исчерпывающий). Точно так же,

к какой сфере жизни мы бы ни обратились, везде обнаружим разнообразие освоенных человеком и введённых в обиход видов и подвидов какой-либо реалии, имеющих словесное обозначение.

Количество таких обозначений в словарном запасе современного человека должно быть достаточно велико – для его незатруднённой коммуникации и успешной профессиональной деятельности. Отсюда действующие в языке тенденции: тенденция к интеллектуализации лексики [36, с. 420–423] и тенденция к множественности наименований одного и того же объекта [48, с. 464; 54, с. 104–105]. Современное заимствование является одним из важных, глубоких процессов, реализующих обе эти тенденции.

Такова общая характеристика лексического заимствования в русском языке начала XXI в. Остановимся подробно на тех аспектах обозначенной проблемы, значимость которых мы отметили выше.

2.2. Особенности формальной адаптации иноязычных слов на современном этапе

Термин *формальная адаптация* мы используем для обозначения некоторых видов адаптации (или освоения) заимствуемого слова, а именно таких, которые не связаны с лексической семантикой слова, т. е. с планом содержания, а затрагивают только внешнюю сторону слова – план выражения.

С этой точки зрения к формальной адаптации относятся:

- фонетическая адаптация (изменение звукового облика заимствуемого слова);
- графическая адаптация (изменение буквенного облика заимствуемого слова), сопровождающаяся в дальнейшем орфографической адаптацией⁸.

Формальная адаптация иноязычной лексики, в целом протекающая в начале XXI вв. в русле традиции, имеет всё же некоторые новые черты, особенности.

Прежде всего отметим, что основным направлением адаптационных процессов в русском литературном языке является ориентация на звучание этимона заимствуемого слова в языке-источнике, т. е. способ так называемой **практической транскрипции**, что соответствует традиции. Однако действие принципов практической транскрипции в настоящее время расширяется, и на некоторых участках подсистемы, кото-

рую представляют собой иноязычные слова, можно наблюдать что-то вроде отступления от нормы. К таким **отступлениям** мы относим:

1) возможное отсутствие оглушения звонкого согласного на конце слова, особенно в речи молодых: *паб*, *группиз* ‘особо преданные поклонники какого-л. певца’, *имидж*, *бейдж*, *месседж* ‘сообщение’, *фастфуд* и др.

Звонкое произношение конечного согласного в иноязычном слове приближает звучание слова к этимону – заимствованию из английского языка, которому не свойственно оглушение согласных на конце слова. Такая особенность отмечается и другими исследователями (см., например: [4, с. 25]). В то же время Р.Ф. Касаткина пишет о том, что «на русской почве не привилось произношение конечных звонких согласных» [20, с. 265]. Однако исследовательницей отмечается **возможное** отсутствие оглушения согласного в композитах на границе основы в словах *блэзмен*, *джазмен*, *дедлайн*, *субмарина* и др. [20, с. 266].

2) Появление в русском языке слов с не встречавшимися ранее исходами *-шн*, *-жн* (*промоушн*, *фешн*, *экин*, *ресепшн*, *фьюжн* и др.).

Ни в «Обратном словаре современного русского языка» [ОССРЯ], ни в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка [ГСРЯ] мы не обнаружили ни одного существительного, оканчивающегося сочетанием *-шн* или *-жн*. По традиции английские лексемы на *-tion* оформлялись в русском и других славянских языках (и оформляются до сих пор) путём субституции *-tion* > *-ция*, например: *modernization* < *модернизация*. Однако на рубеже XX–XXI вв. англицизмы на *-tion* или *-sion* всё чаще стали передаваться путём практической транскрипции (подробнее об этой группе англицизмов мы пишем в 2.6).

3) Произношение с побочным ударением новых иноязычных слов, входящих в языке-источнике к композитам или полиморфным словам (*бойфренд*, *гешефтмахер*, *онлайн*, *офшор*, *нон-стоп*, *имиджмент* и др.).

Впоследствии побочное ударение может утрачиваться. См, например: *билборд* – *билборд*, *интерфейс* – *интерфейс*, *софтвер* – *софтвер*, *тачпад* – *тачпад* (комп. ‘манипулятор, заменяющий компьютерную мышь в ноутбуке’), *хай-тек* – *хай-тек*, *хай-фай* – *хай-фай*, *хет-трик* – *хет-трик*, *флеш-моб* – *флеш-моб*, *фрилансер* – *фрилансер* и др. Однако чем длиннее слово, тем дольше задерживается на нём побочное ударение.

Возможно, в некоторых случаях действует определённая акцентная модель, как, например, в словах с конечным компонентом *-мейкер*, имеющим в русском языке значение ‘действующее лицо’, реже ‘действующий предмет’. Такие слова произносятся с двумя ударениями:

кофемейкер, бьютимейкер, имиджмейкер, видеомейкер, демомейкер, маркетмейкер, плеймейкер, софтмейкер, спичмейкер, татумейкер, фильммейкер, хитмейкер, шлагермейкер, шоумейкер, траблсмейкеры (в спорт. жаргоне ‘фанаты, ведущие боевые действия’), *нюсмейкер, инвентмейкер* (от *invent* ‘найти, открыть, изобретать, придумывать, создавать’ [НБАРС]), *ивентмейкер* ‘тот, кто является организатором какого-л. культурного события’ (от *event* ‘событие, происшествие’ [НБАРС]), *прайс-мейкер*. Заметим, что в русских производных, образованных с помощью *-мейкер*, данная акцентная модель сохраняется – *вирмейкер* комп. ‘разработчик вирусов’ [АЛ], *слухмейкер* (о том, кто распространяет слухи) [НСИС].

Тенденцией произносить иноязычное слово близко к «оригиналу» объясняется и произношение в подавляющем большинстве случаев твёрдого согласного перед гласным переднего ряда, иногда подкрепляемое написанием – *флеш(ка), фешн/фэшин, хэт-трик* футб. ‘три гола подряд’, *скинхед, тинейджер, беби* и др. Следует обратить внимание на то, что формируются целые группы одноструктурных слов, поступающих из одного языка-донора, которые произносятся единообразно (без варьирования) с твёрдым согласным в одном и том же структурном компоненте. Например, это слова с компонентом *-мейкер* (см. примеры выше), с конечным звуковым сочетанием *-мент* (*менеджмент, истеблишмент, имиджмент, импичмент, харассмент* – ср. ранние заимствования из франц. *департа[м’]ент, апарта[м’]енты*), с компонентом *-мен* (*бизнесмен, шоумен, яхтсмен, супермен, уокмен, фронтмен, блюзмен, джазмен* – ср. ранние заимствования *джентль[м’]ен, конгресс[м’]ен, спортс[м’]ен, рекордс[м’]ен*). Их произношение на русской почве уже «предопределено» тем произношением, с которым произносятся другие заимствованные слова похожей структуры, пришедшие из того же языка-источника примерно в одно и то же время.

Что касается конкурирующего с практической транскрипцией способа – транслитерации, т. е. ориентации на буквенный состав заимствуемого слова в языке-источнике, то **транслитерация** как способ передачи внешнего облика иноязычного слова в литературном языке используется в чистом виде нерегулярно (*сериал* < *serial*, *эскапизм* < *escapism*); как правило, транслитерация применяется при передаче определённой структурной части слова при **смешанном способе** (например, при передаче английских сочетаний с «г» или сочетания *-ing*: *промоутер, тирсинг*), а также используется в передаче иностранных онимов и некоторых аббревиатур (см. об этом 2.8).

В субстандарте, напротив, транслитерация так же регулярна, как в литературном языке практическая транскрипция. Однако функция транслитерации в субстандарте нередко иная, чем в литературном языке, а именно **игровая**. Побуквенная передача иноязычия в жаргоне порождает экспрессивно звучащие единицы (*моуза* комп. ‘мышь’, *пага* комп. ‘страница’ – ср. англ. mouse, page). Особенно заметна игровая функция транслитерации в том случае, если жаргонизм, «полученный» таким образом, представляет собой вариант литературного слова (ср. *месседж* – *месага*, *менеджер* – *манеджер*, *компьютер* – *компутер*, *панк* – *пунк* и др.). Экспрессивную функцию в субстандарте выполняют и другие способы формальной адаптации заимствуемых слов, несвойственные литературному языку вообще: намеренная омонимия, или фонетическая мимикрия, – *емеля*, *мыло* < *e-mail*, *кликать* < *to click*; намеренное звуковое искажение слова – *юзверь* < *user*; усечение – *синса* < *sensitivity* (комп.) ‘чувствительность манипулятора мышь’ и др.

Как в литературном языке, так и в субстандарте новые иноязычные слова подвергаются **варьированию**.

Вариантность иноязычий на современном этапе имеет свои особенности. Если в предшествующие столетия, в частности в XIX в., одной из распространённых причин появления вариантности было заимствование слова из разных языков-источников, то на современном этапе на первый план выступают иные факторы, а данная причина проявляет себя всё реже⁹, поскольку язык-источник преимущественно один.

В формальном варьировании слова значимыми оказываются причины **внутреннего** характера.

Так, многие среди варьирующихся иноязычных слов имеют неодинаковый фонемный состав в разных своих вариантах потому, что в передаче одного и того же иноязычного прототипа использованы разные способы – транскрипция и транслитерация (ср.: *супервайзер* – *супервизор* от англ. supervisor). Конкуренцией названных способов объясняется преобладание среди фонематических вариантов вокалических, не совпадающих в каком-либо гласном звуке (*яппи* – *юппи* от англ. yuppie; *браузер* – *броузер* от англ. browser; *фан* – *фэн* от англ. fan), и консонантных, различающихся наличием/отсутствием отдельного согласного звука (*андеграунд* – *андерграунд* от англ. underground; *перформанс* – *неформанс* от англ. performance; *бютимейкер* – *ботимейкер* от англ. beautymaker; *эйджизм* – *эйджеизм* от англ. ageism и др.).

К вариантности слова приводит и такой внутренний фактор, как существующая по объективным причинам вариантность в передаче чужой

фонетической единицы. Например, разные способы передачи английской фонемы <w> дают говорящим варианты *вокмен – уокмен* (< workman), *вау – уау* (< wow); разные способы передачи гласной [ə], передаваемой английской буквой «а», – варианты *аккаунт – эккаунт, мерчендайзинг – мерчандайзинг* и др.

По-прежнему на появление формальных вариантов иноязычных слов оказывают влияние:

- принцип аналогии (см. ненормативный акцентный вариант *бармен* – по аналогии со словами *шоумен, супермен, яхтсмен* и др.);
- тенденция к перемещению ударения в многосложных словах в середину слова (*маркетинг – ср. маркетинг*);
- удобство произношения. Так, почти все слова на *-ин* имеют фонематические варианты с вставкой гласного – *паблик релейшен, промоушен, ресепшен* (реже – *рецепшн*), *сейшен, экшен* и т. п. См. также *кегель – кегль* [РОС].

Начиная с рубежа XX–XXI вв. отмечается появление формальных вариантов **новых разновидностей**. Так, среди **акцентных** вариантов иноязычных неологизмов можно выделить варьирующиеся единицы, различающиеся наличием/отсутствием побочного ударения (*билборд – билборд*). Абсолютно новой группой **вокалических** вариантов слова, различающихся наличием/отсутствием гласного звука, являются варианты слов на *-ин*.

Среди **орфоэпических** вариантов также выделились варьирующиеся единицы, ранее не встречающиеся в русской речи. Это варианты, различающиеся произношением сочетания *дж*: в словах английского происхождения с сочетанием [дж], находящимся в позиции перед сонантом в середине слова (*имиджмейкер, менеджмент*), «допустимо произношение четырёх аффрикат: [дж], [д'ж'], [ч], [ч']» [20, с. 268]. В позиции конца слова также возможно варьирование: после гласных сочетание *дж* произносится как [чш] или [ч] (*коттедж, хадж* ‘паломничество мусульман’); после [j] или [и] (*бейдж, имидж, картридж*) – как [чш], [ч], [ч²], [ч'ш²] (последнее сочетание характерно для односложных слов) [там же] или [дж]¹⁰ (возможно в речи молодёжи) [4, с. 25].

Новыми **консонантными** вариантами, различающимися наличием/отсутствием согласного в конце слова, являются варианты англицизмов, восходящих в языке-источнике к форме множественного числа. В одном из вариантов заимствованного слова согласная *-с*, передающая грамматический формант множественного числа *-s*, «отпадает»; при этом изменение фонетического состава слова не влияет на его значение,

см.: *флаер* – *флаерс* ‘рекламная листовка’, *паблик рилейшнз* – *паблик рилэйшин*, *фьючер* – *фьючерс*, *дартс* – *дарт* ‘метание дротиков’, *снэк* – *снэкс* ‘лёгкая закуска’, *группиз* – *группи* ‘наиболее фанатичные поклонники какого-л. певца, артиста’.

Относительно новыми являются **графические** варианты – варьирующиеся единицы, различающиеся наличием/отсутствием букв иного алфавита (латиницы). Некоторые слова иноязычного происхождения периодически употребляются в современных текстах в написании как **кириллицей**, так и **латиницей** (эта особенность сформировалась ещё в конце XX в.). См.: *айпад* – *iPad*, *апрески* – *après-ski* (об отдыхе после катания на лыжах), *афте-пати* – *after-party* (времяпрепровождение после вечеринки), *бьюти* – *beauty*, *дьюти фри* – *duty free*, *лав-стори* – *love story*, *лук* – *look* ‘внешний вид, внешний образ человека; фотография, запечатлевающая это’ [НС–XXI], *фешн/фэшин* – *fashion*, *хай-тек* – *hi-tech*, *от-кутюр* – *haute couture*, *прет-а-порте* – *prêt-à-porte*, *смоки айз* – *smokey eyes* (о модном макияже) и др.

В электронной форме речи – «живой письменной речи» – в начале XXI в. зафиксировано нетрадиционное для русской графики написание консонантных аббревиатур типа *СМС*, *ММС*: отмечается активность написаний этих аббревиатур **строчными** буквами, хотя графически они передаются только с помощью согласных букв: *смс*, *ммс*, *гпрс* (от *GPRS* < General Packet Radio Service ‘функция мобильного устройства, обеспечивающая выход в Интернет’), *нвн* (от *NWN* < «Neverwinter Nigts» – название компьютерной игры) и т. п. Такие написания – **новое для русской графики явление**, т. к. до сих пор строчными буквами передавались аббревиатуры, «созданные» путём транскрипции (*ниар*, *сидиром*, *ди-ви-ди*), или транслитерированные аббревиатуры, в составе которых есть гласный (*вин*). Заметим, что аббревиатуры, переданные строчными буквами (согласными), могут употребляться в электронной речи как склоняемые (см. об этом также 2.8). См.: *Прислать в смсе*; *Написать в смсе*; *В смсе – рассказ, из чего сделаны наши девочки*; *И текст в ммсе посылаю и музыку*; *Текущая версия нвн-а* и др.

В заключение следует отметить, какие разновидности вариантов иноязычных слов, существующих ранее, исчезают, сокращаются. По нашим данным, исчезло варьирование *z-x* на месте иноязычного [h]. В современном русском языке новейшего времени придыхательный [h] в англицизмах передаётся только одним способом – русским согласным [x]. Некоторые словари ещё фиксируют пары *гамбургер* – *хамбургер*, *гандбол* – *хандбол*, однако «вживую» такая вариантность не встречается.

Возможно, варианты с [x] сопровождали первый этап вхождения слова, а впоследствии были утрачены. Всё реже наблюдается варьирование в иноязычных словах, где безударный гласный передаётся буквой «о». По нашим данным, в новых англоамериканизмах (*компьютер, консалтинг, контроллинг, логин, модем, монитор, органайзер, попкорн, провайдер, софит* и др.) безударный <о> произносится с редукцией, т. е. в соответствии с фонетикой русского языка, тогда как в «старых» заимствованиях орфоэпическая норма ещё предлагает вариант произношения безударного <о> без редукции (*с[о]нет, б[о]кал, р[о]яль, п[о]эзия* и т. п.). Нами отмечены варианты произношения безударного <о> – без редукции и с редукцией – лишь у слова *окей*, причём на рубеже XX–XXI вв. такая вариантность ещё не наблюдалась: *окей* произносили с нередуцированным [о] (см.: [48, с. 91]). Слова же, в которых нередуцированный [о] произносится, – *мачо, лечо, карго, авизо, аудио, видео, парео, инкассо, студио* (компонент различных названий: группа «А-студио», «Софронов-студио») и др. – не имеют произносительных вариантов: отсюда можно сделать вывод, что абсолютный конец слова в несклоняемых существительных всё ещё удерживает норму произношения нередуцированного безударного [о].

Устранение (точнее, ограничение) вариантности может происходить и благодаря «вмешательству» специалистов. На основе действующих правил в области орфографии, орфоэпии, грамматики даются рекомендации по выбору того или иного варианта, а также разъясняется предпочтительность такого выбора. Однако в новейшее время закрепление в узусе того или иного варианта иноязычного неологизма иногда идёт вразрез с подобными рекомендациями, что произошло, например, со словом *массмедиа*. Нередко даже если то или иное написание нового слова рекомендовано словарём, оно продолжает «жить своей жизнью» и пишется вопреки рекомендациям. Так, «Русский орфографический словарь» рекомендует писать слитно слово *массмедиа* [РОС]. Однако наиболее частотным вариантом, по нашим данным, является вариант дефисного написания слова *масс-медиа* (см. об этом: [59, с. 105]). Например, вариант *масс-медиа* использован в названии монографии В.Г. Костомарова «Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой **масс-медиа**». См. также: *Промышленные концерны – владельцы влиятельных **масс-медиа*** (ЭКГ). По рекомендации указанного словаря, следует писать слитно с другими словами иноязычный компонент *медиа* (*медиабизнес, медиахолдинг*), однако не только в СМИ, но и в научной (лингвистической) литературе можно встретить дефисное

написание подобных образований, см.: *медиа-сообщения, медиа-сцена* ‘информационное пространство’ и т. п.

Аналогичная ситуация наблюдается и с написанием слов *блогер, шопинг*. «Русский орфографический словарь» (РОС) рекомендует писать эти слова без двойной согласной (поскольку оба слова членимые и мотивируются имеющимися в языке словами *блог, шоп*), однако нормативные варианты приживаются плохо – с ними на равных конкурируют варианты *блоггер, шоппинг* [60, с. 37]. Можно предположить, что в скором будущем подобному варьированию подвергнется слово *Твиттер*: после того, как слово пришло в русский язык, перешло на кириллицу и даже стало базой для производных (*твиттерский, твиттеряне, твиттерство*), в русской речи появилось *твит*. Наличие этого слова «усложняет» морфемную структуру слова *Твиттер* (твит- + -ер), при которой, по орфографическим нормам русского языка, двойной согласный на морфемном шве исключается. Следовательно, можно ожидать, что РОС будет рекомендовать вариант *Твитер* (и, возможно, со строчной буквы).

В целом орфография большинства неологизмов иноязычного происхождения, вошедших в русский язык в последние десятилетия, ещё не устоялась (что будет отмечаться и далее). Норма как «механизм выбора вариантов» (Б.Н. Головин) в отношении написаний многих слов ещё не «работала». На наш взгляд, это свидетельствует о том, что освоение нового слова – живой процесс, результат которого для каждой приходящей в язык единицы индивидуальный.

2.3. Отнесение иноязычных существительных к грамматической категории рода: новые явления

Говоря об общих структурных особенностях современных заимствований, нельзя не отметить тот факт, что подавляющее большинство иноязычных существительных оканчивается согласным звуком (что, видимо, также объясняется заимствованием из одного языка-источника). По этой причине родовая адаптация иноязычных субстантивов на рубеже XX–XXI вв. имеет свои особенности, а именно: значительно преобладают существительные **мужского рода**. В основном, это англоамериканизмы (*андеграунд, баннер, грант, дайджест, сайт, трекинг, холдинг* и проч.). По той же причине (консонантный исход) аббревиатурные по происхождению иноязычия, например *пиар, сидиром, хай-тек, хай-*

фай (ср. PR, CD-ROM, Hi-tech, Hi-fi), также имеют грамматическое значение мужского рода. Следует отметить, что мужской род «безоговорочно» присваивается и существительным, оканчивающимся на мягкий согласный – [л']. См.: *гель, гриль, мотель, мундиаль, пиксель* и др.

Зафиксированы даже такие существительные мужского рода, которые обозначают преимущественно лиц женского пола или только лиц женского пола (уникальные для литературного русского языка случаи). См.: *Работать **бемиситтером**; Искать **бемиситтера*** (*бемиситтер* ‘приходящая няня или сиделка’); *Я пыталась быть **чирлидером** в 7-м классе, но меня не приняли* (*чирлидер* ‘девушка из группы поддержки на спортивных состязаниях’); *Ряд успешных бизнесменов, **бизнесвуменов** и программистов* (ЭКГ)¹¹.

Иноязычные существительные, оформившиеся как существительные **женского рода**, редки (*нетарда, франшиза, шаурма* и др.). К новым явлениям на этом участке языка можно отнести тот факт, что ряд существительных (правда, их немного) оформляются как существительные женского рода (некоторые отражены словарно, например, в [НСЗ]), несмотря на сильное структурное ограничение – твёрдый согласный на конце слова. Вот несколько иллюстраций: *Немецкая **грин-кард**; Пятидесятиминутная **демо-тайп**; Демо-тейп легла на стол* (*демо-тейп* ‘пробная запись новых песен’ [НСЗ]); *Очень важно, чтобы Ваша **ре-сепши** оставила у клиента или партнёра наилучшее впечатление* (реклама). При этом у слова теряется способность к словоизменению. См.: *Нам пока не удалось завоевать ни одной **поул-позиши** и одержать ни одной победы* (*поул-позиши* ‘стартовая позиция, которую гонщик имеет право выбрать при условии победы в квалификационном заезде’); *На своей **мерс** пострадавший быстро догнал обидчиков* (ЭКГ). Такие употребления явно выбиваются из общего правила, согласно которому при заимствовании неодушевлённое склоняемое существительное на твёрдый согласный приобретает признаки существительного мужского рода.

Ранее (примерно до середины XX в.) заимствования на твёрдый согласный могли оформляться как существительные женского рода только в особых случаях. Это были экзотические наименования лиц женского пола, не имеющие в русском языке парадигмы словоизменения, т. е. несклоняемые: *мадам, мисс, миссис, фрейлейн, фрекен* и т. п.¹² На рубеже тысячелетий в эту специфическую группу феминитивов вошли новые лексемы, причём отнюдь не экзотические: *бизнесвумен, вайп, гёрлфренд*¹⁴, *хостес* ‘девушка, встречающая посетителей ресторана и провожающая их к столику’, *кол-гёрл* ‘девушка по вызову’ и др.

Новое явление в русской речи – использование одушевлённого существительного женского рода для обозначения лица мужского пола. В.В. Виноградов писал, что употребление существительного женского рода в этой функции возможно только для характеристики мужчины¹³. В остальных случаях существительное женского рода всегда обозначает лицо женского пола (см. [10, с. 59–77]. На рубеже XX–XXI вв., в связи с «маскулинизацией в развитии профессий» (Е.А. Терпугова), стало возможным иное употребление феминитивов, называющих лицо по роду деятельности. Так, существительные женского рода *модель*, *супермодель*, *фотомодель*, *топ-модель* могут использоваться применительно к лицам мужского пола. См.: *Сладкие слова и наслаждение на лице бредущей рекламной модели* (ЭКГ).

Некоторые иноязычные существительные со значением лица (правда, число их весьма незначительно) приобрели в современной русской речи грамматические признаки существительных **общего рода**. См.: *хиппи*, *зомби*, *беби*, *комильфо* (подробнее об этих словах см.: [48, с. 153–155]). В эту же группу входит, по всей видимости, неологизм начала XXI в. *чайлдффри* ‘представитель движения семейных пар, не желающих иметь детей’: *Джон – типичный чайлдффри*; *Виктория – убеждённая чайлдффри*.

Следует отметить ещё одну особенность родовой адаптации заимствований: среди иноязычных неологизмов, имеющих формы словоизменения, нет ни одного существительного **среднего рода**. Существительные среднего рода всегда были редки среди заимствований (см. об этом: [7; 12]). О непродуктивности категории среднего рода в целом, её слабой выраженности, «крайней неустойчивости» писали В.В. Виноградов, Б.О. Унбегаун, С. Гардинер и др. Выводы этих и других учёных подтверждает современный материал «свежезаимствованной» лексики. В то же время в случае намеренного искажения грамматического значения рода в некодифицированной речи, в том числе в языке некоторых интернет-сообществ, часто избирается средний род. Происходит своеобразная экспрессивизация среднего рода в этих сферах речи; см., например, *файло* (файл), *мэйло* (имейл) и т. п. (см. также об этом: [17]).

В кодифицированной речи грамматическая категория среднего рода возможна лишь у несклоняемых неодушевлённых имён существительных, в силу действующего в русской грамматике правила, согласно которому всем несклоняемым неодушевлённым существительным присваивается средний род (правило не распространяется на аббревиатуры и имена собственные, а также некоторые исключения типа *авеню*, *салюми*, *кофе*, *пенальти*). Однако именно на этом участке языка в настоящее время происходят значительные, на наш взгляд, изменения.

Остановимся на этом подробнее.

Наблюдения показывают, что многие несклоняемые неодушевлённые существительные, относящиеся к новой иноязычной лексике, употребляются в разных родовых значениях, причём либо слово используется как существительное, относящееся к **двум грамматическим родам**, либо – как существительное, относящееся к **трём грамматическим родам**. К последним, например, относится слово *хэндс-фри* ‘устройство, предназначенное для «громкой связи» по мобильному телефону’, см.: *Подскажите плиз, работает ли какой хэндс фри с пана-соником?* – из речи посетителя форума; *Есть штатная хэндс-фри* – из объявления; *Хэндс-фри новое* – объявление о продаже; *Спешите приобрести замечательное хэндс-фри*. Можно отметить также пример рефлексии говорящего по поводу рода этого техницизма, см.: *Кто знает: можно ли в Москве найти такой проводок и подойдет ли эта (этот) хэндс-фри к gsm аппарату?* (из речи посетителя форума). Как существительное всех трёх родов употребляются и слова *барбекю* (*Вошедшее в моду барбекю; Романтический барбекю; Вес каменной барбекю*), *фрисби* (*Купил новую фрисби; Модный фрисби; Запустил своё фрисби*). В 90-е гг. XX в. подобные родовые варианты отмечались и у слова *евро* (*евро падала* [НСЗ], *евро вырос, одно евро*), ещё раньше (на протяжении XX в.) – у слов *виски, пенсне, такси* (см. об этом: [65]).

Большинство варьирующихся иноязычных существительных предстает в речи в значении каких-либо двух родов: мужского и среднего, женского и среднего, мужского и женского. Покажем это на примерах.

I. Иноязычное существительное употребляется как существительное **мужского и среднего рода**. Такое грамматическое «поведение» замечено у следующих слов:

ноу-хау – см. средний род: *Русское ноу-хау* и мужской род *Он опробовал этот свой ноу-хау в позапрошлом году* (ЭКГ);

гран-при/Гран-при ‘высшая награда на фестивале’ – см. мужской род: *Гран-при был учреждён...; Гран-при присуждён...;* и средний род: *Прошлое «Гран-при Испании» также выиграл Райкконен* (ЭКГ);

Сити/сити ‘деловой район города’ – см. мужской род: *Московский Сити; Лондонский сити* и средний род: *Лондонское сити;*

амаретто – см. средний род: *Легко пилось амаретто* и мужской род: *Любимый народом амаретто;*

камаро ‘спортивный автомобиль’ – см. мужской род: *Американский камаро* и средний род: *Камаро резко понеслось;*

джамбори/джембори ‘слёт скаутов’ [НСЗ] – см. мужской род: *Всемирный джамбори* и средний род: *Планируемое джамбори*¹⁵.

II. Иноязычное существительное употребляется как существительное **женского и среднего рода**. Приведем примеры:

биеннале – см. средний род: *Поволжское биеннале* (название выставки в Нижнем Новгороде) и женский род: *Архитектурная биеннале*; *Стамбульская биеннале*; *Венецианская биеннале*;

джакузи – см. женский род: *Смело залезайте в свою джакузи*; *Итальянская джакузи* и средний род: *Джакузи было абсолютно стерильно*;

пати – см. женский род: *Пятничная пати*; *Замечательная пати* и средний род: *Закрытое пати*; «*Чёрно-белое пати*»; *Шумное пати*;

тату – см. женский род *Свежая тату* и средний род: *Ваше тату не понравилось*¹⁶.

III. Иноязычное существительное употребляется как существительное **мужского и женского рода**. К этой группе вариантов относятся:

ауди – см. мужской род: *Служебный ауди* и женский род: *Красная ауди*;

вольво/Вольво – см. женский род: *Серебристая «вольво»* и мужской род: *Бронированный «Вольво»*.

Особый случай – родовое варьирование несклоняемого существительного, заканчивающегося согласным: *Первый демо-тейп*; *Неплохой демо-тайп*; *Демо-тайп записывался* и *Демо-тейп легла на стол*; *Пятидесятиминутная демо-тайп* (*демо-тейп/демо-тайп* ‘пробная запись новых песен’ [НСЗ]); *Вам понравится наш от-кутюр* (реклама); *Ювелирный от-кутюр* [КНС]– ср.: *от-кутюр* ж. и с. [РОС].

Варьирование по роду новых несклоняемых существительных объясняется как особенностями самой категории среднего рода – по словам Унбегауна, она наименее экспрессивная среди трёх родов, – так и отсутствием склонения у данных слов: если существительное не изменяется, значит, не имеет рода или этот род не является ни мужским, ни женским, а чем-то средним (см. об этом: [102, с. 170]), т. е. «эти слова фактически безродные, а родовая характеристика к ним прибавляется по принципу лат. *ne-utrum* (*genus*) ‘ни тот, ни другой (род)’» [15, с. 111]. См. также точку зрения В.В. Виноградова: «Средний род становится складом для заимствованных слов, которые по своему звуковому или морфологическому облику не соответствуют типическим формам русских существительных» [10, с. 76].

Однако в начале XXI в. позиция среднего рода для новых иноязычных ослаблена и держится, по аналогии с исконными существительными среднего рода на *-о*, в основном у существительных на *-о*: *видео*, *айкидо*, *бунгало*, *лечо*, *парео*, *сумо* (за исключением отдельных лексем, например *ев-*

po – мужской род). Несклоняемые существительные, оканчивающиеся другими гласными звуками или согласным, приобретая признаки того или иного рода, чаще всего «ориентируются» на род их русских параллелей (аналогов, эквивалентов). В результате несклоняемые неодушевлённые существительные пополняют не только класс имён среднего рода, но и классы существительных мужского и женского рода.

Например, существительные на *-и* могут относиться и к среднему роду (*киви, татами*), и к мужскому (*багги, гран-при, дьюти-фри*), и к женскому (*ауди, джакузи*). То же самое касается субстантивов на *-о* (*сумо* – средний род, *евро* – мужской род, *вольво* – женский род) и на *-у* (*тофу* ‘вид сыра’ – мужской род, *тату* – женский род, *ушу* – средний род). Существительные на *-е* могут быть либо среднего рода (*дефиле*), либо женского рода (*биеннале*); существительные на *-а* – либо мужского рода (*гала, гохуа, спа, гоа* ‘одно из направлений в музыке’ [КНС]), либо женского рода (*якудза, гелуг-па/гелугпа* ‘школа тибетского буддизма’ [КНС]).

По нашим данным, среди новых заимствований, пополнивших класс несклоняемых неодушевлённых существительных (всего более 70 единиц), около 50% слов не относятся к существительным среднего рода или же варьируются: наряду с грамматическим значением среднего рода употребляются и в каком-либо другом родовом значении. Случаи «отклонения», т. е. приобретения признаков мужского или женского рода такими существительными, объясняются аналогией, основанной на **семантическом** сходстве – сходстве лексических значений иноязычного слова и его русского аналога (соответствия, синонима, перевода).

Смысловой аналогией заимствованного слова со словом-аналогом, в результате чего присваиваемый род расходится с родом, предписываемым грамматикой, нормой, можно объяснить, например, следующие факты:

– женский род слов *биеннале* (ср. *выставка*); *джакузи* (ср. *ванна*); *пати* (ср. *вечеринка*); *лав-стори* (ср. *история*); *кароси* ‘смерть от перенапряжения’ [НСЗ] (ср. *смерть*); *секьюрити* (ср. *охрана*); *тримурт*/*Тримурти* ‘триада главных богов в индуизме’ [КНС];

– мужской род слов *евро* (ср. *доллар, рубль*); *дьюти-фри* (ср. *магазин*); *вассаби* (ср. *соус*); *гала* (ср. *праздник*); *аджилити* ‘вид кинологического спорта – преодоление собакой препятствий’ (ср. *спорт*); *буги-вуги* (ср. *танец*); *дохё/дохю* ‘помост для игры в сумо’ [НСЗ]; *тофу* (ср. *сыр*); *багги* (ср. *гоночный автомобиль, карт*); *карго* (ср. *груз*); *гран-при* (ср. *приз*); *сити* (ср. *район, город*); *экстази* (ср. *психоделик*).

К новым, ранее не отмечавшимся, как нам кажется, явлениям, относятся случаи формирования рода у **многозначного слова**, когда каждый лексико-семантический вариант оформляется индивидуально, получая своё родовое значение (некоторые случаи такого родового распределения отражены словарно). Так, интернет-поисковые материалы показывают, что слово *фрисби* в значении ‘пластмассовая тарелочка для игры’ употребляется чаще как существительное женского рода (*недорогая фрисби*); в значении ‘вид спорта’ – как существительное мужского рода (*пляжный фрисби; суточный непрерывный фрисби*). Слово *барбекю* как название блюда относится к существительным среднего рода (*вкусное барбекю*); в значении ‘пикник’ – мужского рода (*романтический барбекю*); в значении ‘печь, решётка’ – женского рода (*каменная барбекю*). Слово *карго* [КНС] в значении ‘груз’ относится к существительным мужского рода (*дешёвый карго*); в значении ‘стиль, фасон одежды, напоминающей рабочую одежду’ – к существительным среднего рода (*мужское карго*). Слово *киви* в значении ‘дерево’ относится к существительным мужского рода (*цветущий киви*), в значении ‘плод’ – к существительным среднего рода (*вкусное киви*). Ср.: одушевлённое существительное *киви* ‘птица’, омонимичное по отношению к слову *киви* в рассмотренных выше значениях, по разным данным, относится к существительным мужского [РОС] или женского рода [БТС]. Слово *кенгуру* [КНС] как название рюкзака – существительное мужского рода (*небольшой кенгуру*), как название фасона куртки – существительное женского рода (*молодёжная кенгуру*). Слова *биеннале* (*бьеннале*) и *триеннале* в значении ‘фестиваль’ относятся к существительным мужского рода (*традиционный биеннале*), в значении ‘выставка’ – к существительным женского рода (*«Венецианская биеннале»*) [РОС]. Слово *комильфо* как наименование лица – мужской или женский род; в собирательном значении – средний; как отвлечённое существительное в значении «благовоспитанность» – средний род или мужской. См. примеры, извлечённые из НКРЯ: *Широченные кровати, золочёные бра, хрустальные вазы с фруктами – одним словом, классический набор номенклатурного комильфо* (Авант-Партнер. 14.02.2005); *Мамаша Максима Пешикова совершенная «не комильфо»* (Новый мир. 15.09.2005); *А оркестр разделен на верхний и нижний ярусы: тот, что по краям сцены, в красных жилетках и белых рубашечках, – как бы Орлеанский джаз, тот, что в яме, – академическое комильфо* (Вечерний Петербург. 06.02.2003); ... *мешает мне это проклятое интеллигентское комильфо!* (Эксперт. 25.12.2000); *«Сегодня в моде дорогой покой и полный ко-*

милфо», – говорит гендиректор компании Tweed (Деловой Петербург. 22.06.2006).

Таким образом, в сфере несклоняемых неодоушевлённых имён существительных наблюдается регулярное варьирование по роду. Это варьирование с точки зрения характера его внешнего проявления является **синтаксическим**, т.к. разная родовая принадлежность несклоняемого существительного выявляется только в контексте – окончаниями определения или сказуемого, выраженного формой прошедшего времени: *Евро должна увидеть свет 1 января 1999 г.* – *Евро когда-то падало.* – *Один евро*. Следует подчеркнуть, что варьирование по роду другого типа, **морфологическое** (оно выражается в разных родовых окончаниях **склоняемых** имён существительных), в современной речи затухает. В наших материалах зафиксировано всего 7 случаев морфологического варьирования; 6 из них отмечены словарно – в динамических словарях [ТСРЯ; АЛ], словарях иноязычных слов [КССПТ; ТСИС]: *директория* – *директорий*, *оферта* – *оферт*, *страз* – *страза*, *бандана* – *бандан*, *дискета* – *дискет*, *кафетерий* – *кафетерия*. К настоящему времени в каждой паре вариантов уже выделилась доминанта (*директория*, *оферта*, *страз*, *бандана*, *дискета*, *кафетерий*). Не устоялся ещё родовой вариант в паре *копиаст* – *копиаста* ‘метод создания текста путём комбинирования цитат из разных источников’ (от англ. *sory-paste* ‘скопировать-вставить’).

Правда, «расхождения» по роду анализируемого типа могут быть также при окказиональном, игровом употреблении иноязычного слова. Так, в тексте рекламной вывески «*Наша честная сейла*» графический «гибрид» *сейла* имеет окончание женского рода, подобно слову *распродажа*. Однако существительное *сейл* (от англ. *sale*) употребляется преимущественно как существительное мужского рода, см.: *Рождественский сейл*; *Полный сейл в голубом бутике «Эпоха»* (рекламное объявление). В качестве ещё одного примера обыгрывания родового варьирования можно привести название с вывески кафе в г. Нижнем Новгороде – «*Кафетерия*» (с некоторым налётом архаичности).

Варьирование морфологического типа наблюдается также в субстандарте, где оно выполняет игровую функцию и имеет намеренный характер, см.: жаргонизмы *лейбла* (*лейбл*); *файло* (*файл*); *мейло*, *имейла* (*имейл*); *эхо* (средний род), *эха* (женский род) и *эх* (мужской род) < *эхоконференция* ‘область для переписки, почтовая конференция в FIDO’ [АЛ; СЗА]; *инфо* (средний род) и *инфа* (женский род) < *информация* и др.

Однако в целом морфологическое варьирование заимствований в сфере новой лексики «сходит на нет». (Для сравнения: в БАС зафиксиро-

ровано около 200 вариантов этого типа: *базилик – базилика, канделябр – канделябра, банкнот – банкнота, жираф – жирафа, клавиш – клавиша* и др.). Напротив, синтаксическое варьирование новых иноязычии становится почти нормой. В чём причины этих изменений?

Обратимся к истории. Ранее (XVIII – конец XX в.) в процессе отнесения иноязычного существительного к категории рода в русском языке действовали три фактора:

а) генетический – влияние рода слова-прототипа в языке-источнике (отсюда устар. *вуаль* мужской род),

б) структурный, или фонологический-морфологический, фактор – влияние финали слова: вокальный или консонантный исход слова,

в) парадигматический, или «внутрисистемный», фактор – влияние рода русского аналога, т. е. соотносительного по значению слова.

Действие сразу нескольких факторов приводило к родовому варьированию слова (*барьера – барьер, варианта – вариант, гаван – гавань* и т. п.). Причиной подобного варьирования также нередко было то, что варианты одного и того же слова могли приходить из разных языков-источников: например, *визита, салата* – из польского и *визит, салат* – из французского [108; 95]. Так в современном русском языке на базе заимствованных имён существительных формировались морфологические варианты, различающиеся родом.

С конца XX в. оформление слова с точки зрения родовой отнесённости упрощается: это связано с тем, что подавляющее большинство существительных заимствуются из английского языка, не имеющего грамматической категории рода. Значит, генетический фактор перестаёт действовать – остаётся два фактора: структурный и парадигматический.

Среди **склоняемых неодушевлённых** существительных жёстко действует **структурный** фактор, в результате чего они распределяются по двум родам: к мужскому роду относятся существительные на согласный (*дисплей, модем*), к женскому роду – на гласный (как правило, заимствования из других языков: *нетарда, пицца*). Жёсткое действие этого фактора проявляется, в частности, в том, что новозаимствованные существительные на мягкий согласный, как уже говорилось, приобретают формы мужского рода и не варьируются. Ранее, как известно, иноязычные слова, получив в русском языке конечную огласовку в виде мягкого согласного, нередко употреблялись (а некоторые употребляются до сих пор) то как существительные мужского рода, то как существительные женского рода. В специальной литературе подробно описано родовое варьирование слов *шампунь, канифоль, тюль, роаль, модель*,

бандероль и др. – всего более 30 варьирующихся лексем (см., к примеру [88; 65, с. 21–22]).

В современной речи родовое варьирование существительных на мягкий согласный, по-видимому, затухает. Иноязычные слова рубежа XX–XXI вв., оканчивающиеся на мягкий согласный – [л’], оформились как существительные мужского рода, независимо от того, из какого языка-источника они пришли. См.: *гель* (нем. Gel), *гриль* (франц. Griller), *шазюбль* (франц. Chasuble) ‘женская летняя длинная одежда, надеваемая поверх брюк, платья’ [НСИС; АЛ], *мотель* (англ.), *пиксель* (англ. pixel) ‘минимальная единица изображения на экране’ [АЛ], *мундиаль* ‘чемпионат мира по футболу’ (исп.) [АЛ]. Причём род заимствованного слова и род его прототипа в языке-источнике могут и не совпадать. Ср.: *гель* – мужской род и нем. Gel – существительное среднего рода; *шазюбль* – мужской род и франц. chasuble – существительное женского рода.

Парадигматический фактор значим для **несклоняемых неодушевлённых** существительных. Всё чаще род таких существительных оформляется под действием смысловой аналогии. Таким образом, ново-заимствованное слово в процессе родовой адаптации вписывается в определённую парадигму принимающего языка. В то же время грамматическое правило о среднем роде (структурный фактор) тоже оказывает влияние на родовую принадлежность слова, что и приводит к его синтаксическому варьированию по роду (*один евро* и разг. *одно евро*).

Таким образом, грамматика языка по-своему реагирует на приток заимствований. Сами же заимствования выявляют некоторые наиболее подвижные, неустоявшиеся участки и механизмы языка, подверженные изменениям. Одним из таких механизмов является норма. Тот факт, что в ряде случаев окончательный родовой вариант иноязычного существительного ещё не утвердился в реальной речевой практике, означает, что норма как «механизм» выбора вариантов ещё не сработала. По-видимому, в словаре следует фиксировать конкурирующие варианты (как это делается, например, в некоторых словарях, см. далее) и в то же время предлагать, отмечать вариант, соответствующий правилу русской грамматики. Кодификация же только одного варианта, очевидно, преждевременна (неслучайно в разных словарях по-разному фиксируется род некоторых несклоняемых существительных).

В заключение раздела приведём данные словарей, подтверждающие наши выводы:

ауди – мужской род [РОС]; мужской род [НСЗ]; женский род [ТСРЯ]
амаретто – средний род и мужской род [НСЗ]

барбекю – средний род [РОС]; женский род и средний род [НСЗ];
средний род [БТС]; средний род [КНС]

биеннале/бьеннале – мужской род (фестиваль) и женский род (выставка) [РОС]; женский род и средний род [БТС]; женский род [АЛ];
средний род [ТСИС]; средний род [АЛ]; женский род, неправ. *очередное биеннале* [КНС]

бордеро – средний род и мужской род [КНС]

бэкантри/беккантри (вид спорта) – мужской род и средний род [КНС]

вольво – мужской род [РОС]; женский род [ТСРЯ]

гохуа (вид китайской живописи) – женский род и средний род [РОС]

демо-тейп – мужской род и женский род [НСЗ]

джакузи – средний род [РОС]; женский род [НСЗ]; женский род и
средний род [АЛ]; средний род [БТС]; средний род [ТСИС]

джамбори – мужской род и средний род [НСЗ]

евро – мужской род, женский род и средний род [НСЗ]; мужской род
и средний род [АЛ]; мужской род [РОС]; мужской род [БТС]; мужской
род, неправ. *одно евро* [КНС]

карго (груз) – средний род [РОС]; средний род [БТС]; мужской род
[ТСИС]; мужской род (о грузе) и средний род (о фасоне одежды) [КНС]

камаро – мужской род и средний род [НСЗ]

киви – мужской род и средний род (дерево и плод) [РОС]; средний
род (дерево) [БТС]; средний род [ТСИС]

киви (птица) – мужской род [РОС]; женский род [БТС]; женский род
[ТСИС]

от-кутюр – женский род и средний род [РОС]; мужской род [КНС]

пати – женский род [РОС]; женский род и средний род [АЛ]

тату – средний род [РОС]; женский род [АЛ]; женский род [БТС];
средний род [ТСИС]

тофу – средний род [РОС]; мужской род [БТС]; мужской род
[ТСИС]

триеннале – мужской род (фестиваль) и женский род (выставка)
[РОС]; женский род и средний род [БТС]; средний род [ТСИС]

сити – мужской род и средний род [РОС]; мужской род [СЗА]

ска (стиль в музыке) – мужской род и средний род [КНС]

статус кво – мужской род и средний род [КНС]

фэнтези – средний род [РОС]; средний род [БТС]; женский род
[АЛ]; мужской род (о жанре) [КНС]

фэн-шуй – мужской род и средний род (нескл.) [РОС]; мужской род [АЛ]; мужской род [КНС]

цицера (шрифт) – мужской род и средний род [РОС]; средний род [БТС]; мужской род [ТСИС]

якудза – женский род нескл. (о мафии) и мужской род (о мафиози) [РОС]

2.4. Особенности адаптации иноязычных существительных, восходящих к сложным словам и словосочетаниям в языке-источнике

Одна из особенностей современного заимствования – закрепление в заимствующем языке имён существительных, генетически восходящих к словосочетанию или сложному слову в языке-источнике. Такие единицы называют лексикализованными иноязычными структурами.¹⁷ В процессе их семантического освоения принимающий язык в большинстве случаев копирует «сумму» значений, складывающуюся из значений слов, входящих в словосочетание, или частей композита, см.: *от кутюр* и франц. *haute couture* ‘высокая мода’; *пэблик релейшнз* и англ. *public relations* ‘связи с общественностью’; *лав-стори* и англ. *love story* ‘история любви’; *ар брут* и франц. *ar brut* букв. ‘грубое искусство’ и проч.

Адаптация заимствований, относящихся к этой группе, во-первых, имеет общие черты; во-вторых, протекает иногда вопреки сложившейся традиции. Так, для их освоения **в письменной речи** характерно прежде всего орфографическое варьирование (слитное, дефисное или раздельное написание). В наших материалах орфографическая неустойчивость обнаружена у следующих слов (первыми в парах даны нормативные, согласно РОС, варианты): *бизнесвумен* – *бизнес-вумен*, *бодибилдинг* – *боди-билдинг*, *виджей* – *ви-джей*, *гёрлфренд* – *гёрл-френд*, *дежавю* – *дежа-вю*, *диджей* – *ди-джей*, *дедлайн* – *дед-лайн* ‘пределный срок’, *инет* – *и-нет*, *кикбоксинг* – *кик-боксинг*, *кол-гёрл* – *колгёрл*, *кун-фу* – *кунфу*, *луна-парк* – *лунапарк*, *ноу-хау* – *ноухау*, *нюсмейкер* – *нюс-мейкер*, *онлайн* – *он-лайн*, *офлайн* – *оф-лайн*, *офшор* – *оф-шор*, *ПИН-код* – *пинкод*, *прайм-тайм* – *праймтайм*, *прайс-лист* – *прайслист*, *саундчек* – *саунд-чек* ‘репетиция, настройка инструментов непосредственно перед концертом’, *сим-карта* – *симкарта*, *скейтборд* – *скейт-борд*, *скинхед* – *скин-хед*, *смартмоб* – *смарт-моб*, *супермаркет* – *супер-маркет*, *тайм-шер* – *тайм-шер*, *тимбилдинг* – *тим-билдинг* ‘сплочение коллектива’,

ток-шоу – токишоу, уик-энд – уикенд, ушу – у-шу, фастфуд – фаст-фуд, флешмоб – флеш-моб, форс-мажорный – формажорный, фристайл – фри-стайл, футзал – фут-зал, хай-фай – хайфай, хедхантер – хедхантер, шоумен – шоу-мен и др. Колебания в написании «слитно/через дефис» испытывают также *халфпайп – халф-пайп* ‘катание на доске в полутрубе, сделанной из плотного снега или вырытой в земле и покрытой снежным слоем’, *хэндмэйд – хэнд-мэйд* ‘что-либо сделанное вручную’ и др.

В некоторых случаях варианты различаются дефисным/раздельным написанием: *от-кутюр – откутюр, паблик-рилейшенз – паблик рилейшенз* и др. Слова *массмедиа, мейкап* зафиксированы нами в трёх орфографических вариантах: *массмедиа – масс-медиа – масс медиа, мейкап – мейк-ап – мейк ап*.

Неупорядоченность в написании иноязычных слов, этимологически восходящих к сложным словам, объясняется действием нескольких, порой противоречивых факторов, а именно: написанием этимона в языке-источнике; членимостью слова на компоненты, являющиеся в русском языке отдельными словами; наличием в русском языке слов, имеющих тот же словообразовательный компонент (последний фактор предполагает учёт написания таких слов, а также слов, входящих в тот же лексико-семантический разряд и имеющих аналогичную структуру) [66, с. 50–51]. (О проблеме слитного – дефисного написания иноязычных слов см. также [34, с. 408–409]).

В устной речи многие иноязычия, этимоны которых в языке-источнике представляют собой сложное слово (или сочетание слов), произносятся с **побочным ударением**, как поликорневые слова исконного происхождения типа *водоизмещение*. Например: *армрестлинг, билборд, боди-арт, бодибилдинг, бодибилдер, бодигард, бойскаут, бойфренд, брейк-данс, бэбиситтер, данс-пол, джиу-джитсу, копирайтер, массмедиа, матчбол, матч-пойнт, нон-стоп, ноу-хау, овердрафт, овертайм, ол-инклюзив, плей-офф, прайм-тайм, саундтрек, секунд-хэнд, сноубординг, фанфикшн, фастфуд, хэндс-фри, шоумен* и др.

Данная акцентологическая особенность (наличие побочного ударения в словах, не являющихся сложными с точки зрения языка-реципиента) характерна «главным образом для недавних и ещё плохо освоенных заимствований» [30, с. 193]. Ср., например, акцентуацию «старых» заимствований *футбол, волейбол, баскетбол* (с одним ударением) и новых заимствований с элементом *-бол*: *пейнтбол, страйкбол* ‘военно-командная игра с применением копий реального боевого ору-

жая, изготовленных из металлопластика’, *стритбол*, *трекбол* комп. (от англ. trek ball) ‘шаровой манипулятор’ (с побочным ударением).

По мере освоения слова появляются варианты акцентуации *билборд* и *билборд*, *интерфейс* и *интерфейс*, *тачпад* и *тачпад* комп. ‘манипулятор, заменяющий компьютерную мышь в ноутбуке’ (от англ. touchpad), *хай-тек* и *хай-тек*, *хай-фай* и *хай-фай*, *хет-трик* и *хет-трик*, *флешмоб* и *флешмоб*, *фрилансер* и *фрилансер* и др. «Переход» к одному словесному ударению происходит быстрее, если слово двух- или трёхсложное, т. е. имеет оптимальную (для русского языка) длину. Чем длиннее слово, тем дольше задерживается на нём побочное ударение. В некоторых случаях действует определённая акцентная модель, как, например, в словах с конечным компонентом *-мейкер*, которые произносятся с двумя ударениями (см. 2.2).

У слов, этимологически восходящих к сложным словам или словосочетаниям, обнаруживается (в устной и письменной речи) и такая особенность, как **варьирование по признаку склоняемости/несклоняемости**. Ср., например: *Производители фастфуд* и *Индустрия фастфуда*; *Интервью с суперстар* и *Фильм голливудского суперстара*; *Время для прам-тайм/для прам-тайма*; *По данным Гринпис* и *Представители Гринписа*; *Прелести ол-инклюзив/ол-инклюзива*. У некоторых лексем (*грин-кард*, *кантри-мьюзик*, *от-кутюр*, *плей-офф*, *смарт-кард*) словоизменение отсутствует вовсе, несмотря на консонантный исход слова, что, безусловно, противоречит грамматической системе русского языка (см. также об этом 2.9).

Особенности адаптации «псевдосложных» слов проявляются и с точки зрения их словообразовательной продуктивности. На первом этапе вхождения в язык такие слова какое-то время остаются пассивными в плане словопроизводства по сравнению со словами иной структуры. Возможно, задержка в образовании дериватов связана с их очевидной иноязычностью (расчленённость структуры таких слов обычно чувствуется носителями принимающего языка даже при школьном уровне знания иностранного языка), часто неблагозвучием, отсутствием обычной грамматической оформленности в случае с несклоняемыми существительными и т. п. (см., например, отсутствие в литературном языке производного прилагательного от слов *бизнесумен*, *шоумен*, *брейк-данс*). Однако такая задержка характерна для кодифицированной сферы речи, в то время как в электронной форме речи, имеющей некодифицированный характер, дериваты (относительные прилагательные) возможны и

весьма распространены. Вот только некоторые примеры: *фастфудовское* питание; *хэндсфришный* динамик (хэндс-фри ‘техническое устройство, обеспечивающее громкую связь’); *хенд-мейдовые* двери; *плэйоффовская* серия игр; моя *гринкартовская* история; *ноухаувские* предохранители; *тимбилдинговые* игры (упражнения и т. п.); *уикендовский* опрос (видеомикс), *уикендовская* порция анекдотов, *уикендовские* газеты и т. п.; *флешмобовский* сайт (ролик), *флешмобовские* украшения; *бодибилдинговое* питание; *виджейский* пульт (вечер); *бэбиситтерское* агентство, *бэбиситтерские* обязанности; *кикбоксинговый* клуб; *бойфрендовский* свитер; *бойфрендовая* рубашка; *гёрлфрендовские* отношения; *дедлайновый* ажиотаж и др.

На наш взгляд, именно в этих, неофициальных сферах общения заимствования смело русифицируются, а их деривационные возможности проходят своеобразную проверку. Впоследствии производные от иноязычных единиц прилагательные закрепляются в литературном языке, кодифицируются. См. зафиксированные в РОС *от-кутюрный* (*откутюрные* украшения); *нюсмейкерский* (*нюсмейкерские* списки); *офшорный* (*офшорная* зона); *прайм-таймовый* (*прайм-таймовое* время); *скинхедовский* (*скинхедовская* обувь); *таймшерный* (*таймшерный* отель); *фрестайловый* (*фрестайловые* традиции); *футзальный* (*футзальные* игры); *диджейский* (*диджейский* пульт); *онлайновый* (*онлайновый* магазин); *офлайновый* (*офлайновый* режим); *массмедийный* (*массмедийный* дискурс) и др.

Таким образом, активно пополняемая в начале XXI в. группа заимствований, восходящих в языке-источнике к сложным словам или словосочетаниям, оказывается источником новых явлений, требующих внимания со стороны лингвистов для прогнозирования языкового развития.

2.5. Грамматическое и лексическое поведение «инговых» существительных в современной русской речи

Число англицизмов в русском языке увеличилось к началу XXI в., по данным разных учёных, более чем в 5 раз (см., например, [11]). Эта цифра отражает и увеличение в русском языке заимствованных из английского языка существительных на *-инг* типа *тренинг*, *мониторинг*. Так, в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка за-

фиксировано около 40 «инговых» существительных [ГСРЯ]; в наших материалах – свыше 200.

Это заметно пополняемая с конца XX в. группа иноязычий. причём не только в русском языке, но и в других славянских языках. В чешском экспансия «ингов» привела к тому, что некоторые из них не подчиняются традиционной графической адаптации. Как пишет Й. Мравинацева, ранее конечный *g* заменялся на *k*, что соответствовало фонетической системе чешского языка (*mitink*, *marketink*). Сейчас некоторые «инговые» существительные остаются неадаптированными (*rating*, *peeling*, *holding* и др.) [104] (см. также об этом: [25, с. 15]. Безусловно, не могли не произойти изменения в освоении существительных на *-инг* и на русской почве. Об этих изменениях и пойдёт речь ниже.

Первая реакция лингвистов на количественный рост «инговых» существительных в конце XX в. была следующая: функционирование таких англицизмов в русской речи приводит к деформации русской морфологии (см., например, [89, с. 46–49]); они «имеют дефектную парадигму склонения», т. к. в большинстве своём пополняют группу существительных *singularia tantum* [26]. Так, слова *тренинг*, *мониторинг*, *маркетинг* употребляются в речи только в форме единственного числа [там же].

Современное употребление «инговых» существительных, в том числе названных выше, эти опасения не подтверждает: Напротив, наши материалы показывают, что формы множественного числа регулярны сейчас для подавляющего большинства слов на *-инг*. Есть эти формы и у существительных *тренинг*, *маркетинг*, *мониторинг*. См.: *Семинары и тренинги в Москве; Помещения для тренингов; Плановые мониторинги; Данные мониторингов; 5 маркетингов: как правильно расставить приоритеты* и т. п.

Особо отметим тот факт, что формы множественного числа образуются с большой степенью регулярности и от отвлечённых существительных, которые значительно преобладают среди «инговых» существительных (приблизительно 75,8% от общего числа). Например, слово *прессинг* имеет формы множественного числа в каждом своём значении – и в прямом (‘активная форма защиты в футболе’), и в переносном (‘давление, нажим’). См.: 1. *Все эти прессинги и перепасовки означают прежде всего борьбу за командный ритм* (ННТВ. 3.05.2000); – *Но никакие полицейские кордоны, запреты, прессинги сверху и даже насильственные меры власти не заглушат сознания полного ее банкротства* (kprf.perm.ru).

Однако, в отличие от конкретных имён типа *брифинг* – *брифинги*, при употреблении **отвлечённого** существительного в форме множественного числа происходит семантический сдвиг, отличающий данную форму от формы единственного числа. В плюральной форме отвлечённое «инговое» существительное может обозначать конкретные (поддающиеся счёту) проявления действия. Ср., например, эти значения у слова *рестайлинг* ‘обновление стиля автомобиля’ в следующих контекстах: *Рестайлингу автомобилей не принято уделять много внимания. – А в каком году были рестайлинги 206-го и 307-го «пжсо»?* (форум). См. также: *Как же мне дороги эти «субботние шопинги» у населения – пробки похлеще, чем в рабочий день* (форум); *Улучшить к-л. конкретно-индивидуума может именно конкретная среда его общения, в т.ч. и моббинги, в которых он принимает участие* (community.livejournal.com); *В школе потом, уже ближе к подростковому возрасту, начались всякие моббинги и разборки, они оставили глубокий след, хоть и преодолимый в итоге* (моббинг ‘преследование, притеснение’).

Такие сдвиги обнаружены и у слов *армрестлинг, диллинг, демпинг, киднеппинг, мастеринг* ‘запись музыки в специальных студиях’, *рекрутинг* ‘наем рабочей силы’, *стретчинг, толлинг* ‘форма сотрудничества компаний’, *футинг* ‘ходьба в быстром темпе’ и др.

В форме множественного числа у отвлечённого «ингового» существительного могут появляться, кроме указанного выше, и другие оттенки. Например, возможно указание на **разновидности** действия; действие, происходящее в виде **мероприятия**; действие, предлагаемое в качестве **услуги**. См. названия разновидностей процедуры пилинга (очистки кожи): *Корректирующие пилинги; Химические пилинги; Фруктовые пилинги* и др. См. также: *Актёрские кастинги; Животные кастинги; Мобильный и телефонный банкинги; Дошкольные скрининги, школьные скрининги, скрининги для взрослых; Парциальные лифтинги; Новые тюнинги; Ру-коучинги и бизнес коучинги; Ситуативный, транзитивный коучинги* (коучинг ‘консультация с персональным наставником по вопросам бизнеса и психологии’); *Ручной и авто сёрфинги*.

В случае, когда в семантике отвлечённых «инговых» существительных, при их употреблении в форме множественного числа, появляется сема ‘мероприятие’ или ‘услуга’, актуализируется сема **повторяемости** действия (такое приращение смысла характерно для отвлечённых существительных в целом – см. об этом, в частности, [77, с. 148]). Например:

Сэмплинги используются для стимулирования сбыта (сэмплинг ‘бесплатная раздача пробных образцов продукции’).

Сему ‘мероприятие’ часто приобретают «инговые» существительные спортивной и туристической тематики (*Woodbury имеет скоростной спуск, рассчитан на сноубординги, катание на санях; Активный отдых на озере Нарочь, кайтинги и виндсёрфинги; В основном, все дайвинги происходят на южном направлении; Рафтинги, джипинги и каньонинги с конными прогулками прошли мимо; Трекинги и сплавы в Гималаях и под.*); сему ‘услуга’ – «инговые» существительные экономической или финансовой сферы: *Биржевые операции: операции с акциями, операции на срочном рынке, финансовый советник, доверительное управление, интернет-трейдинги (трейдинг ‘торговля ценными бумагами без посредников между трейдером и биржей’); Новый субъект фармрынка – кредитные факторинги (факторинг фин. ‘коммерческая операция по доверенности, перепродажа права на взимание долга; услуга, связанная с получением денег за продажу в кредит’ [ТСРЯ]); Подтверждение сделок и неттингов (неттинг фин. ‘часть клиринга, процесс, при котором денежные требования клиента зачитываются против его денежных обязательств’); Техническое обслуживание клиентов, хостинг, провайдинги и др.*

Отметим, что толковые словари не фиксируют подобные «сдвиги» как новые лексико-семантические варианты или оттенки значения, но на самом деле полисемия отвлечённых имён существительных, в том числе «инговых», нередко развивается именно на основе этих сдвигов. Причём при развитии полисемии новое, конкретное значение реализуется не только при употреблении словоформы множественного числа, но и **при употреблении формы единственного числа**. Так проявляется связь двух основных типов адаптации иноязычного слова – грамматической и семантической.

Незатруднённое включение отвлечённых «инговых» существительных в традиционное грамматическое противопоставление по числу происходит благодаря устойчиво действующим в языке метонимическим моделям, по которым обычно развивается полисемия:

I. Действие → результат.

Ср. *рейтинг* ‘оценка чьей-то деятельности, популярности’ (отвлечённое значение) и ‘разновидность (жанр) массмедийной продукции, содержащей сведения о степени популярности кого-, чего-л.’ (конкретное значение) – см.: *Каталоги и рейтинги; Рейтинги и обзоры* (ср. подобное конкретное значение у более раннего заимствования *рейтинг-*

лист 'список оцениваемых предприятий, товаров' [НСЗ-70; АЛ]). Конкретное значение слово *рейтинг* имеет и в контекстах типа *Политик участвовал в 40 рейтингах* (ср. *конкурсах* и т. п.).

II. Действие → средство.

Слова *пилинг*, *пирсинг*, *стайлинг* как отвлечённые существительные обозначают процессы (соответственно 'очистка кожи', 'прокалывание различных частей тела и укрепление в образовавшемся отверстии украшений' [НСИС], 'формирование стиля причёски'); в то же время они употребляются в современной речи и в конкретных значениях (при этом могут использоваться плюралные формы). См.: *пилинг* 'крем, убирающий верхний слой кожи'; *пирсинг* 'украшение' – *Здесь вы можете заказать ювелирные изделия из золота, купить пирсинги* (реклама); *Шампуни, бальзамы, маски и стайлинги* (реклама). См. также подобный перенос в словах спортивной лексики: *Ребятам обязательно надо... облить пресной водой снаряжение (вёсла, спасжилеты, катамаран, плоты, каяки, виндсёрфинги)*; *К сожалению, практически нет развлечений (бананы и прочие парасейлинги отсутствуют...)*; *Где-то вдали над озером планировали дельтапланы и параглайдинги* и под.

III. Действие → место.

Слова *боулинг*, *скейтбординг*, *шейпинг*, *яхтинг* и др. используются в современной речи не только для обозначения вида спорта, но и места для занятий соответствующим видом спорта, см.: *Все боулинги Москвы и Санкт-Петербурга* (реклама); *Салоны красоты, бассейны, шейпинги, солярии* (реклама); *Все, что касается средств размещения и сопутствующей сферы услуг: гостиницы, яхтинги, рестораны, магазины, парки развлечений, – все это будет делаться в ближайшее время* (ЭКГ).

IV. Действие → лицо (по роду деятельности).

См.: *На одной площадке «ломали» локти силачи-армреслинги; Бодибилдинги любят только свою фигуру* (форум); *Даже самым ранним утром – легковые машины, велосипеды, даже два десятка джоггингов...; Женщины должны чем-то выделяться... Но это уже не тургеневские барышни, это уже кикбоксинги какие-то* (из интервью); *Заходим в сервисный зал, смотрю – клининги натирают тряпками мебель* (форум).

Наблюдение за употреблением в русской речи новых «инговых» существительных показывает, что они стали более последовательно русифицироваться с точки зрения числового противопоставления (слов на *-инг*, не зафиксированных нами в форме множественного числа, немного, около 7%). Следует отметить также, что ряд слов на *-инг* употребля-

ются преимущественно в форме множественного числа: *тренинги* ‘кеды, полукеды, спортивные тапочки’; *карвинги* ‘укороченные горные лыжи с зауженной серединой и широкими концами’; *дравйвинги* ‘гонки как вид компьютерной игры’ (ср. жарг. *гонялки*); *хакинги* ‘высокие массивные ботинки со шнуровкой, элемент экипировки панков’ [СЗА]. Такие неосемантизмы в результате лексикализации множественного числа дополнили разряд существительных *pluralia tantum*.

В адаптации исследуемых англицизмов есть и другие особенности. Так, слова на *-инг*, как правило, сразу получают кириллический вариант написания, минуя стадию «вкрапления», т. е. написания в оригинальной графике (см. об этом также 2.5). Новая особенность в освоении «инговых» субстантивов – способность образовывать глаголы: *дриблинговать* ‘искусно вести мяч или шайбу’ (ср. *дриблинг*) [АЛ; КНС], *кастинговать* (разг.) ‘проводить кастинг’ [АЛ], *киднеппинговать* ‘заниматься киднеппингом’, *пирсинговать* ‘подвергать пирсингу (прокалыванию)’ [АЛ], *прессинговать* ‘осуществлять прессинг, подвергать прессингу’ [АЛ], *рейтинговать* ‘выводить рейтинг’ [АЛ], *трейдинговать* ‘заниматься трейдингом (продажей и последующей покупкой товаров, акций и т. п.)’, *шопинговать* ‘ходить по магазинам, заниматься шопингом’, *брифинговать* (окказ.) – ...*три силовых министра в камуфляже / представили, откровенно брифингуя*... (В. Вишневский. Декабрь-84). До недавнего времени от «ингового» существительного в русском языке был только один глагол – *митинговать*.

Особо следует отметить тот факт, что отдельные «инговые» существительные относятся к **мотивированным** словам (о понятии *мотивированное иноязычное слово* см. 2.1). Например, *банкинг*, *консалтинг*, *тренинг*, *паркинг*, *прессинг*, *тестинг* имеют в русском языке однокоренные слова (ср. *банк*, *консультировать*, *тренировать*, *парковать*, *пресс*, *тест*). Мотивированность объясняется и общим, заметным структурным признаком – формантом *-инг*, уже давно претендующим на роль продуктивного суффикса русского языка¹⁸.

В целом заимствование и адаптация существительных на *-инг*, наряду с заимствованием некоторых других групп иноязычных слов, свидетельствуют о том, что в русский язык всё чаще поступают уже не отдельные лексические единицы, а готовые парадигмы, микросистемы (о чём уже говорилось в 2.1). Это позволяет пересмотреть традиционную точку зрения на заимствование, согласно которой каждое конкретное слово заимствуется как таковое, отдельное, единичное слово, а не как член какой-либо целой системы (А.И. Смирницкий).

2.6. Англицизмы с уникальным для русского языка консонантным исходом: особенности функционирования

В этом разделе речь пойдёт о словах, появившихся в русской речи относительно недавно. Все они восходят к английским существительным, оканчивающимся на *-ion*, например: *action* → *экишн*, *session* → *сейшн*, *fashion* → *фешн*.

В русском литературном языке до рубежа XX–XXI вв. слов с исходом на *-шн* не существовало. Ни в «Грамматическом словаре русского языка» А.А. Зализняка [ГСРЯ], ни в «Обратном словаре современного русского языка» [ОССРЯ] мы не обнаружили ни одного слова, оканчивающегося сочетанием *-шн* или *-шен*.

По традиции английские лексемы на *-tion* оформлялись в русском и других славянских языках (и большинство оформляются до сих пор) путём субституции (*-tion* > *-ция*). Например: *анимация* – *animation*, *номинация* – *nomination*, *инаугурация* – *inauguration*, *инновация* – *innovation*, *инсталляция* – *installation*, *опция* (комп.) – *option* и др. Формант *-tion*, регулярно подвергающийся замене в русском и других славянских языках, входит в состав слов, восходящих к латинскому источнику. В древнерусском языке латинизмы типа *substantia*, *reformatio* оформлялись с аффрикатой (процесс перехода *ti* > *tsi*, *te* > *tse* в поздней латыни был завершён ко времени появления первых письменных памятников древнерусского языка), *-io* заменялось на исконно славянское окончание *-ия* (см.: [15, с. 80]). Такая модель передачи впоследствии распространилась и на европеизмы латинского происхождения, оканчивающиеся на *-tion* (во французском, английском или немецком языках) или *-zione* (в итальянском языке). Ср. рус. *импровизация* – фр. *improvisation* – ит. *improvvisazione*.

В то же время в речи русских эмигрантов европеизмы (преимущественно англицизмы) на *-tion* передавались **иначе** – способом практической транскрипции, т. е. с конечной огласовкой *-шн/-шен*, см.: *коннекшн*, *апликэйшн*, *конверсэйшн* (ср. *connection*, *application*, *conversation*) [ЯРЗ, с. 202].

Однако в русском языке конца XX в. одно за другим стали появляться англицизмы с таким нетрадиционным иноязычным исходом. Это слова: *публик рилейшн* (*public relation*), *промоушн* (*promotion*), *ресепшн* (*reception*) ‘приёмная в гостиницах и т. п.’, *экишн* (*action*), *сейшн* (*session*) и *джаз-сейшн*, *джем-сейшн* ‘совместное импровизированное музицирование нескольких джазовых коллективов’, *фешн* (*fashion*) ‘индустрия

моды', *фикшин* (fiction 'вымысел; беллетристика') и *нонфикшин*, *сайнс-фикшин*, *фанфикшин* 'литературное творчество поклонников вымышленного мифологического мира', *поул-позишин* (poll position) 'стартовая позиция, которую гонщик имеет право выбрать при условии победы в квалификационном заезде', *формейшин* (formation) 'разновидность спортивного танца', *лимитед эдишин* (limited edition 'ограниченная серия') 'о продукции, выпускаемой маленькими партиями'¹⁹.

Почти все слова на *-ин* имеют фонетические варианты с вставкой гласного (для удобства произношения) – соответственно *паблик релейшен*, *промоушен*, *ресепишен*, *сейшен*, *экишен* и т. п. Как уже говорилось в 2.2, варианты слов на *-ин* являются абсолютно новой группой вокалических вариантов в русском языке. Наличие таких вариантов, очевидно, объясняется тем, что сочетание звуков *-шен* встречается в русских словах, например: *вишен* – Р. п. мн. ч. от *вишня* или *ску[ш]ен*, поэтому конечное *-шен* более привычное.

Особо следует отметить тот факт, что **генетически** английские прототипы существительных на *-ин* соотносятся с галлицизмами (по сути латинизмами) и имеют в русском языке параллели, также восходящие (через посредство французского или польского) к латинскому языку. Ср.: англ. action и русск. *акция* (фр. action < лат. actio), англ. position и русск. *позиция* (фр. position < лат. positio), англ. relation и русск. (устар.) *реляция* (польск. relacja < лат. relatio), англ. reception и русск. *рецепция* (< лат. reserctio), англ. session и русск. *сессия* (< лат. sessio), англ. fashion и русск. *фасон* (фр. façon < лат. factio), англ. fiction и русск. *фикция* (фр. fiction < лат. fictio), англ. formation и русск. *формация* (< лат. formatio) [ТСИС].

Таким образом, слова русского языка *акция* и *экишн*, *позиция* и *поул-позишин* (вариант *поул-позиция* встречается реже), *реляция* и *паблик релейшин*, *рецепция* и *ресепишн*, *сессия* и *сейшин*, *фасон* и *фешн*, *фикция* и *фикшин*, *формация* и *формейшин* генетически восходят к одному и тому же источнику – латыни.

Возможно, наличие таких параллелей в русском языке и «подтолкнуло» процесс освоения англицизмов типа *action* способом транскрипции. Если бы они были оформлены традиционно, с ориентацией на аффрикату латинского источника, возникла бы омонимия «старого» и «нового» заимствования, что и произошло в случае с английским *reception*. Это слово на русской почве было передано двумя способами: путём практической транскрипции – *ресепишн* и путём традиционной замены – *тион* > *-ция* – *рецепция*. Оба варианта употреблялись в начале XXI в. примерно с одинаковой частотностью, однако второй вариант омоними-

чен слову *рецепция*, заимствованному ранее и обозначающему перенос и усвоение каких-либо культурных или социальных ценностей (*рецепция римского права*). Поэтому вариант *рецепция* со временем был вытеснен *ресепшин*. Отметим, что в последнее время в некодифицированной речи в значении слова *ресепшин* употребляется его усечение *ресеп*.

Ещё одна причина появления в системе языка слов на *-ин*, представляющаяся нам более реальной, состоит в том, что некоторые из рассматриваемых слов проникают в литературный язык из некодифицированной речи, см.: «бывшие» жаргонизмы *сейшин*, *джаз-сейшин*, *джем-сейшин*, *фанфикин*, *экин* – или из профессиональной речи: см. *формейшин*, *поул-позишин*, *лимитед эдишин*, *продакин* ‘период обработки видеоматериала после съёмок эпизодов фильма’. По-видимому, можно говорить о том, что языковая периферия подготовила наш слух для других слов с таким же исходом.

Дело в том, что способ практической транскрипции английских лексем на *-тион* в субстандарте, в отличие от литературного языка, обычное явление. См., например, жаргонизмы *коннекшен* (комп.) ‘связь, сеанс связи’ [СЗА], *бэквордейшин* (бизн.-сленг) ‘спекулятивная сделка на фондовой бирже’ (англ. *backwardation*) [СЗА], а также жаргонные варианты слов литературного языка, оформленные «по-английски», с характерным для этого языка звучанием: *диктейшин* (в школьном жаргоне) – *диктант* (ср. *dictation*); *лэшкин* – *лекция* (ср. *lection*); *кондишин* – *кондиционер* (ср. *conditioner*) и т. п. См. также подобный псевдоанглицизм в прозе В. Шукшина: *Анатолий прикинул ещё парочку «цивилизейшен» (так он про себя называл шляпы)...* (рассказ «Дебил») – ср. англ. *civilization*. Следует отметить также единицы некодифицированной речи с исходом на *-ин*, не имеющее прототипа (!) в английском языке, например: *коммершин* (жарг.) – ср. англ. *commerce* ‘коммерция’, *commercial* ‘коммерческий’; *интересейшин* ‘интерес’ [СЗА] – ср. англ. *interesting*; *тусейшин* – контаминация слов *тусовка* и *сейшин* и др.

В субстандарте данные слова, как правило, **склоняются**, см., например: *Встретимся на сейшене* (из устной речи). В речи русских эмигрантов, по наблюдениям Е.А. Земской, не склоняются [ЯРЗ, с. 202].

Склоняются ли рассматриваемые слова в литературной речи? Наше исследование показало, что в речи россиян (как устной, так и письменной) непривычный исход не мешает словоизменению английских заимствований. Например: *Приобрести известность благодаря промоушну; Выбор интеллектуального фикшина и нефикшина; От фэшина до харда* (заголовок); *Соблюдать каноны экишена* и др.

Варьируются по признаку склоняемости/несклоняемости лишь некоторые слова на *-ин*. Самый распространённый случай – варьирование слова *ресепшн*: словосочетания «*девушка на ресепшне*» и «*девушка на ресепшн*» употребляются в речи примерно с одинаковой частотностью. Неустойчивое грамматическое «поведение» этого слова отражается и на его родовой принадлежности, которая также варьируется. Так, если слово *ресепшн* склоняется, оно приобретает признаки мужского рода, как и другие неодушевлённые существительные на твёрдый согласный. Если же говорящий использует в речи несклоняемый вариант, род оказывается женским. Например: *Очень важно, чтобы от Вашей ресепшн у клиента или партнёра осталось наилучшее впечатление* (реклама). Ср. подобный пример с другим словом на *-ин*: *Нам пока не удалось завоевать ни одной полу-позишн*. Такие употребления явно выбиваются из общего правила, согласно которому при заимствовании неодушевлённое склоняемое существительное на твёрдый согласный приобретает признаки существительного мужского рода (см. также об этом 2.3).

К группе существительных с нетрадиционным конечным сочетанием звуков относятся и англицизмы на *-жн* (< *-sion*). В конце XX в. в русской речи функционировало всею лишь одно такое слово – *фьюжн* (от англ. *fusion*). Так же, как и у существительных на *-ин*, исход слова *фьюжн* непривычен для русской фонетики и, по нашим данным, уникален. Ни в ОССРЯ, ни в ГСРЯ нет ни одного слова, оканчивающегося на *-жн*.

Новейшие словари [ТСИС; АЛ] дают такое значение слова: *фьюжн* – ‘одно из направлений в рок-музыке, отличающееся смешением различных стилей, например джаза и электронной музыки’. В АЛ слово имеет помету «склоняемое». В современной речи оно встречается и как несклоняемое, например: *В обиходе под фьюжн подразумевается тот же джаз-рок и его разновидности*.

На рубеже XX–XXI вв. англицизм был заимствован дважды. Реклама стала активно предлагать блюда «фьюжн», кухню «фьюжн», рестораны «фьюжн» и т. п. См.: *В 80-х фьюжном стали именовать соединение не сочетаемых на первый взгляд продуктов в одном блюде*. В «кулинарном» значении слово *фьюжн* чаще всего склоняется.

В начале XXI в. в составе некоторых эргонимов стал употребляться компонент *-вижн/Вижн* (от англ. *vision*). Например: очки «*Супервижн*», витамины «*Витрум Вижн*», радиостанция с онлайн вещанием «*Радио Вижн*», *телевижн* и т. п. Есть и фонетические варианты этого компонента (для удобства произношения): *визион, вижсин, вижсион*, ис-

пользуемые в названиях различных препаратов или витаминов, предназначенных для сохранения или улучшения зрения (англ. vision ‘зрение’). В новейшем нормативном словаре [КНС] зафиксировано ещё одно слово со звукосочетанием *-жн* – *тривижн* ‘то же, что призматрон (вид наружной рекламы. – Е.М.)’. В текстовых иллюстрациях и грамматических пометах к этому неологизму (в РОС он отсутствует) он представлен в двух вариантах: как несклоняемое существительное и как склоняемое (в разговорной речи), ср.: *Размещение рекламы на тривижн; Поверхность тривижна*. В ИПМ нам встретился вокалический вариант этого слова – *тривижин*.

Как видим, экзотичность звучания слов на *-ин*, *-жн* становится привычной (на общем фоне плотной насыщенности современной, особенно массмедийной, речи иноязычиями). В настоящее время некоторые из них настолько освоились, что полностью перешли на кириллицу и, подобно обычным русским словам, образуют относительные прилагательные. Такие дериваты есть у слов *экин*, *ресепин*, *промоуин*, *сейин*, *фьюжн*, *фикин*, *фанфикин*, причём от каждого из этих слов образуются 4 (!) варианта прилагательных (частотность каждого из прилагательных приблизительно одинакова): с помощью суффикса *-ск-* от основы на *-ин* и от основы на *-шен* (*экинская игра* и *экишенская игра*); с помощью наращённого суффикса *-овск-* от основы на *-ин* и от основы на *-шен* (*экишовская игра* и *экишеновская игра*). Ещё примеры: *ресепинский*, *ресепинский (стол)*, *ресепиновский*, *ресепиновский (диванчик)*, *промоуинский*, *промоуинский (центр)*, *промоуиновская*, *промоуиновская (компания)*, *сейинский*, *сейишенский*, *сейишовский*, *сейишенский (вариант песни)*, *фьюжнский*, *фьюженский*, *фьюжновский*, *фьюженский (форум)*, *фиксиновский (фотки)* и др.

Безусловно, более удобопроизносимыми являются прилагательные, образованные от основ на *-шен* (хотя и они пока режут слух). Прилагательные типа *экинский* (5 согласных подряд) звучат совсем уже не по-русски; их может «выдержать» только бумага или электронный носитель. Не случайно сфера употребления рассматриваемых новообразований в основном «живая» письменная речь интернет-общения.

Итак, англицизмы с уникальным для русского языка исходом постепенно занимают свою нишу в системе заимствующего языка. Да и сама система определённым образом реагирует на структурную новизну этих слов: варьирует их фонетические оболочки, допускает скопление большой группы согласных на морфемном шве в производных словах. Конечно, это говорит о гибкости нашего языка, который подстраивается

под потребности говорящих. Но хочется верить, что со временем всё то, что не отвечает эстетическим параметрам русской звучащей речи, например благозвучию, уйдёт из языка или найдёт себе замену.

2.7. Традиции и новации в освоении существительных с исходом на -с/-з < -s

В 70-х гг. XX в. В.С. Гимпелевич фиксирует в русском языке уникальную группу иноязычных существительных, которые, несмотря на то что оканчиваются согласным звуком, употребляются без падежных окончаний, т. е. не склоняются [13]. Это субстантивы с исходом на -с(-з) испанского или английского происхождения: *гёрлс* ‘группа девушек, выступающих на эстраде’ [ТСИС], *коммандос* ‘специальные отряды, подготовленные для проведения операций, гл. обр. в конфликтных зонах и очагах напряжённости (первонач. в Великобритании)’ [ТСИС], *маринз* ‘солдаты морской пехоты’, *мачетерос* (о членах националистической революционной организации Пуэрто-Рико), *праймериз* ‘предварительные выборы в США’ [ТСИС], *чиканос* ‘американцы негритянского происхождения’. Отсутствие склонения в этих словах, по мнению В.С. Гимпелевича, – проявление общей тенденции к сохранению формы иноязычных слов в современном русском языке. М. Вуйтович объясняет несклоняемость слов типа *гёрлс* «необычностью исхода» [12].

Можно отметить и новые несклоняемые единицы с исходом на -с или -з, восходящие к грамматической морфеме мн. ч. -s в языках-источниках.

Так, в современной русской речи получил широкое распространение, по мнению авторов НСИС, экзотизм *контрас* (исп. сокращ. от *contrarrevolucionario* ‘контрреволюционный’), обозначающий антиправительственные формирования в Латинской Америке, а также участников подавления повстанцев в Никарагуа (1980–1990-е гг.). См.: *В политическую жизнь Никарагуа вернулся бывший вождь революционеров, борец с проамериканскими «контрас» и некогда большой друг СССР Даниэль Ортега; Ветеран «зеленых беретов» получает задание обучать «контрас» в Никарагуа, но вскоре начинает сомневаться в справедливости своей последней миссии* (ЭКГ).

Слово *группиз* ‘особо преданные поклонницы, сопровождающие рок-группу на гастролях’ (англ. *groupie* ‘то же’) зафиксировано в словаре субстандартной лексики [СЗА] в качестве жаргонизма; однако слово часто используется в печати и телерепортажах, когда речь идёт о навяз-

чивом преследовании девушками-фанатками своих кумиров. См.: *Это история двух группиз, которые были лучшими подругами в бурной рок-н-ролльной юности, когда ездили по всему свету за своими кумирами; Певец Марио (Mario) посоветовал всем «группиз» держаться от него подальше, потому что дорожит он только теми, кому действительно интересна его музыка; Их называют «группиз».* *Расцвет группиз пришелся на 60–70-е годы, время хиппи и свободной любви* (ИПМ).

К данной группе также относится и конкурирующее со словом *пиар* слово (или сочетание) *паблик-релейинз* от англ. public relations (варианты: *паблик рилейинз, паблик-рилейшенз, паблик релейшенз, паблик релейин*) ‘связи с общественностью’. Вот несколько иллюстраций: *Кодекс специалистов пресс-службы и службы паблик-релейинз; Роль паблик релейинз в экономике; Основы паблик-релейинз; Назначение мероприятий Паблик Релейинз – внеценная конкуренция, имеющая целью формирование управляемого имиджа, репутации, фирменного стиля; Пятая зимняя школа паблик релейинз; Формирование корпоративного имиджа организации как одно из ведущих направлений деятельности в области Паблик Релейинз* (ИПМ).

В начале XXI в. в эту группу вошли не зафиксированные в словарях: *лав-ситс* ‘диванчики на двоих в кинотеатрах’ [9, с. 120]; *ультрас* ‘высокоорганизованные фанаты спортивного клуба’; *брауниз (браунис)* (англ. brownies, букв. ‘коричневый’) ‘шоколадные пирожные’ (см.: *Сразу по окончании выпечки форму с брауниз надо вынуть из духовки*); *бурритос* (от исп. burro) ‘мексиканские лепёшки с начинкой’; *энчиладас* ‘рулеты из тонких кукурузных лепёшек’ – см.: *Энчиладас, запеченные в духовке* (рецепт).

Как видим, лексически эта немногочисленная группа заимствований стала разнообразнее: если первые «представители» несклоняемых существительных pluralia tantum представляли собой экзотизмы, то последующие слова к экзотической лексике уже не относятся, т. к. обозначают реалии, существующие и в российской действительности.

Грамматическое оформление несклоняемых существительных на *-с/-з* «идёт вразрез» с традицией заимствования иноязычных слов (в большинстве своём – англицизмов) с формантом множественного числа *-s*. При освоении, «обработке» русским языком таких слов формант *-s* обычно десемантизируется (деплюрализируется) и становится частью основы, которая получает определённую систему окончаний. Таким образом, существительные на *-с/-з < -s* оформляются как склоняемые имена и представляют собой либо существительные pluralia tantum (*бутсы, джинсы, клипсы, леггинсы, сникерсы, типсы < tips* ‘накладные

ногти' [АЛ], *чипсы*), либо обычные «счётные» существительные, имеющие противопоставление по числу (*бакс – баксы, кекс – кексы, рельс – рельсы, бимс – бимсы* 'поперечная балка на судне, служащая основанием палубы', от *beams < beam* 'перекладина' [ТСИС], *сливз* (жарг.) – *сливзы < sleeves* 'рукава' [СЗА], *пипс – пипсы* 'минимальный размер изменения цены контракта', от *pip* 'одна десятитысячная валютного курса' [41, с. 325], *нюс – нюсы* 'новость' [СЗА], *драмс – драмсы* 'ударные инструменты' < *drums* [СЗА], *флаерс – флаерсы* 'рекламная листовка'). В последнем случае, в словоформах единственного числа (*бакс, кекс, рельс*), десемантизация -s особенно очевидна. См. также «свежие» заимствования из английского языка, которые вообще не имеют форм множественного числа (что в целом не характерно для подобных заимствований): *дартс < darts* 'метание дротиков' [НСИС], *сокс* 'игра в самодельный мячик' < *sock* 'носок' [ССМЖ]. Данные существительные, как и большинство названий спортивных игр и развлечений, относятся к существительным *singularia tantum*.

Однако случаи, когда иноязычные существительные, восходящие к формам на -s, не склоняются (*праймериз, гёрлс* и т. п.), воспринимаются иначе: конечный согласный (-с/-з) в таких словах как будто бы выполняет ту же роль, что и их «прототип», т. е. обозначает множественное число.

Так, слово *памперс* (англ. *rampers*) в начале 90-х гг. XX в., в «момент» заимствования, употреблялось в грамматическом значении множественного числа: *В этих новых памперс кожа малыша сухая и здоровая* (реклама); *Практичные памперс* и т. п., и лишь впоследствии форма множественного числа данного заимствования оформилась традиционно – *памперсы*.

В жаргоне биржевиков используется англицизм *блю-чипс* (*blue chips* 'голубые фишки') – так называют надёжные акции или ценные бумаги крупнейших промышленных компаний (по цвету самой дорогой фишки в покере) [41, с. 332]. В жаргонизированной разговорной речи используются нередко такие единицы, как *фэнс* (вместо *фэны* мн. ч. от *фэн/фан*), *траблс* 'проблемы, неудачи', *драгс* 'наркотики' (ср. *драг* 'наркотик' [СЗА]), в речи «компьютерщиков» – *филез* (транслитерация англ. формы мн. ч. *files*; вместо *файлы*), *рулез* 'правила' (ср. англ. *rules*). Нами зафиксирован также профессионализм *формейшн-мастерс* (название уровня конкурсного исполнения танца; букв. 'формейшн для мастеров'; ср. название другого уровня – *формейшн-женщины*). На вывесках различных кафе посетителям предлагают *снэкс* (лёгкие закуски), а в некоторых ресторанах – *тапас* (исп. 'закуски').

Наконец, следует отметить случаи игрового использования форманта -s (он может передаваться как латиницей, так и кириллицей) в «образовании» форм множественного числа как заимствованных, так и исконных (!) слов. Например: *Не избалованный деликатесами советский едок охотно будет покупать и пиццу, и неведомые раньше гамбургеры, и «хот-догз»* (Экономика. 1991. № 7); см. также название кафе «БЛИН'S» (г. Нижний Новгород), магазин «Подаркус» (г. Томск [8, с. 13]), компьютерный жаргонизм (полукалька по происхождению) *окноуз/окноус* (ср. Windows), жаргонизм *бабс* 'шутливое обращение девушки к подругам' [СЗА].

Использование -s (-c) для образования форм мн. ч., безусловно, имеет окказиональный, игровой характер (вряд ли здесь можно говорить о заимствовании чужой грамматической морфемы), однако факты нестандартного грамматического «поведения» существительных *pluralia tantum* на -с/-з, способность -s (-c) участвовать в окказиональном слово- и формообразовании свидетельствуют о сильнейшем влиянии английского языка на языковое сознание носителей русского языка.

Итак, заимствуемые в начале XXI в. из английского или испанского языка имена существительные, сохраняющие в своём звуковом составе морфему множественного числа -s, в процессе грамматической адаптации оформляются следующим образом:

1. существительное, имеющее числовое противопоставление: *памперс – памперсы*;
2. существительное *pluralia tantum*: *טיפсы*;
3. существительное *singularia tantum*: *дартс*;
4. несклоняемое существительное *pluralia tantum*: *группиз*.

Первые два способа оформления относятся к традиционным. Третий способ – абсолютно новый. Последний способ – относительно новый: первые заимствования, оформленные этим способом, датируются второй половиной XX в.; это экзотизмы. В XXI в. заимствования, употребляющиеся в речи как несклоняемые существительные *pluralia tantum*, уже не относятся только к экзотической лексике. Кроме того, наметились случаи грамматического варьирования новых имён существительных, входящих в эту группу. Например, слово *коммандос* неоднократно встретилось нам в значении единственного числа (это значение выражено синтаксически, т.к. существительное не склоняется): *бесстрашный коммандос* (употребление закрепилось после выхода на экран фильма «Коммандос» с А. Шварценеггером в главной роли, а также после появления компьютерной игры с тем же названием). Подобным же образом варьируется, судя по ИПМ, существительное *браунис/брауниз*,

см.: *Классический браунис* готовят из черного шоколада и ср.: *Хорошие брауниз* должны быть очень шоколадные и с мягкой серединой.

Слово *праймериз* варьируется в последнее время по признаку склоняемости/несклоняемости: *Победить в праймериз* и *Победить в праймеризе* (из газ.).

Для новых слов на *-с/-з* характерно также фонематическое варьирование, при котором варьирующие единицы различаются наличием/отсутствием последнего согласного (тождество лексического значения при этом сохраняется), см.: *наблик-рилейшнз* – *наблик-рилейшн*, *фьючерс* – *фьючер* ‘вид биржевой сделки’, *дартс* – *дарт*, *группиз* – *группи*, *брауниз* – *брауни*, *буритос* (*буритоз*) – *бурито* (*буррито*), *энчиладас* – *энчилада*. Варианты могут различаться также грамматически: *буритос* – *pluralia tantum* и *бурито* – ср. р.; *энчиладас* – несклоняемое *pluralia tantum* и *энчилада* – склоняемое, форма ед. ч. См.: *Энчиладас* представляют собой рулетки из тонких кукурузных лепёшек; – *Энчилада* представляет собой тонкую лепёшку. Появился вариант и у англицизма *снэкс* – *снэки* (тоже существительное *pluralia tantum*, но уже склоняемое).

В письменной речи варьируется написание конечного согласного, восходящего к форманту *-s*. Например: *брауниз* – *браунис*, *буритос* – *буритоз*, *группиз* – *группис*, *гёрлс* – *шоу-гёрлз*.

В заключение отметим ещё одну особенность в адаптации имён существительных на *-с/-з*, восходящих этимологически к формам множественного числа с формантом *-s*. Словообразовательные возможности таких слов равны нулю.

2.8. Особенности адаптации иноязычных аббревиатур в современной русской речи

На рубеже XX–XXI вв. становится регулярным явлением заимствование аббревиатур. Как правило, это номинации новых информационных и компьютерных технологий, распространённых во многих странах. Такие номинации пополняют прежде всего интернациональную лексику. Многие из них получили в русской речи кириллическое написание, хотя первоначально употреблялись только в качестве иноязычного вкрапления. Например, аббревиатура *IBM* ‘Корпорация International Business Machines; компьютер этой корпорации’ употребляется в русских текстах в двух кириллических вариантах – *Ай-Би-Эм* и *ИБМ* (*Работать на Ай-Би-Эм; Программное обеспечение для Ай-Би-Эм; Подключить к ИБМ*).

В современном русском языке аббревиатуры, имеющие иноязычное происхождение, оформляются следующими способами:

I. Практическая транскрипция (воспроизводится русскими фонемами звучание аббревиатуры в языке-источнике): *Ай-Би-Эм* < IBM, *ай-кью* < IQ, *ар-эн-би* < RnB (Rhythm/Rap and Blues), *ви-ай-пи* < VIP, *виджей* < VJ, *пиар* < PR, *сиди* < CD;

II. Транслитерация (воспроизводится русскими буквами буквенный состав; полученная таким образом аббревиатура «прочитывается» либо как буквенная (*ПК* [пэка] < PC), либо как звуковая (*ДОС* < DOS, *ВИП* < VIP));

III. Смешанный способ – чтение транслитерированной аббревиатуры с ориентацией на её произношение в языке-источнике. Например, *ПП* – транслитерация англ. PR, но читается как [п'иар] (а не *[пээр]). См. также: *СД* [с'ид'и], а не *[эздэ];

IV. Транскрипция или транслитерация с последующим присоединением суффикса (в разговорной, в том числе некодифицированной, речи): *SMS-ка*, *MMS-ка*, *LTE-шка*, *NFC-шка*, *сидишка* – *сидюшник* – *сидюк* (CD), *сидиромка* (CD-ROM), *сидирвишка* (CD-RW), *дивидюк* (DVD), *дипик* (DIP-переключатель), *писюк* – *писишка* – *писюг* – *писюшник* 'персональный компьютер' (PC) и т. п.

Аббревиатуры, не получившие в русских текстах кириллический вариант написания, произносятся, как правило, в соответствии с произношением в языке-источнике, например *GSM* [джиэсэм], или близко к этому произношению: *GPRS* [джипиэрэс], а также [джипиарэс] [КНС].²⁰

В субстандарте используется и такой экспрессивный способ передачи заимствованной аббревиатуры, как намеренная омонимия. Например: *аська* (< ай-си-кью < ICQ), *псих* 'PC' (персональный компьютер), *киртич* 'процессор CPU' [СЗА], *карга* 'видеоадаптер CGA' [СЗА], *репа* 'RIP-протокол' [СЗА], *ЛПП* 'LPT-порт' [СЗА], *унса* 'источник беспереывного питания UPS', *баба-яга*, *яга* 'видеоадаптер EGA' [СЗА], *доза*, *доска* 'MS-DOS', *эсэсовец* 'заставка «спящего режима» (SS-Screen Saver)' [СЗА] и др. В компьютерном жаргоне «практикуется» также способ намеренно неправильной транслитерации, искажённого звучания слова: *ибэма*, *бима*, *биба* [СЗА]; *гмс*, *гпрс* и др.

Новое явление, обусловленное развитием техники, – появление в составе заимствуемой из чужого языка аббревиатуры цифрового обозначения: *MP3* [эмпэ] три), *3D* (три [дэ]), *4D* (четыре [дэ]): *MP3-плеер*; *3D-кинотеатр*; *4D-технология*.

Грамматическое освоение иноязычных аббревиатур, так же как звуко-буквенное, происходит по-разному. Аббревиатуры, переданные в

русском языке транскрипцией или транслитерацией (без присоединения суффикса), могут не склоняться или иметь варианты по признаку склоняемости/несклоняемости.

Для аббревиатур, оканчивающихся согласным звуком (при произношении), в большинстве случаев отсутствие склонения – явление **временное**. В особенности это касается существительных, переданных практической транскрипцией, т. е. «воспроизводящих» звучание аббревиатурного слова в языке-источнике.

Так, слово *пиар* встречалось в русских текстах без падежных окончаний приблизительно до 2003 г. – см., например: *Мастер-класс проведут американские специалисты по пиар*. Такое употребление поддерживалось тем, что наряду с кириллическим написанием данного заимствования использовалось (и используется до сих пор) написание в латинице, т. е. вкрапление (*PR*). Впоследствии словоизменительная вариативность слова *пиар* исчезла – слово стало устойчиво склоняться.

Слово *хай-тек/хайтек* (реже – *хай тек*) отмечено в «Толковом словаре русского языка начала XXI в.» как несклоняемое (без подтверждающего контекста в иллюстрациях словарной статьи) [АЛ]. По имеющимся у нас данным, слово устойчиво склоняется. Примеры: *Всё о хай-теке; Стиль минимализм в современном прочтении несет в себе некоторые элементы хай-тека; Типичный пример хай-тека – Национальный центр искусств имени Ж. Помпиду в Париже* (ЭКГ).

Слово *хай-фай* ‘о технике с высоким качеством воспроизведения звука’, отмеченное в упомянутом выше словаре как несклоняемое, встречается в современной речи и в склоняемой форме, см.: *Эти колебания воздуха в замкнутом объёме комнаты «вредят» хай-фаю, потому что голосок у типичного жилого помещения, конечно, не ангельский* (Статьи по акустике, DVD.Link.ru); *Что сейчас происходит в британском хай-файе?* (интервью с Д. Эми). Ср.: *Горячие новости из мира хай-фай* (форум); *«Мир хай-фай»* (название магазина); *Любителям хай-фай* (реклама).

Существительное *сидиром* ‘устройство для считывания информации с компакт-диска’ (от CD-ROM/CD-Rom < CD + ROM < Read Only Memory) употребляется в современной речи только как склоняемое существительное (несклоняемые варианты не зафиксированы), см.: *Как устанавливать сидиромы в компьютер?... берете нежно шлейф, ранее отключенный от читающего сидиром, и также нежно вставляете его в разъем пишущего сидиром* (В. Кушнир. Как установить сидиром в компьютер); *Как управлять сидиромом без компьютера?* (форум).

По-видимому, у существительных, созданных путём транскрипции иноязычной аббревиатуры, лексикализация проходит ускоренно, т. к. отрыв от слова-оригинала и превращение в собственно лексическую единицу поддерживается графикой слова: оно пишется строчными буквами, как «обычное» слово, апеллятив – *пиар, сидиром, виджей*²¹.

В меньшей степени «расположены» к словоизменению существительные, представляющие собой транслитерированные аббревиатуры, например *ДОС, СМС, ММС* и др. В официальной речи они стойко не склоняются. Напротив, в речи разговорной, например в «живой» интернетовской речи, отмечается активность склоняемых вариантов таких слов, причём пишутся они нередко строчными буквами (*смс, ммс* – см. также 2.2). Вот несколько иллюстраций:

Игра для ДОС и ср.: *Работать в ДОСе* (DOS < Disk Operation System ‘операционная система компьютера, загружаемая с дисков’ [ТСРЯ]);

Отправка смс; Большой выбор смс и ср.: *Где-то в СМСе я такое видел; Прислать в смсе; Написать в смсе; В смсе – рассказ, из чего сделаны наши девочки* (SMS < Short Message Service);

Установка ММС; Отправка ММС и ср.: *То же самое есть в ММСе, только гораздо лучше; И текст в ммсе посылаю и музыку* (MMS < Multimedia Message Service ‘служба мультимедийных сообщений’ [АЛ]);

Настройка ВАП и ср.: *Настройка ВАПа; Проблемы с вапом; Тестируем скорость вапа* (конференция); *Как пользоваться вапом* (WAP < Wireless Application Protocol ‘протокол беспроводных приложений, позволяющий мобильному телефону поддерживать Интернет’).

В целом же вариантность по признаку склоняемости/несклоняемости присуща большинству заимствованных аббревиатур²², причём в некоторых случаях такая особенность отражается и на отнесённости данных лексем к грамматической категории рода.

Так, **склоняемые** существительные *пиар, сидиром, хай-тек, хай-фай* (ср. PR, CD-ROM, Hi-tech, Hi-fi) имеют грамматическое значение мужского рода, т. к. оканчиваются согласным звуком.

Несклоняемые существительные, восходящие к аббревиатурам в языке-источнике, независимо от конечного звука (гласный, согласный), приобретают род в соответствии с родом опорного слова в русскоязычной расшифровке аббревиатуры. Например, *ай-кью* ‘коэффициент интеллекта’ (от англ. IQ) – мужской род, см.: *Какой «ай-кью» у наших?* (заголовок); *У меня ай-кью отрицательный* (из устной речи); *ПК* ‘персональный компьютер’ (от англ. PC < personal computer) – мужской род; *СД/сиди* ‘компакт-диск’ (от англ. CD < compact disk) – мужской род; *ди-*

ви-ди/дивиди ‘цифровой многофункциональный видеодиск’ (от англ. DVD ‘digital versatile disk’) – мужской род; *Ай-би-эм/ИИМ* ‘корпорация International Business Machines’ (от англ. IBM) – женский род; *ВАП/ван* ‘протокол беспроводных приложений, позволяющий мобильному телефону поддерживать Интернет’ (WAP ‘Wireless Application Protocol’) – мужской род; *СПА/сна* (SPA < сокр. от лат. sanitas pro aqua ‘здоровье через воду’ [АЛ]) – мужской род и др.²³

Несколько иначе оформился род аббревиатур *СМС/смс* и *ММС/ммс*. Они употребляются в речи как существительные среднего рода. См., например: *Сделайте любимому человеку такой сюрприз – пришлите ему такое смс* (рекламный текст www.smska.ru); *Как отправить праздничное ммс?*; *Если разошлешь это ммс пяти друзьям, получишь бонус* (реклама). Средний род данных существительных объясняется не родом опорного слова в «расшифровке» иноязычной аббревиатуры, как в предыдущих случаях, а родом существительного *сообщение*, являющегося гиперонимом по отношению к данным словам. *СМС* и *ММС* употребляются в русской речи прежде всего в значении ‘вид, разновидность сообщения’.

Наконец, род может варьироваться, меняться при «переходе» несклоняемой аббревиатуры в разряд склоняемых имён. Например, слово *ДОС* в разговорной речи (устной и письменной, «интернетовской») может употребляться как склоняемое существительное (*текстовый редактор для ДОСа, работать в ДОСе* и т. п.) в грамматическом значении мужского рода. Несклоняемый вариант слова *ДОС* имеет признаки женского рода (по роду опорного в его толковании слова *система*). В словаре актуальной лексики начала XXI в. [АЛ] отражены оба родовых варианта данного слова.

Как уже говорилось выше, аббревиатурное слово всегда становится склоняемым, если оформляется суффиксом. В этом случае суффиксальное образование также может отличаться от исходного варианта родом, ср.: *СМС* (ср. р.) и *эсэмэска/смска* (ж. р.) и др.

Употребление в речи наряду с заимствованной аббревиатурой её суффиксального деривата-дублета – характерная черта новой языковой реальности. Такие дублеты имеют разговорную окраску (*дивидишник*), хотя некоторые уже отражены в нормативных словарях и претендуют на статус нейтральных обозначений (*эсэмэска* разг. [РОС]). Сниженная окраска ощущается и у других производных от аббревиатур слов, см., например: *Посоветуйте аудио книги по SEO-шной тематике* – из переписки на форуме (SEO < Search Engine Optimization – комплекс мер

для поднятия позиций сайта в результатах выдачи поисковых систем по определенным запросам пользователей с целью продвижения сайта. Википедия); **айтишник** ‘специалист по информационным технологиям’ (IT); **айпишник** (IP-адрес).

Исключения составляют образования, в которых иноязычная аббревиатура, независимо от выбранного для её написания алфавита, выступает как неизменяемое прилагательное, или, по другой терминологии, «первая часть сложного слова». Такие образования разговорной окраски не имеют, см.: *Ай-Пи телефония*/*IP-телефония*, *IP-сеть*; *TV-дайджест*; *DVD-диск*; *IT-решение*, *IT-мир*, *IT-специалист*; *WAP-сервис*, *WAP-страница*, *WAP-сайт*; *SMS-сообщение*, *SMS-чарт*; *пиар-агентства*, *пиар-проект*, *пиар-реклама*, *пиар-специалист*, *пиар-технологии*, *пиар-ход*, *PR-кампания*; *сна-косметика*, *сна-крем*, *сна-курорты* и др. Подобные образования встречаются и в окказиональном словотворчестве: *TV-пары*, *сна-бум*, *смс валентинки*, *смс поздравления*, *смс любовь*, *смс парень* и др.

В целом словообразовательный потенциал заимствованных аббревиатур не уступает возможностям обычных, неаббревиатурных слов,²⁴ см.: *айбизмер* ‘представитель фирмы Ай-би-эм (IBM)’; *виповский*, *виповый*, *випарй* разг. и др. (всего ок. 650 дериватов [76, с. 165]); *хайтекский* и *хайтешный* (< Hi-tech); *хайфайный* (< Hi-Fi); *диджейский*, *диджеить*, *диджейство*, *диджействовать* (от *диджей* < DJ); *натовский*, *натовец*, *надомания* [АЛ], а также многочисленные дериваты от *пиар* (< PR): *автопиар*, *самопиар*, *антипиар*, *пиарщик*, *пиаровский*, *пиаровец*, *пиарить(ся)*, *пиармен*, *пиарология*, *пиаролог*, *пиаровщина*, *пиарный*, *пиаризация*, *мегапиар*. До 30 дериватов насчитывается у аббревиатуры *SMS* в разных вариантах её написания (см. об этом: [98, с. 87]). Некоторые из новозаимствованных аббревиатур, сохраняя какое-то время оригинальную графику, образуют на русской почве особые производные – графические гибриды. См., например: *IBM-подобный*, *IBM-совместимый*, *IBM-совместимость* [ТСРЯ], *IP-телефония* (от IP < Identification Protocol), *IP-сеть*, *IT-шник* и др.

Важно подчеркнуть, что освоение иноязычных аббревиатур происходит как в кодифицированных сферах языках, так и в некодифицированных. Мы уже неоднократно обращали внимание на то, что в электронной форме речи адаптация иноязычных аббревиатур имеет свои особенности, в том числе графические. Отметим ещё один важный момент: субстандарт (некодифицированные сферы речи) может сам заимствовать аббревиатуры, независимо от литературного языка. Так, уже в

конце XX в. в интернет-общении стала популярна аббревиатура *ИМХО* (< ИМНО – in my humble opinion «по моему скромному мнению»). В 2007 г. мультимедийный сервис рекомендаций был назван *Имхонет* (ИМХО + net ‘сеть’), что свидетельствует об огромной популярности этого сокращения. В XXI в. в молодёжной среде модными становятся аббревиатуры *LOL/лол* (< laughing out loud «громкий хохот»), *ROFL* (< rolling on the floor laughing – букв. ‘катаюсь по полу от смеха’) и некоторые др. (подробнее см. [99, с. 89; 40, с. 90]). Своеобразен состав заимствованных аббревиатур, сформировавшийся в языке компьютерных геймеров и киберспортсменов. Аббревиатура, относящаяся к «геймерской» лексике, может «сжимать» не только обозначение какой-либо конкретной игры или стратегии, но и обозначение типов (классов) персонажей, их умений и способностей (в последнем случае можно говорить об отвлечённом характере семантики аббревиатурного слова). Вот несколько примеров из речи участников форумов, объединяющих любителей той или иной компьютерной игры: *НВНка* < «Neverwinter Nights» («Ночи Невервинтера», название игры), *рdd* < red dragon disciple (класс персонажа в этой игре: ученик красного дракона), *PvP* < player versus player (о характеристике игры: персонажи игроков могут атаковать друг друга), *юмд* < use magic device (способность использовать магические предметы) и др.

Следует несколько слов сказать и об особенностях семантического освоения иноязычных аббревиатур. Как правило, с «переносом» аббревиатуры на чужую почву её семантика сохраняется, т. е. происходит копирование «суммы» значений, складывающейся из значений слов, входящих в словосочетание, см.: *ай-кью* < IQ ‘коэффициент интеллекта’; *хай-тек* < Hi-Tech ‘высокие технологии’ и т. п. (то же происходит и в случае с заимствованием слов, восходящих к словосочетанию в языке-источнике, – см. 2.4).

Тем не менее некоторые аббревиатуры подвергаются трансформации на русской почве. Особое место в этом ряду занимают слова *vip*, *тиар* и *HR*.

Слово *vip* (варианты *ВИП*, *VIP*, *vip*, *ви-ай-пи*) стало употребляться в русских текстах ещё в 70-х годах XX в. (в написании латиницей) и воспринималось тогда как экзотизм [105, с. 110]. На рубеже веков этот интернационализм (*VIP* – very important person ‘особо важная персона’) стал употребляться уже в кириллическом написании как первая часть сложных слов (аналитическое, неизменяемое прилагательное). См.: *vip-залы*, *vip-места*. В то же время сначала в живой разговорной речи, а затем и в официальной речи слово *vip* стало использоваться в роли кон-

кретного существительного, см. записи устной речи: *Подъехали випы; Столик для випов.*

У английской аббревиатуры PR (< public relations) семантическое освоение также имело свои особенности. В начале XXI в. (2000–2003 гг.) она дала на русской почве несколько графических вариантов: *PR – ПР – пиар*. Первые два варианта употреблялись (и употребляются по сей день) как нейтральные обозначения особой деятельности, специальности, именуемой в русском языке словосочетанием *связи с общественностью*, а вот вариант *пиар*, первоначально непривычный «для глаз», стал развиваться самостоятельно, как новое слово (оно даже какое-то время использовалось в неофициальной речи для обозначения лица, например: *Работаем пиарами*, но это значение не привилось), причём в подавляющем большинстве интернетовских сайтов, содержащих слово *пиар*, оно употреблялось в словосочетании, быстро привившемся к российской действительности, – *чёрный пиар*. См., например, характерный для начала XXI в. контекст: *Жертвой чёрного пиара стала О.Д. «Благодаря»* такому окружению, слово *пиар* приобрело новое значение ‘формирование негативного общественного мнения о ком-чём-л.’.

Впоследствии значение слова *пиар* как будто бы нейтрализовалось (стало синонимом родственному иноязычию *паблик-рילейшенз*), появились сочетания *белый пиар* ‘открытая реклама от своего имени’, *зелёный пиар* (о социально значимом пиаре), однако очень часто существительное *пиар* употребляется всё же с неодобрительной окраской, в значении ‘формирование о ком-л. необъективно завышенного мнения’ – см., например, в речи известного журналиста и телеведущего В.В. Познера: *Не нужно делать пиар Ходорковскому* (о бизнесмене, обвиняемом в финансовом преступлении), а также: *Очередной пиар!* (о публичном появлении на театральном спектакле одного из известных политиков – из устной речи), а также выражения *дешёвый пиар*, *агрессивный пиар* и т. п.²⁵ Негативная окраска передалась и некоторым производным (*пиарить*, *распиарить* и др.). См. также сочетания *серый пиар*, *жёлтый пиар*, *вирусный пиар* (пиар, основанный на интересе людей к различного рода слухам, сплетням, скандалам и т. п.), *коричневый пиар* (о неофашистской пропаганде).

Так по-разному сложилась судьба разных графических вариантов одной и той же иноязычной аббревиатуры.

Аббревиатура *HR* < Human Resources ‘управление персоналом’ [КНС], в русском произношении [эйчар], появилась в «нулевые» годы

XXI в. и так же, как и *vip*- и *PR*-, использовалась первоначально в качестве неизменяемого прилагательного: *HR-менеджер*, *HR-директор* и т. п. Однако постепенно слово стало употребляться (неофициально или полуофициально) как одушевленное существительное: *эйчар* (мн. ч. *эйчары*). Изменилась и графика этого заимствования: слово пишется кириллицей, причём написание строчными буквами передаёт реальное произношение слова в русской речи (см. об этом слове также: [28, с. 43, 51, 53]).

Подобного рода субстантивация происходит в настоящее время с иноязычной аббревиатурой *PIN*- (< Personal Identification Number, ср. *PIN-code* – *ПИН-код*), см.: *Введите ПИН*; *Ты помнишь свой пин?* (из устной речи).

Таким образом, в освоении иноязычных аббревиатур намечаются некоторые общие черты, которые, возможно, со временем приобретут закономерный характер.

2.9. Отсутствие словоизменения у иноязычных существительных на согласный: границы явления

В предыдущих разделах нашего очерка неоднократно обращалось внимание на случаи отсутствия словоизменения у новых иноязычных существительных, оканчивающихся согласным звуком. С конца XX в. такие случаи становятся всё более частотными, тогда как ранее (примерно до середины XX в.) несклоняемые имена существительные с консонантным исходом (не считая имён собственных и некоторых аббревиатур) представляли собой только одушевленные существительные – экзотические наименования лиц женского пола, служащие также обращением к ним, см.: *мадам*, *мисс*, *миссис*, *фрейлейн*, *фрекен*. К концу XX в. в русском языке сформировался ещё один ряд экзотизмов, оставшихся в русском языке без словоизменения. Это субстантивы с исходом на *-с(-з)* (испанского или английского происхождения), употребляющиеся только во множественном числе: *гёрлс*, *коммандос*, *маринз*, *мачетерос*, *праймериз*, *чиканос* (см. 2.7)²⁶.

На рубеже XX–XXI вв. обе эти группы несклоняемых существительных пополняются новыми заимствованиями [48, с. 164–166]. Так, в современной массмедийной речи употребляются как несклоняемые слова *бизнесвумен* (*быть бизнесвумен*), *гёрлфренд* (*встретиться с гёрл-*

френд), *гёрлскаут* (форма *гёрлскаут*), *кол-гёрл* (звонить *кол-гёрл*), *хостес* (узнать у *хостес* меню ресторана), *кавегёрл* [НСИС] ‘журнальная красотка’ (обложка с неизвестной *кавегёрл*). В значении ‘роковая женщина’ актуализируется несклоняемое существительное *вамп* (взгляд *настоящей вамп*). Получает широкое распространение экзотизм *контрас* (борьба с *контрас*). В текстах музыкальной тематики появляется слово *группиз*, обозначающее особо преданных поклонниц какого-либо певца (*поссориться со своими группиз*), а в текстах спортивной тематики для обозначения фанатов какого-либо спортивного клуба используется слово *ультрас* (выступления *ультрас*). Заимствуется и становится активным слово *наблик-рилейшнз* (основы *наблик-рилейшнз*). В начале XXI в. сразу несколько сходных в тематическом отношении слов приходят в кулинарную лексику: *коробочка с брауниз* (о шоколадных пирожных), *начинка для бурритос и энчиладас* (о национальных мексиканских мучных изделиях) и др.

Таким образом, состав двух малочисленных групп существительных на согласный, не имеющих словоизменения, постепенно расширяется. Отметим, что неологизмы на *-с/-з*, так же как и новые несклоняемые феминитивы на согласный, не являются экзотизмами, в отличие от слов той же структуры, появившихся ранее, а значит, для укоренения этих иноязычных есть важное экстралингвистическое условие.

Наряду с существительными, имеющими хоть и недолгую, но всё же традицию несклоняемости в русском языке, в современной речи употребляются без словоизменения и другие иноязычные субстантивы на согласный.

Например, как несклоняемые могут использоваться в современной речи некоторые **неодушевлённые** существительные женского рода, оканчивающиеся, вопреки языковому «стандарту», твёрдым согласным (см. также об этом 2.3; 2.6), например: *Всё для вашей ресепши*; *Добиться очередной поул-позиши* и др. Такие употребления являются новыми для современного русского языка. Можно отметить также разряд особых (но не редких, как отмечалось в 2.3) заимствований, которым в языке-источнике соответствуют устойчивые сочетания или сложные слова, в том числе аббревиатуры. Так, у слов *грин-кард* ‘вид на жительство’ (англ. green-card букв. ‘зелёная карточка’), *кантри-мьюзик* (англ. country music ‘сельская музыка’), *от-кутю* (фр. haute couture ‘высокая мода’), *плей-офф* ‘игра «на вылет»’ (англ. play-off), *ол-инклюзив* (англ. all inclusive) ‘система гостиничного обслуживания по принципу «всё включено»’ отсутствуют парадигмы склонения. На первом этапе вхождения в

русский язык употреблялось как несклоняемое существительное *прайм-тайм* ‘лучшее время в эфире для показа рекламы’ (англ. prime-time).

Вот несколько иллюстраций (здесь и далее орфография источников сохранена): *Введение европейского аналога **грин-кард** должно поставить заслон для въезда на территорию Евросоюза неквалифицированных работников*; *Наличие **Грин-кард** является необходимым условием пользования автомобилем*; *Конгресс США отменил **«грин-кард»***; *Концерт состоится в городке Брансон, который является вторым (после Нэшвилля) центром **«кантри-мьюзик»***; *Команде предстоит участвовать в **плэй-офф***; *Невозможно отказаться от **ол-инклюзив***; *Показать фильм в **праймтайм*** (ЭКГ). Подобное явление ранее отмечалось Е.А. Земской в речи русских эмигрантов (нескл. *body-shop, dead-line, public school, high school* и др.) [ЯРЗ, с. 202].

На рубеже XX–XXI вв. «нестандартное» грамматическое поведение некоторых иноязычных существительных поддерживается несколькими факторами.

Одним из них является такое свойство иноязычного слова, как **полифункциональность** (см. 2.1).

Многие иноязычные неологизмы на первой стадии освоения семантически диффузны – лексическое значение нового слова размыто и нередко лишь приблизительно «угадывается» из контекста. Значимость контекстуального окружения слова в таком случае возрастает. «Подсказать», прояснить лексическое значение неологизма может, например, **атрибутивная конструкция**, в которой неологизм в качестве определения относится к существительному, обозначающему более широкое, родовое понятие. См.: *Музыка в стиле **фьюжен** сейчас стала очень популярной* («Такая музыка»); а также выражения *в стиле **хай-тек***, *в стиле **экин***, *в стиле **фолк***, *в стиле **фанк***; *в жанре **экин***, *дизайн **хай-тек***, *система **интернет***, *в режиме **онлайн***, *в режиме **офлайн*** и т. п.

В такой позиции иноязычный неологизм употребляется как неизменяемое слово, хотя при этом в других контекстах он может быть использован в склоняемой форме. С грамматической точки зрения неизменяемое слово в сочетании типа *в стиле **хай-тек*** ближе к прилагательному (ср. *хайтековский стиль*), особенно в тех случаях, когда определяемое слово не соотносится с определяющим как род – вид. См.: *Аптека **онлайн***; *Консультация **онлайн***; *Заказ **он-лайн***; *Потом придумали сеть **фаст-фуд***; *На площади трех вокзалов мы решили поставить два павильона **фаст-фуд***; *Закусочная **фаст-фуд** уже стоит у Бережковской набережной, неподалеку от Киевского вокзала*; *Наталья Кулешова*

стала лишь второй в классе «**фитнесс**»; Игры серии **плэй-офф**; Танцовщица **топлесс**; Съёмка **топлесс**; Требуется специалист в сфере **паблик релейшен**; Они думали, что Макиавелли – отец всех политтехнологов, провозвестник новой морали консалтинга, предтеча великой религии **паблик-релейшен**; В Тюмени состоится Чемпионат России среди команд «**формейшин**» по спортивным танцам; Ансамбль бального танца «Надежда» из города Азова завоевал первое место на Чемпионате России по современному танцевальному шоу-**формейшин**; Игры **экишен**; Стойки-**ресепшин** (ИПМ).

В препозиции к определяемому существительному иноязычное слово совсем уже теряет «существительность» (слово М.В. Панова). Так, в предложении (рекламе) *Банковские и **ресепшин** стойки также входят в наш ассортимент!* слово *ресепшин* «распредмечивается» конструкцией однородности, в которой союз *и* соединяет данное слово с прилагательным. См. также: *ресепшин* мебель; **онлайн** кроссворды; Журнал *Forbes* составил список лучших **топлесс**-пляжей мира; Если захотите, Вас поелят в отеле на **бонсай**-версию Эйфелевой башни (GEO. 2002. № 4); Не знаю, как охарактеризовать этот **бонсай**-коттедж, но он не превышает по размерам *цитковый* дачный домик (Cosmopolitan. 2003. № 12).

Заемствуемое слово может употребляться в русской речи в функции наречия – см.: *Вы можете заказать услугу по телефону или **онлайн**; Быть **онлайн**; Загорать (отдыхать, сниматься) **топлес**.*

Употребление иноязычного слова в роли наречия и прилагательного (без дополнительных грамматических показателей) формирует представление о его «застывшей», неизменяемой форме. Таким образом, грамматическая полифункциональность является одним из факторов, поддерживающих отсутствие словоизменения иноязычных слов.

Ещё один фактор – это употребление иноязычных слов в графике языка-источника. На первой стадии «внедрения» иноязычного неологизма в иную языковую среду написание его в оригинальной графике (графическое заимствование) – частотное явление. В этом случае слово предстаёт в русском тексте как **иноязычное вкрапление**, т. е. как единица чужого языка, на которую правила русской грамматики не распространяются.

Правда, по традиции, пришедшей из прошлых веков, гибридные написания «иноязычное вкрапление + русское окончание» иногда встречаются в современных текстах (см., например, рекламу *Свежие **notebook 'u!***) в целях выразительности, для привлечения внимания. Однако основной массив вкраплений употребляется без падежных оконча-

ний, т. е. не склоняется. См., например, употребление некоторых модных вкраплений: *jet set* 'элита, сливки общества' [НБАРС] – *Для члена jet-set не составляет никакого труда, позавтракав в Париже, вечером оказаться в Лондоне, а ночью отправиться в Мадрид* (Cosmopolitan. 2001. № 8); *tapas* (исп. закуски): *Всё о tapas* (название кулинарной книги).

По отношению к иноязычной лексике оригинальная графика при передаче слова на письме – «сильная позиция», позволяющая нередко пренебрегать правилами принимающего языка. Например, в рекламе «*Дыши футболом! Пей Coca-cola!*» латиница «навязывает» несклоняемую форму слову, давно имеющему в русском языке и кириллическое написание (*кока-кола*), и парадигму словоизменения. Ещё один пример подобного давления графики на грамматику – заголовок в интернет-новостях: *Бразильцы мечтают о Lada*, в котором без формы косвенного падежа остаётся даже исконное существительное.

На рубеже XX–XXI вв. многие неологизмы англо-американского происхождения первоначально включались в текст на правах вкрапления и, даже получая кириллический вариант, употреблялись (а некоторые употребляются и по сей день) в двух графических вариантах – в исконном и приобретённом. Например, *Internet – Интернет, Web – веб, MultiMedia – мультимедиа, on-line – онлайн, off-line – офлайн, sale – сейл, off-shore – офшор, open-air – оупенэйр* (о мероприятии, проходящем на открытом воздухе), *fusion – фьюжн, fashion – фешн, reception – ресепшин, up-grade – апгрейд, smart card – смарт-карта, smart-mob – смартмоб* (то же, что флешмоб), *soft – софт, pilot – пилот* 'сетевой фильтр', *play-off – плей-офф, casual – кэжуал* (о стиле в одежде) и др.

Итак, начальная стадия освоения иноязычного неологизма, готовящая его переход из «состояния» вкрапления к функционированию в системе языка-реципиента в качестве полноправной единицы, нередко характеризуется грамматической неформальностью нового слова.

Современное состояние лексики русского языка показывает, что при широкой распространённости, актуальности реалии (тем более интернациональной), кириллический вариант входит в русское письмо и осваивается им достаточно быстро (*шар, интернет, веб, онлайн*). Однако словоизменение может «задержаться», поскольку несклоняемые варианты «поддерживают» письменная форма речи, более авторитетная. Устная форма речи какое-то время воспроизводит употребление, уста-

новившееся в письменной речи. Освоение существительного проходит по следующим этапам:

- I. Несклоняемый вариант в написании латиницей (вкрапление):
Отправьте сообщение по e-mail;
Подключиться к Internet;
Заниматься fitness;
Сидеть в Twitter;
- II. Несклоняемый вариант в написании кириллицей:
Отправьте сообщение по имейл;
Подключиться к Интернет;
Заниматься фитнес;
Сидеть в Твиттер;
- III. Склоняемый вариант:
Отправьте сообщение по имейлу;
Подключиться к Интернету;
Заниматься фитнесом;
Сидеть в Твиттере.

В то же время многие иноязычные неологизмы, употреблявшиеся первоначально в русской речи как вкрапления, минуя II этап освоения и от первого этапа (несклоняемый вариант в написании латиницей) приходят сразу к последнему (склоняемый вариант). Это наблюдение относится, например, к англицизмам на *-инг*, *-ер*, *-мент*. Стадия иноязычного вкрапления не тормозит изменения этих слов по падежам, они легко включаются в русскую словоизменительную парадигму. Ср.: *zapping* (вкрапление) – *Быстрое переключение телевизора с одной программы на другую, к которому прибегают, чтобы не смотреть рекламу, называется zapping* (В. Пелевин. Generation P) – и склоняемый кириллический вариант *заппинг* – *Новомодная болезнь поразила, по статистике, каждого пятого из нас. Самое страшное – от заппинга ещё не изобрели лекарства; Как бороться с заппингом?* (заголовок).

По-видимому, условием для этого является наличие в русском языке большого числа заимствований похожей структуры – слов с *-инг*, *-ер*, *-мент*, – «отрезками», которые воспринимаются, осознаются как уже знакомые, освоенные морфемы (а в некоторых словах они свободно выделяются как морфемы – *банкинг*, *сканер*, *менеджмент*). Слова с «узнаваемой» морфемной структурой, т. е. мотивированные (см. об этом понятии 2.1; 2.5), без задержек включаются в систему падежного словоизменения.

Говоря о факторах, поддерживающих отсутствие словоизменения у иноязычных существительных с консонантным исходом, нельзя забывать о том, что существуют определённые **структурные ограничения** для склонения. Так, у существительных со значением лица женского пола (*вамп, гёрлскаут, хостес* и т. п.) таким ограничением является твёрдый согласный (не шипящий) на конце слова (в русском языке слова женского рода с консонантным исходом могут заканчиваться только на мягкий согласный или шипящий, как *мать, дочь, рожь*). Убедиться, насколько строго действует это ограничение, можно на следующем примере: *На своей «мерс» пострадавший быстро догнал обидчиков* (ЭКГ). Как только усечённое существительное перешло в разряд имён женского рода, оно потеряло склоняемость. Ср. в этом же тексте более привычное употребление усечения *мерс* как существительного мужского рода: *Ехал на шестисотом мерсе*.

Своеобразное ограничение для словоизменения есть и у существительных типа *контрас, группиз*, где конечный согласный (-с или -з) восходит к форманту множественного числа -s языка-источника. Поскольку сами существительные употребляются в грамматическом значении множественного числа, деплюрализация в подобных заимствованиях не происходит: плюральные (в языке-источнике) формы слов на русской почве оказываются застывшими, неизменяемыми словами.

Особую группу несклоняемых субстантивов с конечным согласным фиксирует на рубеже XX–XXI вв. Е.А. Земская в речи русских эмигрантов – иноязычия на *-ин/-шен*, см.: *коннекшэн, аппликэйшэн, конверсэйшэн* (ср. *connection, application, conversation*). По выражению Е.А. Земской, исход подобных слов «слишком иноязычен», что мешает его соединению с русскими флексиями [ЯРЗ, с. 202]. Как мы показали в 2.6, подобная группа англицизмов (на *-ин* и *-жен*) постепенно сформировалась и в русском языке на территории его исконного распространения и слова, входящие в эту группу, также не всегда включаются в парадигму склонения (*девушка на ресепшн*).

Тем не менее в большинстве случаев иноязычные существительные, употребляющиеся в русской речи без падежных окончаний, со временем «получают» склоняемый вариант, который постепенно вытесняет несклоняемую форму. Ср. телевизионную рекламу середины 90-х гг. XX в.: *В этих новых памперс кожа малыша сухая и здоровая* и современное нормативное употребление – *в памперсах*.

Это наблюдение не распространяется лишь на одну-единственную группу среди несклоняемых субстантивов с консонантным исходом – на группу феминитивов (*вамп* и т. п.); просторечное *мадама* и окказио-

нальные *гёрлфрендша* и *гёрлфрендиха* во внимание не принимаются. У остальных несклоняемых иноязычных существительных на согласный наблюдается **варьирование по признаку склоняемости/несклоняемости**. Вот некоторые примеры: *Победить на **праймериз*** и *Победить на **праймеризе*** (из газ.); *Девушка на **ресепшен*** и *Девушка на **ресепшине*** (из устн. речи); *Пришёл с **гёрлфренд*** (из газ.) и *Прийти с **гёрлфрендой*** (из устн. речи); *Индустрия **фастфуд*** и *Индустрия **фастфуда*** (из газ.); «*Искусство фэн-шуй*» и «*Энциклопедия фэн-шуя*» (названия книг); *Школа **бонсай*** и *Школа **бонсая*** и др. (см. также примеры подобных вариантов у иноязычных аббревиатур в 2.8). Поскольку конкуренция вариантов, как правило, заканчивается «победой» склоняемого варианта, что вполне естественно для русского языка, можно говорить о том, что отсутствие склонения у слов на согласный характеризуют именно этап **адаптации** существительного, его постепенное включение в достаточно строгую грамматическую парадигматику языка. На наш взгляд, при первой лексикографической фиксации иноязычных неологизмов, в случае с существительным на согласный, следует рекомендовать «нормальный», естественный для русского языка вариант склонения (*школа бонсая*). И уж тем более такой вариант должен стать если не нормативным, то в первую очередь рекомендуемым в ортологическом словаре. Считаем, что нет никаких оснований отмечать как «неправильный» вариант слова *бонсай* с падежным изменением (*сад бонсаев*), а в качестве нормативного фиксировать только один вариант – несклоняемый (см., например, [КНС]).

Кстати говоря, вариантность по признаку склоняемости/несклоняемости проявляется (в разной степени) у несклоняемых существительных всех разрядов, включая слова, относящиеся к ядру класса несклоняемых существительных, т. е. субстантивы на гласный. Ср.: *Девяносто **евро*** и *Девяносто **евров*** (из устн. речи); *Континентальный завтрак без **мюсли** не обходится* (*мюсли* нескл. [РОС; БТС]) и *Сколько сыпать **мюслей**?* (из разговора за завтраком); *Спать в **бигуди*** и *Спать на **бигудях*** (*бигуди* неизм. [БТС] и *бигуди* нескл. и *-ей* [РОС]).

Таким образом, характеризуя изменения в классе несклоняемых имён существительных в целом, можно сказать, что, с одной стороны, состав этого класса, подчиняясь действующей в языке тенденции к аналитизму,²⁷ постепенно расширяется, включая его периферию (существительные на согласный); с другой – с **аналитическими тенденциями в современном русском языке на отдельных его участках конкурируют глубинные механизмы традиционного словоизменения**.

2.10. Параллельное заимствование в литературном языке и субстандарте

Заимствование однокоренных слов (параллельное заимствование) на рубеже XX–XXI вв. имеет регулярный характер. Почти каждое новое иноязычие, проникая в русскую речь, «тянет» за собой и «родственников». В результате словообразовательная система принимающего языка получает пары или ряды слов, выстраивающих парадигматические отношения друг с другом в соответствии с закономерностями этой системы (*промоушн* – *промоутер* – *промоутировать* ‘деятельность – деятель – действие’; *кайтинг* – *кайтер* – *кайт* ‘деятельность – деятель – действующий предмет’ и т. п.). Включаясь в подобные ряды, иноязычное слово занимает определённое место в словообразовательной системе языка-реципиента, даже не участвуя в деривационном процессе, т. е. даже не образуя производные (такую словообразовательную адаптацию иноязычного слова можно назвать пассивной [49, с. 457]). Это касается прежде всего полиморфемных слов, которые заимствуются на русскую почву одновременно или почти одновременно со словом, являющимся в языке-источнике их производящим.

Заимствование из чужого языка готовой «парадигмы», микросистемы наблюдалось и ранее. Ю.С. Сорокин отмечает такую особенность в развитии словарного состава русского языка в 30–90-е гг. XIX в., как «заимствование лексических гнезд» [86, с. 52] – лексем, составляющих, по словам учёного, «пучок производных» типа *ликвидация* – *ликвидировать*, *реалист* – *реализм* – *реальный* [86, с. 62]. На протяжении XIX–XX вв. часто происходило одновременное заимствование **пары** однокоренных слов, связанных обычно отношениями «деятельность – деятель» (*вояж* – *вояжёр*) или «действие – действующий предмет» (*слябинг* – *сляб*) (см. об этом: [29, с. 102; 19, с. 18]). Для конца XIX в. – начала XX в. характерно заимствование одноструктурных, или «структурно однотипных», слов, включающих один и тот же (в языке-источнике) словообразовательный формант, например *-мен* (*спортсмен*, *рекордсмен*, *яхтсмен*), *-инг* (*допинг*, *смокинг*), *-аж* (*вираж*, *пилотаж*, *савотаж*) (см.: [29; ЛРЛЯ, с. 208]) – такие ряды тоже представляют собой своеобразные парадигмы. Эти и другие подобные факты позволяют пересмотреть мнение ряда учёных, в частности А.И. Смирницкого, о том, что «каждое конкретное слово заимствуется как таковое, как отдельное, единичное слово, а не как член какой-либо целой системы» [85, с. 236].

Причина активности параллельного заимствования на рубеже XX–XXI вв. заключается в том, что донором, «поставщиком» иноязычных лексем преимущественно выступает один язык – американский английский. Поскольку сейчас «охотно» принимают заимствования самые разные сферы человеческой деятельности – от бытовой сферы до научной, интеллектуальной, духовной, востребованными оказываются целые гнезда слов языка-источника (всего нами зафиксировано свыше двухсот таких гнёзд – это приблизительно 600 иноязычных слов, многие из которых уже вошли в новейшие толковые словари, в частности в БТС; ТСРЯ; ТСИС; НСИС; АЛ; НСЗ).

В результате активизации параллельного заимствования некоторые иноязычные слова-«одиночки», заимствованные ранее и не имевшие до последнего времени в русском языке производных, «получают» словообразовательные гнезда. Например, заимствованные слова *менеджмент*, *менеджеризм*, *топ-менеджер*, *тур-менеджер*, *офис-менеджер*, *агент-менеджер*, *пресс-менеджер*, *тайм-менеджер* «составили» гнездо старому заимствованию – слову *менеджер*; слова *шоумен*, *шоувумен*, *шоумейкер*, *реалити-шоу*, *ток-шоу*, *дог-шоу*, *слайд-шоу*, *гоу-шоу* (‘демонстрация, шествие, парад’, от англ. go-show букв. ‘иди и показывай’), *авиа-крэш-шоу*, *фолк-шоу*, *роуд-шоу*, *скетч-шоу*, *шоу-рум*, *шоу-бизнес*, *байк-шоу*, *боди-шоу* «оформили» гнездо бывшему экзотизму, слову *шоу*; англицизмы рубежа XX–XXI вв. *бизнес-класс*, *бизнес-ланч*, *бизнес-леди*, *бизнесвумен* дополнили гнездо ранее заимствованных слов *бизнес*, *бизнесмен*. По мнению Ю.С. Сорокина, «появление такого пучка является уже надёжным свидетельством ... времени усвоения иностранного слова данным языком» [86, с. 62].

С точки зрения частеречного состава заимствованные словообразовательные гнезда, как правило, однородны: они включают преимущественно имена существительные (как самую частотную в процессе заимствования часть речи). Таковы, к примеру, следующие гнезда слов: *маркетинг*, *демаркетинг*, *ремаркетинг*, *мультимаркетинг*, *турбомаркетинг*; *никнейм* ‘сетевой псевдоним’ (< nickname ‘прозвище’), *нейминг* ‘создание коммерческих названий’ (< naming), *неймер* ‘специалист по неймингу’, *нейминг-программы*; *хакер*, *хакинг* (< hacking) ‘незаконный доступ к сетевому компьютеру’, *хак* (< hack) ‘то же’; *чип*, *чипер* (< chipper), *чипсет* ‘набор чипов’ [НСИС] (< chipset) и др.

Такая особенность отличает словообразовательные гнезда, пришедшие из чужого языка, от гнёзд, звенья которых образуются от иноязычий на русской почве: последние характеризуются разветвлённостью и морфоло-

гическим разнообразием. См., к примеру, гнездо слова *чат*, включающее, помимо субстантивов *чатлане*, *чатикет*, прилагательное *чатовый* и глаголы *чатиться*, *початиться*, *чатить*. Ещё один пример – гнездо слова *рейтинг*: прилагательные – *рейтинговый*, *высокорейтинговый*, *нерейтинговый*, существительные – *рейтингование*, *антирейтинг*, *рейтингология*, глагол – *рейтинговать* [АЛ], наречие – *рейтингово* [АЛ].

Однако большинство заимствованных словообразовательных гнёзд постепенно **достраиваются** исконными дериватами; в этом случае морфологическое наполнение гнезда становится более разнообразным (см. таблицу).

Займствования	Дериваты
<i>блог</i> ‘сетевой дневник’, <i>блогер</i> [РОС]	<i>блоггерство</i> [АЛ], <i>блог-программа</i>
<i>бренд</i> , <i>брендинг</i> , <i>ребрендинг</i>	<i>брендовый</i> , <i>брендированный</i> , <i>монобрендовый</i> , <i>мультибрендовый</i>
<i>мерчендайзер</i> , <i>мерчендайзинг</i>	<i>мерчендайзинговый</i> [АЛ]
<i>микшер</i> , <i>микшировать</i>	<i>микширование</i> [НСИС], <i>микшерская</i> ‘помещение, оборудованное микшером’ [БТС], <i>смикшированный</i>
<i>от кутюр</i> , <i>кутюрье</i>	<i>кутюрный</i> , <i>откутюровский/откутюрный</i>
<i>спам</i> , <i>спаминг</i> (< spamming), <i>спамер</i> (< spammer)	<i>антиспамовый</i> , <i>спамить</i> ‘рассылать спам’, <i>спамерский</i> , <i>антиспамерский</i>
<i>трейдер</i> , <i>трейдинг</i> , <i>трейд-ин</i>	<i>нефтрейдер</i> , <i>трейдинговать</i> , <i>трейдинговый</i> , <i>трейдингование</i> , <i>трейдить(ся)</i> [СЗА]
<i>тьютор</i> , <i>тьюторинг</i> , <i>тьюториал</i>	<i>тьюторский</i> , <i>тьюторство</i>

Отметим, что аналогичные процессы протекают и в **субстандарте**. Слова, содержащие один и тот же корень, могут заимствоваться, как, например, заимствовались в молодёжный жаргон слова *клуббер* ‘человек, активно посещающий клубы и молодежные вечеринки’ (ср. англ. clubber) и *клуббинг* (< clubbing). Ещё пример – заимствование своеобразного словообразовательного гнезда в языке любителей компьютерных игр: *лвл* ‘уровень персонажа’, *лоу-лвл* ‘низкоуровневый’, *хай-лвл* ‘высокоуровневый’ [37, с. 168]. В то же время активно идёт деривация от жаргонизмов иноязычного происхождения, причём так же, как в литературном языке, образующиеся гнёзда слов морфологически разнообразны (*попс(a)*, *попсовый*, *попсово*, *попсовик*, *попсеть*, *запопсеть*, *опопсеть*, *опопсачиться*, *попсать*, *попсовать* [СЗА]). Можно говорить и о другом разнообразии словообразовательных гнёзд в субстандарте: многие такие гнёзда включают словообразовательные дублеты – дерив-

ваты, тождественные по лексическому значению, но различающиеся словообразовательным формантом, например: *попса, попсация, попсня, попсуха, попсушка, попсушник, попсяра* [СЗА] и др. Такая множественность обозначений позволяет носителям субстандарта постоянно обновлять его экспрессивный фонд.

Особенность параллельного заимствования на современном этапе проявляется также в том, что вхождение в русский язык слов, входящих в языке-источнике в одно и то же словообразовательное гнездо, размывает границы между кодифицированными и некодифицированными сферами речи – иными словами, между стандартом и субстандартом. Дело в том, что среди заимствованных словообразовательных парадигм выделяются гнёзда, звенья которых генетически имеют тот же корень, что и давно заимствованные из английского языка в основном молодёжным жаргоном лексемы. Например, слова *фейс-контроль, интерфейс/фейс* (комп.) ‘внешний облик программы’, *фейс-арт, фейс-билдинг, дефейсить* (комп., от англ. deface ‘сменить внешний вид’), *дабл-фейс* (термин моды), *фейс-лифтинг, «Фейсбук»* репрезентируют своим составом сленгизм **фейс**. Зафиксированные современными словарями англицизмы *гёрлс* ‘группа девушек, выступающих на эстраде’, *гёрлфренд* ‘подружка молодого человека’, *гёрлскаут* ‘девочка или девушка – член скаутской организации’, *кол-гёрл* ‘девушка по вызову’, *гёлсбэнд* ‘музыкальная группа, состоящая только из девушек’ «отсылают» к жаргонизму **герла**; соответственно *плейбой, бойфренд, бойскаут, бой-групп/бой-группа* ‘музыкальная группа, состоящая только из юношей’ соотносятся с жаргонизмом **бой**. Слова *дансинг* ‘танцевальный зал’, *дансинг-холл* или *данс-холл* ‘дансинг’, *дансер/дэнсер* ‘танцор’, *брейк-данс, данс-аэробика* (разновидность аэробики), *данс-пол, данс-хит* имеют тот же генетический корень, что и жаргонизм **данс/дэнс**.

Ср. также: *саундтрек* ‘звуковая дорожка к фильму’, *саундчек/саундчек* ‘репетиция, настройка инструментов перед концертом в помещении, где будет проходить концерт’, *саунд-проект, саунд-продюсер* и слово из музыкального жаргона **саунд** ‘звук’; *лав-стори, лав-ситс* ‘диванчики на двоих в кинотеатрах’, *лав-отель* и молодёжный жаргонизм **лав** ‘любовь’²⁸; *лайф-концерт* ‘живой концерт’, *гербалайф* и **лайф** ‘жизнь’ (мол. жарг.); *лук* (стиль молодёжной культуры), *джипси-лук* ‘цыганский стиль в одежде’, *флирт-лук* (стиль в моде), *бизнес-лук* ‘внешний вид бизнесмена, предполагающий наличие костюма и галстука’ и **лук(ать)** ‘смотреть’ (мол. жарг.); *чат-рум* ‘электронные места встреч коммуникантов, разделяющих специфические интересы’, *нюсрум* ‘отдел новостей на телестудии’, *шоурум* ‘место демонстрации одежды в дорогом магазине’

и *рум/румната* ‘комната’ (мол. жарг.); *хавбек/хав* (спорт.) ‘полузащитник’, *бек* (спорт.) ‘защитник’, *флэшбэк* (псих.) ‘симптом стрессового состояния в виде мысленного повторения вызвавшего его события’, *флайбек* (термин моды), *бэкстэдж/бэкстэйдж* ‘пространство за сценой для музыкантов, играющих на концерте, технического персонала, журналистов’, *бэквокал/бэк-вокал*, *бэк-офис*, *бэкграунд* ‘концевой материал, итоговый абзац, мораль’ и *бэк* ‘задний, сзади’ (мол. жарг.); *бьютимейкер* ‘визажист’, *бьюти-салон* ‘салон красоты’, *бьюти-индустрия* ‘сеть салонов красоты’ и *бьюти* ‘о красивой (иронично – о некрасивой) девушке’ [СЗА]. Менее разветвлённые гнёзда «восходят» к жаргонизмам *грин(ы)*, *хэд*, *хэнд*, *прайс*, *покет*, *бук*, *тайм* (соотв. ‘доллары’, ‘голова’, ‘рука’, ‘деньги’, ‘карман’, ‘книга’, ‘время’ в молодёжном жаргоне). См. также пары: *найт-клуб* ‘ночной клуб’ и молодёжный жаргонизм *найт* ‘ночь’; *геймьюзик* ‘музыка, которую специально пишут для компьютерных игр’ и компьютерные жаргонизмы *геймер* ‘игрок’, *гама* ‘игра’; *стритбол* ‘уличный футбол’ [НСИС], *стритстайл* ‘уличный стиль роллерного спорта – катание на роликовых коньках на улицах’ [НСИС], *стриптрейсинг* ‘автомобильные гонки по улицам города в ночное время’ [КНС] и *стрип* ‘улица’ (мол. жарг.); *тайм-тейбл* и *тейбл* (мол. жарг.); *джем-сейшн* ‘совместное импровизационное музицирование нескольких джазовых коллективов’ и *сейшн* ‘вечеринка, музыкальная тусовка’ (муз. жарг.); *ток-шоу* и *ток* ‘разговор’, *токать* (мол. жарг.); *бизнес-скул* и *скул* ‘школа’ (мол. жарг.); *нет-арт* ‘сетевое искусство’ и *нет* ‘Интернет’ (комп.); *дресс-код* (< dress-cod) и *дресс* (мол. жарг.) ‘одежда’ [СЗА]; *трейдер* ‘участник биржевых торгов’, *трейдинг* ‘торговля ценными бумагами (акциями) без посредников между трейдером и биржей’ [ТСРЯ-2], элемент *-трейд* (в названиях различных коммерческих компаний, фирм и т. п.) и *трэйд* (жарг.) ‘торговля’ [СЗА]; *трэвел-чеки* ‘дорожные чеки’ и *трэвелинг* ‘путешествие’ [СЗА] и др.

В большинстве случаев заимствования, входящие в эти и подобные им ряды, в языке-источнике представляют собой сложные (поликорневые) слова. В некоторых из них оба корня соотносятся в русском языке с жаргонизмами. Например: *бойфренд*, *гёрлфренд* – ср.: *бой*, *герла*, *френд* ‘друг’; *фейс-билдинг*, *тимбилдинг* ‘сплочение коллектива, команды’ – ср.: *фейс*, *билдинг* ‘здание’, *тим* ‘команда’ (см., к примеру, строчку из песни популярной рок-группы «Сплин»: *Ведь мы бодем за один и тот же тим*); *бегиситтер* – ср.: *беби*, *ситать* ‘сидеть’ (мол. жарг.); *рекорд-лейбл* ‘звукозаписывающая студия’ – ср.: *рэкорд* ‘кассета с записью’ (мол. жарг.) и бывший жаргонизм *лейбл*.

Иноязычные слова, которые можно было бы считать вершинами таких гнёзд (непроизводные единицы *фейс, гёрл, бой, данс, саунд, френд* и др.), в русском языке выходят **за границы лексической нормы** (хотя их прототипы в языке-источнике являются нейтральными общеупотребительными словами) – условно говоря, это «субвершины». Они относятся к **эквивалентной** иноязычной лексике. В субстандарте именно такая, эквивалентная лексика значительно преобладает во всём массиве иноязычных лексем (см.: [43, с. 319], причём при заимствовании эквивалентные иноязычные слова в большинстве своём сохраняют значение этимонов и не развивают оттенков значения по отношению к своим эквивалентам²⁹. Вне жаргона, вне своей родной стихии данные лексемы воспринимаются как варваризмы, т. е. **вторичные наименования** обычных, обыденных и далеко не новых «предметов», для которых в русском языке есть исконные обозначения.

В настоящее время сфера функционирования варваризмов расширилась: такие слова очень популярны в качестве эргонимов (коммерческих имён), см.: магазин «*Лайф*» (см. также название телесериала «*Рублёвка-лайф*»), автосервис «*Хелп-авто*» (ср. *хелп* – в компьютерном жаргоне ‘помощник’, *хелп* – в студенческом жаргоне ‘шпаргалка’), фотосалон «*Смайл-фото*» (ср. бывший жаргонизм *смайлик*, а также *смайл* – в молодёжном жаргоне ‘улыбка’), журнал «*Бьюти*», «*Love-радио*» и др. Некоторые из варваризмов часто используются в написании латиницей: *play, game, baby, beauty, dance, look, life, love, time* и др.³⁰ По-видимому, их популярность, «публичность» подкрепляется тем, что многие из них являются интернациональными. Так, в немецком молодёжном языке функционируют *face, baby, dance, look, girl, boy, love, sound, head* (см.: [78, с. 10, 11, 14]), в словенском языке исследователи фиксируют англицизмы *tim, forehand, plejboj* [107, с. 131, 132] (ср. в русском языке: *тим, форхэнд, плейбой*), в болгарском языке – *халф, халфбек* [109, с. 62] (ср. в русском языке: *хав, хавбек*). В.Г. Костомаров называет подобные англицизмы-американизмы *интержаргоном* [27, с. 132]. По мнению учёного, интержаргон оказывает «деформирующее воздействие на литературный стандарт» [27, с. 135]. Согласно другой точке зрения, с проникновением в язык иноязычий происходит не деформация, а усложнение семантических отношений между близкими по значению словами. Так, Л.П. Крысин пишет: «Происходит... распределение членов таких рядов (близких по значению слов. – *Е.М.*) по сферам деятельности или сферам общения: ... *лицо – фейс* (шутливо, в определённых контекстах – ср. молодёжные обороты типа *фейсом не вышел, фейсом об тейбл*)» [31, с. 30].

«Низкое происхождение» жаргонизма облагораживается и за счёт того, что его существование в русском языке оправдывается целым рядом однокоренных литературных слов (по нашим наблюдениям, лишь незначительное число жаргонизмов, составляющих эквивалентную лексику, не имеет родственных слов в официальном или массмедийном дискурсе). Правда, в большинстве своём «родственники» находятся на периферии языка: либо это экзотизмы – *бойскаут, гёрлс, гёрлскаут* и др., либо профессионализмы, узкоспециальные термины – *саундчек, тимбилдинг, дабл-фейс, интерфейс, бэк-офис, беби* (в кинологии – ‘щенок от 4 до 6 месяцев’) и др. Возможно, поэтому, в отличие от большинства заимствованных словообразовательных гнезд, гнезда с «субвершинами» не пополнились (по крайней мере, пока) исконными дериватами. Расширение состава словообразовательного гнезда происходит, по-видимому, в тот момент, когда бывший жаргонизм нейтрализуется и осознаётся как полноправная единица литературного языка. Так, слово *байк* впервые (1998 г.) зафиксировано в ТСРЯ с пометой «жаргонное». В XXI в. словари подают его уже без помет, как вполне литературное слово, например в [НСИС] – ‘обычно дорогой, иностранного производства мотоцикл’ (см. также другой бывший жаргонизм – *байкер* ‘представитель неформального молодёжного движения, любитель мотоциклетного спорта’ [НСИС]). В настоящее время пара *байк – байкер* «превратилась» в многочисленное словообразовательное гнездо, в которое, помимо ближайших родственников, тоже заимствований (*кикбайк* ‘самокат, складывающийся в специальную сумку’ и *байк-шоу*), входят производные, образованные уже в русском языке: *байкерский, байкерство, байкерша*. Теряет связи со сленгом и германизм *киндер*: став частью вполне литературного обозначения известного детского лакомства – *киндер-сюрприз*, он используется уже в русских образованиях типа *киндер-шоколад, киндер-жвачка* и т. п.

Факт «вживания» в русский литературный язык иноязычных слов, содержащих тот же корень, что и слова-варваризмы, свидетельствует о глубоком проникновении иноязыковых элементов в русский язык, в разные его варианты и стили. Заимствование слов, содержащих традиционно **переводимый** корень, влияет на языковое сознание говорящих, которое, по-видимому, становится более терпимым к восприятию иноязычных корней, даже если эти корни соотносятся со словами, выходящими за рамки лексической нормы. На наш взгляд, проникновение в литературный язык иноязычных слов, родственных жаргонным словам, создаёт благоприятную почву для **внутреннего заимствования** самих этих жаргонизмов (см. название салона красоты «Фейс»).

2.11. Изменения в синонимике русского языка на рубеже XX–XXI вв. как результат заимствования

Один из активных процессов в современном русском языке – процесс обновления лексической системы, проявляющийся, в частности, в том, что происходят заметные изменения в синонимике языка. Изменения эти выражаются в следующем: во-первых, появляются новые синонимические пары (или ряды); во-вторых, обогащаются, дополняются новыми звеньями уже существующие синонимические ряды.

1. Новые синонимические пары (или ряды) могут быть следствием параллельного заимствования из чужого языка слов с близким или тождественным значением. См., к примеру: *бизнесумен* – *бизнес-леди*; *топ-модель* – *супермодель*; *флеш-моб* – *смартмоб* и др.

Однако чаще всего новые синонимические пары формируются на русской почве, с использованием исконного материала. Создаются они по-разному – в зависимости от того, является новое заимствование **эквивалентным** или **безэквивалентным** словом.

В первом случае синонимическую пару образуют новое иноязычие и его эквивалент: неологизм пристраивается к уже существующему слову, выступая по отношению к нему либо в роли абсолютного синонима (дублета), либо в роли относительного синонима. Например: *мультипликация* – *анимация*; *обмен* – *бартер*; *культуризм* – *бодибилдинг*; *вознаграждение* – *бонус*; *рисковый* – *венчурный*; *модельер* – *кутюрье*; *СМИ* – *масс-медиа*; *макияж* – *мейкап*; *избиратели* – *электорат* и др.

Если же новое слово является **безэквивалентной** единицей, оно само может послужить «отправной точкой» в процессе синонимизации: синоним пристраивается уже к нему. См.: *джип* – *внедорожник*; *имплантация* – *вживление*; *Интернет* – *Всемирная Паутина*, *глобальная сеть*, *Сеть*, *киберпространство*, *киберпейс*, *виртуальная реальность*; *триал* – *велоакробатика* и др.

Безэквивалентное слово «провоцирует» языковую систему, побуждая её к творчеству, к деятельности, поскольку «порождение» синонима к тому или иному иноязычию в каждом конкретном случае происходит индивидуально. Нередко в качестве синонима выступает **калька**, прототипом которой является то же самое слово (или словосочетание) чужого языка, послужившее источником заимствования. Это может быть **словообразовательная** калька (*бритоголовые* – ср. *скинхэды* < англ. *skinhead*), **семантическая** калька (*прозрачный* – ср. *транспарентный* < англ. *transparent* ‘прозрачный, ясный, очевидный’) или **фразеологиче-**

ская калька (*высокая мода* – ср. от *кутюр*, от франц. *haute couture*, букв. ‘высокое шитьё’) и др.

В качестве синонима к безэквивалентному иноязычному слову могут выступать существующие в языке слова, получившие новое значение, т. е. **семантические неологизмы**. Например, слово *диалоговый* ‘относящийся к диалогу, проходящий, протекающий в форме диалога’ стало употребляться как синоним заимствованного слова *интерактивный*, вследствие чего получило новое значение ‘предполагающий непосредственное взаимодействие с пользователем в процессе работы’ [АЛ].

Наконец, синонимом безэквивалентного иноязычного слова может стать **словообразовательный неологизм**. Часто такой синоним является однокоренным по отношению к иноязычию, см.: *архивация* ‘создание архивов файлов’ – *архивирование*, *аудит* – *аудирование* – *аудиторство*, *кёрлер* – *керлингист*, *лоббизм* – *лоббирование*, *тестинг* – *тестирование*.

Всего на рубеже XX–XXI вв. около 200 иноязычных слов «оказались» вовлеченными в синонимические отношения с лексическими единицами принявшей их системы, которая, в свою очередь, пополнилась **новыми** синонимическими парами. Для того чтобы представить в полном объёме новую синонимику, возникающую под влиянием заимствуемых слов, следует учесть и такие пары и ряды, в состав которых входят **производные** от новых иноязычных слов, например: *интернетовский* – *сетевой*; *коттоновый* – *хлопковый*; *кутюрный* – *модный*; *тинейджерский* – *подростковый*; *электоральный* – *избирательский* и др.

Особо следует отметить так называемую **межуровневую синонимику** (она включает синонимические пары «слово – словосочетание»), которая также заметно пополнилась благодаря тому, что некоторым иноязычным словам на русской почве соответствуют **словосочетания**. См.: *дайвинг* – *подводное плавание*; *имейл* – *электронная почта*; *ник* – *сетевое имя*; *топ* – *список призёров*; *хай-тек* – *высокие технологии*; *пиар* – *связи с общественностью* и др. (подробнее об этом см.: [48, с. 398–400]).

2. За счёт новых заимствований и переосмысленных старых заметно **расширяются уже существующие синонимические ряды**. Обычно обогащение ряда сопровождается «перестройкой» отдельных его звеньев, поскольку иноязычное слово может вытеснить доминанту ряда, ослабить или изменить позиции других синонимов, повлиять на их стилистическую окраску и т. п. В научной литературе такие процессы на материале отдельных синонимических пар рассматривались ранее Ю.С. Сорокиным, Л.М. Грановской, Л.П. Крысиным, Э.Ф. Володарской и др. (см. [86; ЛРЛЯ; 31; 11]).

По нашим данным, свыше 50 существующих в русском языке синонимических рядов **пополнилось** на рубеже XX–XXI вв. новыми лексическими единицами. См. таблицу:

Синонимический ряд «Словаря синонимов» А.П. Евгеньевой (1975)	Новые звенья ряда
<i>дар, талант, дарование, одарённость</i>	харизма
<i>известность, популярность, знаменитость, слава</i>	наблизити, рейтинг (перен.)
<i>нажим, давление, напор, натиск</i>	прессинг
<i>новшество, нововведение, новинка, новаторство, новация</i>	инновация
<i>перерыв, интервал, пауза, передышка (разг.)</i>	тайм-аут
<i>представление, зрелище</i>	шоу, гала (перен.), перформанс (перен.)
<i>репутация, слава, реноме</i>	имидж (перен.)
<i>смесь, смешение, мешанина (разг.), каша (разг.), винегрет (перен.), крошка (перен.)</i>	коктейль (перен.), микс (перен.), фьюжн (перен.)
<i>союз, альянс, единение, объединение, содружество</i>	тандем
<i>судьба, рок, фатум, предопределение</i>	карма
<i>творческий, созидательный</i>	креативный

Подчеркнём, что в большинстве случаев заметно стремление иноязычного слова разойтись по значению (оттенками) или по стилистической окраске и сфере употребления со словами синонимического ряда. Особенно ярко проявляется «оттеночная» синонимия в том случае, когда слова, могущие обозначать один и тот же денотат, употребляются в переносном значении. Вот несколько примеров синонимических рядов, в которых новые звенья представляют собой иноязычные слова, развившие на русской почве переносное значение: *наставник, учитель, гуру* (перен.); *робот* (перен.), *марионетка* (перен.), *манекен* (перен.), *зомби* (перен.); *смешивать, сочетать, микшировать* (перен.) и др. (см. также таблицу).

В заключение отметим, что, по мнению большинства лингвистов, процесс включения новых заимствований в синонимический ряд русского языка имеет большое лингвистическое значение, т. к. приводит, как пишет Э.Ф. Володарская, «к обогащению синонимического пула языка-реципиента» [11, с. 108]. По-видимому, множественность обозначений

одного и того же обеспечивает говорящему такой запас средств словесного выражения мысли, при котором он получает возможность дифференцированно использовать эти средства в разных условиях общения, в разных стилях, жанрах и т. п. Некоторая избыточность в данном случае есть необходимое условие развития языка, который либо отбирает нужные ему единицы, оставляя их в системе, либо актуализирует, делает значимыми различия между синонимичными словами.

Вместо заключения

Аналогия как ведущий принцип освоения иноязычных слов в русском языке новейшего периода

Общее направление адаптационных процессов в русском языке новейшего периода проявляется в **конкуренции** иноязычных слов с лексическими единицами заимствующего языка, в стремлении органично влиться в систему и стать «своими».

Конкуренция своего и чужого проявляется двояко: с одной стороны, иноязычный неологизм «предъявляет» говорящему некоторые преимущества, актуализируя их (например, оттенок значения: *электорат* – ср. *избиратели*; краткость: *вин*; способность к деривации: *массмедиа* – ср. *СМИ* и проч.); с другой – соотносясь с уже существующей единицей языка-реципиента, он не только отталкивается по отдельным признакам от неё, например по значению – в случае синонимии, но и в чём-то уподобляется ей, подстраиваясь под систему.

Слово языка-реципиента, с которым соотносится (по смыслу или/и по структуре) новое иноязычное слово, выступает по отношению к последнему как «образец». Ведущим принципом адаптации иноязычного слова становится принцип, или закон, **аналогии**. Этот принцип проявляется в том, что новая лексическая единица, взятая из чужого языка, приобретает какие-то стороны и признаки своей структуры на основе подобия с тем, что есть в другом факте (или в других фактах). По аналогии выстраиваются системы склонения и спряжения, передвигается ударение. Так, акцентный вариант слова *бармен*, широко распространённый в устной речи. – результат аналогии со словами *шоумен*, *супермен*, *яхтсмен* и др. Аналогия может быть также причиной варьирования иноязычного слова. Числовые варианты слов *дедлайн/дедлайны* ‘крайний срок’, *дрэд/дрэды* ‘причёска’ появились под влиянием аналогов:

ср. *укладываться в дедлайны* (*укладываться в сроки*); *носить дреды* (*носить косички*).

Принцип аналогии действует в адаптационных процессах всех основных типов, т. е. как в семантической адаптации, связанной с лексической семантикой осваиваемого в языке-реципиенте слова, так и в формальной адаптации, затрагивающей внешнюю, материальную оболочку слова.

Аналогия в процессе семантического освоения иноязычного слова заметна в таких процессах, как метафоризация и фразеологическая деривация, когда оказываются востребованными имеющиеся в языке «порождающие» модели. Например, модель метафорического переноса «жанр искусства → событие», реализованная в устойчивых употреблениях *комедия* (о забавном происшествии), *фарс* (*Не собрание, а фарс какой-то!*), *драма* (*семейная*) и др., генерировала ряд новых метафор на базе иноязычных слов, см.: (*политический*) *триллер*, (*политическое*) *шоу*, (*политический*) *экиш*, *ток-шоу* (о заседании правительства), *блокбастер* (о действиях НАТО), *перформанс* (о дне рождения и т. п.), *инсталляция* (метафора жизни), *римейк политической стратегии* и др. В этом и в подобных случаях действует так называемая **смысловая аналогия**.

Аналогия в процессе грамматического освоения иноязычного слова может быть как **смысловой**, так и **формальной**. Так, под действием аналогии обоих типов оформляется в современной русской речи род несклоняемых неодушевлённых имён существительных. Сферы влияния формальной и смысловой аналогии распределяются, как уже отмечалось в 2.3, следующим образом:

– существительные на *-о* в подавляющем большинстве случаев становятся именами среднего рода: *бунгало*, *парео*, *сумо* и др. (на этом «участке» языка сильна формальная аналогия иноязычных слов на *-о* с исконными существительными среднего рода на *-о*);

– род имён существительных с основами на другие гласные всё чаще формируется по принципу смысловой аналогии, а именно «перенимается» род слова-эквивалента или близкого по значению слова русского языка (*биеннале* ж. р. и *выставка* ж. р.; *джакузи* ж. р. и *ванна* ж. р.; *гран-при* м. р. и *приз* м. р. и др.). Это замечание касается и родовой характеристики слова *евро*: оно имеет признаки мужского рода, по аналогии с родом рядоположенных имён существительных *доллар*, *рубли*, хотя в разговорной речи встречаются употребления, соответствующие нормативному «формальному» правилу (*одно евро*).

По-видимому, на этом участке языка смысловая аналогия успешно конкурирует с традиционным грамматическим правилом, что на самом деле не противоречит тому, что уже есть в системе языка. Мы имеем в виду присваивание рода аббревиатурным словам, когда аббревиатура получает род опорного слова производящего словосочетания (*бывшая ГДР*), и присваивание рода несклоняемым неодушевлённым именам собственным по роду слова-гиперонима (*современный Токио, широкая Миссисипи*). Наши наблюдения позволяют предположить, что в современной языковой ситуации в сфере несклоняемых неодушевлённых нарицательных существительных начинает действовать тот же принцип, что и у названных выше категорий слов. Так, все обозначения разновидностей кофейных напитков, несмотря на то что они представляют собой несклоняемые существительные на гласный, – *эспрессо, капучино, мокко, мокачино, латте* и др. – употребляются с определениями, стоящими в форме мужского рода (по аналогии с родом слова-гиперонима *кофе*).

Иными словами, род присваивается новому иноязычию осмысленно – с учётом его значения, которое соотносится со значением имеющихся в языке слов. Тем самым говорящий как бы вписывает неологизм в парадигму языка.

Отметим, что присвоение рода несклоняемым существительным по принципу аналогии наблюдается и среди слов, восходящих к аббревиатурам в языке-источнике. Например, *ай-кью* м. р. – ср. *коэффициент*; *ди-ви-ди* м. р. – ср. *диск* и проч. Несклоняемые иноязычные аббревиатуры в большинстве случаев приобретают род в соответствии с родом опорного слова в русскоязычной расшифровке.

Аналогия действует и в небольшой группе несклоняемых существительных, представляющих собой метонимические названия, перенесённые с наименований компаний, концернов и т. п. на готовый продукт. В этом случае род, как правило, присваивается по наследству от слова, являющегося родовым названием по отношению к обозначаемому. Например, как существительные женского рода употребляются некоторые обозначения автомобилей по названию их марки (*ауди, вольво, феррари, мицубиси, сузуки* – ср. *машина, иномарка*). См., например, заголовок: ***Hyundai*** заболела вирусом. В этом же ряду метонимических названий слово *дэнди/дэнди* ‘телеприставка для видеоигр’ – женского рода и *баунти* ‘батончик’ – мужского рода.

Можно отметить также действие аналогии, основанной на формальном признаке, сходстве слова с его более полным вариантом, как прави-

ло склоняемым (по типу *кофий* мужской род → *кофе* мужской род). Вот несколько примеров: *тату* женский род и *татуировка*; *флоппи* мужской род и *флоппи-диск*; *грин-кард* женский род (*немецкая грин-кард*) и *грин-карта*; *франчайзи* мужской род и *франчайзиат* 'использование чужой торговой марки для ведения собственного дела' [НСИС].³¹

Наконец, под действием принципа аналогии происходит формирование общего «сценария» в адаптации некоторых идентичных по структуре заимствований (см. 2.4–2.7).

В целом заимствование и адаптация идентичных по структуре или по семантике иноязычных слов свидетельствуют о том, что русский язык всё чаще принимает какое-либо конкретное слово уже как член какой-либо готовой парадигмы, микросистемы.

По своим чертам лексическое заимствование ещё более сближается со словообразованием: и в том и в другом процессе язык получает мотивированные единицы, а значит, заимствование, когда оно происходит из одного источника, становится всё более системным, а «закон» аналогии всё более востребованным.

Список сокращений

- АЛ – Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика
БАС – Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17
БТС – Большой толковый словарь русского языка
ГСРЯ – Грамматический словарь русского языка
КССПТ – Краткий словарь современных понятий и терминов
ЛРЛЯ – Лексика русского литературного языка XIX – начала XX в.
НБАРС – Новый большой англо-русский словарь
НС–XXI – Новые слова XXI в.: словарные материалы к спецкурсу по неологии
НСЗ – Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг.
НСЗ-70 – Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг.
НСИС – Новый словарь иностранных слов
ОССРЯ – Обратный словарь современного русского языка
РОС – Русский орфографический словарь

- СЗА – Словарь: Заимствования в русском субстандарте
 ССМЖ – Словарь современного молодежного жаргона
 ТСИС – Толковый словарь иноязычных слов
 ТСРЯ – Толковый словарь русского языка конца XX в.
 ТСРЯ-2 – Толковый словарь современного русского языка
 ЯРЗ – Язык русского зарубежья

Примечания

1. Влиянию на ментальность и национальную концептосферу языкового коллектива, принимающего заимствования, посвящены исследования: [21; 42; 82 и др.].

2. В чешской лексикологии процесс заимствования таких номинаций называют «повторной (повторяющейся) интернационализацией» [101, с. 89–104; 104, с. 180–186]. Польские лингвисты сами номинации обозначают термином «семантические интернационализмы» (см.: [103, с. 38]).

3. Ещё один фактор, значимый для закрепления нового иноязычного слова в ядерной части лексики, имеет вневременной универсальный характер, он действует всегда в процессе заимствования. Это актуальность реалии, обозначаемой словом; её высокая распространённость. По этой причине закрепились, к примеру, слова *спонсор, пиар, ноутбук* (90-е гг. XX в.); *блогер, спам, флэшка* и др. (начало XXI в.). И напротив, в случае «деактуализации» реалии (это может быть связано, например, с прекращением её бытования по той или иной причине) слово уходит из активного запаса лексики и устаревает. Так произошло в 2011 г. со словом (кстати, интернациональным) *флоппи (флоппи-диск)*, успешно конкурировавшим до указанного времени с синонимичным словосочетанием *гибкий диск*: в октябре 2011 г. производство гибких дисков (дискет) было прекращено, поскольку это техническое устройство устарело и было вытеснено новыми средствами хранения информации (флэш-память).

4. Национальными заимствованиями можно считать такие, которые, в отличие от интернациональных, принимаются только одним языком-реципиентом (подробнее см.: [63]).

5. Генетический состав новых и новейших заимствований (около 900 единиц) представлен, по нашим подсчётам, следующим образом: преобладают слова, заимствованные из английского языка, в том числе его американского варианта (приблизительно 74,3%); незначительно число галлицизмов (8%), германизмов (около 3%), других европеизмов (2,4%), например заимствований из итальянского языка, испанского, португальского и др. Редки в исследуемый период заимствования из славянских языков. Заимствований восточного происхождения больше (4,8%). Примерно 7,5% новой иноязычной лексики составляют слова, этимоны которых содержат корни латинского или греческого происхождения и употребляются во многих европейских языках [59, с. 35–36].

6. Исследование особенностей освоения новых иноязычных слов в русской речи проводилось нами на протяжении 15 лет; сбор материала – с конца 1980-х гг. Состав иноязычных неологизмов рубежа веков включает более 2 500 единиц, не считая их вариантов. Источники исследования: «Электронный корпус русских газет конца XX – начала XXI в.» (ЭКГ) ЛОКЛ МГУ, электронно-поисковая база «Интегрум» – самая обширная на сегодняшний день база русскоязычных текстов, включая радио- и телеэффиры, а также «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ), интернет-поисковые материалы (ИПИМ), публикации в СМИ, записи устной речи, художественные тексты.

7. См. также: *гёлсбэнд/гелзбэнд* ‘музыкальная группа, состоящая только из девушек’ [КНС], *гоу-гоу-гёрл* ‘танцовщица шоу, стриптизёрша’ [СЗА], *плейгёрл* ‘подруга детства состоятельного мужчины’ [СЗА], *кол-гёрл* ‘девушка по вызову’ [НСИС], *кавегёрл* ‘фотомодель, снимающаяся для обложек иллюстрированных журналов, вообще журнальная красотка’ [НСИС].

8. Проблеме орфографической адаптации иноязычных неологизмов посвящена обширная научная литература, например: [18; 91; 38; 48; 34; 66; 67; 68 и др.]. Поэтому мы не останавливаемся на этом подробно, но при изложении особенностей адаптации заимствований разных структурных групп отмечаем при необходимости их орфографическое освоение.

9. См., например: *трансфер* < англ. transfer и *трансферт* < франц. transfert; *суши* < англ. sushi и *суси* – из япон.

10. Под влиянием множества англицизмов (американизмов), включающих несвойственное нашему языку сочетание *дж* (в русских словах [дж] возможно только на стыке морфем – *отживший*, *поджарить*), в настоящее время, как пишет Э.Ф. Володарская, «в словах типа *менеджер* имеет место заимствование английского звука [dʒ]» [11, с. 104].

11. Подобное явление возможно в некодифицированной речи. См. жарг. *бабеч* – мужской род (пример проф. Н.В. Богдановой).

12. Тот факт, что феминитивы оканчиваются твёрдым согласным (не шипящим), является существенным структурным ограничением для их падежного изменения, поскольку в русском языке слова женского рода с консонантным исходом могут заканчиваться либо на мягкий согласный (*мать*, *дочь*), либо на шипящий (*рожь*, *мышь*).

13. См., например: «А ведь дело кончится тем, что эта старая баба, Пётр Николаевич, попросит у неё прощения» (А.П. Чехов. Чайка).

14. В ТСИС слова *вамп*, *гёрлфренд* отнесены к существительным мужского рода (*Она настоящая вамп!*) [ТСИС]. Судя по материалам Интегрума и ЭКГ, *вамп* употребляется в подавляющем большинстве случаев как существительное женского рода – например, в сочетании с определениями: *прирождённая*, *провинциальная*, *русская вамп* и др. В наших материалах нет ни одного примера, где бы слово *гёрлфренд* выступало как существительное мужского рода, – напротив, в 22 контекстах оно использовано в форме женского рода, см.: *Наш герой влюбился и вместе со своей гёрлфренд переселился в новую квартиру* (МК. 13.12.2006).

15. Из более ранних заимствований, употребляющихся и в значении мужского, и в значении среднего рода (по БАС, оба варианта равноценные), назовём *авто, джерси, инкогнито, манго, мокко, наргиле*. В большинстве случаев подобно варьированию вариант мужского рода устарел, что также фиксируется в БАС, а вариант среднего рода сохранился, см.: *боа, какао, кафе, купе, ландо, negligee, пальто, сопрано, фортепьяно*.

16. Ранее к вариантам такого типа относились существительные *авеню, кой-нэ, медресе* (см. [БАС]).

17. О лексикализации в грамматической адаптации заимствований (см. [48, с. 121–122]). Некоторые учёные относят к лексикализованным единицам и такие существительные, которым в языке-источнике соответствует сочетание «предлог или/и артикль + субстантив», например *бейдевинд* ‘курс парусного судна, при котором плоскость судна по отношению к направлению ветра составляет менее 90°’ < англ. by the wind (см.: [11, с. 106]). См. также *онлайн* < англ. on line; *офлайн* < англ. off line; *офшор* < англ. off shore. Статус языковой единицы, послужившей прототипом для заимствования в русский язык, – сочетание слов или сложное слово – не всегда ясен даже с точки зрения самого языка-источника. Так, например, по-разному трактуются в английском языке единицы типа *stone wall, speech sound, door handle* и т. п. Вопрос о природе подобных образований подробно рассматривается, например, в [85, с. 114–133].

18. В литературном языке узуальные образования, созданные с помощью *-инг*, не зафиксированы. В то же время окказиональное словотворчество уже включило в свой репертуар этот формант, см.: «*Мальчишнинг*» (название молодёжной передачи); «*Мы предлагаем вам шоппинг и скиддинг*» (текст на рекламной растяжке); *гадалкинг* (шутл. ‘консалтинг’). Создаются подобные дериваты и в молодёжном жаргоне: *опохмелинг* (похмелье), *обломинг* (неудача), *хрюкинг* (выпивка) (см.: [35, с. 318]), *жопинг* (дискотека), *гулятинг, читатинг* и др. Подобный пример приводит также В.Г. Костомаров, см.: *скуловоротинг* (шутл. о единоборстве) [26, с. 253]. В разговорной речи автомобилистов популярно слово *кенгуриг* (ср. вариант *кенгурятник*) – о бампере машины. Подобные дериваты образуются и в других славянских языках [25, с. 14–15].

19. Первым словом на *-ин*, «попавшим» в словарь, было слово *сейшн*. Оно зафиксировано в сочетании *рок-сейшн* в НСЗ-70.

20. GSM < Global System for Mobile Communications – глобальный стандарт цифровой мобильной сотовой связи с разделением каналов по времени и частоте (Википедия); GPRS < General Packet Radio Service ‘протокол пакетной передачи данных, обеспечивающий подключение мобильного устройства к Интернету’ [АЛ].

21. Правда, такие, предельно русифицированные написания какое-то время воспринимаются как сниженные, ненормативные варианты (так, в некоторых словарях начала XXI в., например в [КССПТ], существительное *пиар* давалось с пометой «разговорное»). Возможно, поэтому первые попытки передачи заимствуемой аббревиатуры строчными буквами сопровождаются иногда написанием её в кавычках. См.: ... *ни один «пиар» не спасет репутацию российского президента* (Б.Н. Ельцина. – *Е.М.*) (ЭКГ) и т. п.

22. Как известно, неодинаково в отношении склонения ведут себя и аббревиатуры исконного происхождения, имеющие консонантный исход. Как правило, аббревиатуры, мотивирующиеся словосочетанием с опорным словом – существительным мужского рода (*МХАТ, ВАЗ, СПИД*), склоняются; аббревиатуры, мотивирующиеся словосочетанием с опорным словом – существительным женского или среднего рода, либо не склоняются (*ГЭС, ЮАР*), либо варьируются по признаку склоняемости/несклоняемости (*МИД, ГЭК, ВАК*) (см. об этом, например [65, с. 99–107]).

23. Словарь актуальной лексики начала XXI в. [АЛ] в особом приложении содержит описание слов, употребляющихся в русской речи в латинской графике. Среди них – 32 аббревиатуры, в том числе такие, которые не встречаются в русских текстах в написании кириллицей (*IP, BIOS, RPG* и др.). По нашим наблюдениям, род аббревиатур, указанный в АЛ, так же как и в описанных в данном разделе случаях, соответствует роду опорного слова в русскоязычной расшифровке заимствований. То же замечание касается аббревиатур в оригинальном написании, зафиксированных в КНС (2013 г.) – всего более 80 единиц. Однако во многих случаях род иноязычной аббревиатуры никак не проявляет себя в контексте (например, *IT* ж. [КНС]).

24. Способность образовывать производные проявляют аббревиатуры и в других славянских языках, например в чешском (см.: [104, с. 205]).

25. Как пишет М.А. Кронгауз, «фактически слово *tuar* может относиться к любому факту навязывания своего мнения, к любой манипуляции чьим-то сознанием с целью создания мнения, более того, к любому факту просто распространения мнения о чём-либо или о ком-либо» [28]. См. также мнение Вл. Новикова: в разговорной речи *tuarom* можно назвать любую реплику в бытовом разговоре [69, с. 83].

26. Все другие случаи отсутствия словоизменения у субстантивов на согласный имели спорадический характер: так, в 40-е гг. XX в. не склонялось, по данным Л. П. Крысина, слово *комикс* [29, с. 146].

27. По мнению чешского учёного Алеша Бранднера, тенденцию к аналитизму «можно рассматривать как одну из форм проявления интернационализма, т. е. сближения с другими аналитическими западноевропейскими языками» [5, с. 49].

28. Тот факт, что английское слово *love* в современном русском дискурсе «обыгрывается постоянно», отмечается также в [9, с. 120]. См., например, в рекламе: *Отправьте SMS-лав*.

29. Это подтверждают и другие исследователи. См., в частности: «Наблюдается эскалация лексем англо-американского происхождения в современном молодёжном сленге, особенно таких, которые при заимствовании не меняют своего значения» [110, с. 215].

30. Активность некоторых из перечисленных графических варваризмов отмечалась и ранее, например в [75, с. 76].

31. Ранее действие формальной аналогии отмечались на примере заимствований рубежа XIX–XX вв. Так, слова *автo, кино, радио, метро* употреблялись как существительные мужского рода (см.: *проволочный радио, ярко-жёлтый*

авто, кино приобрёл мощное значение, лучший в мире метро [29, с. 81, 99]), что объяснялось, по словам Л.П. Крысина, «давлением» полных соответствий (*автомобиль, кинематограф, радиотелеграф, метрополитен* – м. р.). Как существительные среднего рода слова *автó, кино, радио, метро* стали употребляться, по-видимому, из-за формального сходства с существительными среднего рода на *-о* [там же].

Список литературы

1. Толковый словарь русского языка начала XXI в. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складаревской. М., 2006.
2. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.-Л., 1950–1965.
3. Берков В.П. Из наблюдений над изменениями в современных европейских языках // Современные языковые процессы: Межвуз. сб. СПб., 2003. С. 3–22.
4. Богданова Н.В. Активные процессы современной русской фонетики // Современные языковые процессы: Межвуз. сб. СПб., 2003. С. 22–28.
5. Бранднер Алеш, Тенденции развития неизменяемых существительных в русском языке в сопоставлении с чешским // rossica Olomucensia XLII (za rok 2003). 1. č. Ročenkakatedry slavistiky na Filozofické fakelté Univerzity Palackého. Olomouc, 2004. С. 49–54.
6. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 1998.
7. Бурганова Л.С. Тюркизмы в памятниках русской деловой письменности XVII века (грамматический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1988. 20 с.
8. Бутакова Е.С. Эргонимы иноязычного происхождения а коммуникативном пространстве города: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2013. 26 с.
9. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. М., 2003. 224 с.
10. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова; 3-е изд., испр. М., 1986. 640 с.
11. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. № 4. С. 96–118.
12. Вуйтович М. Английские лексические заимствования в русском языке Петровской эпохи // Studia Rossica Posnaniensia. 1993. Vol. XXIV.
13. Гимпелевич В.С. Об одной группе несклоняемых существительных в русском языке // Вопросы грамматики русского языка. Вып. 2. Иркутск. 1976. С. 213–220.
14. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. 3-е изд. М., 1987.
15. Демьянов В.Г. Иноязычная лексика в истории русского языка XI–XVII веков. Проблемы морфологической адаптации. М., 2001. 409 с.

16. Захватаева К.С. Английские заимствования в современном русском языке: семантический аспект: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2013. 20 с.
17. Зубова Л.В. Ироническая грамматика: средний род в игровой неологии // Вопросы языкознания. 2010. № 6. С. 16–25.
18. Иванова В.Ф. Актуальные проблемы русской орфографии // Русский язык в школе. 1991. № 1. С. 68–77.
19. Ипполитова Л.В. Словообразовательная адаптация заимствованной лексики и проблема заимствования морфем (на материале имён существительных): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2003. 260 с.
20. Касаткина Р.Ф. Новые лексические заимствования во взаимодействии с некоторыми звеньями русской консонантной системы // Жизнь языка: Памяти М.В. Панова. М., 2007. С. 262–269.
21. Касьянова Л.Ю. Когнитивно-дискурсивные проблемы неологизации в русском языке конца XX – начала XXI века: Дис. ... д-ра филол. наук. Астрахань, 2009. 320 с.
22. Кнорре К.А. Отображение западной культуры в семиотическом пространстве московской наружной рекламы // Журналистика и культура русской речи: Слово в семасиологическом, прагматическом, социокультурном аспектах. М., 2003. С. 124.
23. Комментарий к Федеральному закону «О государственном языке Российской Федерации». Ч. 2: Нормы современного русского литературного языка как государственного (Комплексный нормативный словарь современного русского языка) / Под общ. ред. Г.Н. Складерской, Е.Ю. Ваулиной. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2012.
24. Константинова Н.Л. Иноязычные заимствования и система языка (на материале англоязычной лексики в финансово-экономической терминологии немецкого языка // Филологические науки. 1999. № 2. С. 86–92.
25. Коряковцева Е.И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. Word-formation and the new functional styles of slowic languages. Papers in thematic session XV International Congress of Slowists. Belarus, Minsk, 20–27.08.2013. 2013. С. 9–38.
26. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб., 1999. 319 с.
27. Кронгауз М. А. Слово под лупой // Отечественные записки. 2003. № 4. С. 443–451.
28. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М., 2009. 229 с.
29. Крысин Л.П. Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968. 208 с.
30. Крысин Л.П. Новые аналитические прилагательные и явление хиатуса // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. М., 2001. С. 189–196.
31. Крысин Л.П. Лексическое заимствование и калькирование в русском языке последних десятилетий, Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 27–34.

32. Крысин Л.П. Языковая норма в проекции на современную речевую практику // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: Сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 294–311.
33. Краткий словарь современных понятий и терминов / Н.Т. Бунимович, Г.Г. Жаркова, Т.М. Корнилова и др. М., 2000.
34. Кузьмина С.М. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка: Сб. ст. к 80-летию М.В. Панова. М., 2001. С. 406–411.
35. Лазаревич С.В. Имитационные структуры в социолектах // Социальные варианты языка – II: Материалы Междунар. науч. конф. / НГЛУ. Н. Новгород, 2003. С. 306–319.
36. Лейчик В.М. Интеллектуализация и демократизация – противоположные тенденции в развитии современного русского литературного языка // Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы: Материалы Междунар. науч. конф. М., 2003. С. 420–423.
37. Литвинова Е.С. Функционирование и освоение аббревиатур в речи любителей и разработчиков компьютерных игр // Русский язык как государственный язык Российской Федерации: лингвистический, ценностный, эстетический, социальный, историко-культурный статус: Материалы Межрегион. конф. по вопросам функционирования русского языка как государственного языка Российской Федерации (М., 31 окт. – 2 ноября 2012 г.) / Науч. ред. С.Н. Пяткин. М.–Арзамас, 2012. С. 165–169.
38. Лопатин В.В. Заметки об орфографии новых слов // Русский язык. 1998. № 17 (137), май. С. 3.
39. Лексика русского литературного языка XIX – начала XX в. М., 1981. 360 с.
40. Лукашенец Е.Г. К проблеме словообразовательной маркировки стилей интернет-коммуникации: мотивированная лексика в онлайн-словарях // *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. Word-formation and the new functional styles of slowic languages. Papers in thematic session XV International Congress of Slowists. Belarus (Minsk, 20–27.08.2013).* 2013. С. 90.
41. Люляева Н.А. К вопросу о жаргоне участников фондового рынка // Слово в словаре и дискурсе. М., 2006. С. 325–333.
42. Люциньский К. Языковые заимствования и ментальность (О влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингво-культурного коллектива. На материале русского языка в сопоставлении с польским). Kielce, 2009. 193 с.
43. Маринова Е.В. Эквивалентная иноязычная лексика в литературном языке и в субстандарте. // Социальные варианты языка – II: Материалы Междунар. науч. конф. / НГЛУ. Н. Новгород, 2003. С. 319–324.
44. Маринова Е.В. Параллельное заимствование как одна из форм иноязычного влияния (на материале современного русского языка) // Язык. Речь. Речевая деятельность: Межвуз. сб. науч. тр. Н. Новгород: НГЛУ, 2005. Вып. 8, ч. 2. С. 16–22.

45. Маринова Е.В. Особенности формирования новых словообразовательных гнезд в современном русском языке (нормативный аспект) // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: Сб. статей / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 371–383.
46. Маринова Е.В. Традиции и новации в грамматике иноязычных имён (на материале существительных с исходом -с/-з < -s) // Социальные варианты языка – V: Материалы междунар. науч. конф. (19–20 апр. 2007 г.) / НГЛУ. Н. Новгород, 2007. С. 282–285.
47. Маринова Е.В. Обновление лексической системы современного русского языка как результат вторичного заимствования. // Opera Slavica. Slavistické rozhledy. Jazykovědný sešit. Ročník XVIII. № 4. 2008. S. 32–37.
48. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи конца XX – начала XXI в.: проблемы освоения и функционирования. М.: ЭЛПИС, 2008.
49. Маринова Е.В. Особенности адаптации иноязычных аббревиатур в современной русской речи // Слово в языке и речи. Елец: Изд-во Елецкого госунта им. И.А. Бунина, 2009.
50. Маринова Е.В. Несклоняемые существительные с консонантным исходом в русском языке рубежа XX–XXI вв. // II Congreso Internacional “La lengua y literatura rusa en espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas” – Granada, 8–10 de septiembre de 2010. P. 166–168.
51. Маринова Е.В. Адаптация иноязычной лексики на современном этапе: новые явления и тенденции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. I. С. 399–403.
52. Маринова Е.В. Изменения в синонимике русского языка на рубеже XX–XXI вв. как результат заимствования // Язык и культура: юбилейный сб. в честь Э.Ф. Володарской. М., 2011. С. 174–176.
53. Маринова Е.В. Отнесение иноязычных существительных к грамматической категории рода (новые явления) // Лексико-грамматические инновации в современных славянских языках: Материалы V Междунар. науч. конф. (7–8 апр. 2011 г.) Днепропетровськ, 2011. С. 226–229.
54. Маринова Е.В. О тенденции к множественности наименования в современной русской речи // Язык, культура, общество: Тез. докл. VI Междунар. науч. конф. (Москва 22–25 сент. 2011). М., 2011. Т. I. С. 104–105.
55. Маринова Е.В. Аналит-конструкции в литературном языке и субстандарте // Социальные варианты языка – VII: Материалы Междунар. науч. конф. (14–15 апреля 2011). Нижний Новгород, 2011. С. 189–192.
56. Маринова Е.В. Как это не по-русски (о словах с уникальным исходом) // Вопросы культуры речи. Вып. XI. / Под ред. А.Д. Шмелёва. М., 2012. С. 212–217.
57. Маринова Е.В. Грамматическое и лексическое поведение «инговых» существительных в современной русской речи // Современное русское языкознание и лингводидактика. Вып. 3: Сб. науч. тр., посвящ. 90-летию со дня рожд. акад. РАО Н.М. Шанского. М., 2012. С. 175–179.

58. Маринова Е.В. Особенности формальной адаптации иноязычных слов на современном этапе (на материале русского языка) // Русский язык: функционирование и развитие: Материалы Междунар. науч. конф. (Казань, КФУ, 18–21 апреля). Казань, 2012. Т. 2. С. 175–178.
59. Маринова Е.В. Иноязычные слова в русской речи. Освоение и функционирование. LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG 2012. 564 с.
60. Маринова Е.В. Больные вопросы родной грамматики: Учеб. пособие. М., 2012. 152 с.
61. Маринова Е.В. Особенности адаптации иноязычных существительных, восходящих к сложным словам и словосочетаниям в языке-источнике // Славянские языки и культуры: прошлое, настоящее, будущее: Материалы V науч.-практ. конф. (Иркутск, 21-22 мая 2013 г.) / ИГЛУ. Иркутск, 2013. С. 277–280.
62. Маринова Е.В. Аналогия как ведущий принцип в освоении иноязычных лексем в русском языке новейшего периода // Судьбы национальных культур в условиях глобализации: сб. материалов II Междунар. науч. конф. (Челябинск, 4–5 апр. 2013 г.) / Под ред. В.Г. Будыкиной. Челябинск, 2013. Т. I. С. 116–119.
63. Маринова Е.В. Теория заимствования в основных понятиях и терминах. Словарь. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. 240 с.
64. Мюллер В.К. Новый большой англо-русский словарь. М., 2006.
65. Немченко В.Н. Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма. Н. Новгород, 1998. 282 с.
66. Нечаева И.В. К вопросу о правописании иноязычных заимствований в русском языке (заимствования, этимологически восходящие к сложным словам) // Язык и культура: Материалы II Междунар. науч. конф. М., 2003. С. 50–51.
67. Нечаева И.В. Орфографическая нестабильность иноязычных заимствований и проблемы кодификации // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы: Сб. ст. / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М., 2006. С. 395–412.
68. Нечаева И.В. О «желательном единообразии» в правописании заимствований // От буквы к словарю: Сб. науч. ст. к 200-летию со дня рожд. акад. Я.К. Грота. / Отв. ред. О.А. Старовойтова. СПб., 2013. С. 245–250.
69. Новиков Вл. Словарь модных слов. М., 2005. 156 с.
70. Новые слова XXI в.: словарные материалы к спецкурсу по неологии. Вып. 2. / Под ред. Е.В. Мариновой. Н. Новгород, 2014 (в печати).
71. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х гг. // Под ред. Т.Н. Буцевой. СПб, 2009. Т. I (А–К).
72. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг. / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984.
73. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М., 2003.
74. Обратный словарь современного русского языка. М., 1996.
75. Пономарёва З.Н. Графический образ иноязычного слова в современных русских текстах. // Мир русского слова. 2001. № 2. С. 75–78.

76. Попова Т.В., Перовская Т.И. О вершине словообразовательного гнезда, мотивированного заимствованной аббревиатурой *VIP/VIII* // *Aktualne problemy językoznawstwa słowiańskiego*. Redakcja naukowa Elena Koriakowcewa, Janina Gardzińska. Siedlce, 2012. С. 163–173.
77. Розенталь Д.Э. Практическая стилистика русского языка. М., 1987. 399 с.
78. Романова М.С. Специфика функционирования англицизмов в немецком молодёжном языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2001. 22 с.
79. Русский орфографический словарь. Изд-е 4-е / Под ред. В.В. Лопатина. М., 2012.
80. Рыжкова И.В. Влияние сети Internet на молодёжный жаргон финского и русского языков // *Язык и культура: Материалы II Междунар. науч. конф.* 2003. С. 386.
81. Рядчикова Е.Н. Примерное прогнозирование развития русского литературного языка // *Аванесовские чтения: Тез. докл. Междунар. науч. конф.* М., 2002. С. 238.
82. Сенько Е.В. Лексические инновации в современной языковой картине: новые слова, значения, словосочетания. Владикавказ, 2012. 268 с.
83. Вальтер Х., Вовк О., Зумп А. и др. Словарь: Заимствования в русском субстандарте. Англицизмы. М., 2004.
84. Словарь синонимов / Ред. А.П. Евгеньева. Л., 1975.
85. Смирницкий А.И. Лексикология английского языка. М., 1998. 260 с.
86. Сорокин Ю.С. Развитие словарного состава русского литературного языка в 30-90-е гг. XIX в. М.–Л., 1965. 568 с.
87. Грачёв М.А. Словарь современного молодёжного жаргона. М., 2006.
88. Суперанская А.В. Род заимствованных существительных в современном русском языке. // *Вопросы культуры речи. Вып. VI.* М., 1965. С. 44–58.
89. Сэсан Ш. Существительные на *-инг* – символ американской языковой экспансии? // *Русская речь.* 1996. № 3. С. 46–49.
90. Терпугова Е.А. Что выиграл молодая модель Петров? (К проблеме существительных – «кандидатов в общий род») // *Словарь, грамматика, текст в свете антропоцентрической лингвистики: Сб. ст. Вып. 2.* Иркутск, 2003. С. 190–194.
91. Тимофеева Г.Г. Английские заимствования в русском языке (фонетико-орфографический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1992. 30 с.
92. Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. 3-е изд. М., 2006.
93. Толковый словарь русского языка конца XX в. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. СПб., 1998.
94. Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / Под ред. Г.Н. Складневской. 2-е изд. М., 2001.
95. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. IV. М., 1986.
96. Цзюань Ли. Новые заимствованные слова в современном китайском языке // *Журналистика и культура русской речи.* 2003. № 1. С. 5–7.
97. Чекалина Е.М. К проблеме языкового регулирования в современной Франции // *Современные языковые процессы: Межвуз. сб.* СПб., 2003. С. 109–121.

98. Шумарин С.И., Баранова Л.А. Словарь аббревиатур иноязычного происхождения // Русский язык в школе. 2010. № 10. С. 85–87.
99. Шумарин С.И. Новые тенденции в аббревиации // Русский язык в школе. 2011. № 6. С. 85–91.
100. Язык русского зарубежья: Общие процессы и речевые портреты: коллективная монография / Отв. ред. Е.А. Земская. М., Вена, 2001.
101. Buzássyová K. Opakovaná internacionalizácia a problem identifikácie morfológických a lexikálnych jednotiek. // Jazykovedný časopis 42, 1991. S. 89–104.
102. Isačenko A.V. Morphem Classes. Deep Structure and the Russian Indeclinable // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics. The Hague; 's-Gravenhage, 1969. [Vol.] 12. P. 48–72.
103. Markowski A. O роёциu i typach internasionalizmów semantycznych. // Poradnik językowy 2004. ç. 2. S. 38–50.
104. Mravinacová J. Neosémantizmy vzniklé pod vlivem cizího jazyka // Neologizmy v dnešní češtiné. Praha, 2005. S. 180–186.
105. Mustonen L. Латинские *инкрустации* в русской печатной речи новейшего времени // Studia Slavica Finlandensia. Tomus XIV. Helsinki, 1997. S. 90–120.
106. Rangelová A. Neosémantizmy a neosémantizační pricesy.// Neologizmy v dnešní češtiné. Praha, 2005. S. 159–179.
107. Šimková Mária. Pohyby v slovenskej lexike v 90. rokoch // Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti. Zborník referátov z medzinárodného vedeckého symposia. Bratislava, 1999. S. 116–136.
108. Sobik M. E. Polnisch-russische Beziehungen im Spiegel des russischen Wortschatzes des 17. und der ersten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Meisenheim am Glan, 1969. 377 s.
109. Вачкова Кина. Интернационализационни процеси в българския език от края на XX век // Internacionalizácia v súčasných slovanských jazykoch: za a proti. Zborník referátov z medzinárodného vedeckého symposia. Bratislava, 1999. S. 59–66.
110. Карастойчева Цв. За ролята на чуждоезиковия елемент при изграждане на български мдадежки сленг // Проблеми на езиковата култура. София, 1980. С. 215.

ГЛАВА 3

СПЕЦИФИКА СОВРЕМЕННОГО МЕДИЙНОГО СЛОВОТВОРЧЕСТВА

---

*Л.В. Рацибурская,
Н.А. Самыличева,
А.В. Шумилова*

Как отмечают исследователи, язык СМИ – это новая формирующаяся разновидность языка, которая оказывает на систему общенациональных языков наибольшее влияние и при этом является тем лакмусом, который первый обнаруживает тенденции, намечающиеся в развитии данной системы [36].

Активизация деривационных процессов в последние десятилетия привела к появлению большого количества новообразований, широко представленных в текстах современных средств массовой информации, которые отражают различные стороны жизни российского общества, являются инструментом распространения массовой культуры и средством идеологического воздействия на членов социума. Новообразования в СМИ показывают, как деривационный механизм, словообразовательная система реагируют на актуальные социополитические процессы. По мнению ученых, на данном этапе развития русского языка прежде всего факторы социокультурного характера определяют рост продуктивности одних словообразовательных типов и моделей и способствуют снижению активности других [32]. Новые номинации – это возникающие в речи и зафиксированные в определенной своей части в языке фрагменты национально-культурной памяти современной России. Они отражают внеязыковые, экстралингвистические данные, соотносимые с определенным историческим периодом в жизни людей, их культурной и социальной принадлежностью. Они составляют содержание националь-

ного самосознания, являются знаковыми элементами национального менталитета.

По наблюдениям ученых, в эпоху активной экономической, политической и культурной глобализации на современные деривационные процессы оказывают влияние прежде всего «западнизация» и либерализация жизни российского общества рубежа веков. Мы являемся свидетелями либерализации языка, речевых норм в печати, возникновения принципиально иных стилистических стандартов в новых масс-медиа, участниками информационной революции.

«СМИ, диктующие социокультурные и языковые моды, влияют на общественную престижность как отдельных лексем, так и целых словообразовательных типов, являясь основными «поставщиками» неологизмов, неозаимствований, интернационализмов и гибридных неодериватов, новых словообразовательных формантов и моделей» [33, с. 15].

Наиболее заметную роль в неологии современных российских СМИ играют имена существительные. «В словопроизводстве существительных используются интернациональные и экспрессивные аффиксы, а также иноstileвые словообразовательные форманты, что обусловлено такими тенденциями языкового развития, как интернационализация, экспрессивизация, интеграция» [33, с. 10].

3.1. Основные тенденции в современном медийном словотворчестве

3.1.1. Тенденция к интернационализации в медийном словотворчестве. «Возрастание масштабов и интенсивности межкультурного и межъязыкового взаимодействия – одна из характерных примет современного общества» [41, с. 29]. В условиях современных глобализационных процессов особую актуальность приобретают вопросы, связанные со спецификой кросс-коммуникации и культурно-языкового взаимодействия разных народов, и в частности проблема семантико-словообразовательной и прагматической эволюции интернациональной лексики в славянских языках.

По мнению исследователей, учет «прагматико-стилистических особенностей интернационализмов позволит судить как о специфике их освоения, так и о словообразовательном потенциале в каждом из сопоставляемых языков, отражающем особенности национального семантического мышления» [32, с. 182].

Интернационализмы и другие виды заимствований «не только подвергаются фонетической, морфологической и словообразовательной адаптации, но и включаются в словообразовательные процессы в языках-реципиентах» [32, с. 181].

«Интернациональные слова и морфемы способствуют увеличению фонда интернациональных языковых элементов в языках; эти элементы воздействуют на лексико-семантическую и словообразовательную системы языков, что проявляется в возникновении новых словообразовательных формантов и моделей; создаются лексические кальки и неологизмы по интернациональным словообразовательным моделям и др.» [1, с. 64].

В современную эпоху «амероглобализации» (Е.И. Коряковцева), которая сменила трехсотлетнюю эпоху европейской глобализации, в разных языках наряду с латино-греческими элементами активно функционируют слова и морфемы английского происхождения. Более того, «греко-латинские аффиксы продолжают проникать в остальные мировые языки, но уже при посредстве английского языка» [32, с. 184].

На рубеже XX–XXI веков, отмеченном кардинальными изменениями в жизни мирового сообщества, в странах Восточной Европы «важные социально-экономические и общественно-политические преобразования протекали особенно стремительно и болезненно, завершившись одновременно сломом не только общественной формации, но и мировоззренческих ориентиров» [39, с. 30], что нашло отражение в англоязычной ориентации славянских языков: «потребность в новых номинациях стала все чаще удовлетворяться за счет интенсивного притока англицизмов. Это не только облегчало доступ к современным достижениям в области науки, техники, культуры и пр., но и вводило этническую общность в мировой цивилизационный контекст» [41, с. 30].

По мнению ученых, интернационализация в области словообразования протекает в трех основных направлениях: 1) активизация использования аффиксальных морфем иноязычного происхождения, которые сочетаются с основами как иноязычного, так и славянского происхождения; 2) трансформация иноязычных слов и корневых морфем в особые словообразовательные элементы (аффиксоиды); 3) включение заимствований в словообразовательные процессы, в которых иноязычные неологизмы выступают в роли деривационных основ, соединяющихся с аффиксами славянского происхождения [75, с. 70].

В этом аспекте актуально исследование словообразовательных элементов и деривационных процессов, которые находят отражение в

текстах средств массовой информации. Ученые предполагают, что вследствие глобализации в славянских языках сложилась национальная и интернациональная словообразовательные подсистемы [32, с. 186]. Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые словообразовательные категории, которые обслуживаются интернациональными морфемами.

Развитие общественных демократических институтов «сопровождается идеологическим и политическим плюрализмом, на который славянские языки реагируют ростом продуктивности словообразовательных типов с интернациональными формантами» **-изм, -изаци(я)** [33, с. 12].

Так, в русском и других славянских языках активно образуются существительные с суффиксами **-изм, -изаци(я)**, называющие общественно-политические течения, направления, актуальные социальные явления. «Появляются ряды новых дериватов – названий идейных и политических доктрин, которые мотивируются именами собственными – фамилиями идейных или политических лидеров» [33, с. 12]: *Сокровенная суть телефильма состоит <...> не в оголтелом антизападничестве, антисемитизме, антипрогрессизме* (Завтра. 2008, № 7); *...чтобы их собственный дегенератизм не был виден* (К барьеру! 16.06.2009); *В Нижнем идет борьба с борцевизмом. Ядовитое растение пробирается в городские парки* (ЛС. 11–17.09.2008); *Конечно, можно согласиться в Василием Авченко в том, что «москвоцентризм» имеет положительные и отрицательные аспекты* (НГ в НН. 19.02.2010); *Кихотизм – это рыцарство. Во всей полноте понятия. Это когда один человек противостоит всему злу на свете* (НГ. 03.02.2012).

«Регулярным в современной речи стало выражение значения динамики процесса через его отношение к признаку или субстанции. Это обусловило высокую степень продуктивности отсубстантивных и отадактивных имен действия с суффиксом **-изациj-**, которые стали приметой нашего времени» [44, с. 126]: *американизация (искусства), алкоголизация (населения), бандитизация (страны), банкизация, ваучеризация, долларизация, компьютеризация, криминализация, монетизация (льгот)*. Новообразования с данным суффиксом обычно называют социально значимое событие или явление, нередко негативного характера.

У ряда новообразований – абстрактных существительных отмечается наличие экспрессивного фона: *Сейчас заканчивается материальная эпоха. Закончились ее идеалы... А какие красивые были идеалы! Верса-*

че! Все кругом Версаче! Туалетная бумага будет от Версаче, клетка будет от Версаче. **Версачеализация** всего и вся... (КП. 25.12.2008–01.01.2009); «**Эстонизация**» всей страны. Правительство Эстонии упростило процедуру «эстонизации» фамилий (МК. 27.03.2009); В год 15-летия Рунета началась **web-ализация** чиновников (Известия. 08.04.2009);...всеобщая **чипизация** грозит лишить нашу жизнь многих радостей пофигизма (РР. 29.07–05.08.2010); **гомосексуализация** шоу-бизнеса (Собеседник. 2011. № 1). Речь идет о СМИ – средствах массовой **инстинктивизации** детей (Знание – Власть! 2011. № 2); Нам говорят: «Происходит **геттизация** русских городов, где нерусские дети с нерусским родным языком ведут себя антисоциально» (НВ. 20–26.02.2012); **Генитализация** культуры. Зачем жаловаться на засилье порнухи? С чего возмущаться тем, что матерщина сегодня в ходу ничуть не меньше, чем нормативный великий и могучий? То есть пора спросить: чем страшно явление, которое можно было бы назвать **генитализацией** культуры? (РГ. 11.10.2012); С моей точки зрения, Медведев сейчас подвергается процессу, которые я для себя называю «**фрадковизацией**» (МК. РРЕ. 03–10.07.2013); Евгений Евтушенко писал в «Российской газете» о тяжелой болезни, охватившей нашу литературу, - «**графоманизации**» (ЛГ. 31.07–06.08.2013)

В качестве мотивирующих используются разные по семантико-стилистическим характеристикам существительные: нарицательные, имена собственные (антропонимы, топонимы), жаргонные слова, графически не освоенные заимствования. Это свидетельствует о широких синтагматических возможностях суффикса **-изаци(я)** в современной речи.

«В результате экспансии английского языка, которой способствует глобальная коммуникация и прежде всего средства массовой информации, создающие и поддерживающие англо-американскую лингвокультурную моду, в словообразовательных системах ряда славянских языков, благодаря словотворчеству СМИ, а также реципиентов их текстов, достаточно активно формируются модели с формантами **-инг/-ing/-ink**» [33, с. 13]. Новый суффикс **-инг** активно используется в словотворчестве российских журналистов: *автобусинг, автомобиллинг, блюдолизинг, болванинг, ведьминг, дурачинг, зацепинг* и др. «Инговое цунами» заимствований, вызванное англо-американоманией современных российских СМИ и русско-английским билингвизмом, развивающимся в молодежной среде русофонов, привело к полному усвоению суффикса английского герундия *-ing* и превращению его в терминоэлемент с процессу-

альным значением, который регулярно присоединяется к основам русских существительных, что ведет к появлению многочисленных иронических и каламбурных неологизмов – *nomina actionis*» [33, с. 14].

«Тот факт, что имена процессов, образованные с помощью этого нового суффикса, появляются в ходе языковой игры, широко распространенной в современной русской речевой действительности, не дисквалифицирует *-инг* как деривационный формант» [33, с. 14], поскольку «игровые окказионализмы», по мнению ученых, представляют собой речевую реализацию нереализованных языком возможностей, заложенных в самой его системе [38, с. 53].

Менее активно ведет себя в русском языке англоязычная морфема – **gate**, искусственно созданный суффиксоид, который сконденсировал в себе значение «политический скандал»: *Моникагейт*, *Шеригейт* [31, с. 194]; *Феномен «Ирангейта»* (ЛГ. 21.01.1987); *Алтайгейт* (Дуэль. 2009. № 5); *Конюшня-гейт*. *Элитная конюшня близ Вильнюса получила неслыханную рекламу во всем мире. О ней говорят, как о месте, где некоторое время действовала тайная тюрьма ЦРУ* (РГ. 24.09.2012).

«Элемент *-гейт/-gate*, заимствованный славянскими языками с помощью СМИ, этимологически действительно является корневым, однако в 80-е гг. XX века еще в английском языке-источнике он утратил корневую семантику. Следовательно, есть все основания считать этот элемент суффиксоидом в славянских языках-реципиентах» [33, с. 18]. Степень продуктивности моделей с суффиксом **-гейт/-gate** отчасти обусловлена экстралингвистическими причинами: лингвокультурной модой, «англо-американоманией», неподсудностью власть имущих [32, с. 195]. «Словопроизводство гибридов-компрессатов с помощью изофонов этого структурного элемента со значением ‘скандал’ является эффективным манипулятивным приемом, который ныне используют представители постсоциалистических масс-медиа всех славянских стран, распространяя негативную информацию, мгновенно вызывающую эмоциональный отклик у потребителей их продукции» [33, с. 16].

Отличительной чертой современного русского словообразования исследователи считают рост именной префиксации» [19; 44]. Заметно возросла активность префиксов, выражающих значение отрицания, противодействия, уничтожения результатов чего-либо: **анти-**, **де-**, **контр-**: *антирынок*, *антивирус*, *антиглобализм*, *антидемократизм*, *антиреклама*, «*антиофициоз*», «*антипиар*», «*антиновация*», *антигорбачевский*, *антимонопольный*. *антиперестроечный*, *антирыночный*, «*антинатовские акции*», «*антипекинский мятеж*»; *деполитизация*, *демодернизация*, *десталинизация*, *деидеологизация*, *департизация*; *контрперестройка*,

контрреформа, контркультура, контрэлита, контртеррористический: «**Антидождь**» против «дворников» (РГ. 10.01.2008) – об антизапотева-теле для стекол автомашин; **Общепародная антипопулярность**. Лидеры белоленточного протеста теперь узнают, но не любят (Коммерсантъ. 24.09.2012); **Стебзики** – это слуги **антиэлиты**, развивающие inferнальную журналистику (ЛГ. 10-16.07.2013); **Изначально вечеринка по поводу дня рождения Анны Семенович** планировалась в «**анти-гламурном** стиле» (КП. 04–11.03.2010); **Теперь, когда разрыв между Тимошенко и Януковичем** увеличился до 3,5%, становится очевидным, что победить он не мог. Причина – в принципе маятника, который логично отшатнулся в «**анти-оранжевую**» сторону (КП. 04–11.03.2010); **В Вашингтоне подписан очередной «антиядерный» документ** (СР. 18.04.2010); **Но сразу после закрытия моста в городе** появились представители инициативной группы некоего «**антипробочного** движения», которые ежедневно выходят на дороги города с плакатами и растяжками, требуя от чиновников пересечь на общественный транспорт (НГ в НН. 23.04.2010); **Это антифранцузский состав французской оперы** (телеканал «Культура». 22.05.2011); **Ну а лидер этой антиидеитической компании** – картошка фри (Собеседник. 2011. № 34); ...люди, если можно так выразиться, с активной обывательской позицией, плод антиинтеллектуальной и **антиэтической** пропаганды последних десятилетий (НГ. 01.08.2011); **антипастернаковская** кампания (телеканал «Культура». 18.10.2011); **Большинство «креативных» задумок** направлено против известного блоггера-**антикоррупционера** Алексея Навального: со всей страны шлют главному комсомольскому вожаку «**антинавальные**» идеи, одна бредовее другой <...> (НВ. 06–12.02.2012); ...о результатах «**антитабачного**» теста, как, впрочем, и обо всех выявленных отклонениях в детском организме, после диспансеризации будут информировать родителей (РГ. 21.02.2013); **немецкие неонацисты** начали собираться на **контрдемонстрацию** (телеканал «Россия». 01.05.2009); **Местная партиячейка «Единой России»** сперва объявила, что соберет весьма многочисленный **контрмитинг** (Известия. 05.02.2010). Дериваты с данными префиксами опосредованно отражают противостояние социальных сил и оценок в современной России.

Исследователи отмечают высокую роль оценочных и количественных значений в современном словообразовании, что, в частности, выражается в активизации префиксов **супер-, гипер-, ультра-, мега-** размерно-оценочной семантики, указывающих на интенсивность качества, признака, высокую степень чего-либо.

Префикс **супер-**, как и синонимичные ему префиксы **гипер-**, **ультра-**, **мега-**, указывает на высокую степень качества денотата – предмета или признака: *С возрастом наш обмен веществ постепенно замедляется, организму требуется все меньше и меньше калорий, <...> а вкупе с другими суперпродуктами тем более поможет вам оставаться в форме* (АиФ. 28.01.2009); *Две тысячи девятый станет для Германии годом супервыборов* (5-й телеканал. 19.01.2009); *Природа ответит на это появлением суперсорняков и супервредителей* (телеканал «Россия». 07.07.2009); *Строительство суперотеля* (телеканал «Россия». 07.06.2009); *Первый в 2009 году апрельский суперномер вы, надеемся, с интересом прочли* (АиФ. 2009. № 21); *Он смог из вполне классического образца превратиться в апологета суперавангардизма* (НГ. 24.04.2009); *ННГУ должен стать суперуниверситетом! <...> мы относимся к вузам, составляющим элиту российского образования* (АиФ-НН. 30.12.2009–12.01.2010); *На вокзал пришел новый скоростной суперпоезд «Аллегро»...* (КП. 27.05.2010); *Это его фирма изобрела суперлекарство тамифлю* (КП. 10.06.2010); *Позже супербабушку, которая одна разобралась с бандой налетчиков, нашли* (телеканал НТВ. 13.02.2011); *Хотели сделать из Нижегородского кремля суперреальное пати* (телеканал «Волга», 03.05.2008); *Я был воспитан в супероптимистическом духе...* (ЛГ. 23–29.07.2008); *суперкачественная сталь советских танков* (телеканал ННТВ. 22.05.2011). Префикс **супер-** может указывать на значительные размеры предмета, особую его значимость и масштабность (*суперцена, суперкампания, суперпроект, суперваза* и под.), на высокие профессиональные и иные качества лица (*суперпрофессионал, суперпродюсер, суперпрезидент, суперреволюционер*).

Менее активны префиксы **гипер-**, **ультра-**: *Волшебное слово «сейл» говорит, что с товара сняли гипернакрутку* (телеканал ТНТ. 29.03.2008); *... сегодня гиперхудоба в стиле Кейт Мосс, о которой лет 100 назад наверняка бы сказали «краше в гроб кладут», – это уже не модно* (АиФ. 17–23.09.2009); *Все-таки актер должен иногда быть ослабленным. Эта гиперответственность, чувствуется, занимает много места в вашей жизни и передается на экран* (РГ. 23.09.2010); *Космонавтов видел, слышал. Это не гиперлюди, люди будущего* («Радио России». 12.04.2012); *Самохина была гиперсексуальна* (КП в НН. 11–18.02.2010); *Сказать, что это интересно, – это значит ничего не сказать. Это гиперинтересно* (1-й телеканал. 03.09.2011); *...святителище ультранауочно-технического прогресса* (телеканал НТВ. 23.01.2010).

Новый префиксальный элемент **мега-** размерно-оценочной семантики также достаточно активен при образовании имен: *мегафабрика, мегаферма, мегамагазин, мегалагерь, мегарайон, мегаспорт, мегаспектакль, мегаолигарх, мегапопулярность*; **МегаЕвропа** и грязные английские средства (Нез. газета. 17.11.2005); **Мегановости**. *Первый общероссийский оператор сотовой связи «МегаФон» подвел итоги пяти лет работы в Центральном регионе* (АиФ-НН. 2007. № 50); **Мегафорум** *будет проходить с 20 по 23 мая...* («Радио России», 13.05.2009); **Мега-славяне** (Собеседник. 2009, № 26); *Разрушение Советского Союза – то единственное, что Corby и впрямь довел до конца. Понятное дело, такое мегапредательство было суммой, бесконечно превосходящей тридцать цудиных сребреников* (СР. 27.11.2010); *В России появится новый мегарегулятор* (Известия. 06.12.2010); **мегаизвержение** – *об извержении вулкана в Исландии* (телеканал НТВ. 03.12.2011); **политическое мегаграффити** (телеканал REN TV. 10.04.2011); *Российские оппозиционеры хотят создать новую мегاپартию* (радио «Бизнес FM». 15.02.2012); *Что является на автосалоне суперсенсацией, мегасенсацией?* (радио «Серебряный дождь». 01.03.2011); *Предложения по созданию суперведомств<...>. Все мегаведомства...* (радио «Бизнес FM». 02.04.2012); *Такое ощущение, что в стране нет ни одного подростка, который бы не смотрел мега-рейтинговый сериал «Ранетки» на телеканале СТС* (КП в НН. 11–18.02.2010); *Она настолько была мегадюжестерена на жизнь* (телеканал НТВ. 02.04.2011); – *Это был период мегасделок?* – *Да, так и получилось. Второй квартал стал периодом мегасделок* (радио «Бизнес FM». 09.07.2012), *Она держит его в мегажовых рукавицах* (радио «Серебряный дождь». 10.01.2011); *Это не мегажзотическое направление* (радио «Серебряный дождь». 12.01.2011); *В 2004-м нарисовался в Москве мега-пафосный Гари Татинцян, открыл на Ильинке мега-амбициозную Tatintian Gallery Inc.* (Завтра. 2013. № 28). Оценочность усиливается в случае нанизывания префиксов: *Врач оказался супермегаответственный человек* («Радио России». 01.04.2012). Сочетаемость с одушевленными и собственными именами существительными свидетельствует о расширении синтагматических возможностей префикса **мега-**.

В результате сочетания префиксов **супер-**, **ультра-** с относительными прилагательными у последних развивается качественная семантика: *Но это не просто супермедицинское учреждение в Москве* (КП. 05.05.2006); *Супертитулованным чемпионом Евгению Плющенко, Антону Сихарулидзе, АLINE Кабаевой, Светлане Хоркиной можно тоже в*

академики премии «Лауреас» (РГ. 21.02.2008); *супердокторская диссертация* (радио «Серебряный дождь». 10.02.2011); *Он не тянет ультралирические места...* (РГ. 05.02.2009); *ультрамодернистская утопия, ультрамузыкальное жульничество*. Сочетаются указанные префиксы и с аббревиатурами: *Главной структурой этой операции американского империализма является супер-НАТО* (Нез. газета. 18.01.2008); *Заполярные институты, техникумы и колледжи объединяют в один мегавуз* (РГ. 31.10.2008).

Новообразования с данными префиксами отражают усиление социальной оценочности в период ремаркации социальных ценностей в России. Возрастанию словообразовательной активности греко-латинских по происхождению префиксов **мега-**, **супер-**, **экс-**, по мнению ученых, способствовала «амероглобализация»: «Греко-латинские аффиксы продолжают проникать через СМИ в славянские языки, но уже при посредничестве английского языка, в котором они нередко приобретают новые значения. Так, например, в последние годы словообразовательной активности аффиксов *ex-*, *mega-*, *super-*, греко-латинских по происхождению, способствовала «амероглобализация», поскольку именно в глобальном английском языке они приобрели те значения, которые передаются в языках-реципиентах англицизмы» [33, с. 12–13].

Значительно активизировались в последнее время префиксы **псевдо-**, **квали-** с семантической неистинности, мнимости, фиктивности с оттенком отрицательной экспрессии, что отражает ситуацию размывания в современном российском обществе прежних ценностей, господства ложных приоритетов, распространения фальшивых ценностей и подделок в сфере материального и идеального: *псевдосуверенитет, псевдодемократ, псевдопатриот, псевдиодietологи, псевдонароды, псевдороссияне, псевдоэлитарии, псевдохолостяки, псевдоопекуны*; *Такой псевдоспред должен носить имя «молочно-растительный продукт»* (1-й телеканал. 25.08.2009); *У нас нет никакой оппозиции: то, что мы имеем, – это псевдоопозиция* (телеканал «Россия». 28.06.2009); *...роман-предупреждение, революционный роман и эпитафия псевдоправлящему псевдоклассу* (Завтра. 2009. № 5); *Эдуард надеется, что в реальной жизни не появятся «псевдомечи»* (Телесемь. 08–14.03.2010); *Очень хочется спросить всех скептиков и псевдоспециалистов, пророчивших поражение нашей баскетбольной команде...* (телеканал ННТВ. 27.05.2011); *псевдоженщина (транссексуал) будет их невесткой* (телеканал «Волга». 30.03.2012); *Каждый месяц в Греции разоблачают лжеатматиков и псевдосердечников* (1-й телеканал. 22.04.2012); *Сколько*

водителей могло попасть в число таких **псевдонарушителей**<...> Все те, кто заплатил **псевдоштрафы**, должны требовать возврата этих средств... (радио «Бизнес FM». 27.02.2012); Все иные **псевдопротоколы** юридической силы иметь не будут (радио «Бизнес FM». 06.03.2012); ...как распространители **псевдомедицинских** приборов могли обмануть ее, фронтovou медсестру! (5-й телеканал. 13.07.2009); ...**псевдонаривающий** на скрипке Александр Рыбак... (Культура. 25–31.05.2012); Я выбираю тех, которые из стадаи **квазипартий** и **протопартий** эволюционируют в сторону, так сказать, партийной полноценности (МН. 30.11–06.12.2007); К тому же, заметим, у многих заемщиков оформлена **«квазиипотека»** под залог уже имеющегося жилья (РГ. 21.11.2008); Нормальный человек, соприкоснувшись с такими **квазимассонскими** организациями... (Завтра. 2007. № 48); Белоруссия – последний представитель **квазисоциалистической** экономики в Европе (<http://news.rambler.ru>. 09.06.2011); ...**квазироссийский** режиссер, поскольку он живет в Германии... (1-й телеканал. 29.05.2011).

Широко представлены данные префиксы в новообразованиях медийных текстов. При этом новообразования, называющие лиц, могут иметь дополнительные оттенки смысла ‘фальшивый, подложный представитель данной профессии’: *Тогда его автомобиль был остановлен **псевдомилиционерами**, а затем обстрелян* (РГ. 10.10.2008); ***Псевдополицейский** оказался старым знакомым* (телеканал «Россия». 20.01.2009). Новообразования с **псевдо-** могут указывать на несоответствие реальным функциям и свойствам, на низкое качество того, что названо мотивирующим словом: *Наша задача – создать некую единую систему, упорядочить систему соревнования, выгнать всех **псевдоорганизаторов*** (РГ, 12.08.2008). Новообразования, номинирующие объекты в сфере искусства, могут развивать значение имитации: *Смешав на экранной палитре реальную и **псевдохронику** с игровыми сценами, анимацией, он предпринял храброе до безумства путешествие в город* (НГ. 23.10.2008); *...когда он касается реальных проблем – то оказывается беспомощным, самодельным, **псевдотеатральным*** (НГ. 18.09.2008); ***псевдодокументальная** манера* (КП. 21–29.01.2010); ***Псевдодокументалистика** привлекает, но примелькавшись – отталкивает* (ЛГ. 27.01–02.02.2010); *А мы едем на «ролевуху» – масштабную **квазитеатральную** постановку, основанную на импровизации участников* (РГ. 26.05.2006).

В свое время Е.А. Земская обратила внимание на некоторое семантическое и функциональное различие префиксов **псевдо-** и **квази-**: сло-

ва с **псевдо-** содержат субъективную оценку лица, тогда как слова с **квази-** характеризуют состояние именуемого объекта [12, с. 115]. В современных СМИ новообразования с **псевдо-** также могут содержать оценку неодушевленного предмета (конкретного или абстрактного): ...с приставкой «псевдо-» от которой, говоря о современном кино, не отмахнешься, – **псевдоигра, псевдоматематика, псевдочувства** (Завтра. 2007. № 42); ...**псевдонеудобства**, связанные с маленькими детьми, кажутся пугающими (1-й телеканал. 20.06.2010); Под его пером рушатся многочисленные идолы прогрессизма, такие как индивидуализм, демократия, буржуазный **псевдонационализм** (Завтра. 2010. № 21). А новообразования с **квази-** могут характеризовать субъект: **Квазидент России. Зачем нужен кандидат в президенты Дмитрий Мезенцев.** <...>один скандал вокруг **квазипрезидентской Одиссеи нашего героя все-таки случился** (НГ. 20.01.2012).

В последнее время возросла словообразовательная активность префикса **экс-**, что, по-видимому, отражает динамику современной жизни и соответствует тенденции к экономии языковых средств. Префикс **экс-** с семой 'бывший', унаследованной из английского языка, употребляется не только со словами, обозначающими звания, должности, но и со словами, обозначающими лицо в широком смысле – по профессии, роду деятельности, месту жительства, семейному положению, психофизиологическим характеристикам: **Военное руководство Гвинеи арестовало экс-премьер-министра страны Ахмеда Суаре...** (Нез. газета. 01.07.2009); **Экс-губернатор стал командующим ВДВ России** (РГ. 15.09.2009); **Экс-мэр Юрий Лебедев семейный бизнес предпочитает эффективному** (АиФ-НН. 04–10.11.2009); **Экс-милиционер, сбивший беременную женщину, оставлен под арестом** (Нез. газета. 01.07.2009); **Экс-музыкант «Аквариума» Олег Сакмаров представил новый клип** (РГ, 02.05.2009); **Государство стало мощнейшим оружием экс-феодалов против низов** (Завтра. 2009. № 51); **Динамовцы сумели забить гол первыми, гол на счету новобранца команды, экс-нападающего английского «Ливерпуля» Андрея Воронина** (КП-НН. 06.04.2010); **Не всегда гладко происходило объединение аграриев и «единороссов» в одну партию. Не стерлись противоречия между экс-«пенсионерами» и чистыми «единороссами»** (НГ в НН. 12.03.2010); **Через месяц экс-оперативник получит ответ** (НГ. 01.08.2011); **Будет увеличена пенсия экс-сотрудникам** (радио «Серебряный дождь», 01.08.2011); **Павла Волю помужски приветствовал экс-солист «А-студио» Батырхан Шукенов** (Экспресс-газета. 2011. № 31); **На своем участке я сохранил яблони,**

груши и ягодные кусты, – поделился экс-супруг примадонны (Экспресс-газета. 2011. № 31); *экс-неврастеник российского рок-н-ролла Петр Мамонов* (Известия. 29.04.2009).

Среди продуктивных аффиксов возрастает удельный вес аффиксов иноязычного происхождения. Заимствованные префиксы присоединяются, как правило, к именным основам (словам именных частей речи), а исконные – к глагольным. Причем характерной приметой настоящего времени становится «активное присоединение русских приставок к иноязычным глаголам: *пролоббировать, простимулировать, протестировать, отсканировать*» [15, с. 238].

«В общеславянский фонд словообразовательных морфем, активно формирующийся со второй половины XX века, входят заимствованные элементы преимущественно греко-латинского происхождения» [31, с. 189], которые в современном русском языке приобретают статус аффиксоидов и с помощью которых активно образуются новые слова: **евро-, макро-, -медиа, микро-, мини-, теле-, этно-; -ман, -ман(ия), -фоб(ия)** и др.

В текстах русских СМИ появляются многочисленные новообразования с данными компонентами: *Тотальное легкомыслие – это макрофеномены и макротенденции* (Завтра. 2008. № 8); *В Москве сейчас повальное увлечение микрожизнью – жизнью микросуществ* (телеканал ТНТ. 02.06.2008); *Главный редактор журнала «Кавказский эксперт» Энвер Кисриев определяет эти кланы как этнопартии* (РР. 18–25.06.2009).

«С глобальной унификацией, осуществляемой через СМИ с помощью английского языка, связано появление и международное распространение таких «псевдоаффиксальных» морфем, как <...> *-mania, -fobia* – генетически корневых слов, которые приобрели статус суффиксоидов, вступая в комбинации с корневыми морфемами принимающих <...> языков» [33, с. 15]. С помощью суффиксоидов **-мания, -фобия** от ключевых онимов эпохи спорадически образуются «асистемные экспрессивные окказионализмы – пейоративные *nomina abstracta*, указывающие на умственную и психическую неполноценность чрезмерно активных сторонников или противников государственных и политических деятелей» [33, с. 19]: *...я выступала сразу перед «Алисой», так что первые пять минут алисоманы были не очень довольны, а потом многие прониклись* (Акция. 13.11.2006); *В 96-м году волна бродскомании докатилась аж до «Нашего современника»* (ЛГ. 15–21.07.2009); *Нижегородцы заболели лекарствоманией* (телеканал РТР. 07.03.2009); *Сего-*

дня Владивосток охватила **ретромания** (телеканал ТНТ. 18.04.2009); Мир охвачен **обамаманией** (АиФ. 2009. № 4); **Барбимании** повториться уже не суждено, но эта игрушка стала такой же традиционной, как плюшевый мишка или желтая уточка для купания (ЛС. 12–18.03.2009); Нам **американофобия** свойственна и на уровне массового сознания (телеканал РТР. 01.02.2009); ...**США** при всей их **путинофобии** считают нынешних лидеров России вполне адекватными партнерами (МК в НН. 29.07–05.08.2009).

Активная автомобилизация российского населения, развитие технологий, основанных на использовании природных материалов, актуальные проблемы экологии нашли отражение в активизации префиксоидов **авто-, био-, эко-**: **автогражданский, автодизайн, автокредит, автопроизводитель, автострахование, автосалон; биоатака, биодобавка, биозащита, биокорректор, биомасса, биомедицина, биопатогенный, биополе, биопротез, биоритмы, биостимулятор, биотерроризм, биотехнолог, биотоки, биотуалет, биоэнергетик; экокухни, эко-обувь, экосистема, экотуризм, экоцентр; Андрея Хартли** назвали новым **автогегором** (телеканал REN TV. 10.04.2010); ...**автоледи** потребовала у руководства центра обменять машину или вернуть уплаченные за нее небольшие деньги – 610 тысяч рублей <...> автосалон должен заплатить **автовладельце** за причиненные неудобства (РГ. 15.07.2010); Недавно около нашего дома появился **биосупермаркет**. Именно в нем продаются продукты, произведенные в экологических хозяйствах. Цена в **биомагазине** порядочная: в два-три раза выше обычной (РГ. 05.06.2010); Приехали на непаханую землю, завели коз, назвали себя **экопоселением**. <...>Ведь в Германии экологическое земледелие становится все более популярным. <...> Более того – **экоподворья** финансируются программами Евросоюза. <...>Под **экоземледелием** там понимается не только единение с природой. <...>Немецкие **экофермеры** живут в кирпичных современных домах – с телевизорами и компьютерами<...>. **Экофермерство** всячески поддерживается на уровне ЕС (РГ. 05.08.2010).

Достижения научно-технического прогресса способствуют активизации такой препозитивной части, как **нано-**, которая квалифицируется носителями языка то как корневая, то как префиксальная, то как префиксоид. Показательно восприятие части **нано-** некоторыми носителями языка: *Все только и говорят про нано-что-то-там, и мне хочется поучаствовать в общем веселье. Но я ничего не понимаю в спорах о том, существуют ли нанотехнологии и сколько денег отмывается на подобных проектах. Не могу внести свой вклад в наноскандалы и раз-*

облачение **нанодельцов**. Не способен даже гнать **нанопургу** про **нано-будущее**. (Все эти слова с приставкой «нано» мною не выдуманы, а взяты из Интернета) <...> И все-таки для гуманитариев найдется своя ниша во всей этой **нановакханалии** – ведь, к счастью для нас, **слово «нано»** давно живет своей интересной жизнью, никак не связанной с физическими исследованиями. Вот этой-то языковой **нанореальности** и посвящены мои **наномысли**. Сегодня «нано» – передний край словообразования<...>. Похоже, **эту приставку** можно присоединить к любому слову – и будет толк (РР. 22–29.05.2008). В последнее время **нано-**используется в словах, не имеющих отношения к размерной семантике, где **нано-** указывает на отношение к нанотехнологиям: *Но шумиха вокруг нанотехнологий обогатила эту приставку и новым смысловым оттенком: «нано» – значит новейший, продвинутый, передовой, высокотехнологичный. Значение это особо греет душу рекламищика: <...> тут и **iPod nano**, и сигареты **Kent nano**, и **наноЯндекс**, и какие-то **нанооптимизаторы**, и **наноноски**, и **нанокремы**, и даже **нанотрусы** с биофотонами (РР. 22–29.05.2008); **Приставка нано-** прочно обосновалась в русском языке <...> **нано-** происходит от греческого «карлик». <...> В планах – производство **нановакцины** <...> Перспективы **наноалмазов** изучила Инна Осипова (телеканал НТВ. 22.04.2009); Да, есть планы по перенастройке экономики в стиле **нано-** (АиФ. 2009. № 21); Это всем **нано**. Нанотехнологии продлят жизнь человека и отправят на пенсию заводы-гиганты (РГ. 27.07.2007); Как известно, любая научная революция имеет две стороны <...>. «**Нано**» не исключение. Генералы уже спят и видят армады **нанороботов**, которые будут уничтожать противника (РГ. 27.07.2007); Принять **нанотаблетку**. Россия начнет разрабатывать свои инновационные лекарства (РГ. 24.01.2013).*

Активные контакты с Западом, возрастание в современном российском обществе роли СМИ, и в частности телевидения, способствовали повышению продуктивности префиксоидов **евро-, медиа-, теле-**: *евробумаги, евровалюта, евродепутаты, еврозона, евроинтеграция, европарламент, евросоюз, евростандарт; медиа-бизнес, медиа-война, медиа-империя, медиа-индустрия, медиа-магнат, медиа-ресурсы, медиа-рынок; теледебаты, телекомпания, телемарафон, телемост, телеприставка, телереклама, телесериал, телефакс, телехит, телешоу* (причем у префиксоида **евро-** развивается семантика ‘лучший, супермодный’: *евроремонт, евромода, евроотдых, евротюрьма* и др.); **Европаника**. Кризис в ЕС приведет к распаду содружества? ..**Евроскетни-**

ки – так окрестили противников базового соглашения... (НВ. 23–29.06.2008); Попсовая **евромузыка**, второстепенные персонажи... (ЛГ. 20–26.06.2009); Тот факт, что негативная **медиаканонада** в адрес России в западных СМИ, похоже, даже не брала летней передышки, свидетельствует о том, что груз накопившихся проблем и взаимных претензий по-прежнему сохраняется (МН. 21–27.09.2007); Первое в России здание с **медиафасадом** войдет в многофункциональный комплекс (ЛГ. 20–26.02.2008); Именно в этот момент главный тренер Российской сборной Гус Хиддинк становится **медиафигурой** чемпионата (телеканал НТВ. 22.06.2008); Зрители узнали С. Светлакова и Д. Брекоткина и их «соседку» Веру Брежневу. По **телелегенде** они живут в Бутово (Телесемь. 05–11.10.2009); Но, пожалуй, главные победы ждали Максимова в специально поставленных для нее **телебалетах** (Известия. 29.04.09); От своего **теледектища** по имени «СМАК» давно устал и отстал (телеканал «Мир». 15.08.2009); Кому на руку **телерадиоохамство** в России? (КП. 17–24.07.2009); Таков масштаб первых серий этой, с позволения сказать, **телеэпопеи** и ее мелкотравчатых героев (ЛГ. 20–26.05.2009); Но ведь и зрителям хочется, чтобы с этой кухни их потчевали, если не отборной, то хотя бы более-менее добротной **телепиццей** (КП. 01.06.2010); **Телеоскар**. 21 октября 1994 года Академия российско-го телевидения учредила ежегодную премию «ТЭФИ»... (Собеседник. 2010. № 40); Девочка обожает, когда в квартире включен телевизор – настоящий **телеребенок** (Телесемь. 05–11.10.2009); Что скажет **телеляня** в ответ на обвинения своих партнеров? (телеканал НТВ. 21.11.2010); Уж не с Натальей ли Водяновой собрался под венец **телебосс**? (КП. 26.08.2010); Вместо **телемагов** с голубых экранов нас лечат дамы из службы «Секс по телефону» (КП. 22.07.2010); И настоящий **телефанат** просто обязан их знать, чтобы в этом мире ориентироваться (КП. 08.07.2010); Не знаю, кто как, а я лично пожалел, что любимые многими отважные **телегероини** занялись сексом на большом экране (КП. 03.06.2010); Знаменитый **телеюморист** рассказал, каким будет популярное шоу на ТНТ после «перезагрузки» (КП. 15–22.04.2010); Наш корреспондент побывал в самых интересных заведениях, принадлежащих **телезнаменитостям** (КП. 15.07.2010).

Обращает на себя внимание словообразовательная активность аффиксоида **стерео-**, связанная с распространением техники 3D-формата: **Стереобитва: СССР против США** (КП-НН. 04–11.02.2010); **«Аватар»** потряс зрителя возможностью погрузиться в **стереомир** (КП-НН. 04–11.02.2010); В Советском Союзе уже активно снимали стереофильмы...

Так, **стереовариант** сказки «На золотом крыльце сидели...» можно было увидеть в столичных кинотеатрах (АиФ. 10–17.02.2010); Снимать обычное «плоское» кино никому стало неинтересно. Режиссеры один за другим начали заявлять о **стереопремьерах** своих лент (КП-НН. 11–18.02.2010); Зритель, потирая руки от нетерпения, ждет новых премьер от знаменитых **стереоумов** Голливуда (КП-НН. 26.02.2010). В последнем случае происходит метафоризация семантики **стерео-** «связанный с получением и демонстрацией объемных изображений, служащий для этой цели» [27].

На страницах современных СМИ активно возникают новообразования с компонентом **ретро-**, который словарь-справочник «Аффиксоиды русского языка» квалифицирует как префиксоид со значениями «относящийся к прошлому, связанный с ним, обращенный в прошлое, тяготеющий к нему» [27]. Возможно, активизации **ретро-** способствуют распространившаяся мода на винтажный стиль, а также разного рода стилизации: *Заводить непородистых домашних питомцев стало уже немодно. Но если вы все же сделали выбор в пользу эдакой **ретрокошки** – это будет вам интересно* (КП-НН. 09–15.03.2007); *И вот – книга, на обложке которой – «кинозвездное» фото Ренаты в очередной «голливудской» **ретрошляпке** из ее многочисленной коллекции головных уборов* (АиФ. 10-17.09.2009).

В последнее время активизировалось употребление в новообразованиях препозитивной части **арт-** – префиксоида со значением «относящийся к артистам, артистический, актерский; относящийся к искусству, к произведениям искусства; художественный; искусство того направления, которое было названо в первой части» [26]: *В галерею поместятся 60 гостей (а на биеннале их съехалось несколько тысяч). Спрос рождает предложение. В столице за пару месяцев открылось несколько турагентств, которые специализируются на **арт-туризме**. <...> Теперь немодно кутить в Куршевеле. Появились **арт-туры*** (КП-НН. 24–31.12.2009).

В некоторых случаях в новообразованиях каламбурно сталкиваются значения «артиллерийский» и «имеющий отношение к искусству»: ***Арт-битву** «За Севастополь!» начали петербургские художники. Выставка «За Севастополь!» открылась 20 октября в Санкт-Петербурге... Оказалось, что в Севастополе живет очень много блокадников. Эта выставка – продолжение того, севастопольского, **арт-десанта*** (КП-НН. 13.10.2009).

Актуализация **поп-искусства**, **поп-культуры** в последние десятилетия привела к активному использованию в новообразованиях СМИ пре-

позитивной части **поп-**, которая квалифицируется в словаре аффиксоидов как аффиксоид со значениями «предназначенный для широкого, массового распространения, потребления; доходчивый, доступный, понятный всем; связанный с созданием и исполнением произведений массовой культуры; связанный с оборотом, потреблением произведений массовой культуры» [26]: *...поп-персона книжного рынка...* (телеканал REN TV. 22.12.2009); *... на празднике поп-жизни <...> Весь российский поп-бомонд пил, ел, гулял...* (Собеседник. 2010. № 29); *Тимошенко в ходе своей предвыборной кампании не забывала развлекать электорат. На это брошены все поп-силы Украины* (КП-НН. 18–25.02. 2010); *Янукович поп-агитации не стесняется* (КП-НН. 04–11.02.2010); *«Поп-принцессу» Бритни Спирс отсутствие макияжа мгновенно превращает в поп-бабушку: сказываются годы загулов и безумств* (КП-НН. 12.03.2011).

Как видно из примеров, иноязычные (интернациональные) аффиксы сочетаются как с заимствованными (*антипрогрессизм, дегенератизм, версачелизация, эстонизация, web-ализация, галатеисты, граффитисты, феллинисты, антонионисты, суперотель, суперномер*), так и с исконными (*супервыборы, суперсорняк, супервредитель, экс-супруга, экс-муж, мега-славяне*) основами.

Появление производных от заимствованных слов связано с определенным этапом освоения иноязычных слов, предполагающим включение иноязычных слов в процессы словопроизводства в языке-реципиенте. При этом в качестве формантов могут использоваться как иноязычные, заимствованные морфемы (*антирейдеры, антихакеры, псевдооппозиция, псевдомилдронат, псевдоспред, экс-инкассатор, экс-лауреат, европаника, евромузыка, телебалет*), так и исконные аффиксы: *Среди нынешних поклонников условных картъе и мерседесов очень популярно слово «лузер». Мерзейшее словечко, пришедшее к нам вместе с макдональдцами и пастой блендамед* (Дуэль. 2008. № 13).

Таким образом, в ходе словообразовательного освоения разных видов иноязычий происходит использование их в качестве производящих основ, активизация иноязычных аффиксов, приобретение заимствованными элементами статуса аффиксов/аффиксоидов.

Под влиянием английского языка в деривационной системе русского языка укрепляются модели, представленные агглютинативными структурами с препозиционной постановкой несогласованного определения: *бизнес-сообщество, бизнес-виза, бизнес-отношения, бизнес-опека, бизнес-элита; интернет-класс, интернет-клуб, секс-торговля, шорт-лист,*

шоу-бизнес, шоу-группа и под. [39, с. 38]: **Бизнес-бабушки**. Рынок труда у нас, как известно, как был формальный и неформальный, так и остался. На неформальном, нерегулируемом, как раз и толкутся пенсионеры... (НП. 04.09.2008); В Нижегородской области появились теневые **бизнес-управленцы** (ЛС. 17–23.07.2008); **Гангстер-хаус**. Самый высокий деревянный дом в России объявлен вне закона (РГ. 26.06.2008); **Секс-красотка** Кэмпбелл выходит за русского олигарха? (ЛС. 28.08–03.09.2008); **Секс-стимулятор** для мужчин золотые капсулы ФУХОЛИ (РГ. 20.05.2010); **Секс-отдых** Малахова. 39-летний шоумен зажигает с женой на пляже во Франции (Жизнь. 27.07–02.08.2011); Зачем США замочили **секс-террориста № 1** (КП. 26.05–02.06.2011); Сенатор, «клевавший» Клинтона за Левински, ушел с **секс-скандалом** (КП-НН. 23.04.2011); Жительницу Сергачского района Анастасию Захарову можно назвать **экстрим-мамой** (ЛС. 11–17.09.2008); Кто он, новый президент США, – **пиар-проект** или настоящий реформатор, решивший преодолеть инерцию экспансии? (ЛГ. 15–21.07.2009); Бум на **вамп-индустрию** в России скоро достигнет ощутимых масштабов? (НВ. 31.08–06.09.2009); **Онлайн-приемная**. В Удмуртии республиканское отделение Пенсионного фонда проводит **онлайн-консультации** (РГ. 08.07.2010); Легко ли проследить путь **интернет-пожертвований**? (радио «Бизнес FM», 07.08.2013); В **интернет-музей** и магазин, – пытается ответить Иван Лебедев, – приходят люди очень известные (РГ. 10.01.2008).

Среди подобных «агглютинативных» дериватов распространены структуры с графически неадаптированными частями: С целью завладения денежными средствами пользователей злоумышленники использовали короткие **sms-номера**... (РГ. 16.09.2010); **SMS-«зобми**». Существует ли психологическая зависимость от мобильного телефона? (РГ. 28.02.2013); А если вредный вирус все-таки залез в ваш сотовый телефон, следует как можно быстрее вынуть **sim-карту** и отнести аппарат в ближайший сервисный центр (РГ. 16.09.2010); **VIP-пенсионер**. Тони Блэр получил крайне выгодное предложение (РГ. 17.01.2008); Что **VIP-греха** таить, тут сложно было не обзавидоваться... **VIP-грех**-термин обозначающий «подленькое чувство, заставляющее нас больше работать, чтобы была машина не хуже, чем у соседа», впервые введенный в обиход Ксенией Собчак (КП-НН. 11.02.2011); **VIP-трибуна**. Кто за кого болеет в нашем футболе? (РГ. 25.10.2012); «Молодая гвардия» запускает **Wi-Fi-Эпидемию**. В российских вузах стартует федеральный проект по установке беспроводного Интернета (КП-НН.

01.03.2011). Подобные деривационные структуры, в которых совмещаются разные алфавиты, некоторые ученые называют графодериватами (Т.В. Попова).

«Ослабление флективности», рост «агглютинативных черт» отмечают также чешские [74] и польские ученые: «В словообразовании славянских СМИ растет активность такого способа, как сложение без помощи соединительной гласной» [33, с. 24]. Слова, созданные таким способом, «соответствуют словообразовательной модели немецких композитов», характеризуются цельнооформленностью, общностью специфического словообразовательного значения «синтагматического типа, связанного с выражением неконкретизированных атрибутивно-объективных отношений в рамках сложного понятия об объекте или ситуации», а также общностью способа словообразования, «который состоит в грамматически неоформленном «сцеплении» двух существительных, преимущественно иноязычных» [33, с. 24]: *бизнес-виза, допинг-скандал, секс-туризм, фолкпевец* и др.

Как показывает анализ новообразований в текстах российских СМИ, в деривационных процессах активизируются те интернациональные элементы, «которые актуальны для данного социума в данный период для номинации определенных социокультурных реалий» [1, с. 72]. Тенденцию к интернационализации и интеграции ученые приветствуют как процесс, который «в конечном итоге упрощает международную коммуникацию и способствует развитию взаимопонимания между народами как в средневропейском регионе, так и за его пределами» [75, с. 72].

Характерной чертой современного медийного словотворчества ученые считают отонимическое словообразование. Отонимические экспрессивные окказионализмы, созданные с помощью суффиксов и суффиксоидов, появившихся на базе корневых морфем, «обладают свойством «сгущения» смыслов и стилистической полифункциональностью, поскольку они выражают не только аффективно-экспрессивную, но и социально-экспрессивную оценку, вызывающую представление о «среде» <...>, где они употребляются <...>. Их образование и актуализация в массовой коммуникации свидетельствует о вовлеченности в словопроизводство ключевых слов эпохи (к которым относятся имена известных людей), об отношении коммуникантов к лицам, фактам и событиям общественной жизни» [33, с. 23]. Исследователи связывают появление отонимических экспрессивных окказионализмов в медийных текстах с разрушением стилистических барьеров, усилением тенденций антропоцентризма, повышенной степенью эмоционально-волевого состояния социума, его терпимостью к вульгарному и бранному словоупотребле-

нию, а также стратегией близости к адресату, характерной для большинства постсоциалистических СМИ [33, с. 23].

3.1.2. Тенденция к демократизации в медийном словотворчестве.

Происходящие в последние десятилетия в русском языке изменения отражают нестабильное состояние российского государства, «которое проявляется в коренном переустройстве власти, экономики, мировоззрения, в противостоянии оценок, взглядов, образа жизни людей, смене ценностных приоритетов, росте негативных явлений» [51, с. 83]. «Меняется коммуникативная парадигма современного общества: носители языка все больше сознают свое важное место в общественно-политической жизни, формируют собственные оценки происходящих событий, ведут себя в процессе коммуникации в соответствии с собственными целями, мотивами и интересами» [30, с. 14].

В связи с либерализацией общественных отношений ученые говорят о тенденции к демократизации в современном русском языке. Эта тенденция связана с усилением влияния устной речи на письменную и вызвана демократическими преобразованиями в общественной жизни. Усиление демократических тенденций в обществе и языке привело к укреплению позиций разговорной речи, к усилению разговорной составляющей вербальной коммуникации. Наблюдается актуализация жаргонной, арготической и просторечной лексики. Не только в бытовой разговорной, но и в публичной речи лексическое «разностилье» современных СМИ как результат эволюции газетно-публицистического стиля отражает «экспрессию психологического состояния общества» [39, с. 119]. Демократизация языка «позволила человеку говорящему раскрепоститься, увеличила долю спонтанной публичной речи. Победа экспрессивного над стандартным раздвинула границы выразительных возможностей языка» [6, с. 141]. Раскрепощение личности способствовало усилению личностного начала в языке и речи, особенно в средствах массовой коммуникации.

«Для современного языка средств массовой информации характерно формирование авторского начала, замещение информативной функции воздействующей. В этой связи журналисты-словотворцы, привлекая широкий арсенал средств оценки и экспрессии, вводят в публицистические тексты *маргинальные* слова (жаргонизмы, сленгизмы, профессионализмы), созданные по маргинальным словообразовательным моделям с суффиксами стилистической модификации <...>. В словообразовательных процессах <...> довольно часто участвуют жаргонно-

просторечные основы, от которых образуются еще более стилистически сниженные новообразования»: *фанерщик, лохотронщик* и др. [33, с. 23–24].

Раскрепощенность как один из ярких показателей современного речевого поведения коммуникантов способствует активизации процессов словотворчества в медийной речи, приводит к появлению большого количества новообразований, которые становятся ярким экспрессивно-эмоциональным средством в текстах СМИ. Основные эмоциональные доминанты многих текстов современных СМИ определяются объективными социально-политическими и экономическими процессами в обществе.

Демократические тенденции в медийном словотворчестве связаны с различными актуальными социальными процессами, и в частности с распространением в современном обществе массовой культуры: «В плане коммуникативных норм общества массовой культуры действует четко прослеживаемая закономерность – табуирование патетики везде, где это можно. Все общение сводится к обиходу. <...> все исходят из презумпции равенства, и поэтому общаются легко и свободно со всеми, статусные, возрастные и гендерные признаки учитываются только в ситуативном плане» [23, с. 23].

Соответствующий стиль общения характерен и для современных российских СМИ: «Общая динамика развития прессы в нашей стране свидетельствует о том, что средства массовой информации резко приблизились к читателям, стали играть роль собеседника, а не рупора официальной власти. Прямое воздействие на адресата сменилось на косвенное» [22, с. 179].

Основные тенденции современного общения, которые находят отражение в текстах СМИ, состоят, по мнению ученых, «в сужении диапазона стилевых регистров, примитивизации понятий, игровом переворачивании важнейших запретов и превращении массово-информационного дискурса в форум для всего населения, в информационно-эмоциональное взаимодействие всего общества» [22, с. 182]. В основе этих тенденций лежит общее направление демократизации социальной жизни и общения.

В словопроизводстве заметно увеличение стилистического варьирования суффиксов, спектра оценочной лексики, в том числе деминутивов; наличие экспрессивного фона у новообразований – абстрактных существительных, универбов и др.; создание компактных номинаций (универбов, относительных прилагательных, наречий и проч.) [42]. Стирание стилевых границ исследователи видят в образовании слов по сти-

листически маркированным моделям, в сочетаемости стилистически нейтральных или книжных основ с разговорно-оценочными аффиксами [77, с. 68].

Проявлением демократического начала в медийном словотворчестве становится активное вовлечение в деривационные процессы стилистически сниженной лексики и сниженно-маркированных словообразовательных средств, а также деривационных моделей, характерных для разговорной речи.

Так, иноязычные префиксы активно сочетаются с исконными и стилистически сниженными производящими словами (основами), что свидетельствует о расширении стилистических возможностей данных префиксов: *антишмя Россия, антиЕльцин, контрдействие, псевдороссияне, псевдонароды, псевдородственники, псевдоподдержка, квазильготники, супервыборы, супервредители, суперпивные, супертеплица, гиперхудоба, гипер-Чехов, мега-сады, мега-гости, мегаславяне, экс-нижегородце, экс-жена, экс-привычки, экс-русские, экс-первый* и др. Несоответствие стилистической окраски иноязычного префикса и производящего слова, вовлечение в словообразовательный процесс жаргонной и другой стилистически сниженной лексики свидетельствует о проявлении тенденции к демократизации в речи: *...очевидная антироссийская, антиэс-энгэшная направленность ряда последних слов и дел Тбилиси, Киева, Кишинева* (РГ. 12.08.2005); *И если раньше она была официозом, то теперь это антигламур, антипафосные клубы* (КП. 10.07.2008); *...это не какая-нибудь лживо-клеветническая квазиопозиционная псевдогазетенка с «жовтым» уклоном и «блакитным» лобби, а официальный орган Верховной Рады!..* (НГ. 17.03.2009); *суперхрущобы для Меркель* (КП. 25.04.2006); *суперпродвинутый фри-джаз* (Завтра, 2006. № 44); *Конечно же, экс-бизнесмен, экс-депутат и экс-зэк блефует* (Завтра, 2006. № 44); *Он считался в этой среде «гиперофигевающим» и «суперпупер-архикреативнейшим обалдемоном»* (НГ. 15.05.2006); *А что такое уволенный опер? Это находка для коммерческих и криминальных структур... Каковы будут последствия от такого «сращивания» экс-ментов с экс-жуликами, нетрудно представить* (КП-НН. 28.01.2011).

Сниженным характером отличаются отаbbревиатурные наименования: *Спецслужбам Украины и России удалось сорвать планы террористов, готовивших покушения на Владимира Путина. <...> нашим СБУшникам респект* (Собеседник. 2012. № 8); *Лолита голосила на НТВ – в поддержку сексуальных извращенцев, что Чайковский тоже был из их числа, и никто в энтэвэшной студии не вступился, увы, за честь великого композитора* (Завтра. 2012. № 7).

Распространены в текстах СМИ существительные с разговорными и жаргонно-просторечными суффиксами **-ш(а)**, **-ух(а)**, **-л(а)**: *В Сети Навальный получил все: должность «мэр Москвы» по версии интернет-пользователей, максимум доверия по сетевым опросам, восторги блоггериш* (Собеседник. 2012. № 6); *Вдобавок панкериши рискуют стать «объектом атаки» оскорбленных верующих, требующих «жесткого наказания»; <...> Пугачева оказалась ведущей не по зубам и легко ее «сделала» – взяла инициативу в свои руки, сама принялась интервьюировать интервьюеришу, умело уходила от неприятных вопросов* (НГ. 20.04.2012); *Сплошная репрессуха* (НД. 17–23.05.2012); *Стою у места сбора наших болельщиков. Среди них преобладают «кузьмичи» – болелы среднего и старшего возраста...* (КП. 15.06.2012).

Демократизация в СМИ проявляется также в усилении личностного начала и повышении экспрессивно-оценочной роли новообразований в медийном тексте. Широко представлены в российских медийных текстах новообразования с экспрессивно-оценочными аффиксами, к которым, в частности, относятся размерно-оценочные суффиксы: *Есть памятник, даже не памятник, а памятникочок* (радио «Серебряный дождь». 25.03.2011); *Начало учебного года встречала с трепетом... Ну такой маленький трепеток* (1-й телеканал. 04.09.2011); *Вы не замечали, что те, кому дали отставку, кто остался не у дел, много и неустово хорохорятся? Только дай им шансок – изобретают из себя многозначительных персонажей* (Собеседник. 2012. № 3); *Третий моментище в этом матче!* (радио «Маяк». 24.06.2012); *- У нас если уж беда, то беда. – Да, бедища!* («Радио России». 14.08.2013); *В общем, жизнь у меня страшиноватистая!* (ЛГ. 10–16.07.2013); *Вел себя адекватно, только попахивало от краеведа затхленько* (КП. 08.11.2011).

Отмечаемый исследователями рост личностного начала в современном словообразовании проявляется в деривационной активности суффиксов **-ец**, **-(н)ик**, **-щик(-чик)**, **-ист**, **-ант**: *гайдаровец, зюгановец, рыночник, державник, перестроечник, компьютерщик, оборонщик, суверенищик, ельцинист, сталинист, вручант, подписант* и др.; *Наблюдатели из «Сонара» стекаются на Ярославский вокзал ранним утром выходного дня. <...> «Сонаровцы», возраст которых от тридцати и старше, даже после оглашения результатов выборов не унывают* (НГ. 12.04.2013); *...различие между коммунистами и солидаристами* (сторонниками «Солидарности» Г.К. Каспарова. – Авт.) (Известия. 03.04.2009); *Из парков исчезли «девушки с веслами» и прочие скульптуры, демонтированные галатеистами, обзаведшимися партнерами*

для парадного выхода (Завтра. 2009. № 23); **Граффитисты** разрисовали казармы (ЛС. 21.05.2009); В ту пору нашими кинобогами были Феллини и Антониони. Во ВГИКе возник жесткий водораздел между **феллинистами** и **антонионистами** (НГ. 10.07.2009); **«Сипатизанты»**, русский язык (Парламентская газета. 12–18.04.2013). Новообразования с данными суффиксами называют лиц – сторонников определенных идей, партий и движений, общественно-политических лидеров, известных деятелей культуры. При образовании имен лиц жаргонно-разговорного характера продуктивность проявляют суффиксы **-ник**, **-щик/-льщик**: ...скандалы, то и дело вспыхивающие вокруг липовых результатов ЕГЭ и **«стобалльников»**, успешно заваливающих первую же сессию в вузе... (ЛГ. 2010. № 39); ...я твердо уверен, что никогда не узнаю «на гражданке» ни олигарха Аркадия Ивановича, ни **казиношника** Игоря, ни врача Антона (РР. 09–16.09.2010); Еще более дикой выглядит борьба с пешими **«ведерочниками»**. В начале мая, надев на голову синие ведра, похватав синие нитки, воздушные шарики и даже цветочные горшки, участники флэшмоба под ритмы тамтамов пошли гулять по маршруту от Нового Арбата до Белого дома (МК. РРЕ. 21–28.07.2010); Сегодня в России услугами **«обнальщиков»** пользуются 90 % предпринимателей, от крупных компаний до крохотных <...>. Известие об аренде банды всколыхнуло столичный мир «обнала» <...> Ходят слухи, что взяли крупных оптовиков, снабжавших многие столичные «обнальные» конторы... (НВ. 17–23.05.2010); В начале 90-х я помню его несколько растерянным, удивленным, словно бы потерявшим опору в своих суждениях об искусстве под натиском **«актуальщиков»** (ЛГ. 15–21.09.2010); Субкультура **выживальщиков**, появившаяся на Западе еще во времена массового атомного психоза... (Завтра. 2010. № 46); Но раньше главной фигурой в кинопроизводстве был режиссер <...> теперь же режиссер – никто. **Снимальщик**. Работает компания продюсеров, которые пишут сценарий, нанимают актеров, оператора, художника, композитора, режиссер приходит чуть ли не в последний день (РГ. 16.09.2010); **Стебзики** – это слуги антиэлиты... (ЛГ. 10–16.07.2013).

Таким образом, в результате возросшего влияния масс-медиа на коллективное сознание носителей языка, на существующий вербальный узус, «узус репрезентативного языкового употребления становится открытым для включений из узуса повседневного, непринужденного» [43, с. 38], из живой разговорной стихии; возрастает экспрессивность общения, в том числе и в современных СМИ, «что свидетельствует о прагматической за-

интересованности в обратной связи с адресатом» [43, с. 38]; наблюдается проявление языковой экономии, «в соответствии с которой отдается предпочтение использованию компактных семантически емких номинаций» [43, с. 39].

Особую значимость, по мнению ученых, приобретает создание в русле тенденции языковой экономии компактных номинаций, в том числе универбов, позволяющих заменить громоздкие описательные конструкции более компактными обозначениями [43, с. 39].

При образовании универбов, отражающих тенденцию к экономии языковых средств и включающих семантику всего базового словосочетания при формальной мотивации одним из его компонентов, продуктивность проявляют исконные суффиксы **-к(а)** отвлеченно-предметной семантики, **-(н)ик**, **-щик** со значением лица: *автогражданка* (страхование автогражданской ответственности), *гуманитарка* (гуманитарная помощь), *одноканалка* (одноканальное финансирование), *социалка* (социальная сфера), *бюджетник* (работник бюджетной сферы), *налоговик* (сотрудник налоговых служб), *теневик* (представитель теневых структур), *силовик* (представитель силовых структур), *сырьевик* (представитель сырьевых отраслей); *виртуальщик* (находящийся в виртуальной реальности), *чрезвычайщик* (представитель чрезвычайных служб), *экстремальщик* (представитель экстремальных видов деятельности) и др.

Словообразовательные модели универбатов имеют свою специфику. Особенно продуктивна модель универбатов с суффиксом *-к(а)*: *Вся «заречка» осталась без холодной воды* (КП-НН. 14.08.2001); *Владельцам однушек ремонт не светит* (КП-НН. 14.02.2003); *Вот когда опубликовали прослушку моего разговора...* (КП-НН. 19.10.2004); *«Упрощенка» в обмен на патент* (Дзержинец. 24.05.2006); *Но разве «предпродажка» не входит в стоимость автомобиля?* (КП-НН. 15.09.2006); *Видятся два реальных выхода из ситуации с отравлениями «паленкой»* (Дзержинец. 25.11.2006); *Нагрузки в школах, особенно в гимназиях с разной «углубленкой», большие* (НН. 13.10.2007); *Далее работу с инвесторами, особенно с иностранными, можно трактовать как внешнеполитическую. А «внутрянка» переходит к Иванову* (ЛС. 08.01.2009); *Нижегородцы отравились «незамерзайкой». Нижегородские милиционеры изъяли более сотни бутылок с фальсифицированной незамерзающей жидкостью для автомобилей* (НР. 02.03.2009). Данные универбаты образуются на базе словосочетаний *заречная часть (города)*, *однокомнатная квартира*, *прослушивающая аппаратура*, *«запись прослушивания»*, *упрощенная*

система налогообложения, предпродажная подготовка (автомобиля), «паленая» водка, углубленное изучение (предмета), внутренняя политика, незамерзающая жидкость.

В этом аспекте актуальны новообразования-универбы, позволяющие заменить громоздкие описательные конструкции более компактными обозначениями: *День 11 августа 2008 года ожидался посвященными в тайну экспертами по российской социалке с нескрываемым нетерпением<...> Посиделки с социальщиками, естественно, были отложены в долгий ящик* (МК в НН. 15.10–22.10.2008); *Спазм «одноканалки»<...> Пилотный проект одноканального финансирования, который в прошлом году охватил практически все лечебные учреждения Нижегородской области, с первого января приостановлен* (МК в НН. 20–27.01.2010); *Перегрузочный комплекс для «плавучки» готов<...> обеспечивает выполнение всех работ, связанных с обращением с ядерным топливом в пределах плавучего энергоблока* (НП. 23.11.2010); *В «казенку» или «автономку»?<...> В казенные ли, бюджетные или автономные учреждения — но до июля все бюджетные организации будут преобразованы* (НН. 15.01.2011); *...из 8 окружных столиц только у нас за последнее время снизились цены на жилье. Правда, только на «вторичку»* (АиФ-НН. 18–24.05.2011); *Пока у дома Кириллова стоит старая ярко-красная японская «праворулька»* (МК в НН. 29.06–07.07.2011).

Достаточно продуктивными при универбации являются словообразовательные модели с суффиксами **-щик, -ик**: *И все-таки у чрезвычайщиков больше половины всех вызовов не шутка* (КП-НН. 01.09.2001); *...они стали самыми заядлыми «сувереничками»* (КП-НН. 01.03.2003); *...виртуальная реальность поможет решить проблему бессмертия<...>. Такова мифология современных виртуальщиков* (Приключения. Тайны. Чудеса. 04.2003); *Они не показывают рекламные ролики, а нанимают креативщиков, которые придумывают персонажей для детских передач* (ЛГ. 25.02–03.03.2009); *«Сырьевиков», как никого другого, касаются планы правительства по реформированию естественных монополий* (МК в НН. 29.11–06.12.2001); *...если жилищникам не поднимут зарплату...* (МК в НН. 25.10–01.11.2001); *...невидимые белые шары фиксировались только пленочными фотоаппаратами, нам же впервые удалось поймать фантом на «цифровик»* (цифровой фотоаппарат) (АиФ-НН. 28.12.2005); *...учимся на мастер-классах, которые проводят «ролевики»* (поклонники фэнтезийной литературы, проводящие ролевые игры по книгам) (КП-НН. 26.05–02.06.2005); *Нужно следить, чтобы все не захватили сетевики* (радио «Бизнес FM»),

07.08.2013). Такие наименования обычно функционируют в разговорной речи как эквиваленты официальных развернутых наименований.

Влиянием тенденции языковой экономии исследователи объясняют также расширение границ деминутивного и феминативного словообразования [43, с. 39].

Продуктивность проявляют суффиксы **-их(а)**, **-к(а)**, **-ш(а)** со значением женскости: ...*Петросяны активно не тусуются? На светских вечеринках появляются редко. С бойфрендами и бойфрендихами нигде не замечены* (РГ. 26.06.2008); *Наши юные керлингистки исполняли роль склочных баб* (КП. 03.03.2010); *Вместо Маресьевых – попрошайки, вместо ворошиловцев – Евсюковы, вместо Штирлицев – вообще какие-то чапмениши* (Собеседник. 2010. № 31); ...*да позже хитрая гастарбайтерша из Гвинеи решила слупить с клиента еще больше мани-мани за мировое соглашение?* (КП. 26.05–02.06.2011).

Экономия средств выражения, отражающая ускорение темпов жизни и характерная для разговорной речи в целом, достигается и путем усечения слов, которые становятся стилистически сниженными коррелятами соответствующих номинаций: ...*зачем Вы так обоились с антиглобалистами в своей инвективе в их адрес...? <...> Российским антиглобам теперь...* (Дуэль. 28.08.2007). Усечением сопровождается и образование существительных отвлеченной и предметно-личной семантики с нулевым суффиксом: *Извините, что утренняя программа, а я на серьез перехожу... Ну а если серьезно...* (1-й телеканал. 14.10.2007); *Из «сююминутных» книг на твердую четверку оценю «Шарманщика» Алексея Беляева – про жизнь модного журнала и прочую гламурь* (Б+К. 22.08.2007); *Всякого интерактива в спектакле предостаточно* (5-й телеканал. 31.12.2008); *Я – чистый аудиал: очень хорошо слышу нюансы интонации, музыки, голоса...* (КП. 01–08.04.2005); *Москвичи в неадеквате* (Собеседник. 2010. № 34).

По словам исследователей, «ускорение темпов жизни усиливает действие закона речевой экономии, а рост эмоциональной напряженности в жизни общества активизирует процессы образования эмоционально-экспрессивных типов словообразовательных моделей» [5, с. 131].

«В суффиксальном словообразовании имен существительных заметно усилилось явление стилистической модификации, когда новые образования, не отличаясь семантически от мотивирующих существительных, оказываются стилистически окрашенными, причем в большинстве случаев эти вторичные наименования оседают в разряде сниженной лексики» [5, с. 150]: *киношника, компашка, шизик, сотик, дезик*, ср.: – Ду-

маешь, я совсем не пользую дезики?! – если б мне сказал это кто-то другой, кроме Нади, я бы обиделась. – Знаешь, сколько я их уже пере-пробовала, толку никакого. Ну и что выбрать? – А я уже нашла свой дезодорант, -довольно улыбнулась подружка (КП. 26.07–02.08.2007); фотик, ср.: Мурат больше всего был увлечен фотографией и очень часто спрашивал у меня совета. В последнее время он накупил себе фотиков – от зеркалок до мыльниц, снимал много и всегда (КП. 25.01–01.02.2007).

В разных сферах общения появляются новообразования, созданные по моделям, характерным для разговорной речи: *Можно вспомнить особые поддужные колокольцы, право на звяканье которыми в городской черте предоставлялось специальным распоряжением соответственно чиновничьим рангам – ну совершенно как теперь мигалки с **вопилками** (НГ. 18.04.2010);* Еще было забавно посмотреть на интерьер <...> такая получилась *кичуха* (Собеседник. 2010. № 2); *То есть однажды они уже кого-то изнасиловали или убили, отсидели за это, вышли и – снова за старое. Меня интересовало: почему это **попадалово** ничему их не научило?* (Собеседник. 2010. № 31); *Мы и представить себе не могли, как это можно ругнуться или **пошлить** в эфире!* (НВ. 24–30.05.2010).

В подобных новообразованиях, по словам Е.А. Земской, «обнаруживается общая особенность языка нашего времени: перемещение явлений периферийных, маргинальных в центр системы, что свидетельствует о высокой динамичности системы в функциональном аспекте» [19, с. 118].

В целом новообразования в современных российских СМИ, демонстрирующие продуктивность тех или иных словообразовательных способов, моделей и деривационных средств, отражают политические и социально-экономические изменения в России начала XXI века, в частности расслоение населения в материальном и социальном плане, развитие рыночных отношений, изменение ценностных ориентаций, расширение сферы бизнеса, информатики, массовой культуры и т. д.

Таким образом, новообразования начала XXI века создаются по разным словообразовательным моделям, с помощью различных деривационных средств, продуктивность которых опосредованно отражает существующие в современном российском обществе тенденции, актуальные социальные реалии через призму восприятия различных носителей языка.

Анализ словообразовательных новаций в медиальных текстах проливает свет на то, каким именно образом в языковом сознании носите-

лей языка в ходе номинации «осмысливаются новые явления современной общественной жизни, поскольку именно деривационные процессы отражают способы осмысления знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых аффиксальных морфем, используемых для объективации новых концептов и связей» [33, с. 10].

3.2. Окказионализмы как проявление словотворчества в медийном тексте

Уже в начале XX века в фокусе внимания лингвистов оказался реально функционирующий живой язык, что обусловило выдвижение на первый план его творческого характера, эстетической функции, психологических основ владения языком. Конец XX – начало XXI в., как отмечают ученые, ознаменован обращением словообразовательной науки к говорящей личности.

Одно из наиболее ярких проявлений индивидуальности автора в тексте – это его словотворчество. Только благодаря присутствию языковой личности в речи возникают новые слова и даются новые оценки существующему. «Обращаясь к творческой стороне использования языка, прежде всего подразумевают способность человека каждый раз заново порождать завершенное оригинальное высказывание из стандартных строевых элементов. Наиболее выразительной иллюстрацией языко-творчества является обычно создание новых слов...» [24, с. 240].

Новообразования, окказиональные слова не только раскрывают сущность процессов современного русского языка, показывают, какие события и факты являются релевантными для общества, но и служат средством экспрессивизации, выразительности текста [58]. Об экспрессивности речи можно говорить только тогда, когда речь индивидуальна и выделяется какими-то своими чертами, свойствами. «Словообразование <...> является сильным средством экспрессивизации текста, способствуя не только актуализации его отдельных фрагментов, но и усилению субъективного, авторского начала в современных средствах массовой информации» [52, с. 124].

«В условиях газетной специфики крайне трудно находить всякий раз уникальную экспрессию, которая в то же время необходима именно в конструктивных целях» [35, с. 153], поэтому автор часто вынужден достигать выразительного эффекта исключительно за счет формы изложения. В этом плане симптоматичной является значительная активизация

в языке СМИ деривационных процессов, что проявляется как в возрастании продуктивности традиционных словообразовательных категорий и способов словопроизводства, так и в вовлечении в сферу словообразования новых производящих основ, новых способов словообразования и т. п.

Использование журналистом разнообразных средств, способствующих формированию экспрессивной окраски слова, можно связать с тем фактом, что «человек играет со словом, состязается в этих играх с окружающими, стремясь победить соперника в остроумии, острологии, оригинальности формы выражения» [12, с. 25].

«Стремление к экспрессии побуждает прибегать (в особенности это касается газетных текстов) к таким словообразовательным моделям, которые обладают иной стилевой природой и поэтому кажутся в сфере газетно-публицистического стиля “свежими”, экспрессивными. <...> можно сказать, что газетный текст, исходя из самой сути своего существования, является благоприятным фактором для возникновения неологически окрашенных единиц» [66, с. 24].

Современный медийный дискурс является актуальным объектом лингвистических исследований. «Мы живем в информационном мире, в котором власть находится в руках тех, кто владеет информацией, интерпретирует ее и тиражирует <...>. Именно СМИ оказывают решающее влияние на формирование мировоззрения, взглядов, представлений, на мировосприятие, сознание и поведение членов общества» [29, с. 14]. Специфика медиатекста заключается в том, что журналисты формируют картину мира в сознании массовой аудитории.

В дискурсе СМИ речевое воздействие выступает в качестве социально ориентированного общения и предполагает изменение в структуре социума или стимуляцию прямых социальных действий через воздействие на психику членов данного социума.

Исследователи отмечают усиление личностного начала в СМИ, которое проявляется, в частности, в словотворческой деятельности журналистов, так называемом «словомейкерстве» [72], а также в повышении экспрессивно-оценочной роли новообразований в медийном тексте. Новообразования обладают ингерентной экспрессивностью, которая обусловлена структурно-семантическими особенностями дериватов. По мнению ученых, «неологизм, фиксируя необычный способ выражения, сам по себе создает эффект новизны, современности, экспрессивности» [68, с. 41].

Экспрессивность новообразований создается различными факторами.

Исследователи отмечают, что экспрессивность различных окказиональных слов неодинакова: «чем меньше формальных и семантических нарушений правил языкового (социально отстоявшегося) словообразовательного стандарта совершается при образовании окказионального слова, тем меньше окказиональности (а вместе с нею – и экспрессивности) содержится в этом слове, и наоборот» [38, с. 24]. Таким образом, благодаря анализу структурно-семантических факторов создания экспрессии окказиональных слов, можно говорить об их разной экспрессивности в зависимости от степени стандартности/нестандартности новообразований.

Эффект окказиональности и интенсивность ее проявления взаимосвязаны и зависят также от контекста, ситуации речи и стилистических свойств окказиональных лексем. Анализ функционирования окказиональных единиц в текстах масс-медиа позволяет говорить и о функционально-дискурсивных условиях создания экспрессии [57].

3.2.1. Словообразовательная структура новообразования как фактор его экспрессивности. Экспрессивность окказионализмов, созданных узуальными способами, может возникать благодаря семантикостилистическим свойствам производящей лексемы и характеру денотата, номинируемого окказионализмом, а также оценочности аффиксов, экспрессивности самой словообразовательной модели.

Широко представлены в современных медийных текстах новообразования с экспрессивно-оценочными аффиксами, к которым, в частности, относятся размерно-оценочные суффиксы: *Вы хотите внести какую-то **молодежинку** в свой гардероб* (1-й телеканал. 25.10.2011); *Это не хит, а **хитяра!*** (телеканал НТВ. 23.09.2011); *Управление этим автомобилем, я бы сказал **автомобилищем...*** (телеканал «Россия 24». 22.01.2012); *Вот я Константина Крылова читаю Он теперь сделался демократическим националистом, национальным демократом. Это так **модненько** стало теперь, разворачивать, типа, как у латышей* (НВ. 21–27.05.2012).

Так, использование экспрессивных суффиксов **-ульк(а)**, **-чик** выделяет новообразования типовой структуры из контекста: *По его словам [Владимир Марычев. – Авт.], сейчас на 10 км вокруг ни одной «**кривульки**» в лесу не найти, все он выбрал... Сучковатые, еле живые древесные уродцы в его работах получают вторую жизнь* (АиФ-НН. 06–12.04.2011); *Ристалище под Кстовом. Мериться силушкой здесь будут настоящие «**богатырчики**»... Ребята с азартом осваивали палочный и*

кулачный бой, метание, боролись «стенка на стенку» и, конечно, «рубиль» на мечах... (АиФ-НН. 23–29.03.2011).

Ярким социально-оценочным средством становятся новообразования с суффиксом **-щин(а)** с семантикой неодобрения: *...хотели секвестировать комитет по информатизации, СМИ и связям с общественностью. Но <...> комитет и сейчас существует. Ради номенклатурной телевизионщины* (НГ в НН. 10.06.2011); *В США исследованием паранормальных явлений с 1976 года занимается комитет научных исследований. В России же серьезно изучением аномальщины не занимается никто <...> Группы же «чудаков», которые занимаются изучением всякой паранормальщины, <...> есть во многих российских городах* (Собеседник. 2012. № 3). Оценочные окказионализмы с суффиксом **-щин(а)** могут создаваться также на базе имен собственных, приобретая при этом индивидуализированную окраску: – *Вы знаете, что существует термин «басковщина»? – Нет. Была «пугачевщина», теперь «басковщина»* [Басков. – Авт.]. – *«Басковщина» – это когда человек высокого жанра опустился к низкому, когда он на все готов, чтобы привлечь к себе повышенное внимание* (РГ. 26.11.2009); *Гайдар был сторонником неолиберального перехода к рынку, то есть предполагающего шоковую терапию для экономики и общества, которая опирается на «железную руку» и такое же железное, безжалостное сердце власти. А уж после такой «пиночетовщины» рынок якобы уже сам начнет всем руководить* (МК в НН. 27.01–03.02.2010).

При создании окказионализмов в выражении социальной оценки активно участвуют как исконные, так и заимствованные префиксы. Префиксы условно можно разделить на две группы в зависимости от качества оценки: пейоративные (от лат. *pejor* – ‘худший’) – с отрицательной, негативной оценкой и мелиоративные (от лат. *melior* – ‘лучший’) – с положительной оценкой.

К пейоративным аффиксам можно отнести иноязычные префиксы **анти-**, **контр-** со значением отрицания, противоположности, меняющие знак производящего на положительный или отрицательный [68, с. 31]: Прилагательные с префиксом **анти-** со значением противоположности, отрицания образуют прилагательные со значением «направленный против того, что названо словом, которым в свою очередь мотивировано суффиксальное мотивирующее прилагательное» [55]: *В пору финансового кризиса компания начала строительство «антикризисных» домов [с рекордно низкой стоимостью жилья], которые произвели настоящий фурор на рынке недвижимости* (АиФ-НН. 15–21.12.2010); *...на территории Нижегородской области реализуется «антинаркотиче-*

ская стратегия», включающая закон о профилактике наркомании и токсикомании (МК в НН. 12.01.2011); На днях прошла информация, что в Краснодарском крае тоже отмечена вспышка «антисвиной» африканской чумы (ЛС. 12–18.05.2011).

При помощи префиксов **анти-**, **контр-** образуются имена существительные со значением «нечто противоположное или противодействующее тому, что названо мотивирующим существительным» [55]: *Модная антимода. «Фрик» в переводе с жаргонного английского – «сумасшедший», «бешеный», «нелепо одетый». Стиль фрик делает людей свободными (АиФ-НН. 04–10.03.2009); Опера «Князь Игорь» в Большом театре – **антисобытие** сезона, разочарование сезона («Радио России». 09.08.2013); Аналогичные противоречия существуют и в **контрэлите**: вот уже шестые 4 февраля идет несколькими колоннами – **общегражданской, либеральной, националистической, левой** (НГ. 03.02.2012).*

Активно функционирует в медийных текстах исконный префикс **не-** со значением «отрицания, противоположности», что также отражает тенденции общества к отрицанию окружающей действительности, ее осмыслению и оценке методом от противного. Среди окказионализмов с префиксом **не-** можно выделить две семантические группы – субстантивные новообразования, обозначающие лицо, и субстантивные новообразования, обозначающие отвлеченный предмет: *Стоит ли ходить в театр, если там – та же суровая правда жизни, которую мы видим на улице? Пока нижегородские **нетеатралы** получают «порцию прекрасного» из криминальных сводок, те, кто реально любит театр и следит за культурными новостями Нижнего, вопрос решают иначе (МК в НН. 11–18.05.2011); ... мы встретились случайно после долгого **«невидения»** и **«необщения»** (МК в НН. 12.01.2011).*

В большом количестве новообразований с пейоративными префиксами **псевдо-**, **квази-** с семантикой неистинности, ложности представлено мнение говорящего, устанавливающего, оценивающего степень соответствия номинируемого признака, явления определенной норме. Квалификация номинируемых реалий «связана с областью оценок (социальных, эмоциональных, этических, политических, интеллектуальных)» [68, с. 30–31]: *В России стало модно снимать псевдоисторические блокбастеры с участием известных **псевдоактеров** (КП-НН. 08.11.2008); ...распространенное телефонное шулерство – звонок от имени **псевдоработника** правоохранительных органов... (АиФ-НН. 17–23.11.2010); ...семья стала еще одной жертвой **псевдоюриста** (КП-НН. 11.01.2011); ...сочинения лицедеев от филологии перегружены **псевдо-***

смыслом (ЛГ. 06–12.06.2012); *Сколько она* (Ксения Собчак. – Авт.) *ни обзывала квазигонимелей «анально ориентированными», ее ушли не потому, что она горячая бунтарка <...>. Вы лучше мысленно хотя бы поддержите мою подругу Леру К., уже записанную в штрейкбрехеры псевдореволюционерами* (Собеседник. 2012. № 21).

В текстах газет встречаются и адекватные новообразования с указанным префиксом: *...кельтский фолк несет в себе мощный заряд позитива. Тем и привлекателен. Для сравнения: в России – «степь-тоска» либо псевдовеселая истерика от отчаяния* (НГ в НН. 21.08.2009); *Или это слишком слащаво, приторно, псевдоаристократично; или же грубо, в блатной манере – есть и такая, модная сейчас, форма популяризаторства Вертинского* (НГ. 12.04.2013).

Префикс **квази-** образует преимущественно адекватные окказионализмы: *«ЛС» ранее сообщала, что этот обмен состоялся по двухступенчатой схеме, которая носила «квазикриминальный» характер* (ЛС. 25.09–01.10.2008); *Квазифилософскую драму, поставленную в Голливуде бразильским режиссером Фернандо Мейреллешем («Город Бога», «Преданный садовник»), лучше смотреть невидящими глазами* (КП-НН. 03.06.2010).

Мелиоративной экспрессивностью обладает группа окказионализмов, образованных при помощи префиксов **сверх-, супер-**. В таких новообразованиях «представлена прежде всего количественная экспрессия, порождающая нечто необычное, часто это слова-интенсивы» [68, с. 29]: *В США найден человек с суперпамятью. <...>Ученые установили, что мужчина обладает феноменально развитой автобиографической памятью.<...>Начиная с пятилетнего возраста он детально помнит от 25 до 50 процентов прожитых дней* (ЛС. 02–08.04.2009); *«Учитывая тот факт, что ННГУ в 2006 году стал победителем национального проекта в сфере образования, материальную базу мы уже здорово обновили. Теперь это будет просто супербаза»* (АиФ-НН. 30.12.09–12.01.2010); *Суперлазер против рака... Суперлазер обещает сделать онкологические операции быстрыми и недорогими* (АиФ-НН. 16–22.02.2011); *Как вырастить суперпомидоры. Начните новый сезон с грамотного обустройства грядок на подоконнике* (Прспект. 15.03.2011); *Школьная учительница печет объемные сладости. Ее кондитерские шедевры напоминают реальные предметы... Изготовлением супертортов педагог занимается в свободное от уроков время...* (АиФ-НН. 18–24.05.2011); *Президенту предъявили суперурожай* (РГ. 11.08.2011); *Пусть все они разбредутся по своим лагерям. Пусть все это будет в парламенте и в общественных дискуссиях. Красная линия –*

*Конституция и насилие. И **супермудрость** нации будет состоять в том, что мы все эти силы будем держать в равновесном состоянии (НГ. 03.02.2012); В начале года будет Олимпиада в Сочи, в конце – 250 лет Эрмитажу. Но мы постараемся сделать из этого не **суперпраздник**, а завершить целый ряд проектов (РГ. 07.02.2013).*

При помощи указанных префиксов образуются адъективные и наречные окказионализмы, которые «обозначают крайне высокую степень проявления признака, названного мотивирующим словом» [55]: *В этом году Мария Шарапова тоже собиралась произвести фурор в очередном **суперэкссклюзивном** наряде (МК в НН. 28.01–04.02.2009); Мировой опыт учит: чтобы сохранить должный уровень образования, каждые 20 лет его надо подвергать ревизии. А мы вместо этого в начале 90-х приняли **суперлиберальный** Закон об образовании и выпустили его в свободное плавание (МК в НН. 11–18.03.2009); Водитель чудо-машины будет чувствовать себя в кабине **сверхкомфортно** – она оснащена кондиционером и подогревом переднего стекла и зеркал (ЛС. 12–18.05.2011); Дэвид Шор, продюсер «Доктора Хауса», – о решении после восьми **сверхуспешных** сезонов завершить сериал в апреле этого года (Огонек. 20.02.2012).*

Интересен случай использования одноморфемных слов в пределах одного контекста: *За намерение, как говорится, денег не берут, но в таких случаях у нас принято заранее провозгласить: уже в «надцатом» году **суперсовременный** завод выдаст на-гора **суперарматуру** и **суперкруглый суперметаллопрокат** (ЛС. 10–16.02.2011).* Такое употребление новообразований с тождественным префиксом в одном ряду повышает степень экспрессивности каждого из этих новообразований. Наличие узуальной лексемы *суперсовременный* с тем же префиксом в микроконтексте также способствует экспрессивизации окказионализмов и текста в целом.

Оценочной семантикой указания на высокую степень качества обладают также новообразования с новым префиксом **мега-**: *Одна из **мегафабрик**, принадлежащая компании АМЕДИА, по размаху площадей и съемочных площадок напоминает Голливуд (РГ. 27.07.2007); Мы нуждаемся в современных технологиях утилизации отходов. **Мега-горы** свалок представляют угрозу нашей безопасности (НП. 03.11.2010), ...потом уже пошли известные темы про лоббирование интересов московского бизнеса, придворные инвестсоветы, **мегапроекты**... (НГ в НН. 11.02.2011).*

«Внимание к крайним точкам связано не только с той особенностью российской ментальности, которую называют максимумом, но и с кри-

зисным состоянием сознания общества, обусловленным социальными потрясениями внутри страны, его предельной политизированностью, ощущением границы, кануна веков и тысячелетий, утратой былых ценностей и несформированностью, поиском новых; тем вакуумом, который стал заполняться экстремизмом и криминальными ориентирами. Естественно поэтому, что значительное число новаций связано с концептуализацией общественных, социально-политических явлений, осуждением тех, которые порождены тоталитарным режимом, реалиями конца века и утверждением новых, отвечающих представлениям о свободе, демократии, правах человека...» [68, с. 30–31].

В качестве экспрессивно-оценочного средства нередко выступают новообразования с неспециализированными в этом отношении суффиксами, в частности с суффиксами отвлеченной признаковой или процессуальной семантики **-ость, -ств(о), -(из)аци(я), -изм**: *Гламур – эта блестящность бытия, надоел людям...* (РГ. 10.01.2008); *В послевоенные годы люди, уставшие от разрухи, ходили в оперетту, чтобы хотя бы на время окунуться в красивую жизнь ветреных баронов и графинь <...> За эту «ненашесть» в советские годы театру оперетты крепко доставалось* (КП. 03.02.2012); *Среди собственников было много богатых людей... Мы идем от нормы **среднеклассовости*** (радио «Бизнес FM». 14.03.2012); *Блондинка – это не только цвет волос, это призвание! Ответь на наши вопросы и выяви степень своей **блондинистости!*** (КП. 02.03.2012); *Но именно потому, что **спамерство** стало крупным бизнесом и приносит колоссальные доходы, оно само собой не исчезнет* (Известия. 14.01.2011); *Мне казалось, мы ушли от **фюрерства** в нашей жизни* (Собеседник. 2012. № 9); *Любая форма **вундеркинчества** кончается провалом и крахом взрослого человека* (радио «Бизнес FM». 31.07.2013); *– Это какое же количество кукурузы надо будет закупить, чтобы увеличить количество кинотеатров? – Это будет **кукурузизация** всей страны* (радио «Ретро FM». 02.02.2011); *И что греха таить, большинство из них было так же чудовищно, как писанина Минаева. <...> Результатом же длительной **минаевизации** запросто может стать полный развал страны* (Собеседник. 2012. № 6); *Нам надо ликвидировать **офшоризацию** нашей экономики* (радио «Серебряный дождь». 02.02.2012); *...на особенности питания человека повлияла урбанизация, **супермаркетизация** и популярность западного образа жизни* (Огонек. 19.03.2012); *Автор сценария Денис Родимин сильно «проагрейдил» ситуацию в смысле гламура <...> Но именно эта «**гламуризация**» вытеснила из фильма то, что и сделало популярной книгу...* (Изве-

стия. 26.06.2012); *Был капитализм, а теперь будет талантализм* (радио «Серебряный дождь». 24.02.2011); *Проблема вертикализма: внешнее всеислие того, кто сидит на острие, превращается в неспособность влиять на ход событий* (Огонек. 28.11.2011).

Как отмечают исследователи, «при усилении аналитических методов освоения новых фактов действительности увеличивается тяга к абстрактным именам, и, следовательно, особенно востребованными оказываются модели, по образцу которых создаются абстрактные существительные с набором характерных для них суффиксов» [5, с. 137].

Экспрессия в ряде случаев усиливается благодаря лексической семантике мотивирующих, специфическому восприятию денотата. Негативную окраску приобретают образования на базе слов, «денотат которых вызывает у говорящих негативные ассоциации» [47, с. 71]: *Я считаю, что в моей музыке нет ничего особенного...Я бы назвал все это «аудиоизвращением». Я – мастер перевертышей* (АиФ-НН. 02–24.02.2009), извращение – «1) представление в неправильном виде, искажение; 2) отклонение от естественной нормы» [4]. Негативные ассоциации могут возникать у адресата при восприятии окказионализмов, образованных при помощи суффикса **-изм**: *Жигололизм на потоке* (НН. 07.07.2009), *жиголо* – «1) молодой мужчина, за плату оказывающий интимные услуги женщинам; 2) любовник, находящийся на содержании у женщины; альфонс» [4]. При помощи суффикса **-изм** образуются существительные со значением «название качества и склонностей<...>, представителем которых является лицо, названное нарицательным существительным» [55]: *В целях гигиены, удовольствия и профилактики «бомжизма» вольный путешественник должен регулярно мыться...* (АиФ-НН. 20–26.05.2009). Негативное восприятие денотата и оценочность мотивирующей лексики (*жиголо*) способствуют повышению степени экспрессивности данных окказионализмов. Экспрессия окказионализма «огламуренная» формируется благодаря денотату, вызывающему негативные ассоциации, а также использованию в качестве производящего заимствованной лексики *гламурный* в сочетании с исконными аффиксами: *...Появилась реальная, не сглаженная, не «огламуренная» передача про городскую жизнь, и начались хоть какие-то движения власти навстречу народу* (АиФ-НН. 26.05–01.06.2010), *гламур* – слово, не имеющее четкого определения в русском языке, однако в последнее время сменившее свою мелиоративную коннотацию: «*гламур* – англ. *glamour* – магическое обаяние, шарм, внешний блеск, лоск» [69, с. 247] на прямо противоположную, пейоративную: ‘*гламур* – показная рос-

кошь, демонстративное великолепие; нарочитый шик' [4]. В данном контексте *неогламуренный* – это «честный, искренний, неложный, демонстрирующий все без прикрас».

Экспрессивный характер новообразования может быть обусловлен спецификой словообразовательной модели. При образовании глаголов несовершенного вида, мотивированных существительными, с помощью суффикса **-и-** (*Хватит **курушевельить!**.. глава нашего государства принял решение контролировать зоны отдыха министров и членов кремлевской администрации. Куршевель – популярный горнолыжный курорт во французских Альпах...* (Перспект. 10.02.2009)) сам аффикс не является маркированным, однако во всех подобных новообразованиях разговорного характера (ср. *истерить, звездить*) обнаруживается отрицательно-оценочная экспрессия. В данном случае также негативный смысл идет от мотивирующего имени собственного *Куршевель*, связанного в сознании читателя с оргиями «новых русских» на известном французском курорте. Отрицательной коннотацией обладают модели образования глаголов, имеющих префикс **из-** и постфикс **-ся**; префикс **-за-** и суффикс **-и(ть)**: *В среднем года три-четыре уходит на то, чтоб удерживать их [детей] в русле – чтоб они не **изнаркоманились**, не спились, не ступили на кривую дорожку* (МК в НН. 03–10.12.2008) – значение словообразовательной модели «дойти до нежелательного состояния» [55]; *В общем, в умении **засентиментальить** читателя Панюшкину нет равных* (РР. 08–15.03.2012) – значение словообразовательной модели «наделить тем, что названо мотивирующим существительным в чрезмерно большом количестве» [55].

Очень активно в СМИ образование разных типов сложных слов, «что отражает тенденцию не только к дифференциации явлений, понятий, но и к интеграции междисциплинарных знаний, к поискам целостности в осмыслении мира» [68, с. 41].

Оценочный характер сложных новообразований обусловлен семантико-стилистической спецификой производящих слов: **Теплорейдеры**. *В России в последнее десятилетие сформировалась закрытая и элитарная прослойка менеджеров, основной доход которых – так называемые рейдерские захваты. <...> «Теплоэнерго» уже давно готовили к захвату – распиливали на составные части* (НГ в НН. 07.01.2012); *...или останется лишь **обанглизыченный** средний класс* (СР. 15.12.2011). К сложным примыкают и новообразования с префиксоидами: *Мы получаем **полубандитские** подразделения вместо учащихся, которые как бы заперты социально* (НВ. 20–26.02.2012).

Таким образом, экспрессивность окказионализмов стандартной словообразовательной структуры, созданных узуальными способами, может формироваться благодаря семантико-стилистическим свойствам производящей лексемы и характеру денотата, номинируемого окказионализмом, оценочности аффиксов, а также экспрессивности самой словообразовательной модели.

Экспрессия окказионализмов может создаваться также за счет отклонения от словообразовательной модели или словообразовательного типа. Экспрессия окказионализмов связана с системными семантическими и словообразовательными нарушениями ограничений в сочетаемости морфем. Семантические ограничения проявляются в сочетаемости аффиксов с основами той или иной части речи или семантики [16, с. 204]. Словообразовательные ограничения связаны с невозможностью тех или иных видов производных основ сочетаться с определенными словообразовательными морфемами. Под словообразовательными ограничениями имеется в виду неучастие тех или иных видов производных основ в качестве производящих [17, с. 203].

Усиление экспрессивности новообразований может происходить и за счет нарушения несистемных стилистических ограничений в сочетаемости морфем, которое может проявляться в сочетании стилистически сниженных и книжных морфем, а также в присоединении заимствованного аффикса к исконной основе или, наоборот, исконного аффикса к заимствованной основе.

Таким образом, экспрессивность окказионализма может создаваться благодаря различным структурно-семантическим факторам. Например, оценочность и экспрессивность новообразования возникают при отклонении от словообразовательной модели: «*Икриный самопал*» (НН. 15.01.2008); «*Долевочная рулетка*» (МК в НН. 11–18.11.2009) – используется иной словообразовательный формант, чем тот, который предписывает словообразовательный стандарт (ср.: *икряной, икорный и долево́й*).

При образовании оценочных окказионализмов *советскость* и *исландскость* нарушаются словообразовательные ограничения сочетаемости морфем: относительные прилагательные с суффиксом –*ск-* не образуют абстрактные существительные с суффиксом –*ость* [55]: ... *нет никакой ностальгии по абстрактной «советскости»* (РГ. 10.01.2008); *Когда исландцы возвращаются к своей настоящей исландскости* («Радио России». 12.06.2011).

Экспрессивность окказионализмов может усиливаться в результате присоединения форманта к основе иной части речи, чем определено

условиями словообразовательного типа. Отклонение от условий словообразовательного типа в области частеречной принадлежности мотивирующего слова наблюдается в однокоренных новообразованиях *поушустризм*, *поушустристы*, созданных не от глагола, а от наречия *поушустрому*: *Вот потенциальные призывники и смекнули, что лучше сейчас «поушустрому» сходить в армию, чем защищать родное Отечество без малого три года. В кругу работников военкоматов вошли в обиход термины «поушустризм» и «поушустристы»...* (КП-НН. 07.07.2008). Системное нарушение в области частеречной принадлежности мотивирующего наблюдается и в лексеме *магазининг*, поскольку суффикс присоединяется к имени существительному *магазин*, а не глагольной основе, согласно словообразовательному типу [55]: *Магазининг по-русски* (Проспект. 15.07.2008).

Расширение синтагматических возможностей в современных массмедийных средствах наблюдается у многих аффиксов. Так, в последнее время префиксы **анти-**, **контр-** активно сочетаются с аббревиатурами, что свидетельствует о расширении формальных возможностей сочетаемости данных префиксов: *Они вызвали к жизни теорию формирования «восточного Анти-НАТО» – нового военного блока...* (Нез. газета. 22.10.2007); *В Уфе начала действовать специально созданная JSQ-программа – бот «Анти-ГАИ».* Это своеобразный автоинформатор (КП. 18.11.2008).

Расширение синтагматических возможностей данных префиксов может проявляться в их сочетаемости с одушевленными существительными, с именами собственными, с числительными и междометиями: *В большинстве я сейчас играю не очень хороших людей, антимилицюнеров и анти-социальных людей* (КП. 25.03.2008); *Как избежать наезда антирейдеров?* (НВ. 11–17.08.2008); *80-е годы, глава «Новых технологий» Окаемов пытается вырастить антихакеров-профессионалов, способных предотвращать технологические преступления* (КП-НН. 30.06.2008); *Олег Табаков по возрасту пенсионер, по духу – антипенсционер* (1-й телеканал. 22.08.2010); *Ему, безусловно, подходит не только всякая слава и поклонение, но и Царство – наперекор всем антиимпериям, антиРимам антихристова века сего* (Завтра. 30.01.2008); *Правые планируют организовать этим летом что-то вроде анти-Селигера, которым должен стать скаутский лагерь* (Нез. газета. 07.04.2009); *Координационный комитет движения «Анти-2004» расположился в самом центре Афин...* (РГ. 27.08.2004); *...и потом стали кричать «анти-гол»* (КП. 03.05.2007).

Особая словообразовательная семантика возникает у префиксальных новообразований с **анти-** на базе одушевленных собственных имен, потому что в норме эти имена не предполагают развития семантики противоположности. В качестве производящих существительных выступают имена политиков, писателей, актеров, литературных и киногероев и других социально значимых фигур: *Вопрос в том, что и **анти-Пигмалион** может создать **анти-Галатею**...* (КП. 01.12.2007); *А корпорация «Сфинкс» вживляет главной героине «вирус **антиВильям**», который заставляет ее тело бояться секса с Вильямом* (Нез. газета. 30.11.2007). В качестве производящей базы может быть сочетание имени и фамилии: *Дмитрий Аравин показывает свой рязанский патриотизм через свою антипатию к Москве. Он, как **анти-Никита Михалков**, идет, шагает по Москве в толпе москвичей и поет* (Нез. газета. 12.02.2008); *Тактика Антиробингуда: отнимаем деньги у бедных и отдаем богатым. Выделяя деньги олигархам, государство должно заботиться не о них, а о гражданах* (Перспект. 05.11.2008). Экспрессивность окказионализма Антиробингуд создается благодаря тому, что в норме имя собственное не предполагает развитие семантики противоположности. Нередко префикс **анти-** присоединяется к потенциальному прилагательным, созданным на базе имен собственных: «**Антисердюковская интрига**». <...> *остается открытым вопрос: кто стал главным инициатором отставки Сердюкова* (<http://newsru.com>. 06.11.2012).

О расширении синтагматических возможностей префикса **супер-** свидетельствует его сочетаемость с именами числительными, а также с именами собственными, поскольку в норме семантика имени числительного не предполагает большей или меньшей степени проявления признака: *Ориентировочно мы назвали этот турнир «**Супер-шесть**». Право участвовать в хоккейной Лиге чемпионов получают чемпионы пяти лучших европейских стран согласно рейтингу* (РГ. 06.02.2004); *а уж потом все эти Куркино, Сити, **суперХимки** и прочие гордости градостроительной мысли* (КП. 09.10.2007); *У России был свой **суперПиночет** – Сталин* (КП. 11.12.2006); *В программе конкурсы, призы, живая музыка, стриптиз, Дед Мороз, **суперСнегурочка**. Ресторан-клуб «Викинг»* (КП. 21.11.2007). Новообразование может создаваться на базе сочетания личного имени и фамилии: *За этой **Супервазой** охотится российский **Супер-Джеймс Бонд*** (Нез. газета. 15.11.2007). Новообразования на базе личных имен появляются и при участии префикса **гипер-**: *Такой вот **гипер-Чехов**, только у того всегда присутствуют холод и скепсис, а здесь все одобрено острейшей приправой страсти* (НГ.

19.11.2007). В подобных новообразованиях на первый план выступает оценка, часто ироническая, номинируемых реалий. Новообразования с префиксом **ультра-** обычно характеризуются отрицательной оценочностью, иронической коннотацией (*ультрареволюционеры, ультрапатриоты, ультрамини*).

Словообразовательная активность префикса **экс-** также привела к расширению его синтагматического пространства. В качестве исходных слов при создании окказионализмов с данным префиксом могут выступать не только одушевленные, но и неодушевленные существительные, имена собственные, аббревиатуры, прилагательные, субстантивированные прилагательные и причастия, числительные в функции качественных прилагательных, словосочетания: *Даже президенты с приставкой «экс» от своих «экс-привычек не скоро избавляются* (КП. 06–13.12.2007); *При советской власти первым новосёлом в экс-Сенате стал Ленин – его рабочий кабинет был на третьем этаже* (КП-НН. 13–20.03.2008); *Своими глазами видел раздел в одной из букинистических лавок экс-Свердловска* (Завтра. 2009. № 81); *экс-СССР; экс-полицейский; экс-больной; экс-«Блестящая»; А экс-коммунистические депутаты Селезнев, Горячева, Драпеко сделали шаг назад...* (Завтра, 2007. № 42). В современном русском языке префикс **экс-** сочетается с основной существительных, обозначающих какой-либо титул или государственную должность. Значение словообразовательного типа, указанное в «Русской грамматике» (1980), следующее: «прежде бывший тем, кто назван мотивирующим словом». Словообразовательная норма нарушается и в случае присоединения префикса не к отдельному слову, а к целому устойчивому сочетанию слов, представляющих собой неоднословную номинацию: *Экс-первую леди Франции Сесиль Саркози явно не слишком расстроила женитьба бывшего мужа* (РГ. 07.02.2008); *Согласие Платона Еленина (экс-Борис Березовский) и Ахмеда Закаева сотрудничать с Генпрокураторой РФ по «делу Литвиненко» расценивается как серьезный шаг...* (Завтра. 2007. № 12); *И в этом рассказе бывшая «газовая принцесса» и экс-«королева Майдана» с ее ультрапопулистскими лозунгами на время просто перестала быть актуальной* (Завтра. 2006. № 24); *...на похвалы сегодня не скупится ни сама экс-«первая леди Америки», ни представители штаба демократической партии* (Завтра. 2006. № 24); *...экс-генеральный секретарь СРП Александр Вучич...* (Завтра. 2008. № 52); *Весь год ведущая программы «Спокойной ночи, малыши!» экс-«Мисс Вселенная» Оксана Фёдорова вышла в свет с тенором Николаем Басковым* (КП-НН. 24.12.2009). В но-

вообразованиях, характеризующих лицо по степени родства или близости отношений, префикс **экс-** может приобретать негативную оценочность: *В отличие от экс-супруги Диброва, Полина решила, что карьера подождет, а дети – нет* (Собеседник. 2009. № 12).

В случае новообразований с префиксом **псевдо-** в роли производящих (мотивирующих) слов нередко используются имена собственные – названия разного рода реалий и лиц: **псевдо-«Милдронат»** (РГ. 07.04.2009) – название поддельного лекарства; **псевдо-«Рефлекс»** (ЭГ. 10.10.2007) – название поп-группы, использующей чужой бренд; *Это курс на возрождение не псевдо-России, какой наша Родина была с 17-го по 91-й год в оболочке Советского Союза, а настоящей России...* (РГ. 20.01.2008); *В финале фестиваля «НаМОДнение-2008» «зажигал» псевдо-До-Билан* (КП. 15.04.2008). Производящей базой может быть и сочетание имени и фамилии: *На сцене разрывается псевдо-Верка Сердючка* (РГ. 13.05.2004); *Когда псевдо-александрымакедонские что-то там в Индийском океане мочить собирались...* (НГ. 11.09.2008).

О расширении синтагматических возможностей префиксов **псевдо-**, **квази-** свидетельствует и их сочетаемость с аббревиатурами: *Трехмесячный период, на который может быть введено псевдо-ЧП, не так уж мал* (НГ. 04.07.2008); *В независимом Туркменистане, по данным местных наблюдателей, помимо квази-НПО советского типа, занимающихся женской, ветеранской, молодежной проблематикой и охраной природы, почти нет независимых НПО...* (РГ. 16.04.2007).

Расширение синтагматических возможностей аббревиатур наблюдается при их включении в состав сложных дериватов в препозитивной части: *На официальной разрешенной сцене многочисленный и мощный, как хор МВД, СМИ-ансамбль поклонников главы региона* (НГ в НН. 23.01.2009); *Официальный старт ЕГЭ-марафону по всей стране был дан в пятницу, 27 мая. В этот день школьники сдавали экзамены по выбору...* (НД. 02–08.06.2011). Также нарушаются системные условия словообразовательного типа в случае присоединения префиксоида **лже-** к аббревиатуре: *ТСЖ (Товарищество собственников жилья): Поправки в Жилищный кодекс усилят роль жилищных инспекций... Вопрос для Нижнего Новгорода архиважный, ведь в прошлом году по городу прокатилась волна создания лже-ТСЖ и фирм-однодневок, которые вводили в заблуждение жителей...* (КП-НН. 15.02.2011).

К нарушениям семантических условий словообразовательного типа следует отнести случаи образования окказионализмов на базе исходных слов, принадлежащих к лексико-грамматическим разрядам, для которых такая модель словообразования в норме несвойственна.

Исследователи отмечают, что «новые социально значимые процессы относительно активно именуются существительными на **-изация**, имеющими значение ‘наделение тем или свойствами того, что обозначает базовая основа’: *компьютеризация, витаминизация, паспортизация...* Каждое новое общественно важное событие порождает отвлеченное имя на **-изация**: *социализация, суверенизация республик»* [19, с. 109]. Отклонение от словообразовательного типа чаще всего в подобных окказиональных образованиях связано с характером производящей основы – именем собственным вместо нарицательного: *Главная площадь Львова. Пыльное старинное здание, где находится скандально известный кабачок «Кришка» (так называли партизанские землянки, в которых укрывались бандеровцы) <...> Владельцы кабака чутко уловили модную тенденцию – повальную «бандеризацию» всей Западной Украины от мала до велика* (КП-НН. 29.07.2008). Мотивирующим является оным – фамилия одного из лидеров и идеологов Организации украинских националистов *Бандера*.

Лексема *скандбол* образована сложением с аффиксоидным элементом **-бол** со значением ‘спортивная игра с мячом, особенность которой указана в слове ранее’ [27, с. 43] (ср. *футбол, волейбол, баскетбол* и др.): *В Европе играют в скандбол... Результаты целого ряда еврокубковых матчей попали под подозрение: все ли чисто?* (МК в НН. 15–22.04.2009). Подтверждением системных нарушений данного новообразования может служить тот факт, что при помощи аффиксоида **-бол** образуются исключительно названия видов спорта с мячом. В данном контексте новообразование *скандбол* обладает значением ‘игра в скандалы’.

Повышение экспрессивности новообразований происходит и за счет нарушения стилистических ограничений в сочетаемости морфем: *Вариант телефонного мошенничества с участием «псевдородственников» с успехом проворачивается уже не первый год!* (Перспект. 19.01.2010); *Сара стала суперстарой. Джессика Паркер уступает место в «Большом городе» юной актрисе* (Перспект. 22.02.2011) – заимствованные префиксы присоединяются к исконным по происхождению основам; *Предреальность»* (НП. 23.10.2010) – исконный префикс присоединяется к заимствованной по происхождению основе; *Псевдоблатная романтика* (МК в НН. 25.02–04.03.2009) – книжный префикс присоединяется к основе разговорного характера.

Как можно заметить, довольно часто экспрессия окказиональных слов формируется благодаря сочетанию различных факторов. Так и экспрессивность окказиональной единицы *шоу-изация* создается путем

нарушения закономерностей сочетания морфем (сочетание нескольких гласных не характерно для русского языка), а также сама семантика существительного *шоу* способствует приобретению дополнительной коннотации новообразованием: *К сожалению, страна погрузилась в повальную шоу-изацию. Везде сплошные шоу* (АиФ-НН. 22–28.12.2010).

Прилагательное *недоэротическое* (...*Агния [Дитковските] с Ромой [Кенга] сняли симпатичное недоэротическое музыкальное видео, чем породили ложные слухи о своем романе* // МК в НН. 27.01–03.02.2010) образовано префиксальным способом путем присоединения продуктивного префикса **недо-** со значением 'не в полной мере наделенный тем или не в полной мере являющийся тем, что названо мотивирующим словом' [55], которое уже придает определенную экспрессию слову. Помимо этого фактора экспрессия создается за счет системного нарушения – нарушения условий словообразовательного типа (обычно префикс **недо-** присоединяется либо к имени существительному, либо к глаголу) и нарушения стилистической сочетаемости морфем: к заимствованному корню прибавляется исконный по происхождению префикс.

Окказионализмы, созданные с отклонениями от условий словообразовательного типа, выполняют не только экспрессивную, но и номинативную функции, а также являются средством языковой игры.

3.2.2. Окказионализмы в медийных текстах как проявление языковой игры. В целом экспрессия новообразований связана с усилением личностного начала. Возрастание личностного начала проявляется и в усилении игровой составляющей в текстах современных российских СМИ. Ученые рассматривают развлекательность как способ оптимизации воздействия на получателя информации и как одну из ключевых ценностей массовой культуры: «В современном постиндустриальном обществе возрастает игровая составляющая в разных видах социальной практики» [23, с. 20]. Языковая игра широко представлена в текстах СМИ на всех уровнях языка. Однако именно словообразовательная игра является наиболее репрезентативной разновидностью языковой игры. «На рубеже XX–XXI вв. словообразовательная игра получает широкое распространение в языке СМИ, что является принципиально новым явлением для русского языка. Экспрессия, по мнению исследователей языка СМИ, побеждает стандарт, и немаловажную роль в этом играет словообразовательная игра» [21, с. 125]. Словообразовательная игра тесно связана с понятием индивидуального словообразования, поскольку

ку последнее понимается как «выражение индивидуальности средством словообразования. Индивидуальный характер словообразования лежит в основе словообразовательной игры, так как словообразовательная игра есть проявление речетворчества» [20, с. 4].

Ярким экспрессивно-оценочным средством являются окказиональные способы словообразования и новообразования нетиповой структуры. Одним из самых распространенных игровых словообразовательных способов является заменительная деривация, при которой в узуальных словах заменяется та или иная морфема. Замена корневой части наблюдается в следующих окказионализмах: *Громкокричатели* и *карманозасорители*. *Куда устроиться работать?* (МК в НН. 09–16.09.2009) – ср. исходное *громкоговорители*; *Металломечтатель*. *Почему бывший владелец металлургического холдинга скрывает правду?* (АиФ-НН. 09–15.02.2011) – ср. исходное *металлоискатель*; *Сплошная европрепка*. *Украина обещает гостям футбольного чемпионата Европы-2012 скоростные дороги и дорогие отели* (МК. 30.05.2012) – ср. исходное *нервопрепка*; *Майданно-денежные отношения*. *Какая демократия вредна для экономики* (Коммерсантъ Деньги. 09.12.2013) – ср. исходное *товарно-денежные отношения*; *Вместо «главноуговаривающего» нужен «главноотвечающий»*. *Есть благие намерения, но нет возможности поддержать сельхозпроизводителя <...> В своей деятельности министр <...> публично выступает в роли «главноуспокаивающего»*. *Мол, все было у нас хорошо, да вдруг цены на удобрение и дизельное топливо поднялись, но все равно село будет жить*. *Нет четкой линии у министра Седова* (ЛС. 04–10.09.2008). На основе узуальной лексемы *главнокомандующий* создается сразу три окказионализма: «*главноуговаривающий*», «*главноотвечающий*», «*главноуспокаивающий*», характеризующих деятельность министра Леонида Седова с разных сторон. Менее частотны случаи с заменой префикса: *Поухавшие*. *Эмиграция в развитые страны стабилизировалась* (РР. 12.07.2012) – ср. *понаехавшие*.

Ярким проявлением языковой игры в медийных текстах становятся разного рода словообразовательные и графические гибриды, которые представляют собой синтез узуальных слов с возможным совмещением формально тождественных частей: *Воровать мобильники теперь – ГИБДДлое дело* (ЛС. 28.02.2008) ← *ГИБДД* + *гиблый*; *У Сергея Мавроди проблеМММы – на него снова завели дело* (КП. 12.05.2012) ← *проблемы* + *МММ*; *МММимо кассы*. *У финансовых пирамид открылось второе дыхание*. *Почему нельзя верить обещаниям получения «быстрых денег?»* (Телесемь. 30.03–19.04.2012) ← *МММ* + *мимо*; *...Иосиф Висса-*

рионович <...>тоже всегда всем помогал. И всегда по просьбе трудящихся. Правда, при этом не был таким деньгохлёбом, как сегодняшние **СШАкалы** (Огонек. 13.02.2012) ← США + шакалы; Установлена причина «мамнезии». Многие будущие матери жалуются на ухудшение кратковременной памяти (НВ. 06.03.2013) ← мама + амнезия.

В словообразовательных гибридах возможны формальные замены графем при контаминации: Иван Лебедев – в прошлом психиатр и кандидат медицинских наук – создал виртуальный музей под названием «**Старинизм**». Его нисколько не смущает, что название явно созвучно с эпохой, одиозность которой еще помнят (РГ. 10.01.2008) ← старый + сталинизм; Не **абайдется** <...>Покидая Абая, оппозиционеры не забыли прихватить с собой мусор (НВ. 21–27.05.2012) ← Абай + (не) обойдется; **Напартачили**. К чему приведет новый закон о политических партиях? (НВ. 09–15.04.2012) ← напартачили + партия; **Навождение**. Уйдет ли Геннадий Зюганов с поста лидера КПРФ? (НВ, 16–23.04.2012) ← наваждение + вождь; **Показное** хамство <...>. Водители торопятся, не бояться последствий и давят на газ (НВ. 21–26.05.2012) ← показное + газ; **Броневип**. Audi A8 Long Security — люксовый броневип для тех, кто может позволить себе все, кроме бессмертия (РР. 04.07.2012) ← броневип + вип; Отсрочить **драхмагеддон**. В Греции победили сторонники экономики (РР. 18.06.2012) ← драхма + Армагеддон; **Киприотизм**. России пора-таки встать с колен (МК. 03–10.04.2013) ← Кипр + патриотизм; **Сколко** можно? На минувшей неделе грянул очередной скандал вокруг фонда «Сколково» (НВ. 22.04.2013) ← сколько + Сколково.

В графических гибридах выделяется прописными буквами часть, формально совпадающая с узуальным словом: **ПоТРЯСение** в Холодном. В редакцию «АиФ-НН» обратились жители дома № 8 в переулке Холодном, в пяти метрах от которого ведется стройка <...>. В результате в доме № 8 ощущение такое, что началось землетрясение (АиФ-НН. 2007. № 50); Народ **ПРОтив**. В день приезда в Прагу госсекретаря США Кондолизы Райс активисты «Гринпис», протестующие против строительства американского радара в Чехии, развернули на холме над городом большой плакат с надписью «Не делайте нас мишенью» (РГ. 10.07.2008); **ФЕНОМЕНАльный** след. Тридцать два года собирал досье на Вольфа Мессинга следователь по особо важным делам (РГ. 26.11.2009); **ОЧЕРЕДЬной** ажиотаж. Автолюбители томятся в ожидании. Нижний Новгород стал вторым городом после Москвы по активности сдачи автохлама в утиль (АиФ-НН. 28.04–04.05.2010); **ПропеСОЧИли** Канаду?<...> Перед Билялетдиновым поставлена ам-

бициозная задача – создать сборную, способную меньше чем через два года взять у Канады реванш за Ванкувер-2010 и выиграть домашнюю Олимпиаду в Сочи-2014 (КП. 03–10.05.2012); СУМАшествие! Сумка – вещь бесценная: она может изменить наш образ до неузнаваемости (Телесемь. 03.2012).

В некоторых графических гибридах возможны формальные несовпадения выделенной и исходной частей: *Нижегородцы показали «реаль,-ную» игру. 6 июня 2010 года в Москве прошел финал ежегодного Детского Кубка по футболу, проходящего под патронатом сети гипермаркетов «real,-» (АиФ-НН. 16–22.06.2010) ← real,- + реальный; **ПарацетамОР**. Когда лечить грипп и простуду смертельно опасно (АиФ. 2011. № 7) ← парацетамол + мор; **ШАКИРА**ющая Брежнева <...> Вера Брежнева, носящая титул секс-символа российской эстрады, и одна из главных латино-американских красоток мирового шоу-бизнеса Шакира с разницей в один день будут отмечать круглые даты (КП. 02–09.09.2012) ← Шакира +шокирующая.*

Подобные гибридные конструкты являются не только экспрессивно-оценочным средством, но и следствием, результатом языковой игры как креативной составляющей современной журналистской практики.

Ярким оценочно-игровым средством являются новообразования на базе прецедентных текстов, использование которых «неизменно привлекает внимание получателя информации к данной языковой единице и одновременно актуализирует соответствующий культурный контекст, в результате чего адресат активизирует в своем сознании определенные знания, связанные с введенной в новый контекст языковой единицей, – так называемые фоновые знания. Именно фоновое знание, связанное с актуализируемыми языковыми единицами, придает культурно значимую маркированность смыслу нового текста, в котором они употребляются» [56, с. 67]. Под прецедентными текстами (термин Ю.Н. Караулова) понимаются «потенциально автономные смысловые блоки речевого произведения, актуализирующие значимую для автора фоновую информацию и апеллирующие к “культурной памяти” читателя» [65, с. 107]. Как отмечает Е.А. Земская, к прецедентным текстам относятся «стихотворные и прозаические цитаты, названия художественных произведений, кинофильмов, пословицы и поговорки, устойчивые выражения, политические лозунги разных эпох, ходячие цитаты из произведений марксизма-ленинизма, библейские выражения» [19, с. 159].

Одним из самых частотных вариантов использования прецедентного текста в масс-медиа является создание новообразований на базе устой-

чивых выражений: **Пермудский** треугольник... В Пермской области находится знаменитая среди уфологов всего мира аномальная зона – Молебский треугольник (НД. 24.12.2009) ← Пермь + бермудский, ср. – бермудский треугольник; Телячьи **снежности**. 23 декабря в Нижегородской области наконец-то выпал первый снег (НД. 25–29.12.2009) ← снег + нежности, ср. – телячьи нежности.

Новообразование заменяет узуальное слово в составе устойчивого словосочетания и при этом обычно имеет гибридный характер: **Лободина** песня<...>. Светлана Лобода – участница «Евровидения» от Украины, считается одной из главных конкуренток нашей Анастасии Приходько (НД. 23–29.04.2009) ← Лобода+лебединая (песня); **Заруби** себе на носу<...>. Эксперты по личным финансам сетуют на то, что при малейшем колебании курса рубля или доллара россияне в панике несутся в банки обменивать валюту. Делать этого не надо (НД. 07.10.2010) ← заруби (себе на носу) + рубли; Не **левом** единым. Внесистемные социалисты объединяются в единую альтернативу КПРФ (НВ. 13–19.02.2012) ← левый + (не) хлебом (единым); **Паспортивный** интерес. На выборах Президента России украинские спецслужбы выявляли лиц с двойным гражданством (НВ. 19.03.2012) ← паспорт + спортивный (интерес); Крутой **замяс**. Чего в шашлыке больше – пользы или вреда (НД. 17–23.05.2012) ← (крутой) замес + мясо; Шагом **Ари!** Наталья Грачева о поражении нашей сборной на Евро-2012 (КП. 19.06.2012) ← Аришвин + (шагом) марш.

Окказиональные слова активно создаются на базе пословиц и скороговорок. Так, в пословицу *Утро вечера мудренее* включается окказионализм *будунее*, прилагательное в сравнительной степени, образованное по конкретному образцу: Утро вечера **будунее** (Перспект. 19.01.2010). Известная скороговорка *Корабли лавировали, лавировали, да не вылавировали* стала источником для новообразования: **Валоризировали**, валоризировали, да не **вывалоризировали**. Валоризация, широко разрекламированная правительством РФ в начале этого года, военных не коснулась (ЛС. 25.02.2010). Поговорка *Поспешишь – людей насмешишь* создает фоновый контекст для новообразования *нанолапти*: *Поспешишь – создашь «нанолапти»... Если мы будем научные разработки сразу скрещивать с бизнесом, в лучшем случае мы сделаем какие-то «нанолапти» или что-то в этом роде...* (АиФ-НН. 10–16.02.2010).

Экспрессия новообразования *клоуново* усиливается благодаря использованию прецедентного текста – библейской фразы *Кесарю – кесарево, а Богу – Богово*: *Так или иначе, но полный, тотальный, глобаль-*

ный, абсолютный провал триллера «Камень» с участием народного любимца Сергея Светлакова указывает на то, что клоуну – клоуново (Собеседник. 2012. № 6).

Окказионализмы создаются также на базе названий известных песен и цитат из них. Так возник и окказионализм *журналията*: *Журналията учатся писать* (НП. 13.01.2011) – ср. «Орлята учатся летать», где узуральное *орлята* явилось конкретным образцом. На базе названий фильмов созданы гибридные окказионализмы *СМСтители*, *усынится*, *фальшизм*: *Неуловимые СМСтители* (НД. 21–27.06.2012) ← *СМС* + (*неуловимые*) *мстители*, ср. – «Неуловимые мстители»; *Вам и не усынится* (НВ. 20–26.02.2012) ← *усыновить* + (*Вам и не*) *снится*, ср. – «Вам и не снилось»; *Обыкновенный фальшизм*. В Германии показали фильм о советских насильниках, польских антисемитах и украинских садистах (РГ. 08.05.2013) ← *фальшивый* + *фашизм*, ср. – фильм М. Ромма «Обыкновенный фашизм».

Для создания экспрессивных новообразований журналисты активно привлекают и такие прецедентные феномены, как имена собственные. Например, может обыгрываться имя известного киногероя – *ЖЭК-потрошитель*. *Почему власть боится воевать с коммунальщиками* (АН. 16.11.2013) ← *ЖЭК+Джек-потрошитель*; топоним *Рио-де-Жанейро* (в связи с тем, что в этом городе пройдет Чемпионат мира по футболу-2014) – *Стыки-де-Жанейро*. В ноябре определится полный состав участников ЧМ-2014 (РГ. 17.10.2013) ← *стыки* (*стыковочные игры*) + *Рио-де-Жанейро*; *Баку-де-Жанейро*. «Сегодня у сборной России очередной важный матч. Точнее - самый главный матч. А еще точнее - именно сегодня в Баку для нас начинается финальный турнир ЧМ-2014» (С-Э. 15.10.2013) ← *Баку* + *Рио-де-Жанейро*.

Таким образом, умелое использование журналистами прецедентных феноменов в процессе словотворчества способствует акцентированию внимания читателя на актуальных общественных проблемах, актуализирует имеющиеся у читателя культурологические знания и лингвистические представления о связях языковых единиц и способствует расширению образовательного пространства в современном обществе.

3.2.3. Словообразовательная специфика средств речевой агрессии в газетных текстах. Вместе с тем ученые не всегда приветствуют подобные словообразовательные эксперименты. «Прагматически неизбежное перенесение внимания на коммуникативный аспект речевого действия привело к разрушению традиционных форм и формул русской речи, пропитанных символическими и образными значениями, что, в

свою очередь, вызвало процесс «вестернизации» – бессмысленного заимствования иностранных слов, включения вульгарной и грубой лексики...» [28, с. 260]; *Борьба с КЭШельком. В России могут повысить комиссии за обработку наличных платежей* (НИ. 28.03.2012) – английская лексема *cash* как синоним существующего русского термина *наличные деньги*.

Отмечаемая исследователями «установка на развлекательность в массовой культуре отражает одну из важнейших норм этой культуры – нравственный релятивизм, отсутствие важнейших моральных ориентиров «добро» и «зло». Этические категории замещаются утилитарно-гедонистической интенцией получения удовольствия» [23, с. 30]. «Средства массовой информации неустанно культивируют праздничное, приподнятое настроение аудитории» [54, с. 273].

Существенное значение для современных российских СМИ приобретает понятие суггестивности, под которой понимается процесс воздействия на психику адресата, на его чувства, волю и разум, связанный со снижением сознательности, аналитичности и критичности при восприятии внушаемой информации и ее вербального оформления. В манипулятивных целях при воздействии на реципиента журналистами используется «моральное подавление», агрессивные высказывания [46, с. 78].

В игровых новообразованиях современных медийных текстов наблюдается доминирование игровой составляющей либо преобладание негативной оценки.

Новообразования с негативной экспрессией нередко граничат с речевой агрессией. Так, национальный компонент речевой агрессии присутствует в новообразовании *Москвabad*, содержащем элемент –*бад* среднеазиатских топонимов (*Ашхабад, Исламабад* и др.): *Мигранты из Киргизии и Узбекистана устроили массовую драку на Олимпийском проспекте столицы. В полицию были доставлены 79 участников драки. После профилактической беседы всех отпустили <...>. И куда отпустили? Обрати в Москвabad?* (Собеседник. 2012. № 19); *Узбешное лечение. Оказание медицинской помощи нелегальным мигрантам обходится казне в миллиарды рублей* (НВ. 25.02.2013)← *узбеки + успешное*. Известный фразеологизм *козел отпущения* послужил источником оскорбительно-негативной оценки политической деятельности бывшего президента Франции: *Саркозёл отпущения. Николя Саркози проиграл президентские выборы во Франции* (Завтра. 2012. № 20) В последнем примере речь идет о Николя Саркози, который был президентом Франции в период 2007–2012 гг. В 2008 г. по инициативе Н. Саркози была

проведена самая масштабная реформа Конституции Французской Республики 1958 года.

«В молодежной, а затем и в массовой среде распространился стеб, сначала как выражение иронии, а затем как специфический подстиль речевого поведения, как лингвокультурное социально-групповое явление» [54, с. 274]. Так, журналисты не учитывают морально-нравственных ограничений при создании иронического заголовка: *«Сухой» супержеств. В катастрофе «надежды отечественного авиапрома» Россия понесла не только человеческие, но и огромные политические, экономические и имиджевые потери* (МК. 11.05.2012).

Отмечаемые исследователями в текстах современных СМИ ерничество, стеб, приколизм «с его подчеркнутой абсурдностью, насмешкой над здравым смыслом» [23, с. 31–32], под скрытой маской лукавой иронии носят подчас циничный, издевательский, оскорбительный характер; ср. новообразование в заголовке **«Ургантвагонзавод»**, созданное в результате замены первой части *Урал-* узуального *Уралвагонзавод* на фамилию популярного телеведущего: *Невиданная дерзость Первого канала: Иван Ургант в своем ночном шоу начал откликаться на актуальные политические события. И даже по примеру «Гражданина поэта» иногда переходит на стихи <...>. Ургант выглядел очень довольным, зачитывая стихи под названием «Письмо рабочим Уралвагонзавода» и явно ощущая себя фрондером <...>. А бедный Ургант – ни там ни сям. Его «фиги в кармане» непонятны традиционной телевизионной аудитории, ждущей от «ящика» чистой развлекухи, и слишком осторожны и убоги для аудитории, приобщившейся к подлинной политической сатире «Гражданина поэта»* (НГ. 25.05.2012).

Таким образом, «если повышение экспрессивности и, следовательно, выразительности современных газетных текстов можно рассматривать как безусловно положительное явление, то обратной стороной этого процесса является ставшее приметой времени нарушение этических норм, проявляющееся в манипулятивном использовании языковых средств, в циничности, вульгарности, повышенной инвективности и агрессивности газетного текста» [62, с. 301].

Средством негативной оценки, граничащей с речевой агрессией, нередко становятся новообразования сленгового характера на базе сниженной, разговорной, просторечной и жаргонной лексики: – *А там вообще девушки бывают, в эпперской среде?* – *Да, потому что в отличие от попсовиков, там процент гомосятины очень низок* (Из интервью с А. Троицким (Собеседник. 2012. № 4)); *Какова мировая функция Соединенных Штатов? Это мировой потребитель, это – жрала та-*

кая, хру-хру-хру. Она вот все жрет (Огонек. 13.02.2012). Сниженные лексемы нередко выступают в окказиональных гибридах в качестве мотивирующих: **Профокали**. Жители Сормовского района протестуют против строительства ФОКа (НД. 07–13.04.2011) – прост. профукать; **Забывовали**. Как главный тренер нашей хоккейной сборной (Вячеслав Быков. – Авт.) привел ее к провалу (НД. 19–25.05.2011) – жарг. быковать; **Заиубись!** Как правильно выбрать шубу (НД. 19–25.11.2009) – жарг. зашибись; **Если бриться вЛОМ**. Нижегородские художники нашли свой способ борьбы со щетиной... Бриться ломом под силу только настоящему художнику (Проспект. 07.04.2009) – жарг. влом.

Самая интенсивная негативная оценка окказионального слова усиливается за счет переключки с узуальными словами и выражениями инвективного, обценного характера: *Им платили за скандал, на скандал были заточены их перья. Один из этих «младозасранцев», как их иногда именуют на манер младогегельянцев, вызнал из мхатовских кулуаров, что Ефремов оступился, упал, сломал ребро. Немедленно появился газетный отклик: «Прыг-скок и в больницу». Это незадолго перед смертью крупнейшего актера (РГ, 26.06.2008); Полный Джигурдец! На съемках передачи «Кто здесь звезда? Идеальное интервью» скандальный актер (Никита Джигурда – российский актёр, сценарист, режиссёр, исполнитель песен. В настоящее время известен своим эпатажным поведением в различных передачах, скандальными интернет-роликами. – Авт.) для начала предложил выпить ведущему по 100 грамм, а затем в подробностях рассказал про «мужскую булаву» (КП-НН, 25.02.2011); Армагеддец! Человечеству опять конец? Мир ожидает «сбычи» калифорнийского пророчества (НН. 18.05.2011); ТРЕНДец! Нижегородские стилисты рассказывают о модных тенденциях этого сезона (Проспект. 14.06.2011); Здесь он (Жерар Депардьё – французский киноактёр. В России считается одним из самых популярных и любимых актёров. Помимо французского, имеет российское гражданство с 2013 года. – Авт.) станет своим в доску, станет гостем на всех кремлёвских банкетах, научится называть друзей уменьшительными именами <...>. И ему, конечно, тоже дадут удобное, простое и понятное имя — начало от Жерара + конец от Депардьё... (МК. 10.01 2013); о речевой агрессии в данном случае см.: [53].*

Переключка с инвективными лексемами усиливает речевую агрессию, и особенно шокируют читателя новообразования, вызывающие ассоциации с обценной лексикой. Вряд ли допустимо использование в медийных текстах обценной лексики даже в речи персонажей: *И вот*

он побежал с проводами – связь потащил, а его немецкий снайпер сразу же схреначил (из интервью с фронтовиком (КП. 02.05.2012)).

В последнее время в связи с проблемой речевой агрессии ученые говорят о зонах рисков в общении: «Это и социальные риски (конфронтация социальных слоев населения, конкретных социальных групп, их представителей), и профессиональные риски, и риски внутрисемейных отношений и т. д. В процессе коммуникации все эти риски сводятся к двум: непонимание друг друга (в том числе неправильное понимание) и прямое нарушение законов успешной коммуникации (оскорбление, унижение собеседника). И то и другое как мешающее нормальному общению непродуктивно, в этих случаях коммуниканты не могут ни преодолеть, ни предупредить грозящий риск. А это необходимое условие успеха коммуникации как межличностной, так и массовой» [60, с. 5]. Поскольку «риск непонимания возрастает по мере убывания общности апперцепционной базы» [60, с. 6], то своего максимума он достигает в средствах массовой коммуникации.

Как отмечают исследователи, «в наше время проблема соблюдения требований к качеству информации не утратила актуальности. Тиражируемая СМИ информация часто бывает недостоверной, слишком субъективной, неопределенной, неполной и далеко не всегда полезной и интересной для массового адресата. К тому же широка зона скандальности, сенсационности, характерная для сегодняшних СМИ, особенно информационных выпусков. Апокалиптический взгляд на мировые события действует на читателя угнетающе» [29, с. 15].

В подобной подаче информации ученые видят «удобный способ манипуляции читателем, стремление или уйти от прямой оценки, или просто скрыть какую-то важную информацию, или намеренно ее исказить» [28, с. 15]. Такое навязывание миропонимания «может приводить к рискам во взаимодействии СМИ с потребителями информации – массовой аудиторией, вызывать недоверие к сообщаемому и увеличивать пропасть между властью и обществом» [29, с. 16].

Таким образом, чрезмерное стремление к экспрессивному «словомайкерству» не всегда уместно и не всегда положительно отражается на впечатлении адресата о статье. При создании нового «эффектного» слова журналист всегда должен знать меру и считаться не только с юридическими, но и с нравственными законами, поскольку «СМИ формируют языковые вкусы общества. Они быстрее всего реагируют на изменения в языке и отражают их» [29, с. 13]. Журналист не просто констатирует и передает события, происходящие в действительности, но и дает им свою оценку, выражает индивидуально-авторское отношение. «Перерабаты-

вая информацию и предавая ее читателю, комментируя или аранжируя события, СМИ формируют моральные нормы, эстетические вкусы и оценки, выстраивают иерархию ценностей, а нередко даже навязывают читателю образцы рецепции истин – исторических, социально-политических, психологических и др. Информирова о ценностях и оценивая, СМИ реально влияют на качество публичного дискурса, на организацию моделей общественной жизни, на формирование у общества его собственного образа» [34, с. 314].

Новообразования, окказиональные слова не только раскрывают сущность процессов современного русского языка, выявляют, какие события и факты являются релевантными для общества, но и служат средством экспрессивизации, выразительности текста. «Словообразование тем самым является сильным средством экспрессивизации текста, способствуя не только актуализации его отдельных фрагментов, но и усиление субъективного, авторского начала в современных средствах массовой информации» [52, с. 124].

Анализ новообразований в современных СМИ позволяет прийти к выводу, что «словотворчество помогает разрушить известные стереотипы в жизни, поведении, во взглядах на политические события времени, помогает выразить эмоциональную оценку происходящего. <...> Это способ обнародовать свое мнение, отношение, в каком-то смысле даже снять внутреннее напряжение [5, с. 153].

3.3 Специфика функционирования новообразований в газетных заголовках

Одной из основных сфер появления и функционирования окказиональных слов, как показывают наблюдения, являются газетные заголовки.

Использование новообразований в заглавиях различных публикаций приобрело регулярный характер, а потому не может и не должно рассматриваться исключительно как особенность подачи материала того или иного журналиста (газеты), и, значит, создание таких новообразований закономерно и соответствует тенденциям развития языка на современном этапе, а сами заголовочные новообразования наглядно иллюстрируют происходящие в языке процессы. Изучение заголовочных окказионализмов позволяет, таким образом, выявить и проанализировать отдельные особенности языковой системы (ее лексического и словообразовательного уровня).

Особая роль заголовка в газетном тексте предопределяет и ряд специфических черт заголовочных окказионализмов. В частности, при создании таких окказионализмов авторами учитываются требования, которым должен отвечать заголовок (краткость и информативность), что во многих случаях накладывает некоторые ограничения, касающиеся структуры и семантики новообразований. Так, для заголовочных новообразований более актуальной, чем для окказионализмов в тексте публикации, является проблема адекватного истолкования читателем, степень информативности: заголовок, как правило, не поясняет новообразование, расшифровка окказионализма во многом базируется на анализе его структуры. Заголовочные новообразования могут иметь определенное значение в процессе отбора публикаций читателем. Напротив, «текстовые» окказиональные слова не несут такой серьезной прагматической нагрузки: их наличие, хотя и повышает выразительность текста в целом, все же не оказывает существенного влияния на возможность выбора читателем того или иного материала для прочтения.

Одновременно заголовочные новообразования сохраняют и те черты, которые свойственны окказионализмам текстовым (повышенную экспрессивность, контекстуальную обусловленность и т. п.), а потому представляют собой важный и интересный объект лингвистических исследований.

Изучение специфики окказиональных слов, включенных в газетный заголовок, требует рассмотрения функций самого заголовка и определенных функций, выполняемых в нем новообразованиями.

Ситуация, в которой существуют современные печатные издания, определяется рядом важных факторов. Во-первых, имеет место высокий уровень конкуренции с другими средствами массовой информации. Во-вторых, наблюдается ежегодный рост количества газет, что приводит к обострению внутренней конкуренции. В-третьих, дефицит времени и обилие информации в окружающем человека мире делают читательское восприятие очень избирательным, вследствие чего вероятность прочтения всех материалов одного номера существенно снижается. Это вынуждает журналистов искать все новые и новые средства привлечения внимания аудитории, в том числе и посредством заголовков, поскольку именно с них начинается знакомство читателя с газетой, более того, у многих чтение газет сводится лишь к чтению заголовков. Приведенные факты свидетельствуют о том огромном значении, которое имеют заглавия в современной прессе.

Заглавие предшествует тексту и графически, и в читательском восприятии, поэтому оно формирует установку на понимание. Это позво-

ляет говорить об особой семантической нагрузке заголовка. «Заголовок в газете, в отличие от названий радио- и телепередач, – единица коммуникативная, он кратко информирует читателя о содержании газетного материала, осведомляет о значении, характере и степени важности событий, отразившихся на страницах газеты. По заголовку статьи можно судить об отношении автора к описываемым событиям» [59, с. 205]. Заголовки служат инструментом интерпретации текста, «это своего рода изобретение, которое, как ключ, открывает весь последующий текст» [26, с. 26].

Кроме того, из заголовков можно почерпнуть информацию о самом издании и его аудитории, ведь при создании каждого номера журналисты ориентируются на читателя, учитывают его предпочтения и интересы: «во всяком тексте ориентация на его предстоящее воздействие требует учета партнера коммуникации, предполагаемого или реального: его опыта, уровня знаний, эмоционального состояния, мотивационной направленности и т. п.» [45, с. 11].

Вопрос о функциях заголовка является дискуссионным. Одинаково понимая сущность заглавия, исследователи все же расходятся во мнении относительно конкретных функций, выполняемых заголовком в газетном тексте, их характера и взаимодействия. Поскольку заголовок называет текст, содержит определенную информацию о нем, создается для привлечения читательского внимания и отделения газетных публикаций друг от друга, представляется целесообразным рассматривать следующие функции как наиболее существенные: выделительную, номинативную, информативную и прагматическую

Выделительная функция заключается в отделении газетных материалов друг от друга, а также в выделении текста из окружающего контекста. Выполнение этой функции достигается с помощью шрифтовых выделений (включая цвет и размер шрифта), приемов верстки (размещение материалов на газетной полосе), т. е. неязыковыми средствами. По мнению исследователей, «форма заголовка активизирует непровольное внимание читателя, которое не требует волевых усилий. Непровольное внимание сменяется произвольным, направленным, контролируемым сознанием. Тогда читатель обращается к языковому оформлению заголовка» [37, с. 69].

Номинативная функция состоит в том, что заголовок называет текст, «выступает как кодовое обозначение текста» [70, с. 12]. Номинативная функция, как отмечается, является исходной функцией заголовков: «номинативная функция – это онтологическая, исходная функция заглавия» [48, с. 96].

Информативная функция заголовков – отражение ими того, о чем говорится в публикации. Передача информации может принимать разные формы и осуществляться с разной степенью развернутости. Иными словами, заголовок может быть более или менее информативным, и чем выше информативность заглавия, тем более независимым от конкретной публикации оно становится, превращаясь «как бы в отдельный газетный “материал”, в особое газетное высказывание» [48, с. 98].

Прагматическая функция связана с «непосредственным воздействием на адресата с тем, чтобы заставить его склониться к тому или иному мнению в отношении сообщаемой информации» [11, с. 40], с выработкой у него каких-либо стереотипов, норм. Прагматическая функция реализует стремление автора управлять процессом восприятия адресатом газетных материалов. Прагматическая функция включает в себя: а) рекламную функцию; б) экспрессивную функцию. Рекламная функция заключается в том, что заглавие специально, с помощью особых средств заинтересовывает читателя, привлекает его внимание. Данная функция может осуществляться как графическими (размер шрифта), так и языковыми средствами (особые синтаксические конструкции, стилистические фигуры). Рекламную функцию иногда называют интригующей. Интрига может создаваться, например, если заглавие не совсем понятно читателю: «Заголовок выступает как сообщение, которое нельзя декодировать, не прочитав текст, и поэтому привлекает внимание к тексту (сам текст выступает как код к заголовку)» [70, с. 12]. Экспрессивная функция состоит в том, что заголовок характеризует личность пишущего. По справедливому замечанию Г.Г. Хазагерова, личность автора интересует читателя «лишь постольку, поскольку она соотносится с сообщением, а не сама по себе» [70, с. 16]: адресату важно понять, как автор относится к сообщаемому (следует ли понимать его слова буквально или имеет место, например, авторская ирония).

Между функциями газетного заголовка происходит взаимодействие: номинативная функция ослабляет коммуникативность заглавия (ставит ее в зависимость от конкретного текста, без которого заголовок может быть не совсем понятен), коммуникативность в свою очередь борется с номинативностью (иногда заголовки обретают самостоятельность, превращаясь в самостоятельные «высказывания»), рекламная функция может подавлять информативную (случай броских, но неинформативных заглавий) и в то же время усиливать коммуникативность заглавий, делать их более действенными [48, с. 99–100].

Многие исследователи, выделяя те или иные функции заголовка, указывают на существование определенной иерархии этих функций. Иными

словами, одна из них считается доминирующей, наиболее важной в заголовке. На этот вопрос существуют две основные точки зрения:

1) важнейшей признается информативная функция (С.П. Суворов, Г.В. Лазутина и др.): «основное назначение заголовков – информировать читателя относительно основного содержания публикуемого материала» [67, с. 181], «семантически репрезентировать статью» [31, с. 84];

2) приоритетной является воздействующая функция (Г.Г. Хазагеров, С.М. Гуревич и др.): «Заголовок должен “работать”, то есть влиять, оказывать определенное воздействие на читателей. Для этого ему отводится место на газетном листе. В заголовке газета может и обязана выразить свое мнение <...>» [3, с. 9–10]; «главная его (заголовка. – *Авт.*) задача, чтобы он привлекал внимание, выполнял свою основную функцию — руководил читателем, подсказывал ему нужное направление освоения материалов газеты» [63, с. 70].

Думается, что признание главенствующего положения одной из названных функций не совсем целесообразно, поскольку они имеют одинаковую значимость для заголовка: информативность нужна для того, чтобы читатель ориентировался в материалах, а рекламность – для привлечения внимания и воздействия. Читателя можно заинтересовать и содержанием, и формой подачи материала в заголовке, чем активно пользуются современные журналисты. Уместно, на наш взгляд, говорить лишь о преобладании той или иной функции отдельно взятого заглавия. Кроме того, необходимо учитывать зависимость характера заголовка от типа публикации (В.С. Мужев), от типа издания, от задач, которые оно ставит перед заголовком (А.А. Тертычный).

Очевидно, что новообразования, обладающие, по замечанию А.Г. Лыкова [38, с. 23], ингерентной, внутренне присущей им и не зависящей от контекста, экспрессивностью, во многом обеспечивают выполнение заголовком прагматической функции: они привлекают внимание читателя новизной и необычностью формы, требующей подчас расшифровки со стороны адресата, и, кроме того, часто выступают средством выражения авторской оценки. Однако указанными функциями отнюдь не исчерпываются возможности новообразований, реализуемые в заголовке.

Окказиональные слова выполняют в заглавии **деавтоматизирующую функцию**. Окказионализм фокусирует на себе внимание адресата, становится своеобразным центром заголовка и усиливает его действенность (степень воздействия на читателя). Подобный эффект основан на преодолении автоматизма восприятия, который неизбежно присутствует в любом акте коммуникации: «Слушая или читая мы прогнозируем (а

поэтому ожидаем, выдвигаем гипотезу), во-первых, некоторое событие, «стоящее за текстом» (содержание текста), во-вторых, – конкретную лексику как средство описания этого события, в-третьих, грамматические формы лексических единиц и целостные структуры» [10, с. 96]. Автоматизацию можно рассматривать как «такое использование языковых средств <...>, которое является обычным для определенной задачи выражения, то есть такое использование, при котором выражение само по себе не привлекает внимания» [8, с. 355]. Окказионализмы нарушают привычную для адресата организацию изложения, их непрогнозируемое включение в текст – игра на эффекте неожиданности, побуждающая читателя с большим вниманием относиться к форме подачи материала. Такое построение речи носит название актуализации. Способностью к актуализации повествования в той или иной мере обладают все новообразования. Однако существуют определенные журналистские приемы, позволяющие усилить деавтоматизирующий эффект заголовочного окказионализма. Самым распространенным можно назвать создание нового слова, максимально близкого (но не тождественного) по фонетическому и графическому облику узуальному слову. Это касается в основном слов гибридного характера, т. е. таких, в которых наблюдается не-узуальное совмещение производящих основ: *Подсудное дело <...> Агентство по страхованию вкладов (АСВ) впервые обнародовало детальные количественные оценки качества обслуживания кредитов крупнейшими заемщиками Межпромбанка <...>. Невозвратными являются крупные ссуды более чем на 150 млрд руб. По данным АСВ, крупнейшими неплательщиками банка из числа физических лиц являются его бывшие топ-менеджеры, родственники основного владельца и лица, связанные с ним по небанковским бизнесам (Коммерсантъ. 11.04.2012); Дорно-вкусие <...> Артист Иван Дорн <...> поразил российскую столицу.<...> Новоиспеченная звезда эстрады появилась на сцене спустя полтора часа после заявленного в афише и билетах времени. <...> мода капризна и изменчива, сегодня в фаворе замороченный Дорн, завтра – примитивные песни «бабушек-старушек», под которые уже танцует на дискотеках половина Европы (МК. 01.06.2012). Ср.: подсудное, дурновкусие.*

В некоторых случаях у адресата может создаться впечатление, что в тексте допущена грубая орфографическая ошибка, и это также способствует снятию автоматизма восприятия: *Лигализованные выборы <...> 16 января в России появилось новое политсообщество <...>. Название громкое – Лига избирателей <...> Лига будет пропагандировать честные выборы<...>. Она будет обеспечивать адекватность народного*

волеизъявления: недопущение незаконной агитации, разоблачение бесчестных приемов этой агитации (МК. 17.01.2012); *Споем а-Капелло* <...> *В начале этой недели первый вице-президент РФС Никита Симонян объявил о назначении новым главным тренером национальной сборной Фабио Капелло* (АН. 19.07.2012).

Использование этого приема оправданно в том случае, если в значении новообразования используется и какой-либо компонент значения того узуального слова, от которого отталкивался автор при создании окказионализма (*лигализованный* – «легалитованный Лигой»).

Играя на созвучиях окказионализмов и узуальных слов, автор текста вынуждает адресата более внимательно подходить к процессу чтения: «“Посягательства” на форму означающего касаются снятия автоматизма на линии звук – смысл. Неустойчивость фонетического “состава” слова, его очевидная принадлежность одновременно к очень знакомому и несколько иному дают возможность соотнести означающее и с искомым для него означаемым, и с другим, содержательно неожиданным и даже логически несовместимым» [64, с. 206].

Таким образом, активизируя внимание адресата, снимая автоматизм восприятия, окказиональные слова, в конечном счете, способствуют более полному погружению читателя в текст.

Как уже отмечалось, новообразования используются как средство экспрессивизации заголовка, т. е. выполняют **экспрессивную функцию**. Под экспрессивностью, или выразительностью, в данном случае понимаются особенности структуры речи, направленные на поддержание интереса и внимания у читателя [9, с. 182]. Экспрессивность как сущностное свойство окказиональных слов может повышаться за счет разнообразных факторов: структурных особенностей, использования прецедентных текстов и т. д. Новообразования часто применяются как средство выражения авторской оценки, создания комического эффекта, что также повышает их способность привлекать и удерживать внимание читателя.

Структурной предпосылкой экспрессивности можно назвать многоосновность новообразований: окказиональные слова, представляющие собой комплекс из трех и даже четырех основ, выделяются на фоне преимущественно одно- и двухосновных слов в заголовке «*Осенняя соната*»: **дочки-матери-беда**. *Сюжет простой, как все в жизни: мать, известная пианистка, приезжает в маленький город к дочери, которую не видела семь лет, в основном по причине гастрольного характера работы.* <...> *Игра в дочки-матери оборачивается бесконечно тяжелой драмой* (МК. 05.03.2012).

Возможность интерпретировать такие новообразования напрямую зависит от характера производящих основ. Например, трудно предположить, что для кого-то из читателей окажется понятным заголовок *«Фио-Фио-Сам»* (РГ. 08.12.2011). Вероятно, у адресата возникнет ассоциация с именем героини оперы «Мадам Баттерфляй» Чио-Чио-Сан, но это не упростит для него задачу истолкования окказионализма, поскольку не разъяснит смысл составляющих. Это возможно лишь при обращении к тексту публикации: *Полицейское управление «К» предложило запретить анонимные выступления в Интернете. <...> По мнению «электронных» полицейских, участники всевозможных форумов, общений и дискуссий в социальных сетях и чатах должны отказаться от анонимности и не прятаться за никами.*

Также большой экспрессивностью обладают слова, при создании которых используется одновременно несколько префиксов, близких или тождественных по семантике: *Супергипермегасимвол России <...> Конкурс «Россия 10», организованный Русским географическим обществом с целью продвижения России как «уникальной страны с богатейшим культурным и природным наследием», обернулся сушим позором. Вместо всенародного голосования получилось соревнование административного ресурса пиар-озабоченных губернаторов* (НГ. 4.09.2013).

При использовании узуальных способов словообразования усиливает экспрессивность нарушение стилистических ограничений в сочетаемости морфем, которое может проявляться, к примеру, в присоединении заимствованных приставок к исконно русским основам: *Антивзбесившийся принтер <...> Предпринимателя гораздо больше тревожат не высокие ставки налогов, жесткие меры ответственности, необоснованные запреты и ограничения, а частые неожиданные изменения законодательства, поток новых предписаний, правил, требований. <...> Ограничение нормотворческой активности и установление строгих запретов в этой сфере становится одним из самых важных условий улучшения предпринимательского климата в России* (НГ. 6.05.2013)

Экспрессивность заглавия может достигаться использованием тех неузуальных способов словообразования, с помощью которых создаются слова с нестандартной структурой, т. е. различные гибриды: контаминанты, окказионализмы, образованные способом междусловного наложения и тмезиса. Контаминант (слово, созданное путем соединения начальной части одного слова и конечной части другого) представлен в заголовке *А есть ли змерь?* (змея + зверь) <...>. Нашли русский аналог неологизма *Кэрролла Snark*. Слово, образованному от сочетания *snake*

(змея) и *shark* (акула), дали отечественный эквивалент: змей плюс зверь дает в результате змерь (Нез. газета, 06.04.2012). В результате междусловного наложения (когда «на конец основы одного слова накладывается омонимичное начало другого слова» [73, с. 416]) был создан окказионализм в заголовке **Бульварвары** (*бульвар* + *варвары*) <...> *Омовцы-космонавты сошли с правой орбиты прямо в центре Москвы. <...> 7 и 8 мая происходили массовые немотивированные задержания участников акции и случайных прохожих. Задержания у Старой площади были намеренно жесткими и сопровождались избиениями. Полицейские ориентировались на белые ленты, белые элементы одежды, белую обувь. Также на Старой площади дважды производилась массовая проверка документов. На площадях — задерживались все иногородние. Формальные и фактические основания для задержания отсутствуют полностью* (НГ. 11.05.2012). Тмезис (вставка одного слова в другое) представлен в заголовке *Нас ждет полуфиннал (полуфинал + финн)* <...> *Сборная России сыграет в 1/2 чемпионата мира с командой Суоми* (РГ. 18.05.2012).

Действенным средством экспрессивизации заголовка является использование в нем так называемых прецедентных феноменов, сопровождающееся созданием на их базе окказиональных слов или включением новообразований в состав прецедентного текста.

Особенностью газетных заголовков является не просто частое использование прецедентных феноменов, но и активное образование на их основе окказиональных слов разнообразной структуры. Так, на базе фразеологизмов *рог изобилия*, *лебединая песня* были созданы префиксальные окказионализмы *неизобилие* и *безлебединая* в заголовках **ROG неизобилия** <...> *«Роснефть» недовольна низкой финансовой отдачей от их совместной с ВР немецкой компании Ruhr Oel GmbH (ROG) и хочет внести изменения в акционерное соглашение* (Коммерсант. 11.03.2012) и **Безлебединая песня** <...> *И когда Нина Ананиашвили в финале балета заливается смущенным смехом и виновато разводит руками, кажется, она действительно извиняется за неудавшийся эксперимент. И зря: для творческого долголетия жизнеутверждающий риск поважнее вечных “Умиравших лебедей”* (Коммерсант. 19.03.2012).

Базой для образования окказиональных слов являются цитаты из произведений художественной литературы: *Есть еще порох в прохорвницах* <...> *За неделю до выборов Михаил Прохоров чувствует себя при своих 10 процентах. <...>— Что я сейчас испытываю, когда выхожу на сцену? — переспросил он.— Наслаждение или страшное*

напряжение?.. <...> Я живу в жесткой предвыборной гонке, и понять, есть наслаждение или нет, можно будет только после 25 марта. Понятно, только после второго тура (Коммерсант. 27.02.2012). Ср.: есть еще порох в пороховницах (Н.В. Гоголь. Тарас Бульба). Новообразование прохоровницы – результат междусловного наложения фамилии Прохоров и слова пороховница.

Образование окказиональных слов может быть связано с трансформацией выражений, имеющих библейское происхождение: **Наносоль** земли московской <...> несмотря на обещания использовать новое поколение специальных средств вкупе с новыми технологиями зимней уборки, на столичные дороги продолжают выливать жидкости сомнительного производства (АН 02.02.2012). Ср.: «соль земли». Окказионализм наносоль создан с помощью префиксоида *нано-*, получившего широкое распространение в медийных текстах в последние годы.

Путем тмезиса возник окказионализм **возавтолюби**: **Возавтолюби** ближнего своего <...> Владимир Путин, как и Борис Немцов 15 лет назад, запретил чиновникам ездить на казенных иномарках (Коммерсант. 05.04.2012). Ср.: «возлюби ближнего твоего, как самого себя».

Названия фильмов «Пираты XX века», «Ворошиловский стрелок», легли в основу заголовков **Антипираты XXI века** <...> Не удивительно, что все чаще судовладельцы предпочитают нанимать вооруженную охрану. По данным Международного морского бюро, за прошлый год в пиратоопасных районах было совершено 439 нападений, большинство из которых были отбиты именно вооруженными бойцами (МК. 04.05.2012); **Потрошиловский** стрелок <...> Завтра должен выйти в прокат «Бомж с дробовиком». <...> Голубоглазый и слишком острый для бомжа старичок, которого играет Рутгер Хауэр, чем-то неудовимо напоминает ворошиловского стрелка из одноименного фильма Станислава Говорухина <...>. Почти непрекращающееся насилие в «Бомже с дробовиком» перемежается с какими-то трогательными в своей абсурдностью деталями (Коммерсант. 21.03.2012). Представленные окказионализмы созданы как узуальными, так и неузуальными способами: *антипираты* – префиксальное образование, *потрошиловский* – гибрид, результат междусловного наложения (*потрошить* + *ворошиловский*).

В заголовках современных СМИ используется часть известного высказывания В.И. Ленина о коммунизме, который «есть Советская власть плюс электрификация всей страны»: **Дисконтизация** всей страны <...> Процент россиян, обладающих дисконтными картами различных мага-

зинов, достиг цифры 97 (НИ. 25.04.2012); **Банкизация** всей страны <...> Цель Владимира Путина применительно к глубинке понятна всем – развитие банковской системы в наиболее отдаленных районах (Город и горожане. 1–7.09.2008); Плюс **ЧОПизация** всей страны <...> Есть опасения, что вскоре мы попросту затеряемся в толпах охранников, которых в России-матушке с каждым годом становится все больше. Численность сотрудников ЧОПов в России в настоящее время составляет около 750 тысяч человек и имеет тенденцию с каждым годом возражать на 20–25 процентов (ЛС. 06–12.03.2008).

Любое использование прецедентных феноменов предполагает наличие у адресата определенных фоновых знаний, причем эти знания должны быть общими для автора и читателя, чтобы последний понимал логику создания заголовка и окказионализма в нем.

Новообразования, созданные с опорой на прецедентные феномены, представлены в заголовках очень широко. Построение заголовка на базе прецедентного текста с одновременным использованием окказионализма ведет к усилению выразительности заглавия и усложнению процесса восприятия его читателем, которому приходится не только восстанавливать исходный текст (включение окказионализма в прецедентный текст неизбежно ведет к трансформации последнего), но и расшифровывать новое слово, часто обладающее неясной структурой, затемняющей его семантику.

Прецедентность во многих случаях является дополнительным источником экспрессии и используется наряду с другими средствами ее достижения. Включение новообразования в прецедентный текст или создание с опорой на этот текст – это универсальный способ повышения выразительности заголовка, независимо от структуры (стандартной или нестандартной) окказионального слова.

Повышает экспрессивность заголовка использование в нем окказионализмов с ярко выраженной оценкой. Читатель быстро реагирует на проявление личностного начала, на отступление от привычного эмоционально нейтрального повествования. По мнению ученых, «наличие или отсутствие эмоциональной оценки в новом слове, а также ее характер зависят от целого ряда факторов: от характера лексического значения мотивирующего слова и его стилистической окраски, от эмоционально-стилистической окраски словообразующих аффиксов, от контекста, от семантической и стилистической сочетаемости или несочетаемости словообразующих элементов» [2, с. 82–83].

Авторская оценка выражается в словах, в которых в качестве мотивирующей базы для окказионализмов используются жаргонизмы и раз-

говорные слова: **DDoSмали** <...> *Издательский дом «Коммерсантъ» сегодня обратится с заявлением в МВД РФ с требованием проверить причастность движения «Наши» к организации DDoS-атаки на сайт «Ъ» в 2008 году* (Коммерсант. 10.02.2012); **Рок-параллельно** <...> *Шансон и рокабилли близки тем, что люди, которые там заняты, ложили на мнение масс — делают то, что они хотят, и поют вживую с музыкантами* (МК. 13.04.2012); **Бренд-бомбиль** <...> *читатели присылали в редакцию сведения о <...> машинах, превращённых в рекламные щиты. <...> Рекламных машин в столице всё больше: только за последние полгода с улиц вывезли 250 брендмобилей* (АиФ. 28.03.2012). Ср.: *достать* (‘надоесть’), *параллельно* (‘безразлично’), *бомбить* (‘зарабатывать частным извозом’).

Семантикой мотивирующей основы (одной из основ) обусловлена оценочность окказионализмов в заголовках **Гад-парк** <...> *Огоньку в митинговые страсти добавил премьер-министр, который предложил создать в Москве своеобразную аналогию лондонского «Гайд-парка»* (МК. 16.02.2012); **Гадь-парк** <...> *Теперь о гуляющей оппозиции. Тут уже гадят не в душу, а в город! Это просто ЧП какое-то! В смысле Чистые пруды. Присоединяясь к пламенной активистке Нине Топоровой, спрошу: хотим ли мы, чтобы их переименовали обратно в Погаanye, как они назывались в XVII веке? И не говорите, что там не гадили* (НГ. 18.05.2012); **Нанонегодяй** <...>. *Наша газета уже неоднократно писала о Михаиле Ильиче Лернере — ловком коммерсанте, который беззастенчиво кинул массу своих бывших партнёров, а теперь присосался к потоку государственных бюджетных средств со стороны госкорпорации «Роснано»* (АН. 08.12.2011).

Положительная или отрицательная оценка может создаваться в ноообразовании и с помощью аффиксов. Например, префикс **супер-** сообщает производным значение повышенного качества, крайне высокой степени проявления признака, причем нередко производные приобретают значение «лучший», «идеальный», «впечатляющий»: **Суперспурт** *Родригеса* <...> *Метров за 400 до финиша Родригес ехал последним в группе отрыва из шести гончиков, но затем совершил резкий спурт и опередил всех конкурентов* (РГ. 25.05.2012); **Суперполисмен** <...> *Научите новое поколение полицейских находить прекрасное в повседневном, совершенствовать свои качества, быть тонкими и чуткими* (РГ. 28.03.2012).

Образования с суффиксом **-щин(а)** как названия общественных явлений или политических течений выражают, как правило, оттенок не-

одобрения: *Борьба с дезовщиной <...> Многие москвичи недовольны деятельностью ДЕЗов, особенно стоимостью соотношения стоимости и качества предоставляемых услуг* (МК. 25.01.2012).

Авторскую оценку может выражать и суффикс **-чик-**: *Заемный «бумчик» <...> По сведениям зампреда Банка России Алексея Симановского, в целом за 2011 год портфель кредитов нефинансовым организациям вырос на 26%, займов физическим лицам – на 35,9%. «Не назову это бумом, но это бумчик», – охарактеризовал он такую динамику* (НИ. 23.01.2012), где бумчик – маленький, незначительный бум; суффикс в данном случае придает значению производного оттенок пренебрежительности.

Экспрессия наблюдается и у некоторых новообразований с аффиксоидами. Суффиксоид **-гейт**, сообщающий производным значение скандальности, связан с выражением негативной оценки: *Чулпангейт <...> Распять актрису Чулпан Хаматову* (Чулпан Хаматова – известная российская актриса театра и кино, Народная артистка России. Ч. Хаматова является одним из учредителей благотворительного фонда «Подари жизнь». – Авт.), *<...> последнюю неделю пытались раз пять сотни разъяренных блогеров* (РГ. 20.02.2012)

Иногда отрицательное отношение автора перерастает в речевую агрессию, т. е. «жесткое, подчеркнутое средствами языка выражение негативного эмоционально-оценочного отношения к кому-, чему-либо, нарушающее представление об этической и эстетической норме» [47, с. 24]. Как проявление вербальной агрессии можно, в частности, рассматривать создание окказиональных слов на базе грубых жаргонных, обценных слов и выражений (используемых в качестве непосредственных мотивирующих или присутствующих в качестве ассоциативного фона, легко устанавливаемого адресатом): *Полный криздец <...> Не вешайте нос, банкир Улюкаев! Рано или поздно кризис кончится и настанет... полный криздец!* (АиФ. 21.12.2011); *Япона-матрены <...> Завершилась работа над оригинальным заказом из Японии. Для клиентов из Страны восходящего солнца сделали 100 матрешек в виде невест* (НД. 21.10.2010). Неприличные ассоциации вызывает заголовок **ПОПАРЬся наКОНЕЦ** *<...> Так рекламирует себя одна из автозаводских саун* (НР. 14.05.2009), графически выделенные сегменты которого актуализируют нелитературное значение слова *конец*.

Следует отметить, что, демонстрируя собственную оценку, журналист преследует цель не столько самовыражения, сколько активного

воздействия на адресата, привлечения его на свою сторону, навязывания определенного взгляда на ту или иную ситуацию.

Экспрессия заголовка может быть связана и с созданием посредством новообразований комического эффекта. Лингвисты отмечают, что словообразование «наиболее активно используется для создания комического эффекта», при этом «ни синтаксис, ни лексика не могут соперничать в этом отношении со словообразованием» [14, с. 649].

Комизм может появляться при заменительной деривации, когда замещающий компонент созвучен замещаемому, а в самом новообразовании совмещаются значения их обоих: **Пола-фабрикаты** (ср.: *полуфабрикаты*): *кто из чемпионок на проверку оказался ... мужчиной <...> 26-летняя Линдси Уолкер претендует на статус новой звезды в американском женском баскетболе. <...> Совсем недавно Линдси была ещё... баскетболистом Грегом Уолкером (АиФ. 11.04.2012); Нанобрачные (ср.: *новобрачные*)<...> *Анатолий Чубайс* (глава ОАО «РОСНАНО». – *Авт.*) и *Авдотья Смирнова*, по нашим данным, собираются отпраздновать свадьбу в пятницу. У молодоженов уже состоялась предсвадебное путешествие в Новую Зеландию (МК. 19.01.2012).*

Комизм не всегда уместен, поскольку «не все явления человеческой жизни имеют комическую природу», и «неумение или нежелание журналистов “переключать коды” приводит к языковому цинизму», кроме того, в сознание читателя закладывается «несерьезное отношение к серьезным вещам» [25, с. 52–53]: **Центральный избивательный участок** (Коммерсант. 07.12.2011).

Таким образом, повышать экспрессивность заголовка и, соответственно, активизировать выполнение им прагматической функции новообразования способны как в силу особенностей структуры, так и за счет семантики. Добиться внимания адресата журналист может необычностью формы окказионализма, обращением к прецедентным феноменам, созданием новообразований, передающих авторскую оценку или создающих комический эффект.

Еще одной важной функцией новообразований в заголовке является **информативная функция**. В отличие от экспрессивной функции, ее выполнение окказионализмами не столь очевидно, поскольку любое неизвестное слово нуждается в интерпретации, что не способствует ускорению восприятия и понимания заголовка. Однако многие окказионализмы вполне информативны, т. е. понятны читателю, их значение выводимо из значений составляющих. Это касается, в первую очередь, новообразований стандартной структуры, созданных узуальными спо-

собами (префиксальных, суффиксальных, сложных). Высокой степенью информативности характеризуются многие аффиксальные окказионализмы, значение которых выводимо из значений соответствующих аффиксов и производящих основ: *Антигероининовая армия Российской Федерации* <...> *В Госдуме готовится к обсуждению законопроект об использовании войск в борьбе с наркотрафиком* (Нез. газета. 17.04.2012); *Заемный «бумчик»* (НИ. 23.01.2012); *Дисконтизация всей страны* (НИ. 25.04.2012).

В окказионализмах с двумя и более основами информативность зависит от прозрачности семантики составляющих, а также от того, понятны ли читателю принцип и основания их соединения. Последний критерий дает преимущество сложным окказионализмам, созданным узуальными способами, перед гибридами, структура которых без прочтения публикации нередко остается непонятной для адресата. Так, достаточно понятен адресату окказиональный композит в заголовке *Олимпиадофобия* <...> *Власти Великобритании хоть и рады всем олимпийцам, но очень боятся, что некоторые из них задержатся в гостях и после окончания соревнований. Или завезут какую-нибудь сразу* (НИ. 13.04.2012).

При этом, подчеркнем, речь идет не об окончательной интерпретации, а лишь о более или менее точном определении значения новообразования. Например, без контекста публикации читатель не может определить, в прямом или переносном значении следует трактовать то или иное новообразование: *Зимняя охота на еврозайца* <...> *На этой неделе наши команды одержали победы в двух из трех матчей еврокубков (С-Э. 17.02.2012)*, где *еврозаяц* оказывается кубком за победу в футбольных Лиге Чемпионов и Лиге Европы.

Относительной легкостью интерпретации характеризуются некоторые графические гибриды, поскольку их структура представлена наиболее наглядно: *УДАЧное начало сезона. Как подготовить участок, посадки и семена к лету* <...> *Март – самое время начать подготовку к дачному сезону* (АиФ. 21.03.2012); *ПРОБлемы Макфола* <...> *Марк Кирк потребовал от Макфола разъяснений, намерен ли Белый дом делиться с Россией секретными данными, касающимися американской системы противоракетной обороны* (РГ. 15.12.2011).

Среди новообразований, созданных незузальными способами, довольно высокой информативностью отличаются также слова, образованные путем заместительной деривации, т. к. при этом структура окказионализмов остается прозрачной для читателя, а значение выводится из

значений составляющих: **Неблагонадежный** <...> Чиновница обвинила блогера в клевете и подала на него в суд (РГ. 08.12.2011), **неблагонадежный** – неблагонадежный блогер; **Мы, нижеподсчитавшиеся** <...> ЦИК обнародовал результаты проверки подписей кандидатов в президенты (РГ. 24.01.2012), **нижеподсчитавшиеся** – те, кто подсчитал подписи.

Говоря об информативной функции новообразований, следует учитывать такие их свойства, как незакрепленность за конкретным денотатом и тесная связь с контекстом. Иными словами, какой бы прозрачной ни была структура, как бы легко ни было вывести значение нового слова из значений составляющих, интерпретация новообразования без прочтения публикации не может быть окончательной. Идентичные, на первый взгляд, окказионализмы, могут иметь совершенно разную семантику: **Грекопадение** <...> Если с левыми не удастся договориться, страну ждут новые парламентские выборы. Их итогом вполне может стать выход Греции из зоны евро. <...> В Брюсселе боятся выхода Афин из зоны евро, который вызовет эффект домино и приведет к депрессии на всем континенте. <...> Как заявил <...> заместитель премьер-министра Греции, деньги в стране закончатся через 6 недель. <...>. Это значит, что в стране наступит полный хаос (НИ. 14.05.2012) и **Грекопадение** на ровном месте <...> Только что московский ЦСКА — нет, не громил, конечно, но держал в узде греческий «Олимпиакос». Только что на табло были сладостные +12. И они растаяли вместе с шедевральным броском Георгиоса Принтезиса, как и растаяла главная мечта красно-синих: снова стать лучшей командой Европы (МК. 15.05.2012). В первом заголовке грекопадение – кризис в Греции, во втором – поражение греков. Однако самое общее толкование новообразования возможно и в заголовке: «падение, связанное с греками». На это значение наслаивается и семантика слова грехопадение, в результате чего окказионализм расшифровывается как «греховное падение, связанное с греками». А как следует понимать падение, какая роль отводится грекам, почему падение греховное, читатель может выяснить только после обращения к тексту публикации.

Несмотря на то что **номинативная функция** новообразований ослаблена (А.Г. Лыков, В.С. Виноградов), иногда окказиональное слово включается в заголовок именно с целью называния какого-либо явления или предмета действительности: окказионализм может называть объект или явление, для которых не существует однословной номинации (они передаются описательно): *Зачем России «бравомобили»? <...> О ско-*

ром выпуске машин, работающих на аккумуляторных батареях под управлением микропроцессора, журналистов проинформировал губернатор Астраханской области. <...> Глава региона уже дал поручение <...> разработать программу поддержки компании «Браво моторс» в серийном производстве оригинальной техники (Мир новостей. 10.01.2012); Кофемобиль прошел испытания <...> Авторы британской научно-популярной передачи <...> продемонстрировали машину, которая может работать на кофе (НН, 12.03.2010); Вырастил помидор-яблоко <...> швейцарский садовод Маркус Коберт, чтобы получить плод, который снаружи выглядит как яблоко, а внутри как томат, потратил 20 лет (НН. 23.07.2010).

Одним из приоритетных качеств заглавия является лаконизм, поскольку с ним связано выполнение заголовком так называемой «мнemo-технической функции» [70, с. 21]: он позволяет читателю сохранять, накапливать и воспроизводить информацию, полученную из газетного текста. Способность заглавия выступать в этом случае в роли сжатого текста нередко обусловлена наличием в нем окказиональных слов, которые выполняют **компрессивную функцию**.

Большими возможностями для создания кратких номинаций обладают сложные слова и гибридные образования. Это объясняется наличием в их составе нескольких производящих основ, каждая из которых формирует значение нового слова. Очевидно, например, выполнение рассматриваемой функции окказиональными композитами в следующих заголовках: РФПЛ нашла бананометателя <...> Сотрудники Российской футбольной премьер-лиги (РФПЛ) установили личность человека, бросившего банан в футболиста махачкалинского «Анжи» Кристофера Самбу (Коммерсант. 30.03.2012); Минизайм по максиставке <...> Одолжив 3 тысячи рублей, через неделю придется вернуть в 1,5 раза больше (РГ. 08.02.2012). Новообразования в данных заголовках успешно заменяют конструкции «человек, бросивший банан», «максимально высокая ставка». Помимо рассмотренных новообразований, можно указать также окказионализмы, созданные по модели «существительное + существительное» с возникающими между компонентами определительными отношениями: Вулкан-тур и парусная кругосветка позволили в дороге <...> Учёные намерены совершить непрерывное кругосветное путешествие вдоль вулканического пояса Земли с пересечением всех континентов по их максимальной протяжённости (АиФ. 18.04.2012); Интернет-планы государства переписаны <...> Правительство опубли-

ковало новую версию госпрограммы «Информационное общество» на 2011–2020 годы, утвержденную год назад (Коммерсант. 21.12.2011).

Экономия речевых средств достигается при графической гибридации, когда автор, не выходя за рамки формальных границ слова, предъявляет адресату еще одно, существующее в исходном: **ВТОржение** чужих <...> *Вступление нашей страны во Всемирную торговую организацию (ВТО) вызывало опасение не только у ряда экспертов, но и у работников российских отраслей производства* (АиФ. 28.03.2012); **НезаДАЧА** на трубе <...> *Над нефтепроводом на Лосином острове обнаружены частные постройки. <...> Трубопроводной компании необходимо срочно заняться ремонтом проходящего там нефтепровода. Однако прямо над трубой, по которой сырье поступает на Московский НПЗ, обнаружили недавно построенные дачи* (Моск. новости. 16.05.2012).

Следует отметить, что некоторые префиксальные и суффиксальные новообразования за счет семантики соответствующих аффиксов также способны заменять многословные обороты, выполняя тем самым функцию компрессии текста: **Страх не-возмездия** <...> *Пьяная водительница сбила насмерть на тротуаре женщину с ребенком. Во вторник сотни людей намерены выйти на городской митинг, чтобы помянуть погибших и потребовать наказания виновницы происшествия* (Нез. газета. 23.04.2012), **не-возмездие** – отсутствие возмездия; **Гиперпредательство** вместо гиперзвукового оружия <...> *Громкими заявлениями в последнее время отличился заместитель председателя правительства России Дмитрий Rogozin. Сначала он предложил приравнять срыв государственного оборонного заказа к измене Родине. <...> Сейчас и вовсе обвинил бывшее руководство страны в предательстве национальных интересов* (АН. 31.05.2012), **гиперпредательство** – большое предательство, предательство на самом высоком уровне.

Выполнять компрессивную функцию, как показывают наблюдения, могут окказионализмы разнообразной структуры. В них реализуется компрессивная функция словообразования в целом [16, с. 8].

Таким образом, заголовочным образованиям свойственна полифункциональность: новообразования в заголовке способны выполнять деавтоматизирующую, экспрессивную, информативную, номинативную и компрессивную функции. Выполнение той или иной функции во многом зависит от структурных особенностей новообразования.

Использование новообразований в заголовке существенно влияет на выполнение последним своих основных функций (информативной и прагматической), причем влияние это может быть как положительным

(придание заголовку необходимых ему новизны, яркости, краткости, информативности), так и отрицательным (превращение заглавия в непонятное, сложное для восприятия образование, препятствующее адекватной оценке возможного содержания публикации). Высшим проявлением негативного влияния будет отказ адресата от прочтения публикации.

Кроме того, существенна роль окказиональных слов в создании заголовком эффекта усиленного ожидания (стремление адресата понять новое слово) и/или эффекта обманутого ожидания (несовпадение выдвинутой до прочтения публикации гипотезы о значении окказионализма с реальной семантикой новообразования либо невозможность истолковать новое слово, т. е. невозможность проверить ранее возникшее предположение о семантике окказионализма) у читателя, без которых сложно представить газетное заглавие.

Указанная полифункциональность является одной из причин востребованности окказионализмов при создании журналистами заглавий к различным публикациям.

Источники

Газеты

Акция

Аргументы и факты (АиФ)

Аргументы и факты – Нижний Новгород (АиФ-НН)

Аргументы недели (АН)

Бизнес + Карьера (Б + К)

Дзержинец

Дуэль

Завтра

Знание-Власть!

Известия

К барьеру!

Коммерсантъ

Коммерсантъ Деньги

Комсомольская правда (КП)

Комсомольская правда – Нижний Новгород (КП-НН)

Ленинская смена (ЛС)

Московский комсомолец (МК)

Московский комсомолец в Нижнем Новгороде (МК в НН)

Московские новости (МН)

Мир новостей

Наша Версия (НВ)

Новая газета (НГ)

«Новая газета» в Нижнем Новгороде (НГ в НН)

Новое дело (НД)

Независимая газета (Нез. газета)

Новые известия (НИ)

Нижегородская правда (НП)

Нижегородские новости (НН)

Нижегородский рабочий (НР)

Парламентская газета

Приключения. Тайны. Чудеса

Перспект

Российская газета (РГ)

Русский репортер (РР)

Собеседник

Советская Россия (СР)

Спорт-Экспресс (С-Э)

Экономическая газета (ЭГ)

Экспресс-газета

The New Times

Журналы

Огонек, Телесемь

Телевидение

Первый телеканал (1-й телеканал)

Пятый телеканал (5-й телеканал)

телеканал «Культура»

телеканал ННТВ

телеканал НТВ

телеканал «Россия»

телеканал РТР

телеканал ТНТ

телеканал REN TV

Радио

Радио «Бизнес FM»

«Радио России»

радио «Ретро FM»

радио «Серебряный дождь»

Интернет-источники

<http://news.rambler.ru>

<http://newsru.com>

Список литературы

1. Авина Н. Проявление интернационализации в русском языке в ситуации этнокультурного взаимодействия // *Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej*, 2009. С. 63–75.
2. Бакина М.А. Словотворчество // *Языковые процессы современной русской художественной литературы. Поэзия. М., 1977. С.78–127.*
3. Блисковский З.Д. Муки заголовка. М.: Книга, 1972. 160 с.
4. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. [Электронный ресурс]. СПб., 2009. Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic>.
5. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учеб. пособие. М.: Логос, 2001. 302 с.
6. Вепрева И.Т., Мустайоки А. Детабуизация в современном русском языке и тревожная лексика // *Язык вражды и язык согласия в социокультурном контексте словесности. Екатеринбург, 2006. 560 с.*
7. Виноградов В.С. Лексические вопросы перевода художественной прозы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 172 с.
8. Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // *Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 338–378.*
9. Головин Б.Н. Основы культуры речи. 2-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1988. 320 с.
10. Горелов И.Н., Седов К.Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 1997. 224 с.
11. Долгирева А.Э. Газетный заголовок в прагмалингвистическом аспекте: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Таганрог, 2002. 298 с.
12. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык конца XX столетия. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 90–141.*
13. Земская Е.А. Активные процессы современного словопроизводства // *Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М., 1996. С. 90–141.*
14. Земская Е.А. Веселое словообразование // *Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма. М., 2007. С. 642–650.*
15. Земская Е.А. Литературная норма и неузואльное словообразование // *Современный русский язык: Система – норма – узус. М., 2010. С. 207–253.*
16. Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. 220 с.
17. Земская, Е.А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. 304 с.
18. Земская Е.А. Современный русский язык. Словообразование. 6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2009. 328 с.
19. Земская Е.А. Цитация и виды ее трансформации в заголовках современных газет // *Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур. М., 1996. С. 157–168.*

20. Ильясова С.В. Словообразовательная игра как феномен языка современных СМИ. Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ун-та, 2009. 360 с.
21. Ильясова С.В. Языковая игра в коммуникативном пространстве СМИ и рекламы. М.: Флинта, 2009. 296 с.
22. Карасик В.И. Коммуникативные тенденции: регистры, понятия, тональности, сферы // Дискурс, текст, когниция. Нижний Тагил, 2010. С. 164–183.
23. Карасик В.И. Коммуникативные нормы массовой культуры // Дискурс, культура, ментальность: Коллект. монография. Нижний Тагил, 2011. С. 18–33.
24. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 264 с.
25. Клушина Н.И. В какие игры мы играем // Русская речь. 2003. № 1. С. 51–54.
26. Кожина Н.А. Нечто большее, чем название // Русская речь. 1984. № 6. С. 26–33.
27. Козулина Н.А., Левашов Е.А., Шагалова Е.Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря-справочника. СПб: Нестор-История, 2009. 288 с.
28. Колесов В.В. Жизнь происходит от слова... СПб.: Златоуст, 1999. 368 с.
29. Кормилицына М.А. Качество передаваемой в печатных СМИ информации как фактор социальных рисков // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2012. Вып. 12. С. 13–25.
30. Кормилицына М.А. Некоторые итоги исследования процессов, происходящих в языке современных газет // Проблемы речевой коммуникации. Саратов, 2008. Вып. 8. С. 13–34.
31. Коробова Л.А. О семантике газетного заголовка // Иностранная филология. Вып. 6. Алма-Ата, 1975. С. 77–84.
32. Коряковцева Е.И. Интернациональное vs. национальное в словообразовательной системе: к постановке вопроса // *Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce, 2009. С. 179–199.
33. Коряковцева Е.И. Словообразовательные ресурсы новых функциональных стилей славянских языков // *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich*. Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. International Slavistic Committee Commission on word-formation. Papers in thematic Session. XV International Congress of Slavists. Sedlce, 2013. С. 9–38.
34. Коряковцева, Е.И. Языковой образ российской провинции в столичной прессе // Жизнь провинции как феномен духовности. Н. Новгород: Вектор ТИС, 2005. 387 с.
35. Костомаров В.Г. Русский язык на газетной полосе. М.: Изд-во МГУ, 1971. 268 с.
36. Кудрявцева Л.А. Формирование и развитие языка массовой коммуникации в современном информационном обществе // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы. II Международный конгресс исследователей русского языка. М., 2004. 680 с.
37. Лазарева Э.А. Заголовок в газете. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 96 с.

38. Лыков А.Г. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М.: Высшая школа, 1976. 120 с.
39. Лысакова И.П. Революция в языке или язык революции? // Современная русская речь: состояние и функционирование. Вып. II. СПб., 2006. С. 119–130.
40. Мукаржовский Я. Литературный язык и поэтический язык // Пражский лингвистический кружок. М., 1967. С. 406–431.
41. Нецименко Г.П. Заимствования vs. интернационализмы в современной вербальной коммуникации // *Prezjawy internacjonalizacji w językach słowiańskich*. Siedlce, 2009. С. 29–41.
42. Нецименко Г.П. Компьютерная коммуникация в зеркале современной публичной речевой культуры и актуальных деривационных закономерностей (в сопоставительном аспекте) // *Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich*. Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. International Slavistic Committee Commission on word-formation. Papers in thematic Session. XV International Congress of Slavists. Sedlce, 2013. С. 39–66.
43. Нецименко Г.П. Сопоставительное изучение славянских языков и его значимость для прогнозирования развития языковой системы // *Aktualne problemy komparatystyki słowiańskiej: teoria i metodologia badań lingwistycznych*. Siedlce, 2010. С. 13–49.
44. Николина Н.А., Фролова Е.А., Литвинова М.М. Словообразование современного русского языка. М., 2005. 160 с.
45. Новиков А.И. Лингвистические и экстралингвистические элементы семантики текста // *Аспекты общей и частной лингвистической теории текста*. М., 1982. С. 10–22.
46. Олешков М.Ю. Реализация манипулятивно-консолидирующей стратегии в институциональном дискурсе // *Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр.* Саратов, 2008. Вып. 8. С. 75–83.
47. Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М.: Флинта: Наука, 2011. 160 с.
48. Попов А.С. Синтаксическая структура современных газетных заголовков и ее развитие // *Развитие синтаксиса современного русского языка*. М., 1966. С. 95–127.
49. Попова Т.В. Креолизованные дериваты как элемент русской письменной коммуникации рубежа XX–XXI вв. // *Лингвистика креатива-1: Коллект. монография / Под общ. ред. Т.А. Гридиной; 2-е изд.* Екатеринбург, 2013. С. 147–175.
50. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гуцунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта: Наука, 2005. 168 с.
51. Поцепня Д.М. Изменения в словарном составе и новые лексикографические идеи // *Современные языковые процессы*. СПб., 2003. С. 76–88.
52. Рацибурская Л.В. Новообразования как средство экспрессивизации текстов нижегородских СМИ // *Жизнь провинции как феномен русской духовности*. Всерос. науч. конф. Н. Новгород, 2003. С. 122–125.
53. Рацибурская Л.В., Самыличева Н.А. Саркозел или Жёпардьё? Об эффектах словотворчества в медийных текстах // *Журналист*. 2013. № 9. С. 72–73.

54. Романенко А.П. Советская и постсоветская массовая словесная культура: общее и различное // Советское прошлое и культура настоящего: монография: В 2 т. Екатеринбург, 2009. Т. 2. 396 с.
55. Русская грамматика. Т. 1. 1980. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rusgram.narod.ru/morf1t.html>.
56. Саломатина М.С. Прецедентные тексты и прецедентный стиль в современном агитационном дискурсе // Советское прошлое и культура настоящего: Монография: В 2 т. Екатеринбург, 2009. Т. 2. 396 с.
57. Самыличева Н.А. Окаzionaliальные слова как средство экспрессивизации газетного текста (на материале нижегородских СМИ): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Нижний Новгород, 2011. 301 с.
58. Самыличева Н.А. Экспрессивность как базовое свойство окказиональных слов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 4 (1). С. 354–360.
59. Сафонов А.А. Стилистика газетных заголовков // Стилистика газетных жанров. М., 1981. С. 225–228.
60. Сиротинина О.Б. Общение в зоне рисков и тенденция к диффузности значений // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2012. Вып. 12. С. 5–13.
61. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивность // Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты. М., 2005. С. 362–364.
62. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Экспрессивные средства в языке современной газеты: тенденции и их культурно-речевая оценка // Язык средств массовой информации: Учеб. пособие по специализации. Ч. 2. М., 2004. С. 285–306.
63. Скоробогатько В. Фигурно выражаясь // Журналист. 2006. № 10. С. 70–72.
64. Сметанина С.И. Медиа-текст в системе культуры (динамические процессы в языке и стиле журналистики конца XX века. СПб.: Изд-во Михайлова В.А., 2002. 383 с.
65. Стилистический энциклопедический словарь / Под ред. М.Н. Кожинной. М. Флинта: Наука, 2006. 696 с.
66. Страмной А.В. Газетный текст как источник неологизмов (на материале русской и французской прессы): Автореф. дис... канд. филол. наук: 10.02.01; 10.02.05. Владимир, 2007. 24 с.
67. Суворов С.П. Особенности стиля английских газетных заголовков (по материалам «Daily Worker») // Язык и стиль. М., 1965. С. 179–196.
68. Сулименко Н.Е. Аномальные явления в зеркале неологического словаря // ACTALINGUISTICA PETROPOLITANA: Труды Института лингвистических исследований. Т. II. Ч. 3. СПб., 2006. С. 156–160.
69. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.

70. Хазагеров Г.Г. Функции стилистических фигур в газетных заголовках (по материалам «Комсомольской правды»): Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Ростов н/Д, 1984. 159 с.
71. Химик В.В. Поэтика низкого, или Просторечие как культурный феномен. СПб., 2000. 269 с.
72. Шкапенко Т. Русский «тусовочный» как иностранный: Учеб. пособие. Калининград, 2003. 200 с.
73. Янко-Триницкая Н.А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975. Вып. 143. С. 413–418.
74. Bozděchová I. Projevy internacionalizace v současné české odborné komunikaci, zejména lékařské // Prezjawy internacionalizacji w językach słowiańskich. Siedlce: Wydawnictwo Akademii Podlaskiej, 2009. S. 53–62.
75. Gazda J. Internacionalizační tendence v rozvojislovní zásoby současných zapadoslovanských jazyků // Internacionalizace v nové slovní zásobě. Sborník příspěvků z konference Praha 16.-18. června 2003. Praha, 2003.
76. Mutter P. Komponent BIO v hybridních složeninách a jeho význam // Internacionalizace v nové slovní zásobě. Sborník příspěvků z konference Praha 16.-18. června 2003. Praha, 2003.
77. Ohnheiser J. Стирание стилевых границ в словообразовании и словоупотреблении // Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. International Slavistic Committee Commission on word-formation. Papers in thematic Session. XV International Congress of Slavists. Sedlce, 2013. S. 67–82.

ГЛАВА 4

ВАРИАНТНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И СОБИРАТЕЛЬНЫХ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ: ВЛИЯНИЕ СЕМАНТИЧЕСКОГО ФАКТОРА

Е.В. Щеникова

Варьирование количественных и собирательных числительных (далее сокращенно – КЧ и СЧ соответственно) в пределах первого десятка широко представлено в современной русской речи, и прежде всего оно касается использования этих числительных для указания на количество живых существ – людей и животных. Однако до сих пор не решенным остается вопрос о том, насколько случайным / закономерным является употребление числительного того или иного разряда (как в рамках, установленных нормой, так и за ее пределами).

В научной и учебной литературе варианты формы КЧ и СЧ традиционно рассматриваются в нескольких аспектах. Во-первых, раскрывается влияние нормы на выбор между числительными указанных разрядов (при этом норма учеными понимается по-разному; ср., например: [54, с. 291] и [62, с. 16]). Во-вторых, коротко, и далеко не во всех работах, употребление числительных характеризуется в собственно грамматическом (особенности управления / согласования и т. п.) [11, с. 216; 50, с. 133; 37, с. 119 и др.] и стилистическом аспектах [44, с. 264; 50, с. 132; 43, с. 47; 4, с. 181; 17, с. 262 и др.]. И наконец, в-третьих, рассматриваются семантические особенности КЧ и СЧ. Обусловленность синтагматики КЧ и СЧ их семантической спецификой (а точнее – сам факт существования в языке семантических различий между числительными этих разрядов) вызывает наибольшие споры среди лингвистов. Основная

дискуссия ведется относительно наличия / отсутствия у СЧ и КЧ значений (оттенков) совокупности и расчлененности соответственно.

Значение совокупности у СЧ

Наличие у слов *двое–десятеро* особой собирательной семантики чаще признается, чем не признается. Согласно представленным в лингвистической литературе формулировкам, СЧ обозначают:

- «количество как совокупность» [2, с. 19; 21, с. 110; 29, с. 396];
- нерасчлененную совокупность предметов [48, с. 118];
- «количество предметов в их совокупности» [44, с. 264; 36, с. 54];
- «количество предметов как их совокупность» [22, с. 108; 9, с. 248];
- «количество предметов как совокупность, как единое целое» [39, с. 213; 6, с. 212];
- «количество предметов как одно целое» [27, с. 98; 51, с. 81];
- «определенное количество как нечто целое» [32, с. 135];
- «целое число <...> как единое целое, как нечто объединенное» [58, с. 46];
- множество «как единство» [31, с. 145].

В отдельных работах имеют место попытки разъяснения предлагаемых формулировок. А.И. Ефимов, например, уточняет, что объединение «определенного числа предметов в одно целое» происходит «по отношению к совершаемому ими действию или свойственному им признаку» [49, с. 228]. Иногда встречаются комментарии к текстовым иллюстрациям (как правило, достаточно лаконичные): «Ко мне приходило *пятеро* студентов (т. е. все вместе, одновременно)» [38, с. 369]; «Я в прошлом году дружил с тремя мальчиками. Это предложение не свидетельствует о том, что три мальчика составляли одну компанию. Может быть, они и не были знакомы друг с другом (например, один друг – одноклассник, другой – товарищ по спортивной команде, третий – родственник). Моими друзьями были трое мальчиков. Здесь слово *трое* показывает, что мальчики все вместе были его друзьями» [36, с. 54–55]. Но чаще всего лингвисты ограничиваются базовыми формулировками, которые не позволяют раскрыть суть семантики совокупности и особенности ее реализации в речи. Насколько можно судить по отдельным высказываниям, некоторые исследователи просто не видят необходимости в подробных разъяснениях и комментариях. Так, по утверждению А.И. Ефимова, в наличии у СЧ значения совокупности *«легко убедиться*

(курсив наш. – *Е.Щ.*) при сопоставлении таких сочетаний, как: *в первый класс принято еще три мальчика; у моего брата четверо детей – трое мальчиков и одна девочка*» [49, с. 228].

Существующее положение вещей, на наш взгляд, во многом способствует распространению иной точки зрения, согласно которой СЧ в современном русском языке значением совокупности не обладают (см., например: [45, с. 111; 11, с. 214; 15, с. 271; 10, с. 87–88; 20, с. 9; 7, с. 218]; кроме того, «значение собирательности у указанных числительных не отмечается рядом авторитетных словарей (см. Словарь Ушакова, 1935; Малый академический словарь (МАС), 1981; Большой академический словарь русского языка (БАС), 2006): при определении собирательных лексем в них отмечается только сема количества, выраженная производящей основой» [19, с. 60]).

Однако существенных доказательств в защиту своей позиции сторонники второго подхода к пониманию семантики совокупности также не предоставляют (между тем непризнание за СЧ самостоятельного категориального значения является значимым шагом на пути отрицания данной группы слов как отдельной грамматической категории).

Во всех известных нам источниках вывод об отсутствии у СЧ особого значения предлагается сделать в результате сопоставления единичных примеров, которые вырваны из контекста и обычно даже не сопровождаются комментариями: «Указанные слова (СЧ. – *Е.Щ.*) не обнаруживают особого семантического своеобразия по сравнению с количественными (ср.: *семеро козлят – семь коз*), что делает само название разряда условным» [7, с. 218]; «никакого особого семантического оттенка эти числительные по сравнению с количественными не имеют (ср.: *двое ножниц и два ножа, двое студентов и две студентки* и т. п.)» [45, с. 111], см. также: [11, с. 214; 15, с. 271]. Более того, некоторые из приводимых примеров (*семеро козлят – семь коз, двое студентов – две студентки*) отражают лишь традиционные представления о литературной норме, а не фактическую синтагматику КЧ и СЧ на современном этапе развития русского языка. Так, СЧ достаточно регулярно встречаются при указании на количество лиц женского пола (см., например: [62, с. 16; 18, с. 236; 25, с. 283]). Факты использования СЧ для указания на количество взрослых животных отмечаются реже, однако упоминания о них содержатся не только в собственно научной, но и в учебной литературе [17, с. 262], что свидетельствует о типичности самого явления.

Кроме того, отсутствие у СЧ значения совокупности предлагается установить путем сравнения «этих числительных с количественными в

таких случаях: *Не проголосовали трое – три человека; Пятеро не пришли – пять человек не пришло*» [15, с. 271]. Однако в приведенных высказываниях слова *трое, пятеро*, безусловно сохраняя определенные свойства числительных, выступают в роли имен существительных. Поэтому выводы об особенностях их семантики и употребления нельзя безоговорочно экстраполировать на единицы, использующиеся в их основных грамматических значениях.

Реальное функционирование КЧ и СЧ в речи, по нашему мнению, в наибольшей степени отражает третий (не очень распространенный) подход к толкованию их семантики, который представлен, например, в работах Л.К. Граудиной, Г.А. Качевской, в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка». Согласно данному подходу, на современном этапе развития русского языка семантические различия между КЧ и СЧ существуют, но являются очень тонкими и в ряде случаев «полностью нейтрализуются» [35, с. 69]; значение совокупности у СЧ проявляется непоследовательно, обнаруживается не во всех контекстах [23]. По свидетельству Л.К. Граудиной, «смещение значений» чаще всего происходит при сочетании СЧ с именами существительными, называющими лиц мужского пола [18, с. 236].

Сторонники данного подхода отмечают также определенный субъективизм в восприятии и осознании категории собирательности носителями современного русского языка: СЧ может употребляться, если людей, количество которых оно обозначает, «объединяет сам говорящий, – обычно потому, что он их видит (или представляет) вместе» [35, с. 70]. В некоторых работах данная идея прямо не выражается; однако представленные толкования категориального значения СЧ свидетельствуют о том, что их авторы учитывают рассматриваемый аспект: «Собирательные числительные обозначают совокупное количество лиц или предметов, т. е. количество *мыслимое* (выделено нами. – *Е.Щ.*) как единое целое» [47, с. 44]; «количество, *понимаемое* (выделено нами. – *Е.Щ.*) как нечто целостное, единое» [26, с. 254]. На ранних этапах развития русского языка понятие совокупности было, очевидно, более строго детерминировано: по свидетельству Г.А. Хабургаева, «в средневековых текстах *двое, трое детей* – это <...> всегда дети одной семьи; *трое коров, пятеро лошадей* – всегда скотина одного хозяина» [57, с. 265].

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» на примере леммы *двое* коротко характеризуются отдельные смысловые оттенки, которые могут формироваться на базе СЧ: «*двое* в одном из

своих употреблений предполагает, что данные люди выделены из большей совокупности» [35, с. 69–70]; «**двое** предполагает, что два человека делают что-либо совместно, причем одновременно и в одном и том же месте» [35, с. 70]. Обращение только к этим двум оттенкам уже позволяет понять, насколько неоднородны факты употребления СЧ в современной русской речи. Последнее является объективным препятствием к установлению их семантической специфики на фоне КЧ.

Анализ текстов, представляющих книжный (художественный) и телевизионный (спортивный – комментаторский, новостной, развлекательный) дискурс, показывает, что **основания для объединения живых существ в группы** крайне разнообразны. Одни из них можно обнаружить только в отдельных типах дискурса, другие в достаточной степени универсальны.

В целом наиболее распространенной следует признать группировку живых существ на основании **производимого действия**: *По версии следствия, **трое задержанных организовали** канал незаконной продажи всего, что стреляет* (Пятый канал. 15.04.2009. Место происшествия); *Да, **двое поедут домой**, а **двое останутся*** (Ю. 30.06.2013. Топ-модель по-американски); *На лестничной площадке перед единственной квартирной дверью **курили двое*** (Пелевин В.О. Т).

Группировка по действию достаточно часто наблюдается в том варианте, который зафиксирован в «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка»: некое количество людей делает «что-либо совместно, причем одновременно и в одном и том же месте» [35, с. 70]: *Они уверяли: их **заперли в кабинете** и жестоко **избивали**, причем **сразу трое** – начальники юридической службы, отдела кадров и службы безопасности* (Россия-1. 24.07.2013. Вести. Дежурная часть); *Колесников берет инициативу на себя. Но опять же не самый удачный момент он для этого выбирает: **двое соперников висели на нем...*** (Спорт. 11.07.2009. Баскетбол); *Черный профиль рояля, **перед ним двое**: Алтын и великий музыкант. Легкие **руки скользят по клавишам**, извлекая из них волшебную **музыку**, полную спокойной и благородной печали. Эти **двое** – одно тело и одна душа. Они чувствуют друг друга без слов* (Акунин Б. Ф.М.) (очевидно, что в последнем примере объединение лиц в группу происходит не только по действию и связанному с ним положению в пространстве, но и по психологическим основаниям).

Рассматриваемый вариант группировки (по действию и связанному с ним положению в пространстве) особенно распространен в художественном дискурсе. Близкое местоположение персонажей нередко свя-

зано с перемещением тяжелых и громоздких предметов или людей (убитых, раненых и т. п.): *А те двое наконец подхватили своего сотоварища под руки... Понесли...* (Маканин В.С. Без политики); <...> *и опять пошли в подъезд двое санитаров в грязных синих халатах с носилками, затем, минут десять спустя, выбрались из подъезда с накрытой ношей* (Петрушевская Л.С. Номер Один). В подобных контекстах СЧ употребляются достаточно последовательно. На наш взгляд, это обусловлено заботой авторов о верности зрительных образов, которые должен породить текст.

Если в текстах художественной литературы живые существа обычно объединяются в группы на основании действий, которые осуществляют сами, то в текстах СМИ нередко используется группировка на основании действий, направленных на считаемых субъектов извне: *Всех трех задержали накануне* (Пятый канал. 06.03.2013. Сейчас); *Все четверо виновников задержаны на двое суток* (РЕН-ТВ. 03.07.2013. Экстренный вызов); *Адли Мансур, временный президент, уже пригласил к совместной работе представителей движения «Братья мусульмане», трое лидеров которого за минувшие сутки были арестованы* (ТВЦ. 04.07.2013. События); *И вот, собственно говоря, сегодня все закончилось тем, что еще двое фигурантов этого самого дела <...> также были сегодня арестованы и также будут препровождены в СИЗО* (НТВ. 05.07.2013. Сегодня); *Трое человек в результате аварии получили травмы, двоих госпитализировали* (Волга. 25.07.2013. Экипаж); *Шестеро уволены, против двоих возбуждено дело о халатности. Так в главке МВД оценили бездействие коллег избитого полицейского* (Первый канал. 31.07.2013. Новости).

Еще одним основанием для группировки живых существ является их **связь с каким-либо третьим лицом или группой** (а точнее – принадлежность к этой группе). В качестве тесной совокупности могут представляться родственники, друзья, коллеги, соседи, сообщники одного человека; члены одной организации; люди, составляющие одну семью, и т. п.: *Накануне в одной из колоний Мурманской области задержали человека, который, уже находясь за решеткой, организовал убийство трех своих родственников* (Пятый канал. 20.05.2008. Место происшествия); *Сейчас девушка и трое ее соучастников-мужчин арестованы* (Первый канал. 01.08.2013. Другие новости); *Из кустов выбрались двое компаньонов Кнопфа* (Пелевин В.О. Т); *Пронесся по Моховой улице <...> мимо старого университета, где учились, по меньшей мере, четверо Фандориных* (Акунин Б. Алтын-голубас). В спортивном дискурсе

выделяется круг текстов, где СЧ называют количество лиц, составляющих одну команду на этапе кубковых соревнований либо в конкретном забеге, заплыве и т. п.: *Нам остается узнать, как выступили другие россиянки. Их на дистанции, напомним, было пятеро* (Спорт. 21.02.2009. Лыжные гонки); *Нашу страну на Кубке представляют трое спортсменов* (Первый канал. 11.02.2012. Новости).

В спортивном и художественном дискурсе рассматриваемое основание для группировки является наиболее частотным в группе сочетаний СЧ с одушевленными существительными *pluralia tantum* *дети, люди*¹. В большинстве случаев здесь происходит указание на связь *n*-го количества детей с одним или двумя общими родителями: *Все это женщины, у которых двое детей, которые в основном составе сборной команды России* (Спорт. 30.01.2009. Лыжные гонки); *<...> а поскольку у Николаса в самом деле было двое маленьких детей, то он на миг представил себя в описанной психом ситуации* (Акунин Б. Внеклассное чтение). Таким образом, можно сделать вывод, что употребление СЧ в подобных случаях обусловлено реализацией живых языковых процессов, а не только особенностями управления (как известно, КЧ *два(е), три*, управляя существительными, требуют их постановки в форму единственного числа, что невозможно сделать со словами *pluralia tantum*), нормой (в некоторых работах утверждается, что СЧ в сочетаниях со словом *дети* выступают «в виде единственно возможного количественного определителя» [45, с. 110; см. также: 38, с. 372–373]) или действием закона аналогии, сложившейся традицией словоупотребления.

В проанализированных нами текстах отчетливо выделяются формальные показатели рассматриваемого основания для группировки. В наиболее явной форме информация об отнесенности/принадлежности выражается посредством конструкций типа «у + сущ._{р.п.}/мест._{р.п.} + количественно-именное словосочетание с отношениями восполнения»: *У Елены Шульгиной, к примеру, трое детей* (Первый канал. 16.02.2012. Новости); *Он счастлив в браке, у него двое очаровательных сыновей* (Свечин Н. Пуля с Кавказа). Кроме того, в качестве формальных показателей группировки используются притяжательные местоимения: *Вы уверены, что остальные двое ваших людей стреляют так же хорошо?* (Акунин Б. Алмазная колесница); притяжательные прилагательные: *А четверо Елизаветиных друзей именно живут в раю, ходят по вечерам друг к дружке в гости* (Петрушевская Л.С. Рай, рай); существительные в родительном падеже со значением принадлежности: *Трое охранников президента получили ранения* (Первый канал. 22.02.2012).

Время). В некоторых контекстах указание на отнесенность осуществляется в описательной форме: *Наши с Иванычем пьяненькие разговоры в последнее время все больше кружили возле окон дачи 12/3, по нашей же улице. Дачка из обыкновенных, небольшая – сейчас там жила семья Сусековых... Красивая Вика. Плюс пара ее стариков... А также Викин сожитель Борис Гуцин, симпатичный хвастливый рыбак. Итого – **четверо*** (Маканин В.С. Боржоми).

Сема совокупности реализуется также, если некоторая **масса** живых существ представляется говорящим / пишущим **в качестве силы**, имеющей возможность добиться (или уже добившейся) положительного результата в процессе своей деятельности. Данное основание для группировки характерно прежде всего для текстов спортивного дискурса. Оно используется при оценке промежуточных и окончательных результатов соревнований, а также перспектив команды на следующих стартах; причем реализуется при комментировании не только командных видов спорта (хоккей, баскетбол), но и индивидуальных (биатлон, плавание, легкая атлетика). В последнем случае речь, как правило, идет о вхождении некоторого количества спортсменов сборной в лидирующую группу: *Надо отметить выступление на чемпионате французских мужчин. Все **трое** завершили соревнования в первой пятерке* (Спорт. 25.01.2009. Фигурное катание); *Ну, в общем эти **двое россиян** поборются за попадание в десятку сильнейших и будут представлять из себя очень грозную силу на гонке преследования* (Спорт. 31.01.2009. Биатлон); *Итак, пока отметку в девять и семь преодолели восемь человек, и в этой восьмерке пятеро немок* (Спорт. 16.01.2010. Биатлон).

Группировка по признаку ‘масса как сила’ во многих случаях предполагает некоторый элемент противопоставления (противнику), однако он никогда не выходит на первый план. Значительно бóльшую роль **противопоставление** играет в других случаях.

Так, оно практически всегда сопровождает группировку **по сходному/гождественному, но не совместному действию**: *Таким образом, на трассе остается только двое из тех, кто еще ни одной дозправки не совершили* (Спорт. 25.08.2009. Формула-1); *Из пяти президентов Египта лишь **двое** победили на выборах* (ТВЦ. 04.07.2013. События); *Из шести **двое** отстрелялись* (Спорт. 25.01.2009. Биатлон). В подобных контекстах считаемые объекты обычно выделяются из какой-то более широкой группы.

Объединение в группы по многим другим основаниям (социально-психологическим, физическим) происходит исключительно на базе про-

тивопоставления. Конкретные признаки, которые выступают в качестве оснований для группировки ('старые – новые', 'настоящие – ненастоящие', 'лучшие – худшие', 'нормальные – ненормальные', 'официальные – неофициальные' и т. п.), как правило, встречаются в единичных контекстах и плохо поддаются классификации, что существенно затрудняет анализ. Однако наш материал все же позволяет выделить несколько типовых вариантов группировки на базе противопоставления.

Наиболее широким основанием для группировки является принадлежность / отнесенность к своим или чужим. Противопоставление по признаку '**свой – чужой**' в разных типах дискурса имеет разные варианты реализации. Например, в детективном дискурсе оно чаще всего наблюдается в виде модификации 'я (мы) – враги', что напрямую связано с содержанием соответствующих произведений. 'Враги', количество которых называется, в подобных случаях воспринимаются не дифференцированно, а как совокупный источник опасности. Это, в частности, может объясняться особенностями описываемых ситуаций: 'враги' скрыты от непосредственного наблюдения стенами домов, уступами скал и т. п., в результате чего их невозможно зрительно воспринимать как самостоятельные единицы: *Из кустов по-прежнему хлопали револьверы – но выстрелы стали реже. Т. определил, что там осталось еще трое* (Пелевин В.О. Т).

Дополнительным основанием для выбора СЧ, а не КЧ может быть использование в рамках количественно-именных сочетаний субстантивов типа *наши, свои*, которое предполагает как минимум имплицитное противопоставление 'своих' 'чужим': *В прошлом году анархист в Новогирееве на даче засел, помните? Целых три часа отстреливался, двоих наших ранил* (Акунин Б. Статский советник). Влиянием семантического фактора в таких случаях можно частично объяснить отступления от общепризнанных нормативных предписаний, и в частности употребление СЧ для указания на количество лиц женского пола: *Сегодня на старте наших четверо* (Спорт. 25.01.2009. Биатлон); *Ну вот сумеет Задорина? Немножко надо добавить. Да-да, прибавляет она. Все-таки быстро начала немка... И Ксения... И Усталова!.. <...> Похоже, все трое наши выигрывают призовые места...* (Спорт. 18.07.2009. Легкая атлетика). В спортивном комментаторском дискурсе группировка лиц по признаку 'свой – чужой' реализуется периодически, однако в «чистом» виде почти не встречается. Можно предположить, что соответствующее противопоставление, с одной стороны, не подчеркивается говорящими из соображений политкорректности (спортсмены нередко обозначаются по-

средством существительных типа *россияне, французы, немцы, норвежцы*, и здесь оно (противопоставление) во многих случаях воспринималось бы как попытка столкновения наций), а с другой – заложено в presupposition и не требует дополнительного вербального выражения.

На базе противопоставления регулярно осуществляется группировка лиц **по возрасту**.

Для новостного дискурса характерно противопоставление ‘взрослые – дети’. При сообщении о стихийных бедствиях, авариях, пожарах и иных происшествиях дети стабильно выделяются в особую подгруппу среди погибших, пострадавших, выживших и т. п.: *Были ранены шестьдесят один человек, погибло восемь, среди них двое детей* (Первый канал. 27.06.2013. Новости); *Семь человек, в том числе двое детей, получили ранения в результате крупной аварии на Бору* (Волга. 29.07.2013. Экипаж). В таких случаях мы наблюдаем СЧ даже в тех позициях, где по статистике они встречаются редко и могут быть заменены на КЧ, например:

– в формах косвенных падежей: *По словам свидетелей, всего в аварии пострадало семь человек, включая двоих детей* (Волга. 29.07.2013. Экипаж);

– в сочетаниях со словами, имеющими нормальное числовое противопоставление: *Винюк крупной автокатастрофы на Минской улице в Москве, когда погибли пятеро воспитанников детдома и двое их педагогов, не только был пьян, но и находился под действием наркотиков* (Первый канал. 04.10.2012. Время);

– при указании на относительно большое количество лиц – от 5 до 10²: *Среди спасенных – семеро детей* (Россия-1. 11.10.2011. Вести); *Остальные двадцать четыре человека, включая десятирех детей, погибли* (Пятый канал. 03.07.2013. Сейчас).

Противопоставление взрослых людей по возрастам встречается в разных видах дискурса, но связи с какими-либо типовыми ситуациями не обнаруживает ни в одном из них: *А Ваня-то, молодец какой Черезов (возрастной спортсмен. – Е.Щ.): он третий! <...> Конечно, может, чуть-чуть обидно, что Черезов... Трех секунд не хватило ему, вот мы видим. Но... Но эти двое молодых, конечно, сегодня выступили просто блестяще!* (Спорт. 25.01.2009. Биатлон); *<...> возможен треугольник. Он и произошел, возник. Молодая женщина отдельно и те двое людей сильно постарше* (Петрушевская Л.С. Найди меня, сон).

В новостном и художественном дискурсе СЧ регулярно используются при реализации противопоставления по признаку ‘живые – мертвые’.

Оно может быть представлено в разных вариациях, например: ‘убитые – раненные’, ‘неисцеленные – исцеленные’ и т. п. При этом в одних случаях в текст включаются соответствующие лексемы, в других – прямая номинация признака отсутствует и группировка осуществляется с опорой на контекст: *В результате катастрофы погибли шестеро иностранных туристов, десятки были ранены* (Пятый канал. 07.11.2013. Сейчас); *Вы знаете, наверное, что из трех заразившихся им двое погибают* (Первый канал. 29.05.2009. Судите сами); *Из дюжины казаков, выступивших из Темир-Хан-Шуры, осталось только семеро* (Свечин Н. Пуля с Кавказа). Очень показательным, по нашему мнению, является последовательное употребление СЧ при освещении одного и того же явления – в рассматриваемом аспекте – журналистами разных телеканалов, например: *В то же время, по данным правительства региона, озвученным на селекторном совещании МЧС, погибли двадцать три, выжили пятеро, в том числе ребенок* (Первый канал. 02.07.2013. Новости); *Спасателям сегодня удалось добраться до места катастрофы вертолета Ми-8 в Якутии. Выжили четверо: трое членов экипажа и двенадцатилетний мальчик. Остальные двадцать четыре человека, включая десятерых детей, погибли* (Пятый канал. 03.07.2013. Сейчас); *В Якутии спасатели нашли вертолет, потерпевший крушение. Из двадцати восьми человек спаслись всего четверо: экипаж и двенадцатилетний мальчик* (Россия-1. 03.07.2013. Вести). Подобные факты словоупотребления подтверждают, что выбор разряда в таких случаях закономерен, причем определяется не стилистической конкретностью телеканала, а реализацией живых семантических процессов.

Группировка по признаку ‘**лидеры – все остальные**’ характерна в основном для спортивного комментаторского дискурса: *Главное – улучшить стрельбу, потому что двое лучших среди россиян, Магазеев и Лапшин, соответственно, промахнулись по два раза и тем не менее проиграли совсем немного самому сильному среди лыжников-биатлонистов на этой дистанции* (Спорт. 31.01.2009. Биатлон); *Мы снова возвращаемся на дистанцию. И четверо в лидирующей группе осталось* (Спорт. 18.07.2009. Легкая атлетика); <...> *между ними огромная разница и в возрасте, и в менталитете, английском и бразильском, и, казалось бы, нет ничего общего, но именно эти двое доминировали на протяжении всего уикенда* (Спорт. 25.08.2009. Формула-1); *Свенсен, Бьёрндален, Сикора – вот трое главных действующих лиц. Приятно, что в эту группу ворвался и Николай Круглов* (Спорт. 13.12.2008. Биатлон). Как видно из примеров, актуализация рассматри-

ваемого семантического признака в речи спортивных телекомментаторов свободно осуществляется вопреки традиционным нормативным предписаниям. В частности, не рекомендуется использовать СЧ при выражении почтительного [16, с. 135], уважительного отношения к лицам, которое отчетливо проявляется в последнем из приведенных примеров и менее явно – в предпоследнем (впрочем, некоторые исследователи утверждают, что стилистические ограничения, налагаемые на использование СЧ в сочетании с именами существительными, в изолированной позиции (при субстантивации СЧ) снимаются [17, с. 262]).

Значительно реже (причем не в спортивных, а в развлекательных передачах) отмечается группировка на базе противопоставления **‘аутсайдеры – все остальные’**: *Во время отбора в числе двоих последних оказались лучшие подруги – Эрин и Рэй* (Ю. 01.07.2013. Топ-модель по-американски).

Очевидно, что представленные выше основания для группировки имеют разную степень абстракции, иногда отчасти пересекаются, могут вступать в родо-видовые отношения и т. п. Так, например, во многих случаях не вполне самостоятельна группировка по признакам ‘лидеры – все остальные’, ‘аутсайдеры – все остальные’: обычно она детализирует группировку по сходному/тождественному, но несовместному действию. Однако ее отдельное рассмотрение помогает лучше представить особенности варьирования КЧ и СЧ в конкретных типах дискурса и, как следствие, в языке в целом.

Как показывают примеры, группировка живых существ по рассмотренным выше основаниям наблюдается при использовании СЧ не только в сочетаниях с именами существительными мужского рода, имеющими нормальное числовое противопоставление, но и в иных позициях, а именно: в сочетаниях с именами существительными женского рода, с одушевленными существительными *pluralia tantum*, с субстантиватами, личными местоимениями, а также в изолированной позиции (т. е. вне количественно-именных словосочетаний с другими субстантивированными словами, с именами существительными или личными местоимениями).

Личные местоимения, в частности, можно даже рассматривать в качестве дополнительного объединяющего начала, поскольку сема совокупности заложена в их значении: местоимение *«мы»* обозначает группу (выделено нами. – *Е.Ш.*) лиц, включающую говорящего» [46, с. 148]; местоимение *«вы»* обозначает совокупность (выделено нами. – *Е.Ш.*) лиц: *«вы»* – это несколько собеседников, а также все лица, которых говорящий объединяет с собеседниками («ты + другие»)» [46, с. 148]. В со-

четаниях СЧ с личными местоимениями основания для группировки, как правило, более явные, чем в сочетаниях с именами существительными: *Двое из нас стояли, разинув варежки, а третий – это я – крепко держался руками за стол* (Маканин В.С. Долгожители). Так, в приведенном примере хорошо видна реализация группировки по действию на базе противопоставления. Особенно ярко, на наш взгляд, идея совокупности может проявляться:

– в предложениях типа *Нас было трое*, где СЧ, как пишет А.Е. Супрун, «входит в сказуемое (главный член) безличного предложения» [52, с. 75] (назовем их условно конструкциями переходного типа);

– в сочетаниях, построенных по схеме «личное местоимение *вы* + согласованное СЧ» и используемых для обращения: – *Эй вы, двое, сюда!* – *позвал он полицейских из квартала* (Акунин Б. Ф.М.).

Таким образом, преобладание СЧ в сочетаниях с личными местоимениями (так же, как и в сочетаниях с одушевленными существительными *pluralia tantum*) определяется влиянием не только устоявшейся традиции словоупотребления либо нормы (некоторые исследователи утверждают, что СЧ при личных местоимениях выступают «в качестве единственно возможного количественного определителя» [45, с. 110, см. также: [24, с. 65; 38, с. 372–373]), но и живых семантических факторов.

Значение расчлененного количества у КЧ

Говоря о семантике КЧ, исследователи, как правило, выделяют у них два значения:

1) числа [48, с. 115], или, точнее, отвлеченного числа [27, с. 91; 10, с. 84], абстрактного числа [46, с. 135];

2) количества [27, с. 91], количества предметов [10, с. 84; 46, с. 135; 48, с. 115].

Значение *расчлененного* количества в лингвистической литературе отмечается и определяется гораздо реже, чем значение количества совокупного. Согласно немногочисленным дефинициям, КЧ, в противоположность СЧ, называют «отдельно существующие или сосчитанные единицы» [58, с. 46]; «количество, состоящее из определенного или неопределенного числа мыслимых в отдельности единиц» [1, с. 141]. В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка», впрочем, указывается, что КЧ «можно употребить» не только если считаемые «объекты рассматриваются по отдельности, т. е. как действующие независимо друг от друга», но и «если они образуют единую группу, т. е.

связаны каким-то общим действием. Ср. *Две девочки купили по ручке каждая* [объекты (*девочки*) рассматриваются как действующие отдельно друг от друга]; *Впереди него оказались две девушки, болтавшие всю дорогу* [объекты (*девушки*) рассматриваются как единая группа, они связаны общим действием]» [35, с. 66].

Анализ текстов телевизионного и художественного дискурса показывает, что конкретные проявления семантики расчлененности не менее разнообразны, чем проявления семантики совокупности. Рассмотрим наиболее типичные из них.

Самым простым в смысловом отношении основанием для «разгруппировки» является **положение** тех или иных объектов **в пространстве**. КЧ, в частности, могут указывать на количество лиц, между которыми находится еще один человек: *Когда процесс возобновился, обвиняемых рассадили порознь, причем Бубенцов сидел в наручных цепях и между двух охранников* (Акунин Б. Пелагия и белый бульдог); *Мы знаем, что Аркадий вторую половину плавает очень мощно. Сейчас пока, перед тем как сделать поворот, он подтянулся к лидерам. Пока между двумя японцами американец Гревес* (Спорт. 27.07.2009. Плавание). Нередко лица, количество которых называется посредством КЧ, образуют достаточно устойчивые группы в каком-либо ином отношении (например, спортсмены, входящие в одну сборную) и могут быть в значительной степени противопоставлены тем, кто их разделяет в пространстве (например, жандармы и охраняемый/конвоируемый ими человек); но в подобных контекстах соответствующие смысловые оттенки не актуализируются.

Лица могут представляться как самостоятельно существующие единицы **на основании** производимого ими или в отношении них **действия**, а точнее – характера этого действия. Во многих контекстах характер действия прямо задается конкретными лексемами, устойчивыми сочетаниями слов: *Подозрение, казалось, объединило двух недавних врагов* (Свечин Н. Пуля с Кавказа) – для того чтобы объединить какие-либо объекты, необходимо, чтобы до этого они не образовывали между собой группы (например, как в данном случае, были разделены в социально-психологическом отношении); *Вот, например, он сравнивает двух философов, Бодриера и Дерриду* (Пелевин В.О. Македонская критика французской мысли) – такое действие, как сравнение, невозможно произвести, воспринимая объекты как единое целое, не разделяя их; группу / совокупность (**двое философов*) можно сравнить только с другой группой или отдельным человеком, но при этом ее составляющие будут выступать в качестве особой сложной единицы: *За встречу двух интересных людей, которые нашли друг друга <...>, – сказал Влад* (Акунин Б. Алтын-толобас) – люди могут найти друг друга только при усло-

вии, что первоначально они существовали как самостоятельные единицы, не составляли одну социальную группу; могут *встретиться* – если были разделены в пространстве.

Дополнительным основанием для раздельного представления лиц может служить их **положение во времени**: *Прошло уже полтора десятка лет, сменились еще два российских президента, но гаагский трибунал, год за годом в трудах, собирал новые подтверждения той старой вины* (Маканин В.С. Однодневная война); <...> ну и осталось выступить двум французским фигуристам (Россия-2. 20.01.2010. Фигурное катание). КЧ позволяют подчеркнуть, что лица пребывают в определенном статусе, осуществляют некие действия не одновременно (и совместно), а в разные периоды времени, по отдельности и т. п.

В спортивном дискурсе идея расчлененности часто реализуется в тех случаях, когда люди рассматриваются в связи с их **положением в рейтинге, в таблице результатов** соревнований: *Два россиянина – шестой, седьмой* (Спорт. 25.01.2009. Биатлон); *Дальше Кавалайнен и Райконен – два финна на третьей и четвертой позициях, на «Макларане» и «Феррари» соответственно* (Спорт. 25.08.2009. Формула-1); *Пять спортсменов, которые после короткой программы занимают первые пять мест, соревнуются в одной разминке и выйдут на лед для представления своих произвольных программ в следующем порядке* (Россия-2. 21.01.2010. Фигурное катание); *Вот так выглядит таблица. Это пока десять лучших участников* (Россия-2. 11.01.2010. Бобслей). При рассмотрении лиц в данном аспекте в нашем сознании, очевидно, устанавливается следующее соответствие: «одна позиция – один спортсмен». Использование в таких случаях СЧ, которые способны формировать представление о группе, может приводить к искажению смысла. Так, высказывание **Двое финнов на третьей и четвертой позициях* можно, например, истолковать следующим образом: спортсмены завершили соревнования с одним и тем же результатом и разделили между собой третье и четвертое места.

Включение в текст СЧ выглядит особенно некорректным, если:

– спортсмены занимают в рейтинге несмежные позиции: <...> *ни на чемпионате Европы, ни на чемпионате мира мы не попадали в десятку сильнейших, а тут сразу две спортсменки сейчас, скорее всего, займут четвертое и восьмое места* (Россия-2. 10.01.2010. Конькобежный спорт); ср.: **Двое спортсменов сейчас, скорее всего, займут четвертое и восьмое места*;

– при описании их позиций используются слова с «разделительной» семантикой: *Так что, действительно, восемнадцать очков теперь соответственно между двумя этими гонщиками, между двумя партнерами*

по команде Браун (Спорт. 25.08.2009. Формула-1); ср.: **Так что, действительно, восемнадцать очков теперь соответственно между **двоими** этими **гонщиками**, между **двоими партнерами** по команде Браун.*

В ряде контекстов спортивного дискурса наблюдается контаминация рассмотренных оснований для разгруппировки (положение в пространстве и положение в таблице результатов): *Я уже сказала, начав успешно выступать с зимы, когда он вклинился между двумя американцами на дистанции шестьдесят метров, он продолжил это успешное выступление на чемпионате Европы уже на дистанции сто метров* (Спорт. 05.07.2009. Легкая атлетика); см. также пример выше: *Пока между двумя японцами американец Греверс* (Спорт. 27.07.2009. Плавание).

Употребление КЧ может быть связано с различными **социально-психологическими особенностями лиц**, количество которых называется.

В частности, эти числительные указывают на количество людей, **уникальных в каком-либо отношении**. Соответствующая идея может выражаться как эксплицитно: *В мире нет двух похожих людей с одинаковыми именами* (Пелевин В.О. Священная книга оборотня), так и имплицитно: *Предлагаю нечто куда более надежное – личное соглашение двух **Вождей*** (Акунин Б. Шпионский роман) (способность быть вождем предполагает наличие у человека редких, присущих очень немногим людям личностных качеств).

В качестве самостоятельных единиц представляются **противоборствующие стороны**. Это, например, могут быть:

– участники бытовых, рабочих и т. п. конфликтов: *Если между двумя вампирами возникает серьезная проблема, они решают ее с помощью дуэли* (Пелевин В.О. Empire V); *Пока никто не берется предположить, чем закончится эта схватка. Остается надеяться, что в битве двух сверхзвезд ни один зритель не пострадает* (Первый канал. 25.06.2012. Первый класс);

– спортсмены, являющиеся соперниками на каких-либо соревнованиях: *Но вот что интересно, вот борьба в этом финале не только между этими двумя действительно лидерами – Голоцуцков и Ипполито* (Спорт. 30.05.2009. Спортивная гимнастика); *Пять человек соперничают за первое место на стартовом этапе эстафетной гонки* (Россия-2. 15.01.2010. Биатлон).

В подобных случаях (так же, как и при обзоре рейтингов, результатов соревнований) принадлежность спортсменам к одной команде не актуализируется, – напротив, подчеркивается идея, что каждый выступает сам за себя: *Ну а пока два эстонца будут бороться между собой за попадание в следующую стадию* (Спорт. 01.02.2009. Лыжные гонки).

В контекстах, где реализуется идея расчлененного количества, помимо КЧ часто присутствуют слова, которые обладают соответствующими семами: *бороться, борьба, спор, разные, между* и т. п. Нельзя, однако, рассматривать данные единицы как элементы, требующие обязательного использования КЧ, а употребление СЧ в сочетании с ними – как факт семантического неразличения разрядов. Анализ формальных показателей имеет смысл лишь после того, как точно определен аспект, в котором рассматриваются считаемые объекты: *У мужчин за победу могут побороться как максимум **трое-четверо**, а как минимум, наверное, все те же полтора человека, как в известном мультфильме, полтора землекопа* (Спорт. 07.02.2009. Конькобежный спорт). В приведенном контексте употребление сочетания *трое-четверо* при глаголе *побороться* является абсолютно оправданным, семантически обоснованным, поскольку акцент в высказывании делается не на борьбе спортсменов, которые обозначены субстантивированными СЧ, а на противопоставлении тех, кто способен и не способен выиграть.

А.Н. Тихонов и Н.М. Шанский помимо значений числа и количества выделяют у КЧ особое счетное значение. Оно «не требует употребления имени существительного. Однако при счете предметы хотя и не называются, но всегда имеются в виду. Ср.: *одна, две, три, четыре (книги), одно, два, три, четыре (пера)*» [46, с. 135]. Однако нам ближе точка зрения А.Е. Супруна, который, характеризуя подобные конструкции, говорит о том, что вне сочетаний с именами существительными (при счете вслух) КЧ выступают «со специфической счетной функцией» [52, с. 91].

На наш взгляд, **в ситуациях счета**, когда количество объектов определяют, «перебирая» их по одному, также актуализируется сема расчлененности: *Хочешь, скажу, сколько человек убил ты? – Она протянула руку, коснулась пальцем скулы. – Один, два, три...* (Акунин Б. Алмазная колесница); *<...> вот считаю: раз, два, три, четыре...* *На два четырнадцать, нет, на два семнадцать четыре человека, только лишь. Значит, все побыстрей пойдет...* (Спорт. 29.07.2009. Легкая атлетика).

При осуществлении элементарных математических действий (сложения, вычитания) мы также оперируем единицами, а не их совокупностями, и, следовательно, употребление КЧ, а не СЧ здесь также является неслучайным. Выбор разряда сохраняется и при использовании слов данной тематической группы в непрямом значении: *А вот министры продолжают уходить. Сегодня написал заявление еще и глава МИДа. Теперь в правительстве не хватает уже одиннадцати человек. А еще минус три губернатора* (Первый канал. 02.07.2013. Новости).

В случае (образного) деления, **дробления** одного **объекта на части** их количество также обозначается посредством КЧ. Речь, например, может идти:

– о представлении одного человека в двух ипостасях, о раздвоении личности (как в прямом, так и в переносном смысле): *У Димы Билана музыкальное раздвоение личности. После концертов за дверями гостиничных номеров Дима превращается в Витю. Как успешный певец дошел до такого? Личность Вити Билана стремительно вытесняет Диму. Чтобы следить за этим процессом, певец снимает про себя реалити-шоу. И сегодня впервые готов показать, какой он, Билан, в обычной жизни. Так кто из двух, Дима или Витя, возьмет верх в голове артиста?* (Первый канал. 13.10.2012. Да ладно!);

– о создании материальной (физической) копии человека, двойника: *По словам Карпенки, Вассер своего радиста в лицо не знает, но вдруг видел фотографию или имел словесный портрет. Поэтому шеф приказал Егора загримировать. Наверно, чудная была картина – наблюдать со стороны за двумя Карпенками, когда они сидели друг напротив друга, похожие, как родные братья: лопухие, со стрижкой ежиком, и разговаривают одинаково* (Акунин Б. Шпионский роман).

Смысловые оттенки, формируемые на базе «чистого» количественного значения

Желание говорящего представить живые объекты как самостоятельные единицы – не единственная причина, по которой КЧ включаются в текст. Единицы этого разряда способны выполнять и некоторые другие функции, формировать ряд дополнительных смысловых оттенков. Это, по всей вероятности, возможно в связи с тем, что их значения не осложнены семами совокупности и лица и они могут представлять идею количества в «чистом» виде.

1. Характеристика явлений через количество связанных с ними живых существ. КЧ достаточно активно (особенно в художественном и спортивном дискурсе) употребляются при характеристике различных явлений действительности через количество связанных с ними лиц.

Посредством КЧ уточняются особенности неодушевленных предметов и явлений: *По Кронверкскому проспекту ехал экипаж с двумя филерами* (Свечин Н. Пуля с Кавказа); *Ну что ж, нам осталось увидеть*

выступление пяти лучших по результатам первой попытки (Россия-2. 23.01.2010. Скелетон); На очередном заседании подозреваемый в убийстве шести человек грубо нарушал порядок и оскорблял нецензурной бранью остальных участников процесса (Россия-1. 23.07.2013. Вести. Дежурная часть).

Несколько реже отдельные лица характеризуются через количество связанных с ними людей: *Убито шесть человек. Пятеро – жертвы террора: взорванный на даче Зальцман, потом Зятыков с двумя детьми и шофером (Акунин Б. Внеклассное чтение); И тут же ввалился Ахмед с мокрыми узлами, с новой женой дворником Лидой и со старой разведенной женой, а также с семью детьми от первого брака и одним ребенком дворника Лиды (Петрушевская Л.С. Город света); К игре в семье Тутариковых начали готовиться еще неделю назад. Мать трех сыновей-болельщиков заранее постирала футболки, а дети нарисовали плакаты (Первый канал. 12.12.2011. Время).*

КЧ могут также использоваться для характеристики группы через количество составляющих ее лиц: *Лева родился от союза двух московских людей и не мог похвастаться ни внешностью, ни здоровьем, ни предками* (Петрушевская Л.С. Три лица). В подобных случаях информация о том, что названные люди представляют собой группу, выводится из значений определяемых существительных; и включение в текст СЧ, которые обладают семей совокупности, вероятно, создавало бы некоторую смысловую избыточность.

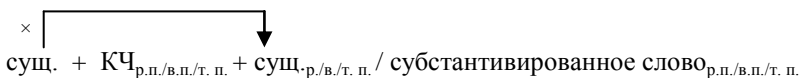
«Тип концептуализации» ‘человек как мера’, который выделяется в работе Т. Е. Янко [63, с. 176]³, на наш взгляд, представляет собой один из вариантов количественной характеристики (собственно количественную характеристику). В подавляющем большинстве случаев посредством словосочетаний с КЧ происходит указание на меру явлений социального характера, преимущественно на меру (размер) группы: *В аудитории, куда вошел бледный и решительный Дарновский, за столом сидела комиссия из трех человек* (Акунин Б. Фантастика); *На борту вертолета был экипаж из трех человек и двадцать пять пассажиров* (Россия-1. 02.07.2013. Вести); *Харри Оли. Квалифицироваться квалифицируется... в любом случае, поскольку он первый из группы десяти сильнейших в Кубке мира* (Россия-2. 08.01.2010. Прыжки с трамплина).

Через количество связанных с ними лиц характеризуются и другие социальные явления. Словосочетания с КЧ могут, в частности, указывать на (субъективно воспринимаемую) меру социальной значимости человека: *Угрозы скандала на него не действовали. Онокодзи лишь*

твердил, что требует немедленно известить токийскую полицию об аресте представителя высшей знати, двоюродного племянника **четырёх генералов**, кузена **двух министров**, соученика **двух императорских высочеств** и прочая (Акунин Б. Алмазная колесница).

С целью характеристики лиц, их групп, а также неодушевленных предметов и явлений КЧ чаще всего используются в рамках количественно-именных словосочетаний с отношениями восполнения, которые наслаиваются на определительные или определительно-объектные смысловые отношения: *Главное обвинение против отца Берголио – участие в похищении **двух священников-иезуитов***, Орlando Йорио и Франциска Яликса (Первый канал. 17.03.2013. Время); *Они верили, что при одновременной смерти **двух** очень близких людей, «слитых душ», те окажутся вместе и после перерождения* (Акунин Б. Хэппи-энд). Таким образом, в большинстве случаев происходит реализация следующей схемы:

Количественная характеристика явлений может осуществляться и в более свободной форме: *Его защита – **три** опытных адвоката* (Пятый канал. 17.08.2011. Сейчас); *Вся фирма – **два** человека: папа и сама секретарша* (Акунин Б. Детская книга); *Конголезская Республика (команда Конголезской Республики. – Е.Щ.) <...>. **Два спортсмена** – два вида спорта* (Россия-1. 06.07.2013. Церемония открытия Универсиады). В подобных случаях количественно-именное сочетание, как правило, находится в постпозиции по отношению к определяемому (характеризуемому) слову; однако возможна и препозиция: *Утром я подстерег Вику в магазине. <...> Небогатые дачники, **семь-восемь человек**... Маленькая очередь поутру, где я тотчас встал за Викой и ей на ушко что-то болтал* (Маканин В.С. Боржом).

2. Акцентирование внимания на количестве, если информация о нем важна в каком-либо отношении. В текстах всех видов дискурса, если информация о количестве по какой-либо причине важна для говорящего (автора художественного произведения, персонажа, через субъективную сферу которого пропускается действие, спортивного комментатора и т. п.), она обычно выражается при помощи КЧ. Реализацией дан-

ного смыслового оттенка объясняется значительное количество употреблений числительных этого разряда.

Указание на количество используется, в частности, как имплицитное средство формирования неких смыслов в сознании адресата. Например, оно может акцентировать внимание на конфликтной ситуации в коллективе: *Минувшим днем должно было состояться заседание исполкома Российской федерации баскетбола. Однако **восемь** из одиннадцати его **членов** мероприятие проигнорировали* (Первый канал. 02.07.2013. Новости); транслировать информацию о морально-этических особенностях личности: *Через месяц она и не вспомнит, что у нее было **два сына**, а не один. О, твоей Аглаюшке будет чем себя занять в Санкт-Петербурге* (Акунин Б. Внеклассное чтение) и т. д.

Данные о количестве часто используются для подтверждения ранее сделанных выводов либо являются отправной точкой для последующих рассуждений. Так, в спортивном дискурсе они применяются для оценки шансов спортсмена пройти в следующий этап соревнований, занять ту или иную позицию в рейтинге: *Но тем не менее он пока на пятом месте... в опорном прыжке... Да, он попадает в финал. Потому что осталось всего **два участника** в опорном прыжке...* (Спорт. 29.05.2009. Спортивная гимнастика); *<...> впереди еще **шесть спортсменов**, так что минимальная позиция, на которой может оказаться Иван Скобрев после трех дистанций в многоборье, – это только лишь, к сожалению, **десятое место*** (Спорт. 08.02.2009. Конькобежный спорт).

В детективных произведениях КЧ часто употребляются при описании ситуаций, связанных с подготовкой или анализом имевших место в прошлом операций по обороне или нападению, при оценке собственных сил и потерь, а также сил и потерь противника и т. п.: *<...> от гонконгского консула поступило секретное сообщение, что в направлении Суэцкого канала, а именно в город Аден, следуют **четыре японца** под видом коммерсантов. Только никакие они не коммерсанты, а морские офицеры: **два минера** и **два водолаза*** (Акунин Б. Алмазная колесница). Информация о количестве «боевых единиц» важна, поскольку часто служит для персонажей руководством к действию в определенных условиях и неточность данных может привести к серьезным, иногда фатальным, последствиям: *Осведомитель сообщил, что с «мазом» всего один сообщник. Он ошибся: в маленькой комнатке укрывалось, считая с Раковниковым, **пять** крепких и бывалых **головорезов**. Это была, наверное, самая трудная и опасная схватка в жизни Лыкова* (Свечин Н. Пуля с Кавказа).

Реализацией рассматриваемого смыслового оттенка можно объяснить частое (особенно в художественном дискурсе) использование КЧ в конструкциях с уточняющим значением: *У соблазненной девицы нашлись защитники, **два брата**, офицер и студент* (Акунин Б. Пелагия и белый бульдог); *Два личных рекорда у призеров, у **двух британцев*** (Спорт. 19.07.2009. Легкая атлетика).

3. Указание на большое / малое количество. КЧ могут в не прямой форме указывать на большое и малое (относительно чего-либо) количество живых существ. Представление о большом и малом при этом вырабатывает сам читатель / зритель / слушатель, сопоставляя точные данные о количестве с остальными элементами контекста, в том числе невербальными. Очевидно, что это основание для использования КЧ является ситуативным и – в плане восприятия – достаточно субъективным. Впрочем, оно может быть подвергнуто верификации: во многих контекстах КЧ достаточно легко заменяются словами *много, мало, многие, немногие, больше*, сочетаниями слов *гораздо больше, намного больше, большое количество, очень много, так много, так мало* и т. п.: *Новосибирские таксисты фактически объявили бойкот детям. Далеко не у каждого есть автокресло, да и возить его с собой совсем неудобно. А если надо обслужить семью сразу с **двумя**, а то и с **тремя малышами**?* (Пятый канал. 18.09.2013. Утро на «5»). Ср.: **А если надо обслужить семью с **большим количеством детей** / семьей, где **много детей**?*

Во всех обследованных типах дискурса КЧ чаще применяются для указания на большое количество: *В Египте министры отрекаются от президента Мухаммеда Мурси. Уже **пять человек** заявили о намерении подать в отставку из-за несогласия с его политикой* (Первый канал. 01.07.2013. Новости); *Ну а то, что **три американца** попали в двенадцать сильнейших, говорит об уровне американцев в этой дисциплине* (Спорт. 15.08.2009. Легкая атлетика); *В десятке **три немца**. Возрождаются немецкие прыжки* (Спорт. 06.01.2009. Прыжки с трамплина).

Так же, как и в случаях указания на «важное» количество, КЧ могут употребляться при оценке сил противника: *Вдвоем можно бы справиться. А так совсем нехорошо: господин один, **их восемь**, и еще револьверы* (Акунин Б. Статский советник); *Попытка бросить, но там сразу **два хоккеиста** латвийской команды находились на пути шайбы...* (Спорт. 03.05.2009. Хоккей).

В художественном и новостном дискурсе идея большого количества достаточно регулярно актуализируется, если речь идет о людях, кото-

рые были убиты. Обычно при этом выражается отрицательное отношение говорящего к самому факту преступления, а также осуждение убийцы: *Константин Дадешкильяни, владетельный князь Сванетии, по своему умственному развитию недалеко ушел от животного. Что-то ему не понравилось и он тут же достал кинжал и лишил жизни **трех человек!*** (Свечин Н. Пуля с Кавказа); *Ну, гад! Вот так запросто, из-за мешочка с монетами убил **двух живых людей!*** (Акунин Б. Детская книга). Сходные смысловые оттенки мы наблюдаем, когда сообщается о жертвах ДТП; информация при этом подается, однако, в более мягкой форме: *Суровый приговор прозвучал для школьника из Чебоксар, который спровоцировал серьезную аварию: получил семь лет колонии. В ДТП погибли **два человека**, а сам Михаил сбежал с места трагедии* (НТВ. 23.07.2013. Чрезвычайное происшествие); *А в Ульяновской области совсем недавно вынесли приговор бывшему подмосковному судье Валерию Сасу. Его также обвинили в страшном ДТП, в результате которого погибли **два человека**. Выяснилось: Валерий Сас сел за руль пьяным* (Россия-1. 31.07.2013. Вести. Дежурная часть).

Случаи использования КЧ для указания на малое количество достаточно редки: *Очень хорошо. Но как же **два человека** рискнут напасть на военный отряд?* (Свечин Н. Пуля с Кавказа).

В письменной речи представление о большом / малом количестве формируется прежде всего за счет семантики лексических единиц. В устной – этому активно способствуют единицы фонетического уровня: на КЧ (реже – на глагол-сказуемое) падает логическое ударение, которое в ряде случаев подкрепляется восклицательной интонацией: *Устюгов тянет за собой преследователей. Мезотич, австриец, Жей, Ферри. В этой группе **два (!) олимпийских чемпиона**, и оба неожиданных* (Первый канал. 21.02.2010. Биатлон); *И **два российских представителя** на подиуме <...> Можем, можем, когда захотим!* (Спорт. 13.12.2008. Плавание). Похожие высказывания с СЧ имеют в целом менее выраженный интонационный рисунок.

Одно и то же количество в разных ситуациях может представляться как большое и как малое; объективно большее количество может рассматриваться как малое, а объективно меньшее – как большое: *Я, если честно, вообще не понимаю, зачем такие книги нужны. <...> Да его же не читает никто, «Улисса». **Три человека** прочли и потом всю жизнь с этого живут – статьи пишут, на конференции ездят. А больше никто не осилил* (Пелевин В.О. Священная книга оборотня); *Бубенцов, конечно, мерзавец, но такое преступление было бы слишком чужовишно даже для него: умертвить **двух невинных**, один из коих ребенок, головы им*

отрезать, и все для того, чтобы свою карьеру устроить? (Акунин Б. Пелагия и белый бульдог). Так, в первом примере посредством КЧ *три* в образной форме выражается мысль о том, что очень *немногие* смогли прочитать и понять роман Джойса «Улисс», то есть указывается на малое количество; во втором – утверждается, что жестокое убийство двух человек как средство карьерного роста – слишком большое отклонение от нормы даже для лица, не обладающего высокими моральными принципами.

4. Указание на количество живых существ как представителей определенной социальной группы или биологического вида. КЧ относительно часто используются для указания на количество не конкретных, а любых («абстрактных») людей / животных, на количество «живых существ вообще»: *Кстати, по этой самой причине со времен Сунь Цзы в военное время было положено ставить на входе в крепость не меньше **четырёх часовых*** (Пелевин В.О. Священная книга оборотня); ***Два интеллигентных человека** всегда найдут общий язык* (Акунин Б. Ф.М.); *Как правило, у сибирских кошек рождаются **по четыре котенка*** (Ю. 21.09.2013. Осторожно мимими). Так, в приведенных высказываниях имеются в виду любые часовые, любые интеллигентные люди, любые сибирские кошки.

Реализацией рассматриваемого смыслового оттенка объясняется регулярное употребление КЧ в рамках сравнительных конструкций следующего типа: *Победоносцев пятился, повернув к Т. улыбающееся лицо, и у того на миг появилось странное чувство, что они, **как два грузчика**, заносят торжественно молчащего Достоевского вглубь квартиры* (Пелевин В.О. Т); *Вчера они с Дроновым, **как два идиота**, попались в элементарный капкан* (Акунин Б. Фантастика).

Этот же смысловой оттенок актуализируется в речи телевизионных спортивных комментаторов, когда они рассказывают о различного рода правилах (судейства, отбора спортсменов на соревнования, процедуры награждения и т. п.): *Всякая церемония включает даже не тройку, а расширенный подиум – **восемь человек*** (Спорт. 24.01.2009. Биатлон); *Кстати, об арбитрах. <...> **Всегда два арбитра**. Когда-то, правда, давно был один судья и с флажком. Теперь **два арбитра**... и без флажков* (Спорт. 24.07.2009. Водное поло); *Норматив «А», напомним, позволяет выставить **трех участников**, а норматив «Б» позволяет выставить одного лишь спортсмена* (Спорт. 24.07.2009. Легкая атлетика). Выбор разряда осуществляется вне зависимости от того, приближена ли

формулировка правила к официальному варианту или представляется в более свободной (разговорной и даже игровой) форме.

Следует уточнить, что смысловой оттенок ‘человек как любой (абстрактный) представитель социальной группы’ находит отражение во много меньшем количестве контекстов, чем выделенный Т. Е. Янко тип концептуализации ‘человек как функция’ [63, с. 173], поскольку реализуется только в тех случаях, когда наименование предмета не имеет связи с конкретным денотатом. Но, с другой стороны, он очень легко определяется в контексте (разграничение типов концептуализации ‘человек как индивид, воплощающий в себе некоторый признак’ и ‘человек как функция’ применительно к конкретным языковым фактам может вызывать серьезные затруднения) и со значительной степенью определенности позволяет объяснить выбор между КЧ и СЧ.

СЧ редко употребляются в речи при отсутствии конкретного денотата. Преимущественно это происходит в наречного типа сочетаниях с распределительным значением: *В деревне универсиады сегодня поселились первые спортсмены. В комнатах по четыре человека (в каждой кондиционер: за окном выше тридцати градусов). Участники Олимпийских игр живут по двое* (Россия-1. 02.07.2013. Вести). Варьирование разрядов в подобных случаях нередко осуществляется с целью формирования такого коммуникативного качества, как богатство речи.

5. Эмфазис как основание для употребления КЧ. КЧ не очень часто, но все же достаточно регулярно используются в случаях, когда говорящий хочет особо подчеркнуть, что **каждый** из одушевленных предметов, количество которых обозначается, **обладает** указанными в контексте **свойствами, признаками**: *P.S. Ясное дело, двум джентльменам совершенно не обязательно поднимать эту тему в разговоре* (Пелевин В.О. Числа). Так, в приведенном высказывании пишущий называет себя джентльменом и сообщает своему адресату, что и его считает таковым. Кроме того, выделяется небольшая группа контекстов, где сообщается о том, что **каждым** из названных лиц было **совершенно** некое заслуживающее внимания **действие**: *Я не помню, на крупнейших соревнованиях, чтобы все финалисты, все восемь человек, улетели за восемь метров* (Спорт. 22.08.2009. Легкая атлетика).

КЧ в подобных случаях выступают исключительно как усилительные элементы и новой информации о количестве не несут. Иногда оно (количество) прямо указывается выше по тексту: *Два есть интереснейших, на мой взгляд, спортсмена в этой разминке. Да и, наверно, во всем*

списке участников произвольной программы. Это Штефан Линдеман и Кристофер Берцен из Швеции. Он за Линдеманом, мы сейчас посмотрели, будет закрывать эту разминку. Эти два фигуриста выигрывали звание чемпионов своей страны еще в двадцатом веке (Россия-2. 21.01.2010. Фигурное катание). В иных случаях информация о количестве легко выводится из контекста или является очевидной в силу типичности рассматриваемой ситуации: **Четыре спортсмена** уже на старте (Россия-2. 22.02.2010. Ски-кросс) – в заездах по ски-кроссу традиционно принимают участие четыре спортсмена.

Свойства, на которых говорящий хочет сделать акцент (в основном это свойства людей), в большей части контекстов называются именами существительными либо субстантиватами, непосредственно входящими в количественно-именные словосочетания: *И узкоглазый молитвенно сложил короткопалые ладошки, а его приятель одобрительно кивнул. – Два клоуна, – с презрением бросила Коломбина* (Акунин Б. Любовница смерти). Но иногда для номинации таких свойств используются определительные слова, распространяющие словосочетания с КЧ: *Ну а сейчас, внимание, дистанция пятьдесят метров, спина, мужчины. И выходят финалисты, восемь человек сильнейших спортсменов в этом виде программы* (Спорт. 02.08.2009. Плавание).

Реализация рассматриваемого смыслового оттенка становится наиболее очевидной, если признаковые слова несут в себе качественную оценку. Последняя может выражаться как эксплицитно (*сильнейшие*), так и имплицитно – за счет актуализации периферийных сем у прямых значений языковых единиц (*олимпийские чемпионы*), за счет использования слов в переносных значениях, например символических: *После того как Эрин и Рэй сделали одинаковые прически и одинаковые брови, эти две блондинки очень подружились* (Ю. 30.06.2013. Топ-модель по-американски), метафорических: *У нас с д-доктором классическая торговая операция. Есть товар, есть купец. Вернее, два купца, у каждого свой товар* (Акунин Б. Коронация). В последнем высказывании подчеркивается, что каждый в описываемой ситуации что-то отдает и что-то приобретает.

Как показывают примеры, семантический оттенок ‘каждый’ (или реже – ‘все’) появляется у КЧ, основное значение которых связано с указанием на небольшое количество единиц (две–три).

6. Указание на приблизительное количество. Указанием на приблизительное количество посредством количественно-именных словосочетаний с обратным порядком слов («существительное – числитель-

ное») объясняется относительно небольшая группа употреблений КЧ; однако выбор разряда в этих случаях, как известно, является обязательным: *Ну, вы посмотрите, всего, наверное, человек девять, а то и десять, учитывая вообще тот уровень, который они показывают, если бы прыгали стабильно, могли рассчитывать на прыжки по медалям* (Спорт. 23.07.2009. Прыжки в воду); *Приведи Гаврилу, Сашку-Капрала и еще человек пять, кто поопытней* (Свечин Н. Вохра); *Их там человек шесть стояло, все знакомые какие-то...* (Петрушевская Л.С. Номер Один). Идея приблизительного количества усиливается за счет использования в рамках количественно-именного словосочетания двух числительных одновременно: *Лучше вызвать Семена Ивановича сюда, а с ним трех-четыре полицейских потолковой* (Акунин Б. Пелагия и черный монах); *<...> раньше после какого-то там олимпийского четырехлетнего цикла ну два-три человека все равно оставалось* (Спорт. 19.07.2009. Синхронное плавание).

В изолированной позиции и в количественно-именных словосочетаниях с прямым порядком слов рассматриваемый смысловой оттенок способны передавать и СЧ; при этом выбор разряда оказывается во многом стилистически мотивированным. СЧ, например, встречаются в отрицательно-оценочных контекстах: – *Шпики. Выследили. <...> Только их мало. Трое-четверо, навряд ли больше. Сейчас мы эту завакыку решим* (Акунин Б. Алмазная колесница).

Значение одушевленного предмета / лица

Говоря о семантической специфике КЧ и СЧ, некоторые лингвисты указывают, что СЧ «гораздо "субстанциональнее", предметнее», чем КЧ [12, с. 249; см. также: 7, с. 218; 5, с. 124], и способны называть только количество каких-либо объектов, но не отвлеченные (абстрактные) числа [21, с. 110]. «В силу своей предметности» СЧ легко субстантивируются и в «изолированной» позиции обычно обозначают людей [10, с. 88], см. также: [52, с. 89; 15, с. 271; 59, с. 45; 54, с. 290]. Академик В.В. Виноградов усматривал «в значении и употреблении» этих слов категорию лица [12, с. 249]. В «Русской грамматике указывается, что СЧ способны «выражать противопоставление «личность – неличность» [40, с. 575] (данная способность объясняется их преимущественным употреблением «с существительными – названиями лиц, а также с местоимениями-существительными *мы, вы, они*» [40, с. 575].

Факты современного словоупотребления подтверждают наличие у СЧ (причем не только у субстантивированных) сем предметности и лица. Во всех обследованных нами типах дискурса **при указании на количество лиц** числительные этого разряда существенно преобладают в «изолированной» позиции; в контекстуально неполных предложениях с опущенным существительным (особенно если числительное находится достаточно далеко от слова, к которому относится по смыслу), в сочетаниях с неполными регулярными⁴ (узуальными) и, главным образом, неполными нерегулярными (оккациональными) субстантиватами, т. е. во всех тех случаях, где отсутствуют традиционные средства для обозначения человека и живого предмета вообще.

СЧ чаще, чем КЧ, наблюдаются в сочетаниях с субстантивированными словами, лексические значения которых не содержат сем, позволяющих однозначно указать на лицо (или хотя бы на одушевленный предмет): *другие, остальные, наши, чужие, большие, неизвестные, мутные, последние, лучшие* и т. п. (ср.: *думающие, жующие, говорящие, поющие* и т. п.): *Любовь Моргунова как бы лучшая среди наших. Рядом Светлана Захарова и Алевтина Биктемирова. Все это укладывается в интервал двух секунд. Так что **трое наших** среди лидеров, и точка* (Спорт. 23.08.2009. Легкая атлетика); *Но **трое больших** не принимали участия в этом празднике родительской мудрости* (Петрушевская Л.С. Детский праздник). Предложения, включающие КЧ, в таких случаях воспринимаются как неполные – и в смысловом, и в структурном отношении (даже несмотря на поддержку контекста). Ср.: **Так что **три наших** среди лидеров; *Но **три больших** не принимали участия в этом празднике родительской мудрости*. Структурная и смысловая неполнота особенно ощутима в нераспространенных номинативных предложениях, которые не поддерживаются предшествующим контекстом. Ср., например, исходный (авторский) и трансформированный варианты подзаголовков: *Трое «мутных»* (Акунин Б. Фантастика) – **Три «мутных»*.

В некоторых разновидностях спортивного дискурса (баскетбольном, волейбольном, хоккейном) в сочетаниях с субстантиватами преобладают не СЧ, а КЧ, однако такие субстантиваты (*блокирующие, нападающие, подающие, полевые, центровые*) в данных речевых подсистемах проявляют значительную степень лексикализации, т. е. используются как обычные имена существительные: *Ильиных – одна из наших таких замен формата джокер. <...> Само по себе то, что он является одним из **двух** лучших **подающих** этого турнира...* (Спорт. 09.07.2009. Волейбол); *Ну и вновь **двух** центральных **нападающих** на всякий случай выпускает Вячеслав Быков на лед* (Спорт. 15.05.2009. Хоккей).

Что же касается употребления числительных с именами существительными, называющими людей (в рамках количественно-именных словосочетаний с отношениями восполнения), то здесь, как правило, нет необходимости в реализации семы лица посредством СЧ. Исключения составляют сочетания с нетиповыми наименованиями лиц – прежде всего со словами, которые в других своих значениях называют неодушевленные предметы либо животных. Данное явление характерно в основном для художественного дискурса: *Вы и я, мы вытащим ларь наружу, но потом придется нести его на себе. Нужны «вьючные ослы» – у меня ведь рука порезана. <...> Я разработал кое-какие меры предосторожности – для этого необходимо, чтобы «ослов» было именно двое* (Акунин Б. Сокол и ласточка); *Двое «черных курток» остались лежать на земле. Остальные оттащили синоби в сторону; Двое «черных курток» хотели схватить мальчишку, но он проскользнул между расставленных рук* (Акунин Б. Алмазная колесница). Ср.: **Необходимо, чтобы ослов было именно два; *Две «черные куртки» остались лежать на земле; *Две «черные куртки» хотели схватить мальчишку*. СЧ употребляются преимущественно тогда, когда есть риск возникновения смысловой неопределенности (как в первых двух примерах) и неуместного комизма (как в последнем высказывании). В иных случаях с подобными словами (*шкафы, миры, силуэты, лбы; быки, свиньи, тинчеры*) писатели в соответствии с устоявшейся традицией словоупотребления используют КЧ: *На пороге ванной стояли два шкафа – темные очки, костюмы, провода телесного цвета, спускающиеся из ушей...* (Пелевин В.О. Священная книга оборотня); *Четыре здоровенных лба монументально надвигались прямо на меня* (Маканин В.С. Боржом); *Если я за глухонемую и за лакея, да за мою Марфу Петровну трех смертоносных бацилл истреблю, то как раз три на три выйдет* (Акунин Б. Ф.М.).

Наличие у СЧ семы лица во многом объясняет редкое нарушение нормы, которая регулирует выбор разряда числительного при **указании на количество животных** (последние, как принято считать, не обладают свойствами личности). При этом относительно немногочисленные отступления от общей закономерности в большинстве случаев семантически мотивированы.

Так, в художественном дискурсе СЧ отмечаются нами преимущественно в нереалистических произведениях, где называют количество персонажей, которые одновременно обладают свойствами и животных, и людей: *Но никто ничего не заметил, ромашка Света приняла бабочку Кузьму и таким, а воробей Гусейн ни к селу ни к городу прислал поздравительную телеграмму с фразой «ест свист, что нас двоих шлют в*

гавань есть селедку» (Петрушевская Л.С. Клиника). В таких случаях авторы на уровне компонентного состава речи формируют в сознании читателей представление о двуединстве животного и личностного начал (подробнее об этом см.: [60, с. 71–74]).

Личностное восприятие животных, приписывание им некоторых человеческих функций, характеристик может приводить к использованию СЧ и в текстах реалистической словесности (как художественных, так и нехудожественных).

Выбор СЧ, в частности, возможен, если на группу животных проецируется понятие семьи: *Из совсем идеальных у нее до недавнего времени всего три кобеля накопилось. Дед по кличке Загуляй, уж старый, на девятом году. Потом сын его, Закидай, четырехлеток. И месяца два-три назад на радость старухе народился Загуляев внук, назвали Закусаем. Такой он вышел по всем статьям образцовый, что тетка всех прочих псов, недостаточно совершенных, велела перетопить, чтоб породу не портили, оставила на развод только этих троих* (Акунин Б. Пелагия и белый бульдог). Представление животных в других социальных ролях, характерных для человека, также способствует употреблению СЧ: *В Екатеринбурге собака усыновила троих котят. Их родила её соседка по квартире – кошка Муся, но от детёнышей сразу отказалась. Тогда дворянка Люся взяла материнские функции на себя* (Пятый канал. 14.02.2012. Сейчас).

Такой подход к восприятию животных может быть положен в основу концепции целых развлекательных программ: *А в доме бульмастифов трое братьев заняли самую главную позицию. Малышке Дейзи места не осталось* (Ю. 21.09.2013. Осторожно мимими); *Рэгдоллы. Семь недель спустя. Пятеро котят рэгдоллов могут играть с чем угодно. Но пока не знают, как можно играть с Мари (взрослой собакой, овчаркой. – Е.Щ.). Бедняжка Мари тоже хочет повеселиться, но пока из-за нее вечеринка подходит к концу. Вероятно, это вечеринка только для кошек* (Ю. 28.07.2013. Осторожно мимими). В подобных случаях выбор разряда часто мотивируется широким контекстом, базовой концепцией программы, и слова – актуализаторы «личностной» семантики с СЧ непосредственно не сочетаются: *Наступило время обеда. Все шестеро котят спешат поесть. Так как места стало в два раза меньше, малышам приходится бороться за свой обед* (Ю. 21.09.2013. Осторожно мимими).

СЧ применяются также для указания на количество живых существ в группах, которые включают людей и животных. Обычно это происхо-

дит, когда последние воспринимаются / представляются как друзья, члены семьи, напарники, сообщники своих хозяев и т. п.: *Проклятый попугай! Двое на одного, да? Это уже было адресовано мне. Я сумел-таки взлететь и отменно стукнул злодея клювом в затылок* (Акунин Б. Сокол и ласточка); *Экс-президент А (американский), старея, стал совсем одинок, если не считать любимой собаки. <...> Они валялись на толстом ковре, и стареющий экс-президент говорил с легкой горечью: – Нас двое, Иван. Ты да я – больше никого* (Маканин В.С. Однодневная война); *Еще пять лет назад у нее было трое друзей: мама, папа и кот* (Первый канал. 23.01.2011. Новости); *Эти люди в форме уже привыкли делать массаж напарнику. На старт пёс должен выходить здоровым и бодрым. Задания он выполняет в одиночку, но оценка – одна на двоих* (Первый канал. 05.08.2009. Новости). Если социальные роли типа «друг», «родственник» говорящим не актуализируются, СЧ, как правило, используются только с целью комического уравнивания людей и животных (статус животных – за счет личностной семантики СЧ – повышается, а стаус людей на этом фоне, напротив, понижается): *Новосибирские спасатели говорят: «Такого еще не было, чтобы с одного дерева снимали сразу двоих. Сначала кота, а затем и школьника, который тоже захотел стать спасателем, но немножко не рассчитал своих сил» <...> Для того, чтобы спустить на землю обоих, потребовалась не только лестница, но и пила»* (Пятый канал. 04.09.2008. Место происшествия).

Сема лица при указании на количество животных / «людей-животных» реализуется лишь в том случае, если поддерживается семой совокупности (пусть и не всегда ярко выраженной): *Каково же было удивление вороны Веры С., когда она прилетела туда же на обзорную экскурсию и залезла в контейнер по самые погоны: из пакета выглядывала пара воронят, сидели один к одному, развесив челюсти, и подавали сигналы. <...> Помойный контейнер возвышался, таким образом, как неприступный город Троя, Двоя, она так назвала его из-за количества питомцев (двое)* (Петрушевская Л.С. Двоя); *Особенно много у меня накопилось стихов: Не будь бескрылой мухой с Крайней Туле, / Не бойся ночи, скрывшей все вокруг. / В ней рыщут двое — я, лиса А Хули, / И пес Пиздец, таинственный мой друг* (Пелевин В.О. Священная книга оборотня). Так, в первом примере имеет место группировка воронят по положению в пространстве (*контейнер*) и по связи с третьим субъектом (*вороней Верой*); во втором примере – группировка по действию (*рыщут*).

В контекстах, где животным не приписываются свойства личности, чаще используются КЧ: *В самом малом отсеке разгуливали **пять** или **шесть** отборных разномастных **жеребцов** отличных статей* (Свечин Н. Вохра); *На этот раз, как отмечает пресса, фаворитами этих скачек являются **шесть скакунов**, которых привез Рамзан Кадыров, лидер Чечни, а также скакун по имени Фрагмант...* (НТВ. 01.07.2013. Сегодня). Употребление СЧ в подобных случаях мотивировано не столько семантически, сколько стилистически: контраст человеческого и животного, нормативного и ненормативного в новостном и художественном дискурсе используется преимущественно как средство создания комизма (в разных его формах – от легкой шутки до абсурда): *А что касается животных, то они немного обморозили ноги и кончики ушей. Оба **слона** уже взрослые: им почти по пятьдесят лет. Чтобы побыстрее согреть животных, их напоили водкой. Пятитонные гиганты выпили **на двоих** два ящичка алкоголя* (Первый канал. 14.12.2012. Новости). Кроме того, в новостном дискурсе выбор СЧ иногда связан с выражением сочувственного отношения⁵ к животным: *По словам ряда жителей поселка Сиверский, животных отлавливали утром, когда взрослые шли на работу, а дети в школу. Их усыпляли, а может, убивали ядом. Что именно было в шприцах, доподлинно неизвестно. Едва ли не в центре поселка, здесь на улице Сто двадцать третьей дивизии, поймали **двоих псов*** (Пятый канал. 11.02.2010. Сейчас).

Однако, видимо, нельзя полностью отказываться и от семантического толкования отступлений от нормы в подобных случаях. Оно заключается в том, что выбор СЧ здесь обуславливается их связью с **категорией одушевленности**. Подобной точки зрения, в частности, придерживается Ю.И. Щербаков. Он утверждает, что «среди прочих факторов, вызвавших появление в современном русском языке сочетаний собирательных числительных с названиями животных, наиболее существенным явилось развитие категории одушевленности» [62, с. 17]. Идея Ю.И. Щербакова поддерживается сведениями из истории языка. В XV–XVII веках, как пишет Г.А. Хабургаев, СЧ свободно сочетались с наименованиями животных (*двое конев, пятеро куриць, шестеро животины рогатые, деветера свинеи, тридцатера куров*), поскольку за ними была закреплена именно категория одушевленности [57, с. 265]. Выбор СЧ в результате реализации категориальных значений, объективно закрепленных за ними в языке, исследователь подтверждает анализом текстов двух курских грамот начала XVII века, «одна из которых является истцовой жалобой, составленной частным лицом, а другая – официальным протоколом следствия, составленным писцом-

профессионалом: *А грабежу взяли четвера лошаде(й) да четырея зипуна да четырея топоры да четырея шапки да четырея потпояски бѣлых <...>; И грабежемъ четверых лошадей да четырех зипунов да четырех топоров да четырех шапок да четырех подпоясок бѣлых ... не имывали <...>*. Орфография каждого из документов не оставляет сомнений в различной степени грамотности писцов; однако в употреблении собирательных и количественных числительных они единодушны» [57, с. 265]. Возможно, отголоском такого состояния языковой системы является кодификация нормы, которая до сих пор допускает употребление СЧ с названиями детенышей животных, представляет такие сочетания как вариантные [45, с. 110], параллельные [41, с. 41] сочетаниям с КЧ.

Факты использования СЧ для указания на количество **неодушевленных предметов** (при отсутствии в тексте слов *pluralia tantum* и парных существительных) крайне немногочисленны. Они связаны с реализацией некоторых тропов, и в частности олицетворения: *В открытом море, на расстоянии полумили от острова, грохотало и изрыгало дым морское сражение. Я взлетел на середину фок-мачты, чтобы понять, кто с кем воюет, и в то же время слышать разговоры на баке, где офицеры сгрудились вокруг капитана. – Красный – это англичанин, – сообщил Дезэссар. <...> Трое остальных – испанцы* (Акунин Б. Сокол и Ласточка). В данном случае олицетворение поддерживается метонимией: для обозначения кораблей использованы наименования людей, которые на этих кораблях находятся (англичане, испанцы). Следует, однако, отметить, что подобные грамматические тропы применяются писателями крайне непоследовательно, и при количественной характеристике аналогичных объектов в рамках того же контекста вместо СЧ могут свободно использоваться КЧ: *Дело в том, что один из кораблей, английский фрегат <...> шел наискось к ветру, навстречу трем выстроенным в линию испанцам, не отвечая на огонь их носовых орудий. Неужели он собирался вступить с ними в бой? Один против трех?* (Акунин Б. Сокол и Ласточка). Приведенные примеры свидетельствуют о том, что СЧ являются здесь (как и при указании на количество животных) яркими, действенными, но далеко не основными актуализаторами идеи лица.

Единичные наблюдения за устной разговорной речью позволяют сделать вывод о том, что употребление СЧ при обозначении количества неодушевленных объектов может быть обусловлено неосознанной (не нацеленной на создание образов) реализацией тропов: *Собеседник 1: Где ты успела аварию увидеть? Собеседник 2: Сейчас повернем – там двое стоят* (Диалог в маршрутном такси. 05.02.2009); *Собеседник 1: Пошел в погреб. Собеседник 2: Двое огурцов принеси* (Диалог родствен-

ников. 07.02.2005). В обоих высказываниях причиной аномальной синтагматики СЧ *двое* является его использование в метонимическом значении: автомобили (*двое*) ассоциируются у говорящего с их владельцами, емкости (*банки*) – с их содержимым (*огурцы*). Причем существительное *огурцы* приобретает метонимическое значение только в форме мн.ч. (Ср.: **Собеседник 1: Пошел в погреб. Собеседник 2: Два огурца принеси*) и, видимо, функционирует в контексте уже как слово *pluralia tantum*. Таким образом, в первом примере мы наблюдаем опосредованную собственно семантическую мотивированность отступления от нормы (машина → человек → возможность наименования посредством субстантивированного СЧ), а во втором – опосредованную формально-семантическую мотивированность, которая с реализацией семы лица уже никак не связана (метонимический перенос → превращение в слово *pluralia tantum* → сочетаемость с СЧ).

Мы склонны согласиться с теми лингвистами⁶, которые полагают, что наряду с субстантивацией СЧ возможна субстантивация КЧ, однако последняя носит ситуативный характер [13, с. 194], «имеет ситуативно-речевое проявление» [14, с. 252].

В обследованных нами текстах КЧ достаточно редко приобретают значение лица. Несмотря на это, вполне отчетливо выделяются два круга употреблений таких слов.

Во-первых, КЧ отмечаются в эмоционально окрашенных контекстах, преимущественно негативно-оценочных. В силу нетипичности употребления, КЧ в изолированной позиции сами выступают как средства формирования экспрессии: *Для проверки Номер Один перевалился через верх и спустился к парапету, взглянуть на улицу. И тут же отшатнулся. Девка и двое парней или по краю тротуара и смотрели прямо на него. <...> Он продолжил свое наблюдение. Только наблюдение за этими тремя могло принести неожиданные сведения* (Петрушевская Л.С. Номер Один). Реализация семы лица у КЧ в подобных высказываниях находится в очень сильной зависимости от контекста. В частности, она может поддерживаться употреблением субстантивированного СЧ в контактной позиции: *Итак, друзья мои, очень интересный момент. Да, Зуман лидирует, да, он опережает собственного партнера по сборной Австрии. То, о чем мы говорили. Вот их сила. Из шести двое отстрелялись* (Спорт. 25.01.2009. Бiatлон).

Во-вторых, сема лица отмечается у КЧ в составе некоторых речевых шаблонов, штампов. Как типовые средства выражения мысли, шаблоны (в том числе входящие в них КЧ) уже не формируют экспрессии, и толкование закрепленного за ними смысла не обнаруживает тесной привяз-

ки к конкретному контексту. Однако связь с определенным типом дискурса при этом, видимо, все же устанавливается. Нами, в частности, отмечены штампы, характерные для отдельных разновидностей спортивного дискурса. Так, в хоккейном дискурсе регулярно используются следующие обороты: «числ._{и.п.} + в + числ._{в.п.}» и «числ._{и.п.} + на + числ._{в.п.}»: *Шведам вновь не удалось использовать численное преимущество. Более того, контратака **три в два**...* (Спорт. 08.05.2009. Хоккей); *Вот момент!.. Здесь очень сложно было развернуться Морту Эриксону, и посмотрим, что **три в три** придумают канадцы!..* (Спорт. 08.05.2009. Хоккей); *В атаке финны. **Четыре на четыре** проходит игра* (Спорт. 01.05.2009. Хоккей); *Нужно сейчас забивать и затем уже тянуть до финальной сирены, до последних минут, заменять вратаря и пытаться забить в ситуации **шесть на пять*** (Спорт. 07.05.2009. Хоккей). В легкоатлетическом дискурсе при определении так называемой «формулы выхода» спортсменов в следующей круг соревнований используется шаблон, состоящий из КЧ и сочетания слов *по времени*: *Формула выхода: первые **три** из каждого полуфинала и **два по времени** – такова* (Спорт. 18.07.2009. Легкая атлетика); *Здесь также **три** забега и такова же формула выхода – два победителя и **два по времени*** (Спорт. 24.07.2009. Легкая атлетика); *Формула выхода такова: две победительницы из каждого забега и еще **четыре по времени*** (Спорт. 25.07.2009. Легкая атлетика). Данный шаблон, однако, не является столь жестким, как предыдущий. Он может быть представлен в усеченной форме: *Мы уже говорили: формула – **два** плюс **четыре*** (Спорт. 25.07.2009. Легкая атлетика). Кроме того, при передаче соответствующей информации субстантивированные КЧ свободно заменяются количественно-именными словосочетаниями: *Всего будет **три** полуфинала. Формула выхода такова: **два** плюс **два**, то есть **два победителя** и **два** лучших, **две** лучших в данном случае **спортсменки по времени*** (Спорт. 24.07.2009. Легкая атлетика).

В новостном телевизионном дискурсе употребление субстантивированных КЧ почти не встречается – видимо, потому, что оно не способствует быстрому и однозначному восприятию информации на слух.

Значения лица мужского / женского пола

Выбор разряда в зависимости от **гендерных признаков** считаемых объектов в семантическом (а не в нормативном) аспекте русистами почти не рассматривается. Между тем «на использование собирательных

лексем для индикации категории мужского лица указывал еще А.А. Шахматов» [19, с. 61].

В некоторых работах второй половины XX – начала XXI века, однако, отмечается, что начало формирования СЧ как грамматического разряда связано с тем периодом «в развитии языка, когда категория одушевленности еще не сложилась, а категория лица охватывала названия лиц только мужского пола» [12, с. 249; см. также: 27, с. 99; 6, с. 212]. Данный факт определил возникновение запретительной нормы в части использования СЧ для указания на количество лиц женского пола (или уже – в сочетании с именами существительными женского рода): «Существительные женского рода, обозначающие лица, так же как и названия животных, по традиции не должны иметь при себе собирательных числительных даже в тех случаях, когда в словосочетании с существительным передается оттенок собирательности» [18, с. 236; см., например, также: 52, с. 74; 53, с. 106; 21, с. 110; 3, с. 64; 42, с. 199; 8, с. 50 и др.].

Лингвисты противоречиво оценивают способность СЧ вызывать представление о мужском поле.

Г.А. Качевская, например, пишет, что СЧ для носителей русского языка все же «стали приметой мужского рода» [23, с. 63]. Этим она объясняет появление нормы, рекомендующей использовать СЧ в сочетании с именами существительными мужского рода, изменяющимися по первому («женскому») склонению, то есть имеющими в именительном падеже единственного числа флексию $-a^7$. «Парадигма склонения количественных сочетаний с существительными мужского и женского рода совпадала бы при употреблении КЧ, ср.: *четыре женщины (мужчины), четырех женщин (мужчин)* и т. д.», а «собирательные числительные дают возможность устранить такое совпадение» [23, с. 63]. Исключение, по свидетельству Г.А. Качевской, составляют собственные существительные на $-a$, являющиеся уменьшительными именами (*Петя, Сережа*): для них «нормой стали сочетания с количественными числительными» [23, с. 63]. Т. Е. Янко, правда, значительно сужает круг сочетаний, в которых желательно использование СЧ для снятия гендерной неопределенности. Она полагает, что «феминизирующий эффект женской синтаксической модели» проявляется только при использовании КЧ *три, четыре* и отчасти *два* [63, с. 171]. «Вне специфических синтаксических сочетаний с числительными *два, три* и *четыре* существительные мужского рода на $-a$ не несут отпечатка женскости» [63, с. 172].

Л.К. Граудина, напротив, свидетельствует о том, что «речевая практика уравнивает существительные женского и мужского рода» и «в применении к лицам собирательные числительные сейчас употребляют-

ся достаточно широко, безотносительно к полу названного лица» [18, с. 236], см. также: [62, с. 16]. Е.Н. Сидоренко отмечает отсутствие связи с идеей мужского пола у тех СЧ, которые употребляются «без зависимых существительных» [41, с. 123]. Заметим, что существует точка зрения, согласно которой именно «широкое употребление субстантивированных (собираательных. – Е.Щ.) числительных для обозначения лиц женского пола» [23, с. 65] способствовало появлению сочетаний типа *трое женищин, пятеро девочек*; причем «более свободно» в этой группе используются слова *пятеро – десятеро*, поскольку «они никогда не были приметой мужского рода в сочетаниях с существительными» [23, с. 66].

По нашим наблюдениям, сема мужского пола у СЧ в современной русской речи в целом реализуется слабо. В отрыве от контекста СЧ *двое*, помещенное в предложение типа *В комнату вошли двое*, может быть истолковано как ‘два мужчины’ либо как ‘мужчина и женщина’. Однако в связанном тексте сема мужского пола у СЧ в большинстве случаев не актуализируется, нивелируется. Это подтверждается их регулярным использованием для указания на количество лиц (а иногда и животных) женского пола, причем во всех обследованных типах дискурса.

Обозначая количество субъектов женского пола, СЧ чаще всего используется в изолированной позиции:

– при субстантивации: *На этой неделе домой уйдут двое* (Ю. 30.06.2013. Топ-модель по-американски); *Пока трое менялись, двое атаковали* (Россия-2. 14.02.2010. Хоккей);

– при адвербиализации: *И отмечу, что Лариса и Джулиана за победу на Grand Slam получают сорок три тысячи пятьсот долларов. Ну, эта сумма будет разделена, соответственно, на двоих* (Спорт. 18.07.2009. пляжный волейбол); – *Деточка, щас я вас всему научу. Чтобы раскрепощенно колбаситься на дискотеке, тебе нужно... Так, а в каком ты классе? – В четвертом. – Э-эх! Значит, баночка пива на двоих с подружкой отпадает* (Первый канал. 14.03.2010. Большая разница);

– в неполных предложениях: *У нас были четыре девушки заявлены в этом виде. Двоим вот...* (Спорт. 23.08.2009. Легкая атлетика); *Видим, что ведет Ширкарвон из Соединенных Штатов. За ней пляеда австриек, целых четверо...* (Россия-2. 26.02.2010. Сноубординг).

Несколько реже СЧ употребляются в сочетаниях с личными местоимениями и именами существительными, называющими лиц женского пола: *Все в руках французженки. Если она возьмет* (высоту. – Е.Щ.), *их будет четверо* (Спорт. 19.07.2009. Легкая атлетика); *Только шестеро*

из вас смогут надеяться на титул топ-модель по-американски (Муз-ТВ. 02.11.2010. Топ-модель по-американски); *Третий претендент – Роман, тридцать два года, Близнецы. Представитель крупной немецкой торговой компании. Гордится тем, что сам себя обеспечивает с четырнадцати лет. Мечтает о троих дочерях* (Первый канал. 08.07.2013. Давай поженимся). При этом имена существительные, с которыми соединяются СЧ, во многих случаях имеют ярко выраженные семы женского пола – это самые общие наименования лиц по признаку пола (*женщина, девушка, девочка*), наименования по признаку родства (*дочь, дочка*): *Двое женщин погибли сразу, пятеро человек в больнице* (Пятый канал. 25.10.2007. Сейчас); *Пятеро женщин, все по виду самого простого звания, безропотно поднялись со своих мест и, с любопытством оглядываясь, вышли в коридор* (Акунин Б. Ф.М.); *Завтра вы встречаетесь с судьями. Только семеро девушек продолжают участие в конкурсе «Топ-модель по-американски»* (Муз-ТВ. 22.10.2010. Топ-модель по-американски); *Женщина рассказала, что двоих усыновленных девочек у нее украли еще полтора года назад* (Первый канал. 21.08.2012. Время). Сема пола у существительных женского рода может также актуализироваться при наличии в языке однокоренных наименований мужского рода (*немец – немка, участник – участница* и т. п.): *Троих его родственников убили за квартиру* (НТВ. 12.09.2013. Говорим и показываем); *Троих участниц движения Фемин в ближайшее время освободят из тунисской тюрьмы* (Пятый канал. 27.06.2013. Сейчас); *Лабораторные тесты не подтвердили у двоих россиянок, госпитализированных накануне, наличие новой формы гриппа* (Первый канал. 02.05.2009).

Во всех типах дискурса СЧ свободно используются для указания на количество:

– женщин и мужчин (либо людей, пол которых не уточняется), если те составляют одну группу: *А вас должно быть двое. Где Гера?* (Пелевин В.О. Empire V); *Нам, четверым, было не до них... Один <...> раненый... другая в ломке... Третий <...> старик, уже дважды контуженный <...>. Четвертый фельдшер, который изо всех сил поддерживал в нас дух* (Маканин В.С. Без политики); *Сходство усиливалось еще и тем, что все трое – стоящая Снежевская и сидящие великие князья – были вровень* (Акунин Б. Коронация); *Тридцать восемь жизней унес пожар в подмосковной психиатрической больнице. <...> Спаслись лишь трое: медсестра и двое пациентов* (Первый канал. 28.04.2013. Время);

– женщин и детей (пол которых при этом не актуализируется): *Число пострадавших в результате теракта в Бостоне, по последним данным, превысило 180 человек. <...> Уже опознаны и все погибшие. Их, напомню, **трое**, в том числе восьмилетний ребенок и гражданка Китая* (Первый канал. 17.04.2013).

СЧ обычно не воспринимаются как ненормативные единицы и в тех случаях, когда количество женщин в группах превышает количество мужчин: *На момент прибытия было **трое пострадавших**: один водитель «Рено», мужчина, и из ВАзовской пятнашки две девушки пострадали* (Волга. 22.07.2013. Экипаж).

Более того, если лексическое значение номинатива включает семы и мужского, и женского пола, выбор СЧ может быть обязательным. Речь идет прежде всего о сочетании числительных *двое – два / две* с именами существительными, которые называют одного мужчину и одну женщину (соответствующая семантика может быть закреплена за такими словами в языке или появляться у них в контексте): <...> *они, **двое любящих**, бродят по Москве, снег посылает их* (Петрушевская Л.С. Лавина); *Был на свадьбе – конечно, не настоящей, фиктивной. **Двое партийцев** в интересах дела сочетались браком* (Акунин Б. Статский советник). Включение в тексты КЧ *два / две*, которые в эксплицитной форме передают указание на мужской / женский пол, привело бы в таких случаях к появлению грубых фактических ошибок (ср.: ****Два любящих** бродят по городу; ***Два партийца** сочетались браком*). СЧ *двое*, отличающееся гендерной неопределенностью, напротив, позволяет в адекватной форме передать необходимую информацию.

В ряде случаев синтагматика числительных имеет гендерную обусловленность и при употреблении слов *три – трое, четыре – четверо*. КЧ *три, четыре*, как известно, требуют постановки имени существительного в форму единственного числа, что при наличии в языке однокоренных наименований мужского и женского рода также может привести к некорректной актуализации семы пола: *Напомню, поиски преступников, сбежавших из-под стражи в Дальнеконстантиновском районе, продолжаются до сих пор. На свободе остаются **трое опасных рецидивистов*** (Волга. 30.07.2013. Экипаж). В приведенном контексте речь идет о двух мужчинах и одной женщине. КЧ, помещенное в данный контекст, вызвало бы ложное представление о трех мужчинах (ср.: **На свободе остаются **три** опасных рецидивиста*).

Способность КЧ *три* и *четыре* актуализировать идею женского пола, на наш взгляд, имеет место в современном русском языке. Однако

реализуется она, скорее, не в сочетаниях с существительными мужского рода, оканчивающимися на *-а*, о которых говорят Т. Е. Янко [63, с. 172] и Г.А. Качевская [23, с. 63] (сема пола имени существительного здесь отчетливо выражается, несмотря на особенности материальной формы), а в сочетаниях с личными местоимениями, окказиональными субстантивами и при употреблении КЧ в изолированной позиции. Ср.: **Их трое – *Их три; Но все. Эти трое тихих убралась в глушь как милостыню просить, гордо канули как в воду, никому ничем не обязанные, <...> переселились из просторных комнат в тесноту и бедность, в одиночество* (Петрушевская Л.С. Невинные глаза) – **Но все. Эти три тихих убралась в глушь как милостыню просить*. Впрочем, в широком контексте сема женского пола у КЧ *три, четыре* может нивелироваться. Во всяком случае некоторые носители современного русского языка строят речь, не учитывая возможность ее реализации. Так, в следующих высказываниях, включающих КЧ, речь идет о лицах мужского пола: *Нужно было в числе четырех быть...* (Спорт. 20.07.2009. Легкая атлетика); *Что нужно сделать для того, чтобы без головной боли выйти в следующий круг соревнований, чтоб голова до полуфинала не болела, – надо оказаться в числе первых трех. Еще только один спортсмен доберется по времени* (Спорт. 15.08.2009. Легкая атлетика).

Взаимодействие в контексте языковых значений КЧ и СЧ и формируемых ими смысловых оттенков

Варьирование КЧ и СЧ на современном этапе развития русского языка можно обозначить как явление объективно-субъективного характера. С одной стороны, живые существа объективно обладают некоторыми особенностями, свойствами, которые отражаются посредством КЧ и СЧ. С другой стороны, часть этих признаков, свойств может служить предпосылкой для включения в текст СЧ, а часть – предпосылкой для употребления КЧ. При конфликте семантических / смысловых предпосылок автор высказывания выбирает и актуализирует признак, который в данный момент времени субъективно представляется ему наиболее важным: *Имена некоторых крёстных, а их у наследника престола может быть шестеро, уже известны* (Пятый канал. 23.10.2013. Сейчас). Так, в приведенном примере обозначается количество не конкретных людей, а любых, «абстрактных», что предполагает выбор КЧ. Однако

поскольку числительное употреблено в конструкции переходного типа, значительно удалено от связанных с ним местоимения *их* (формальная связь) и субстантивата *крестных* (смысловая связь), выбор делается в пользу СЧ, способного передать идею лица. Кроме того, здесь можно усмотреть группировку крестных по связи с конкретным человеком – наследником престола.

Выбор как СЧ, так и КЧ часто определяется реализацией нескольких смысловых признаков: *Три участника продолжают бороться, взяв высоту два тридцать три. Очень сильный финал* (Спорт. 25.07.2009. Легкая атлетика) – указание на большое и расчлененное (по характеру действия, по социально-психологическим основаниям) количество; *Сразу трое основных соперников Усэйна Болта эти состязания пропустят* (Пятый канал. 05.08.2013. Сейчас) – группировка по действию и по связи с третьим лицом. Очевидно, что чем больше оснований для употребления числительного того, а не иного разряда, тем выше вероятность его появления в контексте.

Сочетание в рамках одного высказывания СЧ и КЧ может способствовать выражению очень тонких оттенков смысла, отражать нюансы восприятия действительности тем человеком, который строит речь: *На этот момент семеро преодолели метр восемьдесят три и четыре спортсменки пытаются это сделать в следующих попытках* (Спорт. 19.07.2009. Легкая атлетика). Здесь спортсменки первой группы (которые обозначаются посредством СЧ *семеро*), преодолев определенную высоту, на текущем этапе соревнований как самостоятельные единицы больше не представляют интереса для говорящего, и он рассматривает их в совокупности (группировка по произведенному действию и на основании противопоставления ‘лидеры – аутсайдеры’). Что касается спортсменок второй группы (количество которых называется КЧ *четыре*), то они вызывают у телекомментатора интерес каждая по отдельности, поскольку все еще ведут борьбу за прохождение в следующий этап соревнований. Кроме того, комментатор наблюдает их разделенными во времени и пространстве (в сектор для прыжка они выходят по очереди).

Ограничения в реализации семантического фактора

Не только конфликт смысловых оттенков приводит к тому, что КЧ и СЧ далеко не всегда используются в тех семантических позициях, которые были закреплены за ними выше. Данный факт обусловлен также и

тем, что выбор разряда осуществляется под воздействием не только семантического, но и стилистического, фонетического, собственно нормативного, культурно-речевого, структурного факторов, фактора речевой аналогии (традиции словоупотребления) и, видимо, некоторых других. В рамках конкретных контекстов данные факторы могут выступать как однонаправленные (предполагающие выбор числительного одного разряда) и разнонаправленные (требующие использования числительных разных разрядов). При столкновении разнонаправленных факторов учитывается, какие аспекты являются более важными в конкретной ситуации: передача определенных семантических или стилистических оттенков, благозвучие речи, соблюдение традиции словоупотребления, кодифицированной нормы и т. д. [61, с. 348].

Коротко охарактеризуем перечисленные факторы, а также рассмотрим некоторые особенности их взаимодействия с семантическим фактором (подробнее об этом: [60, 61]).

Стилистический фактор определяет варьирование КЧ и СЧ с учетом стилистических особенностей контекста, и прежде всего его общей эмоциональной и функциональной направленности: *Но все равно было видно, что клуб в высшей степени эксклюзивный и абы кого сюда не пустят. Очевидно, именно этим объяснялись взгляды, которые ловил на себе Фандорин, следуя за пудренным лейб-гвардейцем. Компания из четверых солидных господ у ломберного столика, две холеные дамы у барной стойки и даже трое раскрасневшихся молодцов в оттянутых на сторону галстуках – все они с недоумением рассматривали долговязого субъекта в нечистой белой рубашке* (Акунин Б. Алтын-толобас). Несмотря на то что при характеристике группы через количество входящих в нее лиц традиционно используются КЧ, автором был сделан выбор в пользу СЧ, поскольку, сочетаясь с именем существительным, которое называет людей, занимающих высокое социальное положение, оно формирует сниженную экспрессию, позволяет представить ситуацию в комическом свете.

Выбор разряда числительного может быть также связан с реализацией какого-либо стилистического приема (параллелизм, сопряженный с лексическим повтором; каламбур, включение в текст прецедентного феномена или фразеологизма и т. п.), предполагающего (по тем или иным причинам) включение в текст именно КЧ или именно СЧ.

Действие **фонетического фактора** сводится к употреблению наиболее благозвучных, наиболее удобных для произнесения форм слов и их

сочетаний. Варьирование числительных помогает избежать нежелательных звуковых повторов, неуместной рифмизации и ритмизации прозы, зияния, скопления согласных и некоторых других негативных явлений из области фоники [61, с. 346].

Интересно, что фонетический фактор на нашем материале гораздо более последовательно реализуется в художественном, а не в телевизионном дискурсе, т. е. в письменной, а не в устной речи. Отступления от требований благозвучия встречаются даже в заранее подготовленных, обработанных текстах телевизионного дискурса, и в частности в высказываниях ведущих новостных выпусков.

Влиянием фонетического фактора, как правило, объясняется использование КЧ в тех семантических условиях, которые предполагают включение в текст СЧ, а не наоборот: – *Эй, умыться его высокоблагородию, – велел квартальный одному из солдат (полицейских в квартире кроме начальника было еще **четыре человека**)* (Акунин Б. Ф.М.). В приведенном высказывании можно усмотреть группировку лиц сразу по двум основаниям: по положению в пространстве (*в квартире*) и по социальному положению (актуализируется противопоставлением высшему чину – *начальнику*). Однако автором используется КЧ, поскольку включение в текст СЧ *четверо* дало бы менее благозвучную (из-за скопления ударных и, главное, большого количества безударных слогов) ритмическую цепочку. Ср.: *_ / _ / _ _ _ / _* (*еще четыре человека*) и ** _ / / _ _ _ _ /* (**еще четверо человек*). Важным здесь, очевидно, является и тот факт, что в словосочетании с СЧ гласные звуки в идущих подряд безударных слогах подвергаются качественной, а не количественной редукции.

Следует, однако, отметить, что фонетический фактор даже в художественном дискурсе обычно уступает семантическому при употреблении КЧ и СЧ в таких позициях, где они выполняют смысловоразличительную функцию. И в первую очередь это касается сочетаний СЧ с личными местоимениями и субстантивированными словами, где числительные этого разряда используются для более четкого указания на одушевленный предмет и лицо: *Она! Либерия! – зашептал Вальзер, хотя на темной улице кроме **них двоих** не было ни души* (Акунин Б. Алтын-толобас). Это явление наблюдается даже в устной форме речи: *С Бремом **Сомом им двоим** по двадцать девять лет!* (Спорт. 23.08.2009. Легкая атлетика). Так, в приведенных примерах СЧ употребляются несмотря на то, что создают стилистически не мотивированную рифмизацию и ритмизацию прозы.

Действие **собственно нормативного фактора** связано с соблюдением кодифицированной нормы, регулирующей употребление КЧ и СЧ. Так, преимущественным влиянием именно этого фактора примерно в половине случаев объясняется использование КЧ при указании на количество лиц женского пола: *Ну а у нас **четыре участницы** взяли эту высоту четыре двадцать пять со второй попытки, и одна...и одной участнице эта высота покорилась с первой попытки (Спорт. 19.07.2009. Легкая атлетика). В приведенном примере КЧ употребляется несмотря на то, что лица выполняют одно и то же действие, в одно время, с одной и той же целью (выиграть), занимают при этом близкое положение в пространстве и по трем признакам из четырех (действие, время, положение в пространстве) однозначно противопоставляются всем прочим участницам. Семантические предпосылки к использованию СЧ в таких случаях почти никогда не получают реализации, если собственно нормативный фактор активно поддерживается фонетическим. Ср.: *Кстати, посмотрите: подряд и Жюли Кара-Коля, и Мари Дюран – там **три ее партнерши** по сборной Франции вместе уходили со второй стрельбы* (Россия-2. 13.01.2010. Биатлон) – **тр[о]жь жэ''жэ] парт[н'о]ри*.*

С другой стороны, в значительной по объему группе контекстов, связанных с указанием на количество лиц женского пола (40–60% контекстов с использованием КЧ – в зависимости от типа дискурса), собственно нормативный и семантический факторы выступают как однонаправленные: *Две спортсменки бьются за золото* (Спорт. 09.07.2009. Плавание); *Такое впечатление, что собрались три ведьмы, которые решили меня полностью изуродовать* (Домашний. 02.07.2013. Гардероб навывлет); *Да, как выросла эта команда: у нее уже есть **три представительницы** (на престижных соревнованиях. – Е.Щ.)* (Спорт. 15.05.2009. Художественная гимнастика). Так, в первом примере мы наблюдаем разгруппировку лиц по социально-психологическим основаниям (борьба, соперничество); во втором – разгруппировку по действию и утверждение идеи, что *каждая* из участниц шоу повела себя как «ведьма» (эмфатическое употребление КЧ); в третьем – указание на большое количество.

Фактор речевой аналогии (традиции словоупотребления) вступает в действие при объективном отсутствии либо неопределенном характере нормативных предписаний, а также в случае (субъективного) незнания нормы говорящим. Данный фактор, в частности, может срабаты-

вать, если определенная лексема или ее омоним (либо группа лексем / омонимов) регулярно используется в определенных условиях, требующих включения в текст числительного того или иного разряда.

Так, аналогия определяет преимущественное употребление КЧ в словосочетаниях с именами существительными женского и среднего рода, называющими лиц мужского пола, особенно если эти существительные являются неодушевленными (кодифицированной нормой такие случаи прямо не регулируются): *Две тени бесшумно проскользнули в незакрытую монастырскую калитку* (Свечин Н. Завещание Аввакума); *Я этот фильм наизусть скоро выучу. Две равно уважаемые свиньи в Вероне, где встречаются нас события, ведут междоусобные бои и не хотят унять кровопролитья* (Пелевин В.О. Священная книга оборотня).

Результатом частого (и, важно подчеркнуть, семантически мотивированного) употребления СЧ со словом *дети* является его периодическое использование в словосочетаниях с определительными отношениями при характеристике лиц (чаще – матерей) через количество связанных с ними детей: *Елена Данилина – мать троих детей: четырнадцатилетней Марии, семилетней Кати и трехлетнего Кирилла. Сейчас женщину судят за убийство новорожденных дочерей* (Первый канал. 17.08.2011. Пусть говорят); *Конечно, здесь главной звездой выглядит болгарская команда. Ну а точнее даже не команда, а гребчиха из Болгарии – Румяна Нейкова. <...> С гордостью говорю: и мать двоих детей* (Спорт 15.07.2009. Гребля); *А вот в Сорновском районе мать двоих детей сумела изменить свою жизнь* (Россия-1. 01.11.2010. Вести-Приволжье); *Не учитывали, по словам защитников, ни решения судов других инстанций, ни характеристики учителя, ни того, что Фарбер – отец двоих детей и имеет слабое здоровье* (Пятый канал. 28.11.2012. Сейчас). Применительно к подобным фактам использования числительных, видимо, можно даже говорить о реализации шаблона, а не о конструировании фрагмента высказывания в речи. Важно подчеркнуть, что позиция числительного в составе данного шаблона не является формально обусловленной: в косвенных падежах со словами *pluralia tantum*, как известно, могут сочетаться не только СЧ, но и КЧ.

Действие **структурного фактора** связано с использованием числительных в формально обусловленной позиции. Прежде всего мы имеем в виду соединение СЧ *двое, трое, четверо* в именительном падеже с

существительными *pluralia tantum* (одушевленными и неодушевленными) в рамках количественно-именных словосочетаний с отношениями восполнения (*трое людей, двое брюк*). Впрочем, структурный и семантический факторы очень часто оказываются однонаправленными, т. е. при использовании СЧ в формально обусловленной позиции отмечаются те или иные основания для группировки лиц. В случае необходимости передать те смысловые оттенки, для выражения которых используются КЧ, говорящим, по всей вероятности, выбираются иные типы словосочетаний / предложений, осуществляется замена лексемы (*двое людей* → *два человека, трое детей* → *три ребенка*). Таким образом, структурный фактор не оказывает серьезного влияния на реализацию фактора семантического.

Действие культурно-речевого фактора проявляется в стремлении говорящих к формированию такого коммуникативного качества речи, как богатство (разнообразие), посредством исключения лексических и грамматических повторов [61, с. 346]. При отсутствии поддержки со стороны других факторов он, на наш взгляд, не мешает реализации семантических предпосылок к использованию КЧ и СЧ, – скорее, напротив, сам действует в тех пределах, которые устанавливаются семантическим и некоторыми другими факторами.

* * *

Итак, проведенный нами анализ научной и учебной лингвистической литературы, а также фактов употребления КЧ и СЧ в устной и письменной речи позволяет сделать вывод о том, что на современном этапе развития русского литературного языка определенные семантические различия между числительными указанных разрядов все же существуют. Выбор разряда во многих случаях происходит под воздействием семантического фактора, т. е. «с учетом собственной семантики КЧ и СЧ, а также семантики других языковых единиц, входящих в контекст (слов, их грамматических форм, синтаксических конструкций), и того смысла, который они формируют» [61, с. 345].

Семантический фактор имеет множество частных проявлений, связанных с указанием на совместное/несовместное действие, на сходство/несходство лиц в социально-психологическом отношении; с характеристикой явлений через количество лиц, имеющих к ним отношение; с актуализацией/нивелированием идеи пола и т. д. Некоторые из них широко представлены во всех видах дискурса, другие – характерны

только для одного или двух. КЧ по сравнению с СЧ в целом способны выражать значительно большее количество смысловых оттенков. Видимо, во многом именно по этой причине отмечается их преобладание в современной русской речи.

Использование числительных в формально обусловленной позиции (и в частности в сочетаниях с одушевленными существительными *pluralia tantum*) также во многих случаях является семантически мотивированным. То есть далеко не всегда, как принято считать, конструкция определяет выбор разряда, – наоборот, выбор конструкции нередко является следствием того, что говорящий/пишущий включает в текст КЧ либо СЧ.

Воздействием семантического фактора объясняются многие случаи отступления от кодифицированной нормы. В художественном дискурсе оно является наиболее осознанным и, как правило, мотивировано необходимостью создания ярких стилистических эффектов. В телевизионной речи при движении от новостного дискурса к развлекательному и далее к спортивному вероятность реализации семантического фактора за пределами нормы увеличивается, а стилистическая мотивированность – снижается. В устной спонтанной речи, особенно в аффективной, отклонение от нормы скорее будет следствием реализации живых языковых процессов. Впрочем, здесь многое также зависит от языковой политики конкретного телеканала, особенностей индивидуального стиля и общей речевой культуры говорящего. Так, в спонтанной речи отдельных спортивных комментаторов нами не было зафиксировано ни одного случая отступления от нормы в сфере синтагматики КЧ и СЧ. При этом мы наблюдали двоякое (нормативное и ненормативное) употребление числительных при прочтении одного и того же текста разными ведущими новостных программ.

Неоднозначная оценка семантического варьирования КЧ и СЧ во многом обусловлена сложностью самого предмета исследования. Во-первых, выбор разряда является объективно-субъективным: СЧ и КЧ характеризуют живые существа не абсолютно, а относительно, в соответствии с критерием, который устанавливается говорящим/пишущим, – и данный критерий не всегда легко выявить. Во-вторых, исследование затрудняет тот факт, что синтагматика КЧ и СЧ определяется влиянием не только семантического, но и иных факторов, которые в разных контекстах по отношению друг к другу могут быть то однопавленными, то разнонаправленными, то сильными, то слабыми. Действие семантического фактора (который в целом является достаточно

сильным) чаще всего ограничивается действием стилистического, фонетического и собственно нормативного факторов, а также фактора речевой аналогии. Кроме того, следует отметить:

– недостаточный охват языкового материала (связь КЧ и СЧ с определенными, типовыми, ситуациями устанавливается только в результате анализа очень большого массива текстов, представляющих один или несколько типов дискурса);

– несистемный подход к анализу варьирования КЧ и СЧ (в частности, выводы как о существовании, так и об отсутствии семантических различий между этими числительными иногда представляются с опорой на единичные факты; не принимаются во внимание особенности взаимодействия СЧ и КЧ с другими языковыми единицами, наличие которых в тексте может во многом определять выбор разряда).

Невозможность однозначно объяснить некоторые факты использования КЧ и СЧ заставляет предполагать их частичное неразличение носителями современного русского языка. Однако существует также вероятность того, что исследователями просто не охвачены те типы дискурса, которые позволяют установить не выявленные к настоящему времени закономерности в использовании разрядов.

Примечания

1. Подобная квалификация этих слов отмечается как в специальных работах, посвященных проблеме супплетивизма [55, с. 132; 30, с. 408, 413; 34, с. 165], так и в работах, непосредственно связанных с варьированием КЧ и СЧ [23, с. 62].

2. В.Н. Немченко выявлена следующая закономерность: «чем меньше число лиц, обозначаемых числительным, тем больше вероятность употребления для его обозначения числительного собирательного, и наоборот» [33, с. 223].

3. В статье Т. Е. Янко «Русские числительные как классификаторы существительных» [63] отражена достаточно цельная, логически обоснованная концепция варьирования КЧ и СЧ в сочетаниях с именами существительными. Исследователь связывает выбор разряда с типом концептуализации человека, который представляет сочетающееся с числительным имя существительное. Т. Е. Янко выделяет четыре типа концептуализации: 1) ‘человек как индивид, воплощающий в себе некоторый признак’; 2) ‘человек как имя или функция’; 3) ‘человек как физическое тело’ и 4) ‘человек как мера’.

При первом типе концептуализации представляется живой человек, который «характеризуется неким онтологическим признаком», обладает душой, памятью и телом [63, с. 173].

Второй тип «охватывает личные имена, роли людей в ситуациях, в частности в пьесах, функции человека в отвлечении от конкретного человека, должности, титулы, саны, степени и звания» [63, с. 173]. Рассматривая вопросы нормы

и стилистические аспекты варьирования КЧ и СЧ, многие лингвисты в нейтральной речи в сочетании с наименованиями высоких должностей, воинских и почетных званий, ученых званий и степеней, с названиями профессий, представляющихся значительными, и т. п. рекомендуют употреблять именно КЧ, а не СЧ (см., например: [5, с. 125; 4, с. 181]), поскольку если «существительное обозначает лицо в некотором смысле уникальное, например, находящееся на верхних ступенях общественной иерархии, то сочетание с [СЧ] обычно указывает на то, что говорящий игнорирует эту уникальность» [35, с. 68–69]. Т. Е. Янко, напротив, вполне допускает возможность использования СЧ со словами типа *сенатор*, *боярин*, если они называют человека как индивида (но, с другой стороны, все же признает, что обычно «сочетаемость существительных с числительными выравнивается по семантическому стандарту и идиоматизируется. При этом семантический стандарт и, соответственно, статистическая частотность определяются стержнем соответствующего концепта» [63, с. 178]).

Третий тип концептуализации ('человек как физическое тело') называется автором «редким, нестандартным» и раскрывается в основном через текстовые примеры: «(*выходит, спотыкается об Гоголя и падает*). *Вот черт! Никак об Гоголя!* (Хармс); *Человек на девяносто процентов состоит из воды*» [63, с. 175].

В связи с четвертым типом концептуализации человек рассматривается как мера человеческих качеств, а также как мера пространства, времени, веса: «*Он сидел через четыре зрителя от меня*», «*До моего выступления еще один докладчик*», «*Один штангист весом как два бегуна*» [63, с. 176].

Согласно наблюдениям Т. Е. Янко, СЧ сочетаются с именами существительными только в первом подзначении, в остальных случаях используются КЧ, «которые не чувствительны к семантическим оппозициям 'лицо' – 'имя' – 'тело'» [63, с. 178].

4. Мы придерживаемся классификации субстантивированных слов, предложенной в работе С.И. Богданова и Ю.Б. Смирнова [8, с. 21–22].

5. В новостных программах оттенок сочувствия отчетливо прослеживается при использовании СЧ для указания на количество не только животных, но и людей.

6. По утверждению других исследователей, КЧ неспособны приобретать предметное значение и в «изолированной» позиции называют только абстрактные числа [52, с. 89].

7. Норма, регулирующая варьирование КЧ и СЧ в сочетании с именами существительным мужского рода, изменяющимися по первому («женскому») склонению, представлена далеко не во всех работах; см., например: [35, с. 69; 38, с. 372; 37, с. 119].

Список литературы

1. Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики современного русского литературного языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. М.: Учпедгиз, 1945. 236 с.
2. Аверьянова Н.Г. Число: цифры и слова 1, 2, 3, ...,5, ...,20, ...,40, ...,сто, ...,тысяча и т. д. СПб.: Изд-во Санкт-Петербур. гос. ун-та, 1998. 92 с.
3. Акимова И.И. Морфология русского языка. Хабаровск: Изд-во ХГТУ, 2003. 178 с.
4. Атавина М.Г. Грамматика русского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология. Нью-Йорк: Gitel Services Inc, 2000. 277 с.
5. Балалыкина Э.А. Современный русский язык. Морфология. Ч. 1. Имена. Наречия. Категория состояния. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2003. 172 с.
6. Балалыкина Э.А. Числительные как особая часть речи в современном русском языке [Электронный ресурс] // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2009. Т. 151. № 3. С. 205–214. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=12833213> (дата обращения: 22.10.2013).
7. Богданов С.И. Форма слова и морфологическая форма. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. 248 с.
8. Богданов С.И., Смирнов Ю.Б. Переходность в системе частей речи. Субстантивация. СПб: Изд-во СПбГУ, 2004. 58 с.
9. Брицын М.А., Кононенко В.И. Современный русский язык. Киев: Вища школа, 1983. 456 с.
10. Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М.: Просвещение, 1976. 208 с.
11. Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Цапукевич В.В. Современный русский язык. М.: Высш. шк., 1966. 496 с.
12. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1972. 616 с.
13. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М.: МПГУ, 2006. 304 с.
14. Гайнутдинова А.Ф. Три плюс два (О субстантивации числительных в русском языке) [Электронный ресурс] // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. 2010. № 6. С. 243–252. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=15127024> (дата обращения: 18.10.2013).
15. Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч. 1. Фонетика и морфология. 4-е изд. М.: Просвещение, 1973. 432 с.
16. Голанов И.Г. Морфология современного русского языка. 3-е изд. М.: Высш. шк., 1967. 287 с.
17. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Айрис-пресс, 2004. 448 с.
18. Граудина Л.К. Вопросы нормализации литературного языка. М.: Наука, 1980. 288 с.
19. Дьячкова И.Н. Собираемые числительные в русском литературном языке XVIII века [Электронный ресурс] // Ученые записки Петрозаводского

государственного университета. 2009. № 5. С. 59–68. Режим доступа: <http://elibrary.ru/item.asp?id=17939432> (дата обращения 22.10.2013).

20. Имя числительное как часть речи. В 2 ч. / Сост. М.А. Михайлов. Ч. 2. Горький: Горьковский гос. ун-т, 1987. 36 с.

21. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1999. 240 с.

22. Карпов А.К. Современный русский язык: Словообразование. Морфология. М.: Владос, 2002. 192 с.

23. Качевская Г.А. Собираательные числительные // Русская речь. 1968. № 1. С. 61–66.

24. Козырева Т.Г., Хмелевская Е.С. Современный русский язык. Имя прилагательное. Имя числительное. Местоимение. Минск: Вышэйша шк., 1972. 127 с.

25. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой, В.В. Лопатина. М., 2002. 726 с.

26. Краткий справочник по современному русскому языку / Л.Л. Касаткин, Е.В. Клобуков, П.А. Лекант; Под ред. П.А. Леканта. М.: Высш. шк., 1991. 383 с.

27. Лукин М.Ф. Морфология современного русского языка. М.: Просвещение, 1973. 232 с.

28. Маслов Б.А. Морфология современного русского литературного языка. Стерлитамак: Изд-во Стерлитамак. гос. пед. ин-та, 2001. 128 с.

29. Матвеева Т.В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М.: Флинта: Наука, 2003. 432 с.

30. Мельчук И.А. О супплетивизме // Проблемы структурной лингвистики. М.: Наука, 1972. С. 396–438.

31. Моисеев А.И. Русский язык: фонетика, морфология, орфография. 2-е изд., перерб. М.: Просвещение, 1980. 255 с.

32. Нелюбова И.Ф., Чиликина Н.Г., Горная П.Г. Современный русский литературный язык. Киев: Радянська школа, 1964. 302 с.

33. Немченко В.Н. Грамматическая вариантность слова в современном русском языке и литературная норма. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та, 1998. 282 с.

34. Немченко В.Н. Супплетивизм как грамматическое явление (понятие и термины) // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. 2000. Вып. 1(2). С. 163–173.

35. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый вып. 2-е изд., испр. / Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина и др. М.: Языки русской культуры, 1999. 552 с.

36. Панов М.В. Числительное в новом учебнике // Русская словесность. 1995. № 2. С. 49–55.

37. Плещенко Т. П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г. Основы стилистики и культуры речи / Под ред. П.П. Шубы. Минск: ТетраСистемс, 1999. 240 с.

38. Рахманова Л.И., Суздальцева В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология. М.: Изд-во Моск. гос. ун-та: ЧеРо, 1997. 479 с.

39. Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А. Современный русский язык. 9-е изд. М.: Айрис-пресс, 2007. 448 с.
40. Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология. М.: Наука, 1980. 784 с.
41. Сидоренко Е.Н. Морфология современного русского языка (Части речи и контаминанты). Ч. 1. Именные части речи. Симферополь: Крымучпедгиз, 2002. 170 с.
42. Скворцов Л.И. Культура русской речи: Словарь-справочник. М.: Академия, 2003. 224 с.
43. Современный русский язык / К.З. Закирьянов [и др.]. Уфа: Восточный университет, 1998. 123 с.
44. Современный русский язык. В 2 ч. Ч. 1 / Под ред. Д.Э. Розенталя. М.: Высшая школа, 1976. 352 с.
45. Современный русский язык. В 2 ч. Ч. 2. Морфология. Синтаксис / Под ред. Е.М. Галкиной-Федорук. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1964. 638 с.
46. Современный русский язык: В 3 ч. Ч. 2. Словообразование. Морфология. / Шанский Н.М., Тихонов А.Н. М.: Просвещение, 1987. 254 с.
47. Современный русский язык / В.М. Марков, Н.А. Широкова, Н.М. Сергеева, Н.А. Копосова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 160 с.
48. Современный русский язык: Морфология / Под ред. Г.Г. Инфантовой. М.: Академический проект, 2010. 351 с.
49. Современный русский язык / Под ред. В.В. Виноградова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1952. 520 с.
50. Современный русский язык. Словообразование. Морфология / Под общ. ред. И.А. Киселева. Минск: Высшейша школа, 1992. 350 с.
51. Столяров Е.А. Современный русский язык и культура речи. М.: Приор-издат, 2004. 128 с.
52. Супрун А.Е. Имя числительное и его изучение в школе. М.: Учпедгиз, 1964. 160 с.
53. Супрун А.Е. Славянские числительные. Становление числительных как особой части речи. Минск: Изд-во БГУ, 1969. 232 с.
54. Тихонов А.Н. Современный русский язык (Морфемика. Словообразование. Морфология). М.: Цитадель-трейд, 2002. 464 с.
55. Филин Ф.П. О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963. С. 128–133.
56. Ушакова Л.И. Современный русский язык. Морфология. Белгород: Изд-во Белгород. ун-та, 1999. 282 с.
57. Хабургаев Г.А. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990. 296 с.
58. Чепасова А.М., Чередниченко А.П. Современный русский язык: Таблицы по грамматике. М.: Высш. шк., 1999. 144 с.
59. Чеснокова Л.Д. Категория количества и способы ее выражения в современном русском языке. Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 1992. 178 с.

60. Щеникова Е.В. Факторы выбора количественных и собирательных числительных в современной художественной прозе: Дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород: ННГУ, 2006. 210 с.

61. Щеникова Е.В. Факторный анализ варьирования собирательных и количественных числительных в современном русском языке // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 1. Ч. 1. С. 345–351.

62. Щербаков Ю.И. Употребление собирательных числительных в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Куйбышев, 1969. 24 с.

63. Янко Т. Е. Русские числительные как классификаторы существительных // Русский язык в научном освещении. 2002. № 1 (3). С. 168–181.

ГЛАВА 5

ВЫРАЖЕНИЕ СМЫСЛОВОГО СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА В ЕГО СТРУКТУРЕ

С.Н. Виноградов

Текст рассматривается как «единство некоторого более или менее завершенного содержания (смысла) и речи, формирующей и выражающей это содержание» [12, с. 12–13]. Согласно современным семиотическим представлениям, текст включается в состав знаковых единиц, рассматривается как знак, обладающий специфическими свойствами. Тогда смысл текста входит в план содержания данного знака, а материальная структура текста является его планом выражения. Семиотические свойства текста до настоящего времени изучены явно недостаточно. Актуальность такого изучения связана с вниманием к когнитивным аспектам языка, с антропоцентрическим взглядом на него, с задачами компьютерной обработки языковой информации. Тезис Ю.М. Лотмана о том, что текст обнаруживает черты интеллектуального устройства [19, с. 7], конкретизируется в исследованиях в области информационных технологий, благодаря которым получены новые результаты в автоматизированном выявлении смысла текста и в осуществлении диалога с текстом в процессе человеко-машинного взаимодействия. Эти результаты наглядно видны в поисковых технологиях Интернета, которые не могут быть осуществлены без эмпирических представлений о том, как может быть представлено содержание контента – текстового наполнения сайтов. По причине актуальности данной проблематики необходимо обратиться к теоретическому осмыслению понятия «смысл текста».

При обсуждении содержания данного понятия будем исходить из концепции, предлагаемой в книге А.И. Новикова «Текст и его смысловые доминанты» [20], в которой отразились и разные аспекты понятия

смысла, и нерешённые проблемы в этой области, и перспективы соответствующих исследований. А.И. Новиков определяет понятие смысла таким образом: «В работах, посвящённых анализу текста с коммуникативной и когнитивной точек зрения, смысл обычно рассматривают как то ментальное образование, которое формируется в результате его понимания» [20, с. 50]. Смысл изучается разными науками, которые выделяют в нём разные аспекты: «...Если философия помещает смысл в сферу познавательных процессов и тем самым в сферу действительности, то психология – в структуре (в структуру? – С.В.) личности, её мотивов, целей» [20, с. 52]. Таким образом, высказывания о смысле носят гипотетический характер (по крайней мере, характеризуют различную «локализацию» смысла). Кроме того, существуют понятия, близкие по содержанию понятию «смысл текста», передаваемые другими терминами. Так, А.И. Новиков различает смысл текста и его содержание: «Содержание формируется как ментальное образование, моделирующее тот фрагмент действительности, о котором говорится в тексте, а смысл – это мысль о действительности, т. е. интерпретация того, что сообщается в тексте» [20, с. 109]. Впрочем, «соотношение содержания и смысла может быть различным в зависимости от вида текста... В одних случаях расхождения (расхождение? – С.В.) между смыслом и содержанием может быть настолько незначительным, что они практически совпадают. В других же случаях это расхождение может быть достаточно большим» [20, с. 143]. Именно эта нечёткость в разграничении разных ментальных образований, диффузность понятий заставляет использовать выражение «смысловое содержание текста» [4, с. 19]. А.И. Новиков предположил, что «минимальное расхождение содержания и смысла характерно для текстов научной, технической тематики, для так называемой деловой прозы, а максимальное – для различных жанров художественных текстов» [20, с. 144]. Такое предположение не лишено оснований, если принять во внимание цели коммуникации в научном стиле – информацию о фрагменте действительности и при этом сведение к минимуму личностного начала, субъективной интерпретации сообщаемого.

Для понимания текстового смысла существенно то, что он, по-видимому, носит гипотетический характер. Нами ранее была рассмотрена гипотетичность понятия как его специфическое свойство [9; 11, с. 75–82]. Гипотетичность означает, что о понятии можно высказать альтернативные суждения, истинность которых обосновывается в процессе деятельности людей. Можно предположить, что этим свойством будут обладать и другие ментальные образования.

То, что в логическом плане выступает как гипотетичность, в структурном плане выступает как разноименование. За разными формулировками стоят разные суждения, которые в общем случае являются альтернативными (под альтернативными мы понимаем суждения, образующие множество, из которого мыслящему субъекту требуется сделать выбор). Разноименование при выражении смысла хорошо известно в лингвистике (ср., например, концепцию функционально-семантического поля А.В. Бондарко, в которой смысловые категории могут выражаться разноуровневыми средствами языка; налицо разноименование того, что воспринимается коммуникантами как единый смысл). Можно ожидать, что смысл текста тоже предполагает разноименование.

Не вдаваясь в вопросы онтологии смысла, сделаем акцент на том, как он выявляется и выражается. Общее представление о смысле как о некоторой ментальной структуре приводит к тому, что мы начинаем обращаться со смыслом как с некоторым материальным образованием. Но «сами понятия «структура», «строение» взяты из мира *пространственных* представлений и перенесены в истории познавательной деятельности человека на объекты непространственного характера» [14, с. 154]. Когда мы начинаем анализировать ментальную структуру, то неизбежно выражаем её на некотором языке, с помощью некоторых семиотических, имеющих материальную сторону единиц. О структуре этого языка и надо вести речь, если исследуется смысл. Представляется вполне правомерным при изучении смысла текста использовать вторичную текстовую деятельность реципиентов [20, с. 83–84], в которой эксплицируется текстовое содержание и фактически содержится язык, описывающий смысл текста так, как его понимает реципиент. В эксперименте, описанном А.И. Новиковым [20, с. 85–124], реципиенты-испытуемые получают следующие задания: определить, о чём предъявленный им текст, каков смысл этого текста и какие выделяются в нём ключевые слова. Лексику, используемую при ответе испытуемых, можно разделить на извлечённую (из исходного текста) и приписанную (т. е. не содержащуюся в тексте). Один из результатов этого эксперимента – относительно небольшая доля приписанной лексики при интерпретации испытуемыми научных и научно-популярных текстов по сравнению с текстами художественными. Это означает, что при осмыслении таких текстов их смысл относительно удачно передаётся извлечённой из них лексикой. То, что разные испытуемые используют разные формулировки смысла текста и выделяют разный набор ключевых слов – очевидный результат, свидетельствующий о гипотетичности ментальных сущностей и их разноименовании.

Вторичная текстовая деятельность в описанном эксперименте решает проблему осмысления первичного текста, а описание реципиентами смысла и выделенные ими ключевые слова представляют собой результат решения этой проблемы. Обычно процесс решения проблемы представляет собой выбор некоторой альтернативы из ряда альтернатив. Каждый из ответов реципиентов-испытуемых представляет собой возможную альтернативу описания смысла. Очевидно, смысл первичного текста может быть описан другими вторичными текстами, а ключевые слова могут быть выделены по-иному. В этой возможности – проявление проблемности смысла.

Вторичный текст и набор ключевых слов представляют собой модели мыслительной деятельности. Под моделью будем понимать материальное образование, структурно подобное моделируемой реальности. Поскольку сама идея структурности ментальных сущностей является гипотезой, вторичный текст и набор ключевых слов являются моделью, гипотетически отражающей моделируемую реальность.

Описанные результаты эксперимента позволяют сделать вывод, что задачу описания смысла текста можно решать путём использования его лексических единиц. Предметом нашего рассмотрения будет структура научно-популярного текста. Р. Барт определил связный текст (дискурс) как «любой конечный отрезок речи, представляющий собой некоторое единство с точки зрения содержания, передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причём связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся собственно к языку» [2, с. 443–444]. В этом определении отмечается, что содержание текста передаётся со вторичными коммуникативными целями, т. е. с целями, отличающимися от целей использования языка. Внутренняя организация текста – объект лингвистического наблюдения и описания. Вторичными коммуникативными целями, о которых идёт речь в определении, являются, например, формирование и выражение специального понятия (научно-технический текст) и создание художественного образа (художественный текст).

Культурные факторы, с которыми связан научный и научно-популярный дискурс, – отражение результатов наблюдений, научный поиск, выдвижение и обоснование научных гипотез, работа с научными понятиями, популяризация научных фактов и исследовательских процессов. При создании научно-технического документа на первый план выходит когнитивная функция языка – его способность быть «непосредственной действительностью мысли» (К. Маркс), вырабатывать

новые знания о действительности. С этими факторами связаны те проблемы, которые решает автор научно-популярного текста в процессе его создания. При этом осмысление текста интерпретатором и передача его содержания в значительной степени совпадают (см. выше обсуждение соотношения содержания и смысла текста).

Особенности системной организации научного текста проявляются в том, что он носит гипертрофированно именной характер. Активность существительных и словосочетаний на их основе в научном стиле значительно больше, чем, например, в стилях разговорном и художественном. Это, по-видимому, связано с тем, что понятия в научном тексте опредмечены. В противном случае логические рассуждения, логические операции оказываются невозможными или затруднительными (ср. представление понятий в логике в виде существительных или номинативных словосочетаний). Таким образом, гипертрофированное влияние логики, логического мышления – ещё один культурный фактор, влияющий на создание научного текста.

Научно-популярный текст можно отнести к терминопользующим типам текста [16, с. 82]. Термин – необходимый структурный элемент, выражающий специальные понятия и научно-популярное смысловое содержание. Можно ожидать, что значительное число выделенной лексики, выражающей смысловое содержание, обладает терминологичностью.

Цельность научно-технического текста обнаруживается в том, что вся совокупность высказываний, из которых он состоит, формирует единую тематику, которая может передаваться заголовком. Единая тематика неизбежно должна учитываться при выражении смыслового содержания текста. Чтобы выявить её, обратимся к лексическим повторам, под которыми будем иметь в виду повторы не только слов, но и словосочетаний. Повторы в тексте выражают представления говорящих о тождестве обозначаемых предметов, используемых знаков и выражаемых понятий [11, с. 145]. В лингвистике давно осознана связь между повторяемостью элементов текста и его семантикой. Так, Ю.Д. Апресян даёт следующую формулировку семантического закона, регулирующего правильное понимание: «...выбирается такое осмысление... предложения, при котором повторяемость семантических элементов достигает максимума» [1, с. 14]. В научно-техническом тексте «семантический повтор чаще всего проявляется в наиболее эксплицитной форме - лексическом повторе» [5, с. 24]. Этот последний тезис может быть сформулирован с использованием понятия цельности: тематическая цельность научно-технического текста вербализуется набором наиболее часто повторяющихся в этом тексте лексических единиц.

При изучении повторяющихся единиц следует иметь в виду, что повторы словосочетаний «ценнее» для выражения темы, чем повторы отдельных слов, так как словосочетание передаёт более конкретное, более богатое по содержанию понятие, в котором явно выражены его признаки.

Рассмотрим методику выявления повторяющихся лексических единиц на примере научно-популярных текстов по астрономии, посвящённых тёмной материи. Термин *тёмная материя* интересен тем, что у него, возможно, нет денотата. Дело в том, что тёмная материя, в отличие от наблюдаемой материи Вселенной, проявляет себя только наличием гравитации. Само существование такой материи, отличающейся от наблюдаемой (барионной) материи, гипотетично. Тем не менее соответствующее понятие активно формируется, обсуждается, выделяются его признаки, которые отражены в текстах астрономической и физической тематики. Лексика, отражающая это понятие и его признаки, выражает и смысл соответствующих текстов.

В качестве примера взят научно-популярный текст из Интернета под названием «Доказательство в пользу существования тёмной материи?»; адрес доступа: <http://www.mk.ru/science/article/2010/05/21/493979-dokazatelstvo-v-polzu-suschestvovaniya-temnoy-materii.html> (пунктуация источника сохранена):

Бессмертные слова знаменитого американского астронома Карла Сагана «Земля и все живое сделаны из звездного вещества» получили свое оправдание на этой неделе.

Астрономы заявили о совершенно новом типе взрывающейся звезды, или сверхновой, которая, по-видимому, выбрасывает кальций и титан. Таким образом, кроме углерода — отдаваемого другим типом сверхновых — кальций в наших костях, безусловно, пришел из звездного вещества.

Хотя большинство сообщений в прессе было сосредоточено на кальции, тем не менее больший интерес представляет собой конечно же титан. Это открытие может стать настоящим броском обезьяны в продолжающихся усилиях найти проявление темной материи, сталкивающейся в центре Млечного Пути.

На этой неделе в журнале Nature Хагай Перец (Hagai Perets) из Гарвард-Смитсоновского Центра астрофизики в Кембридже, штат Массачусетс, и его коллеги «предложили» новый тип сверхновых звезд.

Перец и его коллеги описывают сценарий с парой орбитальных белых карликовых звезд, где одна звезда крала гелий у другой. Когда ее гелиевая нагрузка возросла до степени нестабильности, белый карлик взо-

рвался. Поскольку он питался гелием, звезда производила кальций и титан.

Титан является радиоактивным и в ходе распада испускает позитроны. За последние несколько лет появлялись сообщения об экспериментах, таких как ATIC и PAMELA, свидетельствующих об избытке позитронов, идущих из глубин космоса. Этот избыток, как утверждалось, является визиткой сталкивающихся частиц темной материи. Но если новое открытие сверхновых чего-то стоит, то эти взрывы могут быть весьма обычным делом и могут являться источником позитронного избытка.

Хотя это не доказывает и не опровергает существование темной материи, как бы то ни было новое открытие сбавляет эйфорию рассуждений о том, что избыток позитронов поступает от аннигиляции частиц темной материи.

С помощью программы подсчёта слов по частоте [20] определяются частоты каждой словоформы (табл. 1).

Таблица 1

Фрагмент (начало) списка словоупотреблений с их частотами

Частота	Словоформа	Частота	Словоформа	Частота	Словоформа
1	HAGAI	2	БЫЛО	1	ГЕЛИЙ
1	ATIC	1	БЫТЬ	1	ГЛУБИН
1	NATURE	6	В	1	ДЕЛОМ
1	PAMELA	1	ВЕСЬМА	1	ДО
1	PERETS	2	ВЕЩЕСТВА	1	ДОКАЗЫВАЕТ
1	АМЕРИКАНСКОГО	1	ВЗОРВАЛСЯ	1	ДРУГИМ
1	АННИГИЛЯЦИИ	1	ВЗРЫВАЮЩЕЙСЯ	1	ДРУГОЙ
1	АСТРОНОМА	1	ВЗРЫВЫ	2	ЕГО
1	АСТРОНОМЫ	1	ВИДИМОМУ	1	ЕЁ
1	АСТРОФИЗИКИ	1	ВИЗИТКОЙ	1	ЕСЛИ
1	БЕЗУСЛОВНО	1	ВОЗРОСЛА	1	ЖЕ
1	БЕЛЫЙ	1	ВСЕ	1	ЖИВОЕ
1	БЕЛЫХ	1	ВЫБРАСЫВАЕТ	1	ЖУРНАЛЕ
1	БЕССМЕРТНЫЕ	1	ГАРВАРД	1	ЗА
1	БОЛЬШИЙ	1	ГДЕ	1	ЗАЯВИЛИ
1	БОЛЬШИНСТВО	1	ГЕЛИЕВАЯ	2	ЗВЕЗД
1	БРОСКОМ	1	ГЕЛИЕМ	2	ЗВЕЗДА
1	БЫ			2	ЗВЕЗДНОГО
				1	ЗВЕЗДЫ

Из табл. 1 выбираем только существительные и прилагательные. Глагольные формы не рассматриваются из-за именного характера научно-технического стиля (глаголы играют сравнительно скромную роль при выражении содержания текста). Местоимения и служебные части речи не принимаются во внимание по причине их неинформативности.

Далее объединяем словоформы одного и того же слова, считаем эту совокупность словоформ одним словом и складываем частоты словоформ. Например, словоформы *звезд*, *звезда* и *звезды* считаем одним словом, употреблённым с частотой 5. Повторяющиеся слова представлены в табл. 2 (лексика упорядочена по частоте, а внутри одной частоты – по алфавиту).

Таблица 2

Повторяющиеся слова с их частотами

Слово	Частота	Слово	Частота
ЗВЕЗДА	5	БЕЛЫЙ	2
ИЗБЫТОК	4	ВЕЩЕСТВО	2
КАЛЬЦИЙ	4	ГЕЛИЙ	2
МАТЕРИЯ	4	ЗВЕЗДНЫЙ	2
СВЕРХНОВАЯ	4	КОЛЛЕГИ	2
ТЕМНЫЙ	4	НЕДЕЛЯ	2
ТИТАН	4	НОВЫЙ	2
ОТКРЫТИЕ	3	ПЕРЕЦ	2
ПОЗИТРОН	3	СООБЩЕНИЕ	2
ТИП	3	ЦЕНТР	2
АСТРОНОМ	2	ЧАСТИЦА	2

Принимая во внимание исключительную роль терминов в научных и научно-популярных текстах, оценим лексику из табл. 2 по степени её участия в образовании терминов. Для этого определим долю слов, выражающих в тексте либо специальное понятие, либо признак специального понятия. Назовём эту долю степенью терминологичности. Например, слово *звезда* – астрономический термин, *избыток* – общеупотребительное слово, не выражающее специального понятия или его признака, *белый* – выражение признака специального понятия «белый карлик» или «белая карликовая звезда». Степень терминологичности выделенных повторяющихся слов (табл. 2) составляет 68%. Оценим эту степень по каждой частоте отдельно и получим следующие результаты: для частоты 5 – 100% (единственное слово *звезда* является термином), для частоты 4 – 83% (все слова, кроме слова *избыток*, выражают либо специальное понятие, либо его признак, как, например, слово *тёмный* выражает признак понятия «тёмная материя»), для частоты 3 – 33% (только слово *позитрон*, являющееся специальным термином), для 2 – 50% (кроме общеупотребительных *коллега*, *неделя*, *новый*, *сообщение*, *центр* и имени собственного *Перец*). Данный результат обнаруживает тенденцию к

уменьшению степени терминологичности слов с уменьшением частоты их употребления в конкретном тексте.

С использованием подобной методики изучались 6 текстов из Интернета, посвящённые тёмной материи. Степень терминологичности ЛЕ (лексических единиц) в этих текстах определялась аналогично тому, как это делалось в вышеприведённом примере (табл. 3).

Таблица 3

Степень терминологичности ЛЕ в зависимости от частоты, %

Заголовок и интернет-адрес текста	Частота			
	5 и более	4	3	2
Физики сомневаются в существовании темной материи http://www.rosbal.tru/2010/02/07/710569	100	67	75	46
Доказательство в пользу существования тёмной материи? http://www.mk.ru/science/article/2010/05/21/493979-dokazatelstvo-v-polzu-suschestvovaniya-temnoy-materii.html	100	83	33	50
Доля тёмной материи оказалась обычным газом www.membrana.ru/particle/745	100	33	25	47
Вселенские волокна удержали первые звёзды тёплой материей www.membrana.ru/particle/703	70	33	36	69
Тёмная материя нагрета сильнее поверхности солнца www.membrana.ru/particle/505	90	100	47	38
Суперкомпьютер информирует: нас окружают тёмные невидимки www.membrana.ru/particle/587	70	50	42	31

Указанная тенденция выражена нечётко (нет плавного убывания терминологичности с уменьшением частоты). Но эту тенденцию можно усилить, если учитывать частоты не только отдельных слов, но и словосочетаний. В рассматриваемом тексте есть несколько повторяющихся словосочетаний. Результаты подсчётов отражены в табл. 4.

Таблица 4 требует следующих пояснений.

Ранги в таблице передают предпочтение одних повторяющихся ЛЕ перед другими. Правила предпочтений следующие:

1) ЛЕ с большей частотой предпочтительнее («лучше»), чем ЛЕ с меньшей частотой;

2) ЛЕ с бóльшим количеством знаменательных слов в своем составе предпочтительнее («лучше»), чем ЛЕ с меньшим количеством знаменательных слов.

Таблица 4

Повторяющиеся в тексте слова и словосочетания

Ранг	Слово или словосочетание	Частота	Количество слов
1	Звездное вещество	2	2
	Звезда	3	1
	Избыток позитронов	2	2
	Кальций	4	1
	Новый тип звёзд	2	3
	Новое открытие	2	2
	Темная материя	2	2
	Титан	4	1
	Сверхновая	4	1
Частица темной материи	2	3	
2	Астроном	2	1
	Белый	2	1
	Гелий	2	1
	Избыток	2	1
	Коллеги	2	1
	Неделя	2	1
	Перец	2	1
	Сообщение	2	1
	Центр	2	1

Выражение «лучше» здесь имеет следующую содержательную интерпретацию. Часто повторяющаяся ЛЕ пронизывает весь текст, поэтому предположительно информативна для передачи понятия, существенного для данного текста, и /или признаков такого понятия. При этом, поскольку специальные понятия выражаются терминами, следует предположить, что наиболее часто повторяющиеся в данном тексте ЛЕ терминологичны. Если ЛЕ состоит более чем из одного знаменательного слова, то можно ожидать, что она подробнее и точнее выражает признаки понятия, чем однословная ЛЕ, потому что элементы словосочетания служат для уточнения содержания понятия, даже в некоторой степени заменяют его определение. Поэтому можно ожидать, что повторяющиеся ЛЕ, состоящие более чем из одного знаменательного слова, выражают, во-первых, понятия, существенные для содержания данного текста,

во-вторых, существенные признаки этих понятий. При оценке предпочтений следует учесть оба вышеприведенных правила: первая ЛЕ «лучше», чем вторая, если она по одному правилу такая же или «лучше», а по другому «лучше», чем вторая. Например, в разбираемом тексте слово *кальций* «лучше» слова *гелий*, потому что по признаку количества слов слово *кальций* такое же, как слово *гелий* (включает одно знаменательное слово), а по признаку частоты – «лучше» слова *гелий* (частота употребления слова *кальций* больше частоты слова *гелий*). ЛЕ *избыток позитронов* и *кальций* не имеют предпочтений одна перед другой, то есть входят в один ранг, поскольку ЛЕ *избыток позитронов* имеет больше слов, чем ЛЕ *кальций*, зато ЛЕ *кальций* имеет большую частоту, чем ЛЕ *избыток позитронов*. Каждый ранг содержит слова, каждое из которых не имеет предпочтений по отношению хотя бы к одному слову из этого ранга. Внутри каждого ранга ЛЕ упорядочены по алфавиту.

Табл. 4 содержит ЛЕ, предположительно передающие основное содержание текста. Содержательно результаты, отражённые в этой таблице, могут быть интерпретированы следующим образом. Повторяющиеся ЛЕ отражают основное смысловое содержание текста, причём ЛЕ из ранга 1 лучше, чем из ранга 2. Действительно, в тексте речь идёт о сверхновых звёздах, которые выбрасывают кальций и титан. Поскольку титан испускает позитроны, то обнаружение их избытка может свидетельствовать о наличии этих сверхновых, а не о частицах тёмной материи, которым приписываются излучаемые позитроны. Повторяющиеся ЛЕ отражают это содержание нечётко. Так, в ранг 1 попала малосодержательная нетерминологическая ЛЕ *новое открытие* (которая, возможно, является издержкой научно-популярного стиля изложения). В ранге 2 оказываются только одиночные ЛЕ, причём ЛЕ терминологического характера явно менее информативны, чем ЛЕ из ранга 1. Так, ЛЕ *гелий* передаёт не основное содержание документа, а содержание только одного абзаца, в котором описывается механизм возникновения сверхновой определённого типа. Набор выделенных ЛЕ может быть рассмотрен как результат терминологического аннотирования и как возможный результат интерпретации исходного текста.

Рассмотрение шести текстов позволяет обнаружить, что степень терминологичности ЛЕ тем выше, чем меньше ранг (табл. 5).

Внутренняя организация текста включает не только количественные свойства его элементов, но и их грамматические (морфолого-синтаксические) связи. Поэтому естественны попытки выявить роль грамматических связей в выражении смысла текста.

Степень терминологичности ЛЕ в зависимости от ранга %

Заголовок и интернет-адрес текста	Ранг 1	Ранг 2
Физики сомневаются в существовании темной материи http://www.rosbal.tru/2010/02/07/710569	78	54
Доказательство в пользу существования тёмной материи? http://www.mk.ru/science/article/2010/05/21/493979-dokazatelstvo-v-polzu-suschestvovaniya-temnoy-materii.html	90	33
Доля тёмной материи оказалась обычным газом www.membrana.ru/particle/745	50	47
Вселенские волокна удержали первые звёзды тёплой материей www.membrana.ru/particle/703	58	50
Тёмная материя нагрета сильнее поверхности солнца www.membrana.ru/particle/505	68	36
Суперкомпьютер информирует: нас окружают тёмные невидимки www.membrana.ru/particle/587	61	27

Известно, что в русском научно-техническом документе подавляющее большинство грамматических связей в номинативных словосочетаниях составляют связи 1) прилагательного с существительным и 2) существительного и существительного в родительном падеже (сочетание с генитивом). По данным Н.Ю. Русовой, терминологические сочетания, использующие эти две связи, в техническом и научном текстах составляют 80–90%, а сочетания с генитивом составляют 40–50% [22, с. 97–98]. Сочетания с генитивом легко образуют генитивные цепочки, в которые могут входить любые существительные, одиночные и с зависимыми от них прилагательными. В подобных цепочках существительные и сочетания «прилагательное + существительное», имеющие нетерминологическое или общенаучное значение, предшествуют аналогичным единицам, выражающим узкоотраслевые понятия [10, с. 107–108; 11]. Например, в словосочетании *анализ физических характеристик тёмной материи* слово *анализ* имеет общенаучное значение, а словосочетание *тёмная материя* выражает физическое (астрономическое, космологическое) понятие. Для того чтобы дать оценку степени правдоподобия гипотез о семантике подобных единиц в тексте, можно предложить следующую методику.

1. Выписать из текста все генитивные цепочки.

2. О каждом элементе таких цепочек высказать следующие гипотезы: а) данный элемент нетерминологичен или выражает общенаучное понятие, б) данный элемент выражает узкоотраслевое понятие.

3. Оценить и сравнить правдоподобие этих двух гипотез.

Для оценки правдоподобия гипотез надо приписать каждому элементу число N следующим образом: 1) элемент, раньше которого ни в одной цепочке не встретился другой элемент, имеет $N = 1$, 2) элемент A имеет $N = n + 1$, если наибольшее из N , принадлежащих элементам, встречающимся перед A , равно n [10, с. 104–09; 11, с. 166]. Величина N позволяет учесть информацию о порядке любых двух элементов, стоящих рядом в генитивной цепочке.

Рассмотрим эту методику на примере проанализированного выше текста. Получим N для всех элементов, выделенных в табл. 4.

Звёздное вещество (1), так как ни в одной генитивной цепочке этому элементу не предшествует ни один элемент;

звезда (2), так как есть цепочки *новый тип звезд*, *пара звезд*, где элементы *новый тип* и *пара* имеют $N = 1$;

избыток (2) *позитронов* (3), так как в тексте есть словосочетание *источник* (1) *позитронного избытка* (2);

кальций (1);

новое открытие (1);

тёмная материя (3), так как в тексте есть словосочетания *визитка* (1) *частиц* (2) *тёмной материи* (3), *аннигиляция* (1) *частиц* (2) *тёмной материи* (3);

новый тип (1) *звезд* (2);

титан (1);

сверхновая (2), так как в тексте есть словосочетания *новый тип* (1) *сверхновой* (2), *открытие* (1) *сверхновой* (2);

частицы (2) *тёмной материи* (3);

астроном (2), см. *бессмертные слова* (1) *знаменитого американского астронома* (2);

белый (2) (в словосочетании *пара* (1) *орбитальных белых карликовых звезд* (2) слово *белый* относится к элементу, имеющему $N = 2$, поэтому получает это же число);

гелий (1);

избыток (2), т. к. *источник* (1) *позитронного избытка* (2);

коллеги (1);

неделя (1);

Перец (1);
сообщение (2) (*большинство* (1) *сообщений* (2));
центр (1).

Теперь сгруппируем ЛЕ по значениям N и оценим степень терминологичности ЛЕ для каждого N (табл. 6). Если ЛЕ представляет собой генитивную цепочку, то значения N для её элементов складываются. Например, *избыток* (2) *позитронов* (3) даёт $N = 2 + 3 = 5$.

Таблица 6

Оценка степени терминологичности ЛЕ с помощью генитивных цепочек

Величина N	Лексические единицы	Степень терминологичности, %
5	Избыток позитронов, частица тёмной материи	100
3	Тёмная материя, новый тип звёзд	100
2	Звезда, сверхновая, астроном, белый, избыток, сообщение	67
1	Звёздное вещество, кальций, новое открытие, титан, гелий, коллега, неделя, Перец, центр	44

Табл. 6 даёт более чёткую дифференциацию степени терминологичности, чем табл. 3, где отражены только частоты ЛЕ, и более детальную дифференциацию терминологичности, чем табл. 4 и 5, в которых учитываются частоты и количество знаменательных слов в составе ЛЕ. Очевидно, ЛЕ, имеющие $N = 5$, очень точно отражают часть смысла документа: частицы тёмной материи могут вызывать избыток позитронов.

В проведённом исследовании для анализа смыслового содержания текста используется лишь незначительная часть средств его структурной организации. В перспективе заслуживают внимания его абзацная структура, распределение ЛЕ по частям текста, расстояние между ЛЕ в документе и т. д. Организация текста – его наблюдаемая сторона, поэтому подобные исследования носят индуктивный характер и не предполагают априорного создания дедуктивной системы (математического исчисления) при моделировании языковых и речевых фактов.

Структурная организация текста может использоваться не только для исследования и описания его смысла, но и в качестве своеобразного «инструмента» грамматического анализа. Практическая значимость такого использования текста связана с тем, что в современных компью-

терных технологиях обработки информации на естественном языке всё большую роль играет морфологический и синтаксический анализ. В процессе автоматизированного выявления морфологической информации к слову и построения синтаксических деревьев обнаруживаются ошибки, предотвращение которых связано с большими трудностями из-за сложности естественного языка и нечёткости его структуры. Особенно это касается синтаксического анализа. Следствием попыток решения этих проблем является увеличение объёмов машинных словарей и сложности алгоритмических процедур. Текст позволяет подойти к проблеме синтаксического анализа с другой стороны – путём использования линейного расположения текстовых единиц. Будем рассматривать повторяемость не слов, не словосочетаний, а линейных последовательностей – групп слов, расположенных рядом и отделённых одно от другого только пробелами и служебными частями речи.

Рассмотрим повторяемость последовательностей на примере вышеприведённого текста. Повторяемые последовательности заключаются в угловые скобки, слова приводятся в начальной форме. Получаются последовательности <звёздный, вещество>, <тип, сверхновая>, <тёмный, материя>, <избыток, позитрон>, <частица, тёмный, материя>, <новый, открытие>. Каждая из этих последовательностей выражает словосочетание, реально существующее в данном тексте: *звёздное вещество, тип сверхновой, тёмная материя, избыток позитронов, частица тёмной материи, новое открытие*. Каждое из этих словосочетаний с синтаксической точки зрения представляет собой синтаксическое дерево, включающее 2 или 3 элемента (и соответственно 1 или 2 синтаксические связи). Таким образом, повторяющиеся последовательности позволяют выявить некоторые синтаксические деревья, присутствующие в тексте.

Следует обсудить вопрос о вариативности морфологических элементов, входящих в линейные последовательности. Не может ли одна и та же последовательность отражать разные синтаксические деревья (например, не только *избыток позитронов*, но и **избыток позитрона*, **избыток позитронами*, **избыток позитронам*)? Думается, что по крайней мере в одном и том же тексте эта вариативность практически отсутствует. Словосочетания, отмеченные звёздочками, либо лишены смысла (не может быть избыток одного позитрона), либо грамматически неправильны.

Заслуживает внимания повторяющаяся последовательность <тип, сверхновая>. Она получена в результате учёта двух текстовых последовательностей – *другим типом сверхновых* и *новый тип сверхновых звёзд*.

В первом из этих словосочетаний слово *сверхновая* – субстантивированное прилагательное, во втором – прилагательное. Это означает, что в тексте отражён промежуточный, переходный статус данного слова. Принятое на основе этих двух словосочетаний «алгоритмическое решение» считать последовательность *тип сверхновых* правильным словосочетанием «существительное + существительное» представляется приемлемым и со смысловой, и с грамматической точек зрения.

Повторяющиеся последовательности, обнаруженные в других текстах, представлены в табл. 7.

Таблица 7

**Словосочетания, выражаемые повторяющимися
в текстах последовательностями**

Заголовок текста	Наборы повторяющихся последовательностей	Словосочетания
Физики сомневаются в существовании тёмной материи	<тёмный, материя>, <гамма, излучение, тёмный, материя>, <физический, явление>	тёмная материя, гамма-излучение тёмной материи, физическое явление
Доля тёмной материи оказалась обычным газом	<тёмный, материя>, <скопление, галактика>, <XMM, Newton>	тёмная материя, скопления галактик, XMM-Newton
Вселенские волокна удержали первые звёзды тёплой материей	<тёмный, материя>, <Большой, взрыв>, <ранний, звезда>, <чёрный, дыра>, <тёплый, тёмный, материя>, <холодный, тёмный, материя >	тёмная материя, Большой взрыв, ранняя звезда, чёрная дыра, тёплая тёмная материя, холодная тёмная материя
Тёмная материя нагрета сильнее поверхности солнца	<тёмный, материя>, <температура, тёмный, материя>, <частица, тёмный, материя>, <свойство, тёмный, материя>, <центр, галактика>, <наблю-	тёмная материя, температура тёмной материи, частица тёмной материи, свойства тёмной материи, центр галактики,
	дение, за, галактика>, <ось, зло>, <микроволновый, фон>, <Большой, взрыв>, <частица, Wimp>	наблюдение за галактиками, «ось зла», микроволновый фон, Большой взрыв, частица Wimp
Суперкомпьютер информирует: нас окружают тёмные невидимки	<тёмный, материя>, <скопление, тёмный, материя>, <Млечный, путь>, <гало, Млечный, путь>, <карликовый, галактика>, <гамма, телескоп>	тёмная материя, скопления тёмной материи, Млечный Путь, гало Млечного Пути, карликовые галактики, гамма-телескоп

Все словосочетания в третьем столбце табл. 7 терминологичны в определённом выше смысле (в составе любого из этих словосочетаний обязательно присутствует астрономический термин).

Использование данной методики выделения ЛЕ может быть востребовано при решении некоторых теоретических проблем науки о терминах, в частности проблем выделения терминов из текста и определения границ термина. Позиция, которая принята в данной работе, заключается в том, что «признак «быть термином» применительно к любой текстовой единице оказывается гипотетичным. Такое свойство текстовых единиц можно трактовать как степень терминологичности – градуальный признак терминологических единиц...» [6, с. 263–264]. Оценим степень терминологичности словосочетаний, выделенных в табл. 7.

Существует ряд критериев, согласно которым выделенные из текста слова и словосочетания можно считать терминами [13, с. 60–70]. Эти критерии в основном носят неформальный, содержательный характер и, несомненно, относятся к культурным факторам, определяющим функционирование научного языка. Согласно этим критериям, подавляющее большинство словосочетаний из табл. 7 (более 80%) следует считать терминами (они имеют дефиниции, подчиняются логическим теоремам определения терминологичности [13, с. 65–67]). Может вызвать сомнение принадлежность к терминам словосочетаний *скопление галактик*, *ранняя звезда*, *наблюдение за галактиками*, *скопление тёмной материи*. Слово *скопление* является общеупотребительным, и можно сомневаться, что оно выражает специальное понятие или выделяет его признак. Понятие «скопление галактик» имеет определение: это гравитационно связанные системы галактик. Возможна классификация скоплений галактик: скопления бывают регулярными и иррегулярными [23]. Понятие «скопление тёмной материи» определения не имеет. Соответствующее содержание может передаваться словосочетанием *сгустки тёмной материи*. Это свидетельствует о том, что статус терминоэлемента *скопление* в составе словосочетаний неустойчив: он может входить, а может и не входить в состав составного термина. По-видимому, здесь мы имеем дело с процессом терминологизации, не доведённым до конца.

Те же рассуждения справедливы относительно общенаучного терминоэлемента *наблюдение*. Можно представить себе научный труд, посвящённый астрономическим наблюдениям, в котором есть главы о наблюдении за планетами, наблюдении за звёздами, наблюдении за галактиками и т. д. Но можно сомневаться, что наблюдение за галактика-

ми – это сложившееся научное понятие с устойчивыми признаками, имеющее точное определение.

Понятие «ранняя звезда» также не имеет определения. Из текста можно понять, что ранние звёзды – это звёзды, возникшие в ранний период существования Вселенной. Однако это название не связано с чёткой периодизацией. Скорее всего, терминологический элемент *ранний* также не полностью терминологизирован.

Полученные результаты отражают не только градуальный характер терминологичности, но и процесс терминологизации. Когда понятие лишь зарождается, то «может и не быть облечённым в словесную форму, а до того времени идёт процесс подыскивания экспонента для возникшего, но ещё терминологически не оформленного понятия» [17, с. 86]. Несмотря на несформировавшийся терминологический статус, эти ЛЕ, несомненно, отражают существенную часть смыслового содержания текстов. Например: «*В области, где мог бы находиться диск Млечного Пути, располагаются большие скопления тёмной материи. И распределение тёмной материи здесь может оказаться более сложным, чем мы думали...*» Это отрывок из текста «Суперкомпьютер информирует: нас окружают тёмные невидимки», который посвящён изучению структуры предполагаемой тёмной материи, окружающей нашу галактику. Элементами этой структуры, в частности, являются скопления тёмной материи.

Что касается грамматической структуры словосочетаний, выделенных в табл. 7, то она полностью соответствует наиболее частотным структурам терминологических словосочетаний; ср. данные из статьи [15, с. 7]. Можно сказать, что предлагаемая методика позволяет решать проблему определения границ терминов в соответствии с их грамматической структурой.

ЛЕ, выделенные в тексте и отражённые в табл. 4, 6 и 7, представляют собой модели его смысла. Данные модели отличаются от моделей смысла, созданных реципиентами-испытуемыми, тем, что не являются связным текстом. Насколько хороши такие модели? Не является ли их фрагментарность, отсутствие в них предикативных связей их недостатком? Ответы на эти вопросы, по-видимому, связаны с областью применения таких моделей. Если стремиться к моделям, специфичным для речевой деятельности человека, для его способности порождать речь, то модели в виде множества ЛЕ далеки от идеала. Если рассматривать эти модели как набор ключевых слов (дескрипторов информационного языка, тегов содержания документа в Интернете), то эти модели представляются приемлемыми,

поскольку их структура может быть использована при поиске документов. Некоторая степень нечёткости таких моделей неизбежна хотя бы по причине принципиальной гипотетичности смысла.

Между моделями смысла, полученными путём формального извлечения ЛЕ из текста и созданными испытуемыми, нет непроходимой границы. Во-первых, если считать, что ЛЕ передают понятия, о которых идёт речь в тексте, то содержательно модель может быть дополнена соответствующим отношением, выраженным речью, например, таким образом: «В данном документе говорится об избытке позитронов, частицах тёмной материи, новом типе звёзд и т. д.» (табл. 6). Во-вторых, имея набор ЛЕ, входящих в один и тот же документ, наблюдатель (особенно специалист в данной тематической области) может высказать правдоподобные гипотезы о связях соответствующих понятий. Например, при рассмотрении ЛЕ *звёздное вещество, звезда, кальций, титан* (табл. 4) наблюдатель может предположить, что речь идёт о создании кальция и титана в результате процессов, происходящих в звёздах, и это предположение в данном случае оказывается верным. В-третьих, в терминологических словосочетаниях также отражены связи понятий. Например, в словосочетании *гамма-излучение тёмной материи* отражён тот факт (или предположение), что тёмная материя может быть источником гамма-излучения. (табл. 7). Заметим, что отношения между понятиями, выраженными терминами, входящими в словосочетания, оказываются тоже гипотетичными – хотя бы в силу неоднозначности морфологических форм и синтаксических связей.

Все приведённые примеры и сделанные выводы относятся к разновидности научно-технического текста. Возникает вопрос: применимы ли они к другим стилям? Ранее было отмечено, что для научно-технического текста характерна когнитивная функция. Но эта функция реализована не только в научном стиле. Тексты других стилей и жанров могут иметь иерархически структурированное понятийное содержание. Нами были рассмотрены лексические повторы в нескольких стихотворениях [7, с. 260–265]. Основным результатом этого исследования является наличие повторов, выражающих понятийное содержание некоторых поэтических произведений. Так, стихотворение Н. Гумилёва «Сахара», являясь отрывком из своеобразного поэтического путевого дневника, точно передаёт понятия о некоторых описываемых реалиях. Это выражается в повторах таких ЛЕ, как *верблюд, Средиземное море, песок, пустыня, солнце*. Очевидно, лексические повторы при определенных условиях могут отражать понятийное содержание не только научных,

но и поэтических произведений. С другой стороны, существуют поэтические произведения, в которых повторяющиеся ЛЕ выполняют особую роль, связанную с осуществлением поэтической функции. Согласно тезису Р.О. Якобсона, поэтическая функция проецирует принцип эквивалентности с оси селекции на ось комбинации [24, с. 204]. В таком случае повторы лексических единиц связаны не с понятийным содержанием текста, а с сопоставлениями, противопоставлениями, параллелизмами, которые создают особую организацию поэтического текста, где на первый план выходит эстетическая (поэтическая) функция – функция создания образа. Вероятно, поэтические повторы связаны с поэтическим смыслом, но изучение этого вопроса выходит за пределы данной работы.

На основе исследования того, как внутренняя организация текста выражает, эксплицирует, моделирует его смысл, можно сформулировать некоторые перспективы дальнейших исследований возникновения и бытования текстового смысла. Результаты анализа подтверждают тезис Ю.М. Лотмана о том, что текст обнаруживает черты интеллектуального устройства. Ещё одно проявление «интеллектуальности» текста – возможность вести с ним диалог. Проблема диалога с текстом ставилась М.М. Бахтиным: «Текст живёт, только соприкасаясь с другим текстом (контекстом). Только в точке этого контакта... вспыхивает свет, освещающий и назад, и вперёд, приобщающий данный текст к диалогу. Подчеркнём, что этот контакт есть диалогический контакт между текстами (высказываниями)...» [3, с. 424]. Моделями диалога с текстом являются интернет-технологии, в частности гипертекстовые ссылки [8, с. 295]. Моделью текста является страница из Интернета, для обращения к которой нужно знать «код доступа» и использование которой сводится к выбору её элементов. В вышеприведённых примерах «код доступа» носит неформальный характер (стилистическая и тематическая принадлежность текста), а выбираемыми элементами являются, например, ЛЕ текста. При этом фактически осуществляется диалог с текстом. Ю.М. Лотман писал о том, что «взаимоотношения текста и аудитории характеризуются взаимной активностью: текст стремится уподобить аудиторию себе, навязать ей свою систему кодов, аудитория отвечает ему тем же. Текст как бы включает в себя образ своей «идеальной» аудитории, аудитория – «своего» текста» [18, с. 203]. Очевидно, в первую очередь это касается художественных текстов и их реципиентов. Но нельзя отрицать, что и при восприятии научного текста предъявляемые к нему читателем требования, вообще говоря, могут быть разными. Научный текст тоже играет активную роль по отношению к своей

аудитории – формирует эту аудиторию и её представления, взгляды, идеи и другие информационные составляющие. Взаимодействие между текстом и его создателем и/или интерпретатором может быть объектом исследования для лингвиста, и методики такого исследования могут быть связаны с повторами текстовых элементов и другими активными процессами.

Таким образом, основное смысловое содержание научно-технического документа может быть представлено набором ЛЕ, выбранных из текста с помощью методики, опирающейся на представления об особой структурной организации текста. Этот набор ЛЕ следует рассматривать как результат интерпретации, моделирующей интеллектуальную деятельность по осмыслению текста. Практическая ценность подобной методики заключается в её использовании в компьютерных технологиях обработки документов (автоматизированное составление терминологических аннотаций, выделение ключевых слов и тегов, информационный поиск).

Список литературы

1. Апресян Ю.Д. Избранные труды: Т. 1. Лексическая семантика. М.: Языки русской культуры; Восточная литература, 1995. 472 с.
2. Барт Р. Лингвистика текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М., 1978. С. 442–449.
3. Бахтин М.М. Рабочие записи 60-х – начала 70-х годов // Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. М.: 2002, с. 424.
4. Березин Ф.М., Головин Б.Н. Общее языкознание: Учеб. пособие для студентов ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.». М.: Просвещение 1979. 416 с.
5. Бондаренко Г.В., Яровенко О.И. Использование структурных закономерностей текста при автоматической обработке информации // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1984. № 3. С. 23–29.
6. Виноградов С.Н. Знаково-интерпретационный аспект термина. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. 325 с.
7. Виноградов С.Н. Лексические повторы и понятийное содержание поэтического текста // Семантика. Функционирование. Текст: Межвуз сб науч тр. Киров, 2006. С. 260–265.
8. Виноградов С.Н. Некоторые семиотические проблемы диалога с текстом // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 5 (1). С. 292–296.
9. Виноградов С.Н. Предметная отнесённость термина «понятие» // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер. Филология. 2000. Вып. 1 (2). С. 197–201.

10. Виноградов С.Н. Семантическая классификация слов с использованием свойств словосочетаний // Термин и слово: Межвуз. сб. Горький: Горьков. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 1979. С. 104–109.
11. Виноградов С.Н. Термин как средство и объект описания (на материале русской лингвистической терминологии): Монография. Нижний Новгород: Изд-во Нижегород. ун-та им. Н.И. Лобачевского, 2005. 229 с.
12. Головин Б.Н. Основы культуры речи. М.: Высш. шк., 1980. 335 с.
13. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. М.: Высш. шк., 1987. 104 с.
14. Каган М.С. О способах представления структур социальных объектов // Проблемы методологии науки и научного творчества. Л., 1977. С. 147–161.
15. Кобрин Р.Ю. О принципах терминологической работы при создании тезаурусов для информационно-поисковых систем // Научно-техническая информация. Сер. 2. 1979. № 6. С. 1–9.
16. Лейчик В.М. Особенности функционирования терминов в тексте // Филологические науки. 1990. № 3. С. 80–87.
17. Лемов А.В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. 192 с.
18. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. С. 149–390.
19. Лотман Ю.М. Мозг – текст – культура – искусственный интеллект // Семиотика и информатика: 17 вып. М., 1981. С. 3–17.
20. Новиков А.И. Текст и его смысловые доминанты / Под ред Н.В. Васильевой, Н.М. Нестеровой, Н.П. Пешковой. М.: Ин-т языкознания РАН, 2007. 224 с.
21. Подсчёт количества слов и символов в тексте [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.docent777.ru/index/podschtjot_slov_v_tekste/0-33 (дата обращения 18.17.2013).
22. Русова Н.Ю. Использование естественно-языковых средств при разработке информационно-поискового языка // Термин и слово: Межвуз. сб. Горький, 1979. С. 94–103.
23. Скопление галактик / Википедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://ru.wikipedia.org/wiki/Скопление_галактик (дата обращения 1.08.2013).
24. Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193–230.

ГЛАВА 6

ПРОБЛЕМЫ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ НОВЫХ СЛОВ

Е.А. Жданова

Изменения в лексике литературного языка – в первую очередь, появление новых слов – в идеале должны кодифицироваться, закрепляться в разного рода справочных и лексикографических изданиях. Наиболее актуальной оказывается фиксация новообразований в те эпохи, когда язык активно пополняется новыми лексическими единицами. Так, периодом «неологического взрыва» в русском языке обычно считается рубеж XX–XXI веков: «Русский язык, как и многие другие развитые языки мира, переживает на рубеже XX–XXI веков т.н. неологический бум: количество новых слов (неологизмов), зафиксированных в газетах и журналах только в течение одного года, составляет десятки тысяч(!) <...>» [10, с. 249]. Экономические преобразования, резкие изменения социально-политических условий и ряд других экстралингвистических факторов способствовали и продолжают способствовать тому, что в речи, в частности в публичной, активно употребляется большое количество новых, иногда малопонятных носителям языка, слов, т. е. происходит «активная неологизация» языка, «причем в отличие от предыдущих периодов развития современного русского языка новые слова стремительно осваиваются и относительно быстро перемещаются с периферии лексической системы к центру» [10, с. 250]. Активное использование, частотность разнообразных лексических инноваций (например, заимствований или новообразований) в речи далеко не всегда приводит к их кодификации и унификации: новые слова, достаточно употребительные в речи, могут иметь вариативное написание или произношение, например: *видеоплеер* и *видеоплейер*, *кикбоксер* и

кик-боксер; кёкусинкай, кекусинкай, кекушинкай; кёрлингист и керлингист и др. Подобная вариативность, в конечном счете, затрудняет процесс коммуникации, может негативно отражаться, в частности, на издательско-редакционной деятельности. В связи с этим вопрос о лексикографической фиксации новообразований встает особенно остро.

Лексикографическое освещение неологизмов – одна из серьёзных проблем современной науки. Новые слова, значения слов, новые фразеологические единицы постоянно появляются в языке, но трудно сказать, какая их часть становится объектом исследования лексикографов и попадает в различные словари. В то же время, как отмечала Н.З. Котелова, один из авторитетнейших неологов, осмысление процессов и результатов, происходящих в лексике, их оценка и описание имеют большое значение как в целом в общественно-историческом, культурно-познавательном аспектах, так и в частности – в теоретической и прикладной лингвистике для изучения и описания языков [6, с. 4]. Неологизмы (в широком значении этого термина, в том числе и индивидуально-авторские новообразования) представляют собой особый пласт лексики, который формируется не только под влиянием экстралингвистических факторов (появление новых реалий), но и под воздействием тенденций внутриязыкового развития (например, тенденции к экономии речевых усилий). Изучение лексических новиаций позволяет более отчетливо проанализировать активные в тот или иной период языковые процессы. Еще в начале XX века академик Л.В. Щерба призывал уделять большое внимание изучению неологизмов и отражению их в словарях: «Что же касается новых слов, новых словообразований и новых значений старых слов, то собирание и издание их <...> должно составить особую задачу <...>. На обязанности Отделения русского языка и словесности <...> лежит время от времени выпускать добавления к Словарю (современного русского языка), содержащие в себе все вошедшее в литературный язык за определенный период времени. Эти добавления будут крайне поучительны, т.к. будут наглядно представлять современные изменения в языке в связи с изменениями в структуре общества» (цит. по: [13, с. 116–117]). Изучение неологизмов, их состава, структуры, функций, способствует решению многих конкретных вопросов лексикологии, грамматики, стилистики. «Для специалистов-лингвистов пополнения лексики служат материалом для изучения путей развития языка, его связей с обществом, для изучения словообразования» [7, с. 4]. Фиксация неологизмов имеет несомненную практическую ценность еще и потому, что «ознакомление с живыми явлениями и про-

цессами русской речи, выявление инноваций, изучение путей их возникновения, построение их типологии, определение тенденций развития имеют большое значение для нормализаторской деятельности <...>, для работы по повышению культуры речи», – пишет Н.З. Котелова [6, с. 4]. Наконец, осмысление процессов и результатов, происходящих в лексике, их оценка и описание важны для осознания общественных и культурных движений в развитии нации: «неологизм может выступать не только в качестве категории лексикологии и лексикографии <...>, но и как сложное, многогранное языковое и культурное явление» [1, с. 21].

Неологизмы, появившиеся в русском языке в последние десятилетия, могут быть зафиксированы в словарях разных типов, в том числе в разнообразных толковых словарях. Так, например, в 3-е издание «Большого академического словаря русского языка» [2] (далее – БАС-3) включены целые группы слов, отражающие реалии российской действительности конца XX – начала XXI вв., в частности *абсурдизм, беспредел, биополе, БТР, ваучер, дембель, дискета, зациклиться, киллер, клонирование, мрот, номенклатурищик, омоновец, принтер, сканер, секунд-хэнд, тер-акт, шоу* и др. [2, с. 7]. Только в словарных статьях на первые четыре буквы алфавита (А–Г) можно найти около 90 несемантических неологизмов (заимствований и словообразовательных неологизмов), относящихся к разным тематическим группам: финансовых отношений (*аудирование, безналоговый, безнал, ваучерный*); компьютерных технологий (*архивация, байтовый, битовый*); медицины (*ВИЧ-инфицированный*). Своеобразной приметой времени стало включение в «Большой академический словарь русского языка» новых слов, относящихся к области мистического, к парапсихологии и т. п. (*барабашка, ведьмачить* и др.).

Включение новых слов в толковые словари литературного языка – традиционный способ их фиксации; неологизмы при этом не выделяются в отдельную группу, а оказываются в составе общего словника, наряду с другими лексическими группами, входящими как в активный, так и в пассивный состав языка: общеупотребительной нейтральной лексикой, широко употребляющимися научно-техническими терминами, широко распространенными областными словами, устаревшими словами и др. При этом новые слова оказывается нелегко извлечь из общего массива лексики. Толковые словари общелитературного языка, включая в свой состав неологизмы, все же не могут быстро реагировать на любые языковые изменения, фиксировать все или большинство новых лексических единиц. Во-первых, подготовка к изданию толкового словаря литературного языка длится довольно долго, за это время появляются сло-

ва, которые объективно уже не попадают в словник. Во-вторых, толковые словари литературного языка призваны выполнять кодифицирующую функцию; включение в их состав той или иной единицы автоматически включает ее и в литературный язык как высшую форму национального языка. Очевидно, что далеко не все лексические новации закрепятся в литературном языке, хотя никогда нельзя с определенностью сказать, что именно останется в языке, а что исчезнет: «... только узус реализует систему, делает потенциальное реальным. Он может закрепить в языке и несистемные образования» [1, с. 127]. Нормализаторский подход авторов толковых словарей (в частности «Большого академического словаря русского языка») проявляется не только в отборе лексических единиц, но и в том, что из ряда сосуществующих вариантов, например орфографических, выбирается один: так, из конкурирующих написаний *андеграунд* – *андерграунд* было выбрано первое.

Принципиальная, имплицитно присущая толковым словарям литературного языка неспособность мобильно отражать лексические инновации требует другого подхода к словарной фиксации лексических новообразований – в первую очередь в специализированных изданиях.

В русской лексикографии в конце XX века в связи с очевидной необходимостью отразить в словарях язык переломной эпохи появился новый жанр словарей – т.н. динамические словари. В этих изданиях «на переломе двух веков воплотилась языковая динамика, отражающая движение в сторону актуализации и переориентации семантики одних слов и спад активности употребления других, появление новообразований и устаревание значительных пластов лексики» [9, с. 202]. Эти словари описывают «динамику слова в русском языке в определенный исторический период» [9, с. 202]. Первым динамическим словарем стал «Словарь перестройки» (Словарь перестройки / Под ред. В.И. Максимова. СПб., 1992), к динамическим словарям относятся также «Толковый словарь языка Совдепии» В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитиной, изданный в Санкт-Петербурге в 1998 и 2005 гг., и несколько словарей, подготовленных под редакцией проф. Г.Н. Складневской. При этом основное внимание составителей «направлено на те реальные... факты и явления, которые наиболее характерны и существенны для данного периода» развития языка [17, с. 5]. Так, например, авторы одного из динамических словарей – «Толкового словаря русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» [17] (далее – ТСРЯЛ) – отмечают, что в тематическом аспекте их издание «описывает именно те лексические разряды и группы, которые наиболее активно функционируют и формируют

языковое сознание современников» [17, с. 6]. Динамические словари, таким образом, включают в свой состав не только новые слова, появившиеся в данную (рубеж XX–XXI веков) эпоху, но и слова, уходящие в пассив, а также единицы, давно существовавшие в языке, но проявляющие в данный период большую активность (по сравнению, например, с предшествующим советским периодом развития русского языка). Так, в указанном ТСРЯЛ отмечены слова, относящиеся к тематическим группам религии или верований, которые, очевидно, существуют в языке далеко не одно столетие: *ангел* (в т.ч. и День ангела), *ангел-хранитель*, *аналой*, *Евангелие*, *заговенье* и др. Включение этих слов в словник именно динамического словаря объясняется активизацией их употребления в конце XX века в связи с изменением отношений между властью и церковью, а также целью подобных изданий – представить активную лексику языка на определенном этапе развития, дать как бы «моментальный снимок» лексики эпохи. Неотъемлемым элементом динамических словарей оказывается и новая лексика: так, в ТСРЯЛ отмечаются новообразования *ВИП-гость*; *ВИПовский*; *граффитист*; *интернет-аудитория*; *Интернет-гадета*; *интернетизация* и многие другие, относящиеся к разнообразным тематическим группам. Динамические словари, несомненно, вносят большой вклад в отечественную лексикографию, они имеют много достоинств (в том числе мобильность), однако так же, как и толковые словари, представляют новую лексику в общем списке слов, что представляет некоторую трудность для исследователя, интересующегося именно новообразованиями.

В отечественной лексикографии к настоящему моменту сформировалось самостоятельное направление – неография, – целью которого является составление словарей неологизмов. Мобильные словари, описывающие новообразования за разные промежутки времени, издаются Институтом лингвистических исследований РАН с 1971 года. При этом в основе словарей новых слов лежит мысль, «выходящая за пределы собственно лингвистической: необходимость регулярно и оперативно вводить обнаруженный неологический материал в научно-справочный обиход» [8, с. 4]. Неографические издания в настоящее время представлены тремя жанрами: во-первых, ежегодные словари-бюллетени «Новое в русской лексике. Словарные материалы». Первым изданием стал сборник «Новое в русской лексике. Словарные материалы-77», а последним – «Новое в русской лексике. Словарные материалы-95». Подобные словари были призваны включать «отсутствующие в лексикографических изданиях новые слова, новые значения слов и выражения,

зарегистрированные по текстам массовых периодических изданий в определенный период. <В них> ... делается попытка показать поток стихийной языковой жизни, продемонстрировать факты рождения, изменения или вхождения в язык слов во всем их многообразии» [7, с. 5]. Кроме узуальных неологизмов, авторы «Словарных материалов» включали в выпуски серии и окказиональные или индивидуально-авторские слова. В настоящее время ежегодные словари перестали издаваться, т. к. «создание выпусков, посвященных лексическим инновациям года, представляется слишком трудозатратным и потому нецелесообразным», с одной стороны, а использование современных компьютерных технологий, обращение к специализированным сетевым ресурсам позволяет точно датировать время появления новообразования [4, с. 88].

Еще одним жанром неографических изданий стали издания, в которых отбирались неологизмы за десятилетний период, – «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы». К настоящему моменту опубликовано три таких словаря (по материалам 1960, 70, 80-х годов), а также продолжающееся издание словаря по материалам 90-х годов (первый том на буквы А–К был опубликован в 2009 году, второй том находится в печати). Объектом описания в подобных словарях становится уже новая лексика за десятилетний период. Причем в первых изданиях временные границы могли размываться, в словари могла включаться и лексика предшествующих периодов, если она по какой-то причине оказалась незафиксированной в предыдущем словаре-справочнике. «В первые два словаря, помимо лексических инноваций этих десятилетий, включались и инновации предшествующего периода <...>. Так, в НСЗ-60 <словарь «Новые слова и значения 60-х годов...»> была включена лексика, появившаяся или ставшая употребительной в периодической печати и художественной литературе в 1950–1960-х гг. XX в. или несколько ранее, но не попавшая в толковые словари» [4, с. 85]. С другой стороны, в подобных словарях могли быть зафиксированы не все новообразования указанного десятилетия. В последующих изданиях (НСЗ-80 и в особенности НСЗ-90) авторы ограничивают материал только указанными в заголовке хронологическими рамками в целях более полного отражения именно новой лексики; издания оказываются «ориентированными на отражение инновационных процессов конкретного десятилетия» [4, с. 86–87]. Словари неологизмов позволяют проследить функционирование на определенном этапе языкового развития вариативных, конкурирующих образований. Полная, исчерпывающая информация о «жизни» нового слова, представленная в подобных

словарях, о разных вариантах написания или произношения слова «очень важна как для понимания самого процесса варьирования, так и для наблюдения за действием нормы – особого «механизма» языка, отвечающего за выбор вариантов» [11, с. 118].

Последняя разновидность неографических изданий представлена пока только одним словарем – «Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов)» (СПб., 1995), который задумывался как «сводный, дополненный и нормативный словарь русской лексики и фразеологии. <...> В нем выборочно сведены материалы существующих изданий по новой лексике, они дополнены материалами промежуточных периодов» [6, с. 6].

Неологические словари имеют большую практическую ценность: данные неологических словарей могут использоваться в практике преподавания и перевода, а новообразования, впервые отраженные в таких справочниках, позднее могут попасть и в толковые словари литературного языка (например, в указанном выше издании Большого академического словаря русского языка отмечены такие единицы, впервые зафиксированные в словарях новых слов, как *автокомбинат*, *автокрановщик*, *автолюбитель* (НСЗ-60), *автобан*, *автоград*, *автомодельный (спорт)*, *автостоянка* (НСЗ-70), *автоматом* (нареч.) (НСЗ-80). Очевидна и общетеоретическая ценность этих изданий: «именно благодаря разнообразию существующих типов неологических словарей лексические новации русского языка второй половины XX века оказались описаны <...> в той степени, которая позволяет делать объективные выводы о тенденциях развития словарного состава русского языка во второй половине XX века» [3, с. 8].

Исследователи отмечают, что именно специальные словари оказываются оптимальным способом описания нового в составе языка. «С задачами своевременной регистрации неологизмов могут справиться только они, т. к. отбор и систематизация новаций – это особая проблема, требующая не только достоверной эмпирической базы для ее решения, но и специальных теоретических разработок» [1, с. 130]. Так, например, неографы при работе над словарями новых слов «регистрируют все реально функционирующие образования, отмеченные впервые по письменным источникам, – независимо от того, системны они или нет. Только такой подход дает возможность объективного исторического изучения развития словарного состава» [1, с. 127]. Именно данные словарей неологизмов наиболее репрезентативно представляют различные группы неологизмов, а богатая эмпирическая база позволяет делать не-

тривиальные выводы относительно функционирования в языке новых единиц разных типов.

Классификация неологизмов по способу образования делит их на неологизмы-заимствования (новые слова, пришедшие из других языков или из других разновидностей национального языка: внешние и внутренние заимствования); семантические неологизмы (т. е. появление новых значений у уже существующих в языке слов) и словообразовательные неологизмы (новые слова, появившиеся в результате словообразовательной деривации). Все эти типы неологизмов представлены в словарях новых слов (например, в НСЗ-90 отмечены такие заимствования, как *грейхаунд* (англ.), *дигитайзер* (англ.), *западэнцы* (укр.) и др.; семантические неологизмы – *граффити* ('вид современной авангардной живописи, восходящий к молодежным рисункам, надписям на стенах, заборах и т. п.<...>' от 'рисунок или надпись, нацарапанная на твердой поверхности'); *грыжа* ('о небольшой продолговатой сумке, которую носят на поясе (обычно мужчины)' от 'выпяченный за пределы брюшной полости орган (в результате болезни)') и др. Данные словарей убедительно свидетельствуют о том, что наибольшую часть инноваций в русском языке составляют словообразовательные неологизмы: богатые деривационные возможности русского языка помогают ему адекватно реагировать на общественные потребности в наименовании нового. Естественно, и в словарях новых слов большую часть словников составляют эта группа неологизмов: как отмечают авторы словарей, «80–90% словников неологических словарей составляют производные образования» [5, с. 41]. Необходимо отметить, что новейшие данные по выборке из первого тома НСЗ-90 дают другое процентное соотношение – производные слова составляют около 60% от общего числа новаций.

Словообразовательные новации относительно легко встраиваются в систему языка, часто они конструируются с помощью исконных средств, быстро адаптируются и имеют большую возможность закрепиться в языке, чем, например, внешние заимствования. Если словообразовательные неологизмы созданы на базе давно известных носителям языка слов, то их значения могут легко выводиться из значений составляющих частей (см., например, отмечаемые в НСЗ-90 новообразования *внецензурный* ('не подлежащий, не подвергшийся цензуре'), *внутриарабский* ('происходящий, существующий между арабами, арабскими государствами'), *дожонок* ('щенок дога'), *драматургесса* ('женщина-драматург'), *злодейчик* ('мелкий злодей, пакостник'), *казахско-китайский* ('относящийся к Казахстану и Китаю, к их взаимоотношени-

ям...'), *киллерша* ('женщина, совершающая убийство по заказу; женщина-киллер') и др.) В связи с этим возникает проблема лексикографической фиксации именно словообразовательных неологизмов как особой группы лексических инноваций. Как отмечает Т.Н. Буцева, «новые системные образования, произведенные от давно известных слов, ощущения новизны вообще могут не вызывать», их новизна может быть установлена лишь с опорой на лексикографические данные [3, с. 9]. Поэтому прежде всего для словообразовательных неологизмов особенно актуальна «презумпция новизны» [5, с. 39] («слово является новым, если не доказано обратное»), в соответствии с которой производят отбор словников неографы.

Лексикографическая фиксация словообразовательных неологизмов открывает огромные возможности для исследователей, т. к., по замечанию Е.А. Земской, в неографических справочниках «отражается «общая картина словопроизводства нашего времени»» (цит по: [5, с. 42]). Большой объем источников, который возможен благодаря работе целого коллектива, сложившиеся традиции выборки новообразований и опора на теорию неографии позволяют рассматривать словари новых слов как максимально возможно объективные издания. Исследование словообразовательных неологизмов по данным словарей новых слов может не только выявить наиболее продуктивные словообразовательные модели, наиболее активные словообразовательные средства и наиболее востребованные производящие основы, но и определить соотношение этих элементов в процентах, применить статистические методы исследования. Так, например, среди новообразований-прилагательных, отмеченных в НСЗ-90, большая часть слов, около 40%, образована суффиксальным способом, способом словосложения образовано около 27% новых прилагательных, а префиксально-суффиксальным способом – около 16%. Таким образом, «словари новых слов в достаточной степени отражают системность языка и, прежде всего, его словообразовательного уровня» [3, с. 10].

Представление неологизмов в разных типах специальных словарей новых слов отражает разные этапы узуализации новых лексических единиц: слова, впервые зафиксированные в употреблении и находящиеся на границе узуального и окказионального, попадают в словари-ежегодники, а затем (с определенным отсевом) – в словари-десятилетники; слова, проявившие активность в употреблении, фиксируются в динамических словарях; слова, закрепившиеся в узусе и нашедшие отражение в разного рода словарных изданиях, включаются в общелитературные толковые словари. Так, например, в НСЗ-90 отмечается более

130 бесприставочных новообразований (как исконных, так и заимствованных) с корнем *-бизнес-*: *бизнес-адвокат*, *бизнес-встреча*, *бизнес-вуменша*, *бизнес-городок*, *бизнес-десант*, *бизнесменовский*, *бизнесменствовать*, *бизнес-мент*, *бизнесовый* и др.; а в «Большом академическом словаре русского языка» (3-е изд., 2004) зафиксировано только 7 бесприставочных слов с этим корнем, из которых 2 отмечаются также в НСЗ-90 (*бизнес-...*, *бизнесменша*), а другие либо не являются неологизмами 90-х годов (*бизнесмен*, *бизнесменовский*), либо оказались не зафиксированными в НСЗ-90, хотя и отмечались в других словарях, описывающих лексику 90-х годов (*бизнесменка*, *бизнесменство*).

Разные издания при формировании словника опираются на данные других словарей: в НСЗ-90 в справочном отделе каждой статьи перечисляются словари, в которых впервые было отмечено данное слово, среди них могут быть и динамические словари («Словарь перестройки», «Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» (М., 2001), «Толковый словарь русского языка конца XX в.: Языковые изменения» (СПб., 1998); в справочном отделе БАС-3 также отмечаются динамические словари и словари новых слов. Несомненно, авторы каждого из рассмотренных типов словарей, фиксирующих лексические новообразования, опираются на разные принципы при включении новообразований в состав словника, однако для полноценного и всестороннего описания неологизмов оказывается важной их фиксация в каждом из рассмотренных типов словарей.

При составлении словника, отборе материалов могут несколько расходиться принципы, которыми руководствуются авторы разных изданий. Так, при составлении словарей из серии «Новое в русской лексике» лексикографы принципиально использовали только письменные источники: «Материалы для словаря собирались только по письменным источникам. Отмечая многие слова, употребляемые теперь в избранных для словаря письменных источниках и попадающие в них из устной разговорной речи <...>, составители словаря не имели в виду систематическое отражение явлений самой устной разговорной речи и не проводили специальной записи ее материалов» (Котелова, Сорокин, цит по: [8, с. 10]). При составлении словника для «Толкового словаря русского языка конца XX века: Языковые изменения» его авторы придерживались не столь жестких принципов: «Эмпирической базой Словаря послужила Электронная картотека <...>, составленная авторским коллективом по материалам прессы, публицистической, научно-популярной и художественной литературы. В качестве источников использовались

также записи живой речи, в том числе спонтанная речь радио- и телеинтервью» [15, с. 11].

Несомненно, словари неологизмов – важное явление не только лексикографии, но и лингвокультурологии. Фиксируя слова, появившиеся в определенный промежуток времени, лексикографы создают объективное отражение действительности, тех реалий и понятий, которые выходят на первый план в ту или иную эпоху. Ведь если слово было создано, значит выражаемое им понятие важно для носителей языка. Словари неологизмов конца XX века становятся «своеобразным лингвистическим портретом России на исходе столетия, переживающей социальные катаклизмы, осмысляющей свое недавнее прошлое и мучительно ищущей путей к стабильности и благополучию» [14, с. 83]. Помимо культурологической важности словарей лексических инноваций, есть и еще ряд причин, которые доказывают необходимость именно такого способа фиксации новообразований. Теоретически обосновывая необходимость создания словарей новых слов, профессор Н.З. Котелова отмечала: «Общие, недифференциальные словари не отражают и не могут отразить своевременно новое в лексике и фразеологии, и, кроме того, интересующимся именно неологией трудно извлечь самостоятельно соответствующий массив из всего корпуса общего словаря. Выявление и оценку неологической части словарного состава возможно осуществить лишь как решение самостоятельной задачи, при наличии постоянно действующей службы нового слова. <...> Оптимальным способом описания новой лексики является создание специальных словарей новых слов. Дифференциальным характером таких словарей и новизной представленного в них материала обусловлена высокая степень их содержательности как научных изданий. Значительная концентрация включенных в них слов и выражений, еще не вполне освоенных говорящими и требующих пояснения их значения и употребления, повышает ценность их как лексикографических справочников» [6, с. 4]. Научное значение словарей новых слов проявляется в том, что они дают возможность проанализировать лексические инновации с различных точек зрения, проследить пути и тенденции развития словообразовательного состава, описать словообразовательные модели и типы [6, с. 5]. В частности, весьма интересным представляется стилистическая дифференциация новейшей лексики по данным неологических словарей. Пометы сопровождают большое количество новообразований, представленных в НСЗ-90: более 65% новых глаголов, более 30% новых существительных, около 20% новых прилагательных, зафиксированных в НСЗ-90, имеют раз-

ного рода пометы, при этом самой частотной оказывается помета «разговорное» (она сопровождает, например, новообразования *бронзулетка*, *вампирить*, *дореформироваться*, *замглавы*).

Неологизмы того или иного периода должны рассматриваться не только как языковое явление, но и как явление культуры. Так, С.И. Алаторцева обращает внимание на то, что неологизм выступает «как сложное, многогранное языковое и культурное явление» [1, с. 21], потому что в новых словах как бы отражается национальный менталитет. При этом, по мнению исследователя, «наибольший интерес для изучения общественного сознания, умонастроения в определенный период имеют <...> ненормированные неологизмы», а в целом неологизмы предстают как «неотъемлемая часть этнолингвистики и психоллингвистики» [1, с. 21]. Исследователи языка новейшего периода отмечают, что мы являемся свидетелями «стремительного витка языковой эволюции», а смысл некоторых слов и выражений настолько меняется, что они оказываются непонятными для человека, «чье языковое сознание осталось на уровне 1985 года» [16]. В то же время другие ученые обращают внимание на то, что самые существенные изменения в языке нередко оказываются незамеченными, скрытыми под внешними (в первую очередь лексическими) изменениями. Так, А.Д. Шмелев, анализируя языковые изменения в русском языке конца XX века, приходит к выводу, что «самые важные изменения в современной русской речи связаны с изменениями закодированной в языке концептуализации мира» [19, с. 93].

Языковая картина мира (ЯКМ) как способ мировосприятия, как «совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка», представляет собой единую систему взглядов и предписаний, которая навязывается всем носителям языка» [19, с. 89]. Она может различаться у разных носителей языка, у разных социальных групп. Кроме того, ЯКМ исторически изменчива. Так, в частности, исследуя словарь НСЗ-90, мы можем выделить те векторы, которые окажутся ключевыми при характеристике ЯКМ исследуемого периода. Актуальными на рубеже XX–XXI вв. оказываются слова, относящиеся к разнообразным тематическим группам, в том числе значительна группа слов, которые называют реалии жизни деклассированных элементов общества и криминальных структур (*автороришка*, *автомафия*, *бомж-отель*, *гонничество*, *дозняк*). Среди других тематических групп, активно пополняющихся в наше время, необходимо отметить область компьютерных технологий, бизнеса, предпринимательства, финансовой и экономической деятельности (*банкирчик*, *бизнес-информа-*

ция, бренд, валютоемкость, дилерство и др.); немало слов, относящихся к сфере политики (*внефракционный, внутрикремлевский, внутрипарламентский, демальянс, демвожди* и др.). Как отмечает В.Д. Черняк, обращение к неологическим и динамическим словарям «позволяет увидеть изменения в русской языковой картине мира в определенный хронологический период» [18, с. 171].

Любой словарь национального языка – это своеобразный путеводитель, в котором, как в зеркале, отражается материальная и духовная культура народа. Конечно, любой словарь, а словарей новой лексики это касается прежде всего, не застрахован от разного рода неточностей, отсутствия дискуссионных решений, нарушений в лексикографической последовательности подачи материала [12, с. 307]. Тем не менее описание в подобных словарях «десятков тысяч неологизмов позволяет выделить главные тенденции в развитии языка того или иного периода, указать на актуальные форманты, модели и способы образования слов, изменения в семантике, синтагматике, стилистике и т. п., проследить развитие гнезд и серий слов, выделить их тематические группы» [1, с. 284].

Список литературы

1. Алаторцева С.И. Проблемы неологии и русская неография: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1998.
2. Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К.С. Горбачевич. Институт лингвистических исследований РАН. М.-СПб., 2004. Т. 1. 662 с.
3. Буцева Т.Н. Итоги развития и современное состояние неологического направления русской академической лексикографии // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Материалы Междунар. конф. СПб., 2006. С. 7–14.
4. Буцева Т.Н. О названии словарей новых слов русского языка в аспекте эволюции их содержания // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 6. Ч. 2. С. 85–89.
5. Денисенко Ю.Ф. Типы неологических словарей ИЛИ РАН и формирование их системности // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления): Материалы Междунар. конф. СПб., 2006. С. 39–46.
6. Котелова Н.З. Введение // Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов). СПб, 1995.
7. Котелова Н.З. Предисловие к первому выпуску из серии «Новое в русской лексике» // Новое в русской лексике. Словарные материалы-82 / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1986. С. 4–9.
8. Левашов Е.А., Буцева Т.Н. Введение // Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: В 2 т. / Отв. ред. Т.Н. Буцева. Ин-т лингв. исслед РАН. СПб., 2009. Т. 1. С. 3–5.

9. Лексикография русского языка: учебник для высш. учеб. заведений Российской Федерации / Под ред. Д.М. Поцепни. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. 672 с.

10. Маринова Е.В. Теоретические основы неологии и их освещение в современной научной литературе // Научное наследие Б.Н. Головина и актуальные проблемы современной лингвистики: Сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 90-летию профессора Б.Н. Головина. Н. Новгород, 2006. С. 249–251.

11. Маринова Е.В. Так говорили в 90-е ... Размышления над страницами нового словаря // Русская речь. 2011. № 5. С. 118–125.

12. Рацибурская Л.В., Шелов С.Д. Мониторинг русского слова: продолжение традиции // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2. С. 305–309.

13. Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гуцунава Д.В. Неология и неография современного русского языка. М.: Флинта, 2005. 168 с.

14. Поцепня Д.М. Изменения в словарном составе языка и новые лексикографические идеи // Современные языковые процессы: Межвуз. сб. / Отв. ред. П.А. Дмитриев, Г.А. Лилич, Д.М. Поцепня. СПб. 2003. С. 76–88.

15. Складаревская Г.Н. Введение // Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб.: Фолио-Пресс, 1998.

16. Складаревская Г.Н. Слово в меняющемся мире: русский язык начала XXI столетия: состояние, проблемы, перспективы [Электронный ресурс] // Исследования по славянским языкам. № 6. Сеул, 2001. С. 177–202. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics2/sklyarevskaya-01.htm> (дата обращения: 10.09.2013).

17. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складаревской. М.: Эксмо, 2008. 1136 с.

18. Черняк В.Д. Фрагменты русской языковой картины мира в зеркале неологических словарей // Русская академическая неография (к 40-летию научного направления). СПб., 2006. С. 171–173.

19. Шмелев А.Д. Эволюция русской языковой картины мира в аспекте культуры речи // Вопросы культуры речи / Отв. ред. А.Д. Шмелев. М., 2011. С. 82–94.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Русский язык в начале III тысячелетия продолжает переживать бурный рост инновационных явлений, берущий начало в последних десятилетиях XX века. Непросто оценить этот феномен, находясь в самой гуще активных процессов, затрагивающих все уровни языковой системы и ее дискурсивной реализации. Предпринятое исследование русского языка новейшего периода, разумеется, не может претендовать на окончательную полноту в описании разноплановых и порою противоречивых процессов в лексике, словообразовании, грамматике языка, дать исчерпывающую картину функционирования разнообразных дискурсивных практик в условиях новых коммуникативных потребностей. Однако проведенный анализ, как нам кажется, все же позволил выявить ряд примечательных закономерностей и значимых тенденций в жизни национального языка последних десятилетий.

Так, было показано, что традиционный взгляд на русский язык конца XX – начала XXI века как на «жертву» нескончаемого вала неоправданных заимствований, окончательно подпавшую под гнет чужеродных ментальных, социокультурных и поведенческих моделей, грешит, по меньшей мере, односторонностью. Такой взгляд не учитывает встречных тенденций постоянного возобновления национально-обусловленных моделей языковой концептуализации мира в лексической и особенно в грамматической сфере. В частности, удалось показать расширяющуюся активность таких традиционно русских способов языкового представления ситуации, как образное и конкретно-чувственное осмысление идей существования, движения, нахождения где-либо в русской глагольной лексике, как безличные, пассивные и возвратные конструкции или специфически русские негационные синтаксические модели, не содержащие реального отрицания, в русской грамматике и пр., в которых отражены наиболее фундаментальные способы познания и оценивания действительности и наиболее типичные модели поведения в мире русского слова.

Анализ значительного языкового материала в области лексических заимствований в «живой» русской речи также продемонстрировал любопытные тенденции в апроприации массива иноязычной лексики лексико-семантической системой русского языка. Выяснилось, что общее направление адаптационных процессов в русском языке новейшего периода проявляется в конкуренции иноязычных слов с лексическими единицами заимствующего языка, в их стремлении органично влиться в систему и стать «своими». Ведущим принципом адаптации иноязычного слова становится принцип, или закон, аналогии. Этот принцип проявляется в том, что новая лексическая единица, взятая из чужого языка, приобретает какие-то стороны и признаки своей структуры на основе подобия с тем, что есть в другом факте (или в других фактах). По аналогии выстраиваются системы склонения и спряжения, передвигается ударение. Аналогия в процессе семантического освоения иноязычного слова заметна в таких процессах, как метафоризация и фразеологическая деривация, когда оказываются востребованными имеющиеся в языке «порождающие» модели, в процессах оформления рода несклоняемых неодушевлённых имён существительных и пр. В целом можно утверждать, что русский язык, закономерно и неотвратно делая изначально «чужое» слово «своим», нисколько не утрачивает своей самобытности, но, напротив, развивает и обогащает свой семантический и экспрессивный потенциал.

Исследование активных процессов в области словообразования показало, что современное русское словообразование, возможно, находится в эпицентре инновационных тенденций в русской речи новейшего периода. Богатство и разнообразие словообразовательных моделей, активно включающих в область своего функционирования иноязычный «строительный материал» для слов и использующих поистине бездонный арсенал всевозможных способов окказионального словотворчества, дают значительный импульс для языкового обновления и расширения экспрессивных возможностей словообразовательной системы русского языка последних лет. Закономерно избранная для анализа область медийного словотворчества выступает своего рода «творческой лабораторией», где апробируются самые разнообразные пути создания яркого, образного и семантически емкого русского слова, где являет себя во всей красе неиссякаемый креативный потенциал русского языка. Кроме того, по данным современного русского словообразования можно получить максимально широкую и крайне пеструю картину современного российского общества: новообразования в современных российских

СМИ, демонстрирующие продуктивность тех или иных словообразовательных способов, моделей и деривационных средств, отражают политические и социально-экономические изменения в России начала XXI века, в частности расслоение населения в материальном и социальном плане, развитие рыночных отношений, изменение ценностных ориентаций, расширение сферы бизнеса, информатики, массовой культуры и т. д.

В ряду инновационных тенденций в морфологической сфере в центре исследовательского внимания закономерно находилась такая неоднозначная и динамично развивающаяся область русской грамматики, как числительные. Анализ варьирования форм русских количественных и собирательных числительных (типа *три/трое*) выявил любопытные особенности их речевого варьирования в дискурсах разного типа. В частности, было показано, что при всем нормативном разном в реализации указанных форм в речи носители современного русского языка все же ощущают различия между количественными и собирательными числительными, что обусловлено сохраняющейся и в наши дни релевантностью семантического фактора выбора единицы, в частности – указанием на совместное/несовместное действие, на сходство/несходство лиц в социально-психологическом отношении; с характеристикой явлений через количество лиц, имеющих к ним отношение; с нивелированием/актуализацией идеи пола и т. д. Действие семантического фактора (который в целом является достаточно сильным) чаще всего ограничивается действием стилистического, фонетического и собственно нормативного факторов, а также фактора речевой аналогии. В целом в современной русской речи отмечено преобладание количественных числительных, что справедливо связывается с их способностью выражать большее количество смысловых оттенков в сравнении с числительными собирательными. Видимо, во многом именно поэтому отмечается их преобладание в современной русской речи.

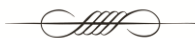
Изучение семиотических свойств современных моделей текстопорождения было осуществлено на материале научных и научно-технических текстов, но обнаруженные закономерности обладают значительной научной валидностью и для дискурсов других типов, например художественного. Было показано, что современный текст в эру информационных технологий носит гипертрофированно именной характер, а его смысл структурируется определенным набором рекуррентных лексических единиц, которые следует рассматривать как результат интерпретации, моделирующей интеллектуальную деятельность по осмыслению текста. Результаты анализа подтверждают тезис Ю.М. Лотмана о том, что текст обнаруживает

черты интеллектуального устройства. Моделью современного текста является, например, страница из Интернета, для обращения к которой нужно знать «код доступа» и использование которой сводится к выбору её элементов. При этом фактически осуществляется диалог с текстом. Таким образом, современный текст играет активную роль по отношению к своей аудитории – формирует эту аудиторию и её представления, взгляды, идеи и другие информационные составляющие. Взаимодействие между текстом и его создателем и/или интерпретатором может быть объектом исследования для лингвиста, и методики такого исследования могут быть связаны с повторами текстовых элементов и другими активными процессами.

Исследование особенностей лексикографической фиксации новых слов также дало ряд интересных и примечательных результатов. Лексикографическая рефлексия общества над своим языком, в эпицентре которой находится неография – социально востребованная кодификация новых слов, играет существенную роль в определении главных тенденций в развитии русского языка новейшего периода: ведь неологизмы должны рассматриваться не только как языковое явление, но и как явление культуры. Важно, что актуальными на рубеже XX–XXI вв. оказываются слова тематических групп компьютерных технологий, бизнеса, предпринимательства, финансовой и экономической деятельности, политики, а также слова, которые называют реалии жизни деклассированных элементов общества и криминальных структур. Не менее значим и вывод, что, описывая особенности вхождения новых слов в лексический фонд современного русского языка, мы можем получить представление об изменениях закодированной в языке концептуализации мира, изменениях в русской языковой картине мира в новейший период.

В целом проведенное исследование показало, что новые явления, возникающие в русском языке новейшего периода, вовсе не ведут к деструкции языковой системы, но, напротив, выступают как свидетельство ее креативного и адаптивного потенциала. При этом существуют определенные коммуникативные условия, которые как бы способствуют «включению» инновационных процессов в речевой практике: это или особый режим использования языка, например, эстетический или «игровой», или особая коммуникативная среда (например, интернет-коммуникация), или даже особая социокультурная страта использования языка (например, реклама, СМИ, политический дискурс). Все указанные факторы могут способствовать как существенному количественному скачку инноваций, так и повышению их качественного разнообразия.

Проанализированный языковой и текстовый материал свидетельствует, вопреки установившемуся расхожему мнению, о том, что русский язык вовсе не собирается «умирать», «захлебнувшись» в потоке неоправданных заимствований, в ситуации так называемого кризиса нормативности, а также неграмотности и языковой некомпетентности своих носителей. Надо отметить, что «энергия языка» ведет за собой тех, кто на нем говорит, а они, в свою очередь, также пытаются расширить его креативные и адаптивные возможности.

АВТОРЫ

Виноградов Сергей Николаевич – доц., д.филол.н., доц. каф. современного русского языка и общего языкознания филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: sovrusyaz_nngu@mail.ru

Жданова Елена Александровна – асс. каф. современного русского языка и общего языкознания филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: sovrusyaz_nngu@mail.ru

Маринова Елена Вячеславовна – доц., д.филол.н., проф. каф. современного русского языка и общего языкознания филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: sovrusyaz_nngu@mail.ru

Радбиль Тимур Беньюминович – проф., д.филол.н., проф. каф. современного русского языка и общего языкознания филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: sovrusyaz_nngu@mail.ru

Рацибурская Лариса Викторовна – проф., д.филол.н., зав. каф. современного русского языка и общего языкознания филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: sovrusyaz_nngu@mail.ru

Самыличева Надежда Александровна – к.филол.н., ст. преп. каф. современного русского языка и общего языкознания филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: sovrusyaz_nngu@mail.ru

Шумилова Анна Владимировна – к.филол.н., вед. специалист управления претензионной работы Центра сопровождения клиентских операций «Волга-Сити» ОАО «Сбербанк России»; e-mail: sovrusyaz_nngu@mail.ru

Щеникова Елена Викторовна – к.филол.н., доц. каф. современного русского языка и общего языкознания филологического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского; e-mail: sovrusyaz_nngu@mail.ru

Тимур Беньюминович Радбиль
Елена Вячеславовна Маринова
Лариса Викторовна Рацибурская
Надежда Александровна Самыличева
Анна Владимировна Шумилова
Елена Викторовна Щеникова
Сергей Николаевич Виноградов
Елена Александровна Жданова

**РУССКИЙ ЯЗЫК НАЧАЛА XXI века:
ЛЕКСИКА, СЛОВООБРАЗОВАНИЕ,
ГРАММАТИКА, ТЕКСТ**

Коллективная монография

Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная. Печать цифровая.

Гарнитура «Times New Roman», «Peterburg».

Усл. п. л. 19. Уч.-изд. л. 22,3. Заказ № 184. Тираж 500 экз.

Издательство Нижегородского государственного
университета им. Н.И. Лобачевского
603950, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

Отпечатано в типографии Нижегородского государственного универси-
тета им. Н.И. Лобачевского
603000, г. Нижний Новгород, ул. Б. Покровская, 37
Тел. (831) 433-83-25